

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

ISSN 2409-1030

Том 9, № 3 (2022)

Выходит 4 раза в год

Ставрополь
2022

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

HUMANITIES AND LAW RESEARCH

Scientific bulletin

ISSN 2409-1030

Volume 9, No. 3 (2022)

Published four times a year

Stavropol
2022

Журнал «Гуманитарные и юридические исследования» – рецензируемый научный журнал открытого доступа, публикующий работы, изучающие различные проявления многообразия восточной и западной цивилизаций.

Миссия журнала «Гуманитарные и юридические исследования» – способствование развитию исследований, посвященных цивилизациям Запада и Востока, специфике их взаимоотношений; публикация оригинальных статей, обзоров по истории цивилизаций, филологии и юриспруденции России и зарубежных государств, рецензий монографий, сборников статей, материалов международных и всероссийских конференций. Важное место в деятельности журнала отводится расширению международного сотрудничества с научным сообществом государств дальнего и ближнего зарубежья в рамках актуальных проблем истории цивилизаций Востока и Запада, филологии и юриспруденции России и зарубежных стран.

Цель журнала заключается в выявлении и публикации научных исследований высокого уровня по истории цивилизаций Востока и Запада, филологии России и зарубежных стран, опирающихся на современные теоретико-методологические подходы, максимально широкий круг источников и соблюдающих этику издания научных публикаций. Значительное внимание в редакционной политике уделяется анализу сложных и дискуссионных тем истории, филологии, юриспруденции России и зарубежных государств, цивилизационного взаимодействия и межкультурного диалога, специфики развития различных цивилизаций и их культурных кодов, интеллектуального наследия западных и восточных цивилизаций.

Редакционная коллегия поддерживает междисциплинарные исследования и академическую полемику, рассматривая его как основу для представления различных точек зрения научных школ, мировоззренческих концепций, методологических подходов в современной гуманитаристике.

В журнале «Гуманитарные и юридические исследования» публикуются научные работы по истории цивилизаций Востока и Запада, филологии и юриспруденции России и зарубежных государств. Журнал вводит в научный оборот архивные и другого рода документы; публикует информация о новых изданиях, научных конгрессах, конференциях, семинарах, юбилеях известных российских и зарубежных ученых.

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.

Разделы журнала:

Исторические науки (всеобщая история, отечественная история, источниковедение); юридические науки (теория и история права и государства; история учений о праве и государстве; конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право; гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право; финансовое право; налоговое право; бюджетное право; земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право, уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право; административное право; административный процесс); филологические науки (теория языка).

ISSN 2409-1030

Научный журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-59452 от 22 сентября 2014 г.

Выходит 4 раз в год

Дата выхода первого номера: 16.05.2014.

Сведения о переименовании: журнал «Юридические исследования» (свидетельство ПИ № ФС7751091 от 4 сентября 2012 года) в 2014 году был переименован и ныне выходит под названием «Гуманитарные и юридические исследования»

Тираж 500 экз.

Свободная цена

Индекс 94078 «Объединенный каталог. ПРЕССА РОССИИ. Газеты и журналы»

Входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Адрес редакции и издателя: 355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1. Телефон: (8652) 75-28-64.

E-mail: gujournal@ncfu.ru; сайт: <https://humanitieslaw.elpub.ru/jour>

Адрес издательско-полиграфического комплекса ФГАОУ ВО «СКФУ»:

355029, г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 2.

© ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», 2022

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

Учредитель

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Кавказский федеральный университет»

Главный редактор

Крючков И. В. – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия)

Заместитель главного редактора

Смирнов Д. А. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного и финансового права, директор юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия)

Ответственный секретарь

Амбарцумян К. Р. – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия)

Редакционный совет

Исмаил Тогрул – д-р ист. наук, д-р экон. наук, профессор факультета международных отношений Университета Экономики и Технологий Торговых Палат и Бирж Турции (г. Анкара, Турция);

Мамонов В. В. – д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой государственного права Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина (г. Пушкин, Россия);

Мелконян А. А. – д-р ист. наук, академик НАН Республики Армения, директор Института истории НАН Армении (г. Ереван, Армения);

Мюллер В. – д-р ист. наук, профессор, профессор института восточно-европейской истории Венского университета (г. Вена, Австрия);

Репина Л. П. – д-р ист. наук, член-корреспондент РАН, заместитель директора Института всеобщей истории РАН (г. Москва, Россия);

Саваи Ф. – д-р ист. наук, профессор, профессор Капошварского университета (г. Капошвар, Венгрия);

Фролов Д. Д. – д-р социально-политических наук, научный сотрудник Национального Архива Финляндии (г. Хельсинки, Финляндия).

Редакционная коллегия

Апрыщенко В. Ю. – д-р ист. наук, профессор, директор института истории и международных отношений Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия);

Анисимов А. П. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы (г. Волгоград, Россия);

Артамонова Е. А. – д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса, Северо-Кавказский федеральный университет, профессор (г. Ставрополь, Россия);

Бакаева О. Ю. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов, Россия);

Беликов А. П. – д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Борисова Т. Г. – д-р. филол. наук, доцент, заведующая кафедрой родных языков и лингводидактики Ставропольского государственного педагогического института (г. Ставрополь, Россия);

Бредихин С. Н. – д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры теории и практики перевода Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Булыгина Т. А. – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории России Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Гладышев А. В. – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории нового и новейшего времени Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (г. Саратов, Россия);

Грязнова В. М. – д-р. филол. наук, профессор, профессор кафедры русского языка Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Гусаренко С. В. – д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры русского языка как иностранного Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Демченко Т. И. – д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Дроздова А. М. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры правовой культуры и защиты прав человека Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

- Ежова Е. Н.** – д-р. филол. наук, профессор, заведующая кафедрой рекламы и связей с общественностью Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
- Каменский М. В.** – д-р филол. наук, доцент, доцент кафедры романо-германской филологии и лингводидактики Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
- Каширина Т. В.** – д-р. ист. наук, профессор, заведующая кафедрой международных отношений и внешней политики России Московского государственного лингвистического университета (г. Москва, Россия);
- Клюковская И. Н.** – д-р юрид. наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории государства и права Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
- Клычников Ю. Ю.** – д-р. ист. наук, профессор, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета (Пятигорск, Россия);
- Колесникова М. Е.** – д-р ист. наук, профессор, заведующая кафедрой истории России, директор гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
- Краснова И. А.** – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
- Кузьминов П. А.** – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории России Кабардино-Балкарского Государственного Университета им. Х.М. Бербекова (г. Нальчик, Россия);
- Ласкова М. В.** – д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой перевода и информационных технологий в лингвистике Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия);
- Мехди Хоссейни Тагиабад** – профессор, директор Института Кавказских исследований Тегеранского университета (г. Тегеран, Иран);
- Мирошниченко Н. В.** – д-р юрид. наук, профессор, заведующая кафедрой государственного и муниципального управления и права Ставропольского государственного аграрного университета (г. Ставрополь, Россия);
- Мухачёв И. В.** – д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
- Навасардова Э. С.** – д-р юрид. наук, профессор, заведующая кафедрой экологического, земельного и трудового права Юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
- Позднышов А. Н.** – д-р юрид. наук, профессор, декан юридического факультета Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) (г. Ростов-на-Дону, Россия);
- Попов В. В.** – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов, Россия);
- Радбиль Т. Б.** – д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Национального исследовательского Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород, Россия);
- Рыженков А. Я.** – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры гражданского и международного частного права Волгоградского государственного университета (г. Волгоград, Россия);
- Савина В. С.** – д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова (г. Москва, Россия);
- Серебрякова С. В.** – д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой теории и практики перевода Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
- Цихорацкий П.** – доктор исторических наук, профессор, профессор Вроцлавского университета (г. Вроцлав, Польша);
- Чаннов С. Е.** – д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой служебного и трудового права Поволжского института управления имени П. А. Столыпина-филиал РАНХиГС (г. Саратов, Россия);
- Чичман Л.** – д-р полит. наук, профессор института международных, политических и региональных исследований Будапештского университета Корвина (г. Будапешт, Венгрия);
- Шварц И.** – д-р филос. наук, профессор Венского университета (г. Вена, Австрия);
- Шебзухова Т. А.** – д-р ист. наук, профессор, директор института сервиса, туризма и дизайна Северо-Кавказского федерального университета (г. Пятигорск, Россия);
- Щербакова Л. М.** – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
- Шибкова О. С.** – д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков для гуманитарных и естественнонаучных специальностей Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
- Ширяева Т. А.** – д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой английского языка и профессиональной коммуникации Пятигорского государственного университета (г. Пятигорск, Россия).

Переводчик-редактор

- Марченко Т. В.** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия).

«Humanities and law research» journal

«Humanities and law research» journal is a peer-reviewed open access academic journal that publishes papers analyzing various manifestations of the diversity of Eastern and Western civilizations.

The mission of «Humanities and law research» journal is to contribute to the development of research on the civilizations of the West and the East, the specifics of their relationships; publication of original articles, reviews on the history of civilizations, philology and jurisprudence of Russia and foreign countries, reviews of monographs, collections of articles, works of international and All-Russia conferences. An important area in the journal's activities is the development of international cooperation with the scientific communities in foreign countries in the framework of topical issues of the history of civilizations of the East and the West, philology and jurisprudence of Russia and foreign countries.

The purpose of the journal is to identify and publish top-level research works on the history of civilizations of the East and West, philology of Russia and foreign countries which are based on modern theoretical and methodological approaches as well as a wide range of sources and follow the academic publication ethics.

Considerable attention in the editorial policy is paid to the analysis of complex and controversial topics of history, philology, jurisprudence of Russia and foreign countries, civilizational interaction and intercultural dialogue, the specifics of the development of various civilizations and their cultural codes, the intellectual heritage of Western and Eastern civilizations. The Editorial Board supports interdisciplinary research and academic discussions, considering it as a basis for presenting various points of view of scientific schools, concepts, methodological approaches in modern humanities.

«Humanities and law research» journal publishes academic papers on the history of civilizations of the East and West, philology and jurisprudence of Russia and foreign countries. The journal introduces archival and other documents into academic circulation; provides information about new publications, scientific congresses, conferences, seminars, jubilees of prominent Russian and foreign scholars.

The journal publishes papers in Russian and English.

Sections of the journal:

Historical sciences (World History, National History, Source Studies); Legal sciences (theory and history of law and the state; constitutional law; constitutional litigation; municipal law; civil law; business law; family law; international law; financial law; tax law; budget law; land law; natural resource law; environmental law; agrarian law, criminal law and criminology; penal law; administrative law; administrative process); Philological sciences (theory of language).

The scientific journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, And Mass Media (Roskomnadzor).

Certificate of mass medium registration PI № FS 77-59452 of September 22, 2014.

ISSN 2409-1030

Published four times a year

Release date of the first issue: 05.16.2014.

Information about the renaming: the journal «Legal Research» (certificate PI No. FS77-51091 dated September 4, 2012) was renamed in 2014 and is now published under the name «Humanitarian and Law Research»

Circulation: 500 copies

Free price

Postal code 94078 «Unified catalog. PRESS OF RUSSIA. Newspapers and magazines».

The journal is on the List of leading peer-reviewed scientific journals recommended for candidate and doctoral thesis publications.

The address of the editorial office: 1, Pushkin Street, Stavropol 355017.

Telephone: +7 (8652) 75-28-64

E-mail: gujournal@ncfu.ru; website: <https://humanitieslaw.elpub.ru/jour>

The address of the publishing and printing complex of the North Caucasus Federal University:

2, Kulakov Street, Stavropol 355029.

HUMANITIES AND LAW RESEARCH

Scientific bulletin

Founder

Federal State Autonomous Educational Institution
for Higher Education "North-Caucasus Federal University"

Editor-in-Chief

Igor V. Kryuchkov – Doctor of History, Professor, Head of Foreign History, Political Science and International Relations Department, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

Vice Editor-in-Chief

Dmitrii A. Smirnov – Doctor of Law, Professor, Director of the Law Institute, Head of Administrative and Financial Law Department, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

Executive editor

Karine R. Ambartsumyan – PhD in History, Associate Professor, Associate Professor, Foreign History, Political Science and International Relations Department, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

Editorial Council

Togrul Ismail – Doctor of History, Doctor of Economics, Professor, Associate Professor, University of Economics and technology chamber of Commerce and stock exchanges of Turkey (Ankara, Turkey);

Vadim V. Mamonov – Doctor of Law, Professor, Head of State Law Department, Pushkin Leningrad State University (Pushkin, Russia);

Ashot A. Melkonyan – Doctor of History, academician of National Academy of Sciences of Armenia, Director of Institute of History, National Academy of Sciences of the Republic of Armenia (Erevan, Armenia);

Wolfgang Müller – Doctor of History, Professor, East European History Department, University of Vienna (Vienna, Austria);

Lorina P. Repina – Doctor of History, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);

Ferenc Szávai – Doctor of History, Professor, Professor of the Kaposvar University (Kaposvar, Hungary);

Dmitrii D. Frolov – Doctor of Social and political Sciences, scientific officer of the National Archives of Finland (Helsinki, Finland).

Editorial Board

Viktor Yu. Apryschenko – Doctor of History, Professor, Director of the Institute of History and International Relations, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia);

Alexey P. Anisimov – Doctor of Law, Professor, Professor of Constitutional and Administrative Law Department, Russian Academy of National Economy and Public Service (Volgograd branch, Russia);

Elena A. Artamonova – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Criminal Law and Procedure Department, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Olga Yu. Bakaeva – Doctor of Law, Professor, Professor of Financial, Banking and Customs Law Department, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia);

Alexandr P. Belikov – Doctor of History, Associate Professor, Professor of Foreign History, Political Science and International Relations Department, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Tatiana G. Borisova – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Native Languages and Linguodidactics Department Stavropol State Pedagogical Institute (Stavropol, Russia);

Sergey N. Bredikhin – Doctor of Philology, Professor, Professor of Theory and Practice of Translation and Interpreting Department, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Tamara A. Bulygina – Doctor of History, Professor, Professor of History of Russia Department, Humanities Institute, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Andrey V. Gladyshev – Doctor of History, Professor, Professor of Modern and Contemporary History Department, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russia);

Violetta M. Gryaznova – Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian Language Department, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Sergey V. Gusarenko – Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian as a Foreign Language Department, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Tamila I. Demchenko – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Theory, State and Legal History Department, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

- Alexandra M. Drozdova** – Doctor of Law, Professor, Professor of Legal Culture and Protection of Human Rights Department, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
- Elena N. Ezhova** – Doctor of Philology, Professor, Head of Advertising and Public Relations Department, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
- Mikhail V. Kamenskii** – Doctor of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Romano-Germanic Philology and Linguodidactics, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
- Tatiana V. Kashirina** – Doctor of History, Professor, Head of International Relations and Foreign Policy of Russia Department, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia);
- Irina N. Klyukovskaya** – Doctor of Law, Professor, Head of Theory, State and Legal History Department, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
- Yurii Yu. Klychnikov** – Doctor of History, Professor, Professor of Historical and Socio-Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology Department, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russia);
- Marina E. Kolesnikova** – Doctor of History, Professor, Head of Russian History Department, Director of the Humanitarian Institute, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
- Irina A. Krasnova** – Doctor of History, Professor, Professor of Foreign History, Political Science and International Relations Department, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
- Petr A. Kuzminov** – Doctor of History, Professor, Professor of Russian History Department, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov (Nalchik, Russia);
- Marina V. Laskova** – Doctor of Philology, Professor, Head of Translation and Information Technology in Linguistics Department, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia);
- Nadezhda V. Miroshnichenko** – Doctor of Law, Professor, Head of Chair of State and Municipal management of Stavropol State Agricultural University (Stavropol, Russia);
- Igor V. Mukhachev** – Doctor of Law, Professor, Head of Constitutional and International Law Department, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
- Mehdi Hosseini** – Professor, Head of Caucasus Studies Institute, Tehran University, (Tehran, Iran);
- Eleonora S. Navasardova** – Doctor of Law, Professor, Head of Environmental Law, Land and Law of Employment Department, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
- Alexey N. Pozdnyshov** – Doctor of Law, Professor, Head of Faculty of Law, Rostov State Economic University (RINKH) (Rostov-on-Don, Russia);
- Vasilii V. Popov** – Doctor of Law, Professor, Professor of Financial, Banking and Customs Law Department, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia);
- Timur B. Rudbil** – Doctor of Philology, Professor, Head of theoretical and applied linguistics Department, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia);
- Anatolii Ya Ryzhenkov** – Doctor of Law, Professor, Professor of Civil and International Private Law, Volgograd State University (Volgograd, Russia);
- Victoriya S. Savina** – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Civil Law Disciplines Department, Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russia);
- Svetlana V. Serebriakova** – Doctor of Philology, Professor, Head of Theory and Practice of Translation and Interpreting Department, North Caucasus Federal University (Saratov, Russia);
- Piotr Cichoracki** – Doctor of History, Professor of Wrocław University (Wrocław, Poland);
- Sergey E. Channov** – Doctor of Law, Professor, Head of Service and Labor Law Department, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin (Saratov, Russia);
- László Csicsmann** – Doctor of Political Sciences, Professor of International, Political and Regional Studies Institute, Budapest University «Corvinus» (Budapest, Hungary);
- Iskra Schwarcz** – Doctor of History, Professor, Professor of Vienna University (Vienna, Austria);
- Tatiana A. Shebzuхова** – Doctor of History, Professor, Director of Service, Tourism and Design Institute (branch of the «North-Caucasus Federal University» Pyatigorsk, Russia);
- Ludmila M. Shcherbakova** – Doctor of Law, Professor; Professor of Criminal Law and Procedure Department, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
- Oksana S. Shibkova** – Doctor of Philology, Professor, Head of Foreign Languages for Humanities and Natural Sciences Department, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
- Tatiana A. Shiryaeva** – Doctor of Philology, Professor, Head of English Language and Professional Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russia).

Translator-editor

- Tatiana V. Marchenko** – PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of Theory and Practice of Translation and Interpreting Department, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Баранов А. В. Аятолла Хомейни и радикализация шиитских улемов в антишахском движении в Иране...	367
Дударев С. Л. Об отражении событий средневековой истории Франции в произведениях европейской живописи XIX в. (в русле проблемы Запад-Восток).....	374
Каширина Т. В., Епифанова Т. В. Проблема «координирующего государства» в миротворческой деятельности ОДКБ.....	384
Колесникова М. Е., Невская Т. А. Изучение истории казачества на Ставрополье: состояние и перспективы	389
Лазарян С. С., Маслова О. Б. Кавказское пограничье как потаённое пространство в реалиях России XIX века	404
Матвеев О. В. Эпоха Екатерины Великой в народных исторических представлениях русских и белорусов: общее и особенное	411
Махота М. Ю. Социально-экономические факторы развития градостроительства в ставропольской губернии в эпоху капиталистической модернизации.	423
Политова А. В. Благотворительность в становлении и развитии системы образования в Терской области (1861–1917 гг.)	430
Скорик А. П. Раскалывание: категориально-понятийный и персонифицированный исторический дискурс.....	437
Телепень С. В. Провинциальные наместники в системе военного командования ранней Римской империи.....	448
Туфанов Е. В. К проблеме коренизации и украинизации органов государственной власти в 1920–1930-е гг. (на материалах Северного Кавказа).....	455
Немашкалов П. Г., Шебзухова Т. А. История Черноморской Марие-Магдалинской Черноморской пустыни в деятельности настоятелей.....	462

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Кирпа А. С., Мельникова В. А. Финансово-правовая политика России в области поддержки и развития инновационной деятельности.	472
Лебедева Я. И. Взаимодействие права Европейского Союза и конституционного права Венгрии.	479
Рукавишников С. М. Нормативно-правовое регулирование публичного управления в сфере подготовки научно-педагогических кадров.	491

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бредихин С. Н., Эркенова А. Н. Мифологизация как средство представления идеализированной бытийности в эпических текстах.....	498
Марченко Т. В. Культурный ресайклинг советского в интернет-мемах: лингвосемиотическая интерпретация.	505
Цанян И. С. Категориально-понятийная модель терминосферы предметной области «дополнительное образование».	519

CONTENTS

HISTORY

Baranov A. V. Ayatollah Khomeini and the radicalization of Shiite ulama in the anti-shah movement in Iran.	367
Dudarev S. L. On the reflection of the events of the medieval history of France in European paintings of the XIX century (in line with the West-East problem).	374
Kashirina T. V., Epiphanova T. V. The problem of the «coordinating state» in the peacekeeping activities of the CSTO.	384
Kolesnikova M. E., Nevskaya T. A. Studying the history of the Cossacks in the Stavropol territory: state and prospects.	389
Lazaryan S. S., Maslova O. B. Caucasian border as a hidden space in the realities of Russia of the XIX century.	404
Matveyev O. V. The era of Catherine the Great in folk historical representations of Russians and Belarusians: the general and the special.	411
Makhota M. Yu. Socio-economic factors of urban planning development in the Stavropol province in the epoch of capitalist modernization.	423
Politova A. V. Charity in the formation and development of the education system in the Terek region (1861–1917).	430
Skorik A. P. Decossackization: categorial-conceptual and personalized historical discourse.	437
Telepen S. V. Provincial governors in the military command system of the early Roman Empire.	448
Tufanov E. V. On the problem of the korenization and ukrainization of state authorities in the 1920s–1930s (based on the materials of the North Caucasus).	455
Nemashkalov P. G., Shebzuhova T. A. The history of the Black Sea Mary Magdalene Black Sea desert in the activities of the abbesses.	462

LEGAL SCIENCES

Kirpa A. S., Melnikova V. A. Financial and legal policy of Russia in the field of support and development of innovative activity.	472
Lebedeva Ya. I. Interaction of European Union law and Hungarian constitutional law.	479
Rukavishnikov S. M. Legal regulation of the public administration in scientific and teaching staff training.	491

PHILOLOGICAL SCIENCES

Bredikhin S. N., Erkenova A. N.-M. Mythologization as a mean of representation of idealized existence in epic texts.	498
Marchenko T. V. Cultural recycling of the Soviet in internet memes: semiotic linguistic interpretation.	505
Tsanyan I. S. Categorial and concept model of the terminosphere of the subject area «additional education».	519

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ / HISTORY

УДК 94(55) |19|:930+929 Хомейни

<http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.3.1>

А. В. Баранов

**АЯТОЛЛА ХОМЕЙНИ И РАДИКАЛИЗАЦИЯ ШИИТСКИХ УЛЕМОВ
В АНТИШАХСКОМ ДВИЖЕНИИ В ИРАНЕ**

В статье анализируется эволюция политических взглядов аятоллы Хомейни на предлагаемые шахскими властями реформы, ставшие известными как «Белая революция». Объявленные шахом реформы раскололи улемов и страну на сторонников и противников шахских инициатив.

На основе изучения источников, в первую очередь таких, как сборники трудов самого аятоллы Хомейни – «Каутар» и «Сахифийе имам», прослеживается динамика изменения подхода Хомейни к шахским инициативам, их критика, и радикализация под воздействием конфронтационной позиции властей Ирана, связанной с проведением референдума в январе 1963 г.

В статье делается попытка откорректировать устоявшийся подход в отечественной историографии о консерватизме шиитских улемов и взглядов Хомейни в таком дискуссионном вопросе как права женщин в Иране, на чем делается особый упор противников Хомейни. Однако, после анализа выступлений и заявлений аятоллы, в ходе его дискуссии с властями страны, Хомейни делает главный упор на незаконности и неконституционности шахских реформ.

Не достигнув компромисса с властями, которые прибегли к силовым мерам и преследованиям оппонентов, Хомейни, взывая к религиозной памяти шиитской традиции священного месяца мухаррама и культа имама Хоссейна ибн Али, призвал к восстанию и свержению шахской власти в Иране. Провал мирного протеста привел к радикализации оппозиции, что и вылилось в кровавые события 4–5 июня 1963 г. Последовавший арест, а затем и высылка аятоллы Хомейни в ноябре 1964 г. из страны сделали его убежденным противником монархии, лидером радикальных шиитских улемов и сторонником построения в Иране Исламской республики.

Ключевые слова: Иран, Хомейни, Мохаммад Реза Шах, Белая революция, ислам, улем, шиизм.

Для цитирования: Баранов А. В. Аятолла Хомейни и радикализация шиитских улемов в антишахском движении в Иране // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (3). С. 367–373. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.3.1

Alexey V. Baranov

**AYATOLLAH KHOMEINI AND THE RADICALIZATION
OF SHIITE ULAMA IN THE ANTI-SHAH MOVEMENT IN IRAN**

The article analyzes the evolution of Ayatollah Khomeini's political views on the reforms proposed by the Shah's authorities, which became known as the «White Revolution». The reforms announced by the Shah split Ulama and the country into supporters and opponents of the Shah's initiatives. Based on the study of sources, first of all, such as the collections of the works of Ayatollah Khomeini himself – «Kawthar» and «Sahifeh-ye Imam», the dynamics of Khomeini's approach to the Shah's initiatives, their criticism, and radicalization under the influence of the confrontational position of the Iranian authorities associated with the referendum in January 1963 are traced.

The article attempts to correct the well-established approach in Russian historiography about the conservatism of Shiite Ulama and Khomeini's views on such a controversial issue as women's rights in Iran, which is emphasized by Khomeini's opponents. However, after analyzing the Ayatollah's speeches and statements, during his discussion with the country's authorities, Khomeini focuses on the illegality and unconstitutionality of the Shah's reforms.

Having failed to reach a compromise with the authorities, who resorted to forceful measures and the persecution of opponents, Khomeini, appealing to the religious memory of the Shiite tradition of the holy month of Muharram and the cult of Imam Hossein ibn Ali, called for an uprising and the overthrow of the Shah's power in Iran. The failure of the peaceful protest led to the radicalization of the opposition, which resulted in the bloody events of June 4-5, 1963. The subsequent arrest, and then the expulsion of Ayatollah Khomeini in November 1964 from the country, made him a staunch opponent of the monarchy, the leader of radical Shiite ulama and a supporter of building in Iran of the Islamic Republic.

Key words: Iran, Khomeini, Mohammad Reza Shah, White Revolution, Islam, Ulama, Shiism

For citation: Baranov A. V. Ayatollah Khomeini and the radicalization of Shiite ulama in the anti-shah movement in Iran // Humanities and law research. 2022. V. 9 (3). P. 367–373. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.3.1

9 января 1963 г. шахиншах Мохаммад Реза Шах анонсировал свое решение вынести 26 января на всенародный референдум вопрос ратификации пакета реформ, получивших название «Белой революции» (энгеляб-е сефид). Пакет включал в себя шесть пунктов: 1) земельная реформа; 2) приватизация госпредприятий; 3) новый избирательный закон, включающий право голоса для женщин; 4) национализация лесов; 5) создание корпуса просвещения; 6) план по передаче рабочим акций промпредприятий [10, р. 145].

С точки зрения шаха, реализация реформ на практике должна была превратить Иран в европеизированную, современную, по меркам западного мира, страну, которая будет опираться на богатейшую культуру доисламского периода своей истории [15]. Естественно, что данный глобальный проект по перестройке общества по «западным стандартам», так как не стоит забывать о значительном влиянии на разработку реформ американских советников, не мог восприниматься однозначно. В связи с особым статусом и влиянием шиитских священнослужителей – улемов, в жизни общества, именно они стали главными оппонентами предлагавшихся преобразований. Фактически 1963 г. стал для Ирана символическим «Рубиконом», перейдя который шах запустил процесс формирования антишахского движения, возглавленного в итоге именно улемами и приведшего к свержению монархии в феврале 1979 г. в ходе Исламской революции.

В отечественной историографии, как советской [2], так и российской [1], устоялась трактовка улемов как реакционной и консервативной силы иранского общества, «которое заставило Иран повернуть вспять и жить по средневековым мусульманским канонам» [1, с. 9]. В западной историографии не столь однозначно оценивается роль улемов и аятоллы Хомейни, в частности, в антишахском движении. Эрванд Абрахамян пишет о популизме Хомейни [3, р. 1]. Никки Кедди рассматривает деятельность Хомейни и улемов как политических борцов против империализма и неокOLONIALИЗМА в шахской политике [10, р. 192]. Ванесса Мартин выделяет, прежде всего, религиозные взгляды аятоллы Хомейни, которые двигали им на политической арене антимонархической борьбы [13, р. XI].

Однако ознакомление с источниками, в первую очередь с трудами самого имама Хомейни, такими как «Каутар» [11] и «Сахифи-йе имам» [12], дают возможность откорректировать данную точку зрения, и взглянуть на него как на исламского правоведа – факиха.

Политический дебют аятоллы Рухоллы Хомейни состоялся в 1962 г., и он, как оказалось, был удачным, продемонстрировавший появление на политической арене Ирана жесткого и бескомпромиссного политического деятеля. «Триггером»

стало обнародование законопроекта для общественного обсуждения «Закона о выборах в провинциальные и районные советы» 8 октября 1962 г. В иранских медиа он был анонсирован под хлестким заголовком «Женщинам предоставлено право голоса» [11, р. 44], что, естественно, не могло пройти мимо шиитских улемов.

По инициативе аятоллы Хомейни, уже вечером, 8 октября, состоялась встреча ведущих аятолл города Кума, на которой присутствовали аятоллы Гольпаегани, Наджафи-Мараши, Шариамадари, Занджани, Дамад, Амоли и Хаири [11, р. 45]. В результате было принято решение о начале кампании протеста против законопроекта, что должно выражаться в отправке на имя шаха телеграмм, обращений и писем.

Следует обратить внимание, что приписываемая аятолле Хомейни крайне негативная позиция по предоставлению права голоса женщинам, на что в первую очередь обращалось внимание критиками, не вполне корректна. Если внимательно проанализировать данный вопрос, то согласно точке зрения Хомейни, предоставление данного права противоречит положениям конституции страны, о чем он и говорит в своем послании тогдашнему премьер-министру Асадолле Аламу, что статьи VII и IX «Закона о выборах в провинциальные и районные советы» противоречат статье II Дополнения к Конституции от 1907 г. Поэтому администрация Алама несет прямую ответственность, и должна предпринять «срочные меры для исправления этой ошибки, следуя установленным законам ислама и национальным законам, чтобы подобное не повторялось в будущем» [12, р. 75].

Аятолла Хомейни, консолидировав позицию ведущих улемов Кума, был уверен в полной поддержке законных требований к властям страны, которые предпринимают действия в нарушение существующего законодательства. Поэтому в своих обращениях к верующим, он призывает воздерживаться от массовых акций протеста, и тем более, от забастовок. Нет необходимости в таких акциях, народ и так в массовом порядке высказывает свое осуждение к действиям шаха и правительству [12, р. 77].

Правительство А. Алама, столкнувшись с массовым движением протеста, было вынуждено пойти на отзыв 29 ноября 1962 г. своего законопроекта по провинциальным выборам. Данный шаг, бесспорно рассматривался как победа протестного движения, во главе которого встал аятолла Хомейни. Но как оказалось, власти страны, отказавшись от принятия закона, которым предоставлялись право голоса женщинам и уравнивались права между представителями разных религий, вынесли данные вопросы на всенародный референдум 26 января 1963 г.

Фактически, объявив о намерении провести референдум, шах возвращал ситуацию в противостоянии с улемами в самое начало, заставляя

начинать все заново. Однако попытка аятоллы Хомейни вновь призвать ведущих улемов Кума к консолидированным действиям против референдума, не нашли поддержки. «Тройка» из аятолл ольозма Мохаммада Казема Шариатмадари, Шахаба ал-Дина Марашаи-Наджафи, Мохаммада Реза Гольпазгани не хотела идти на новое обострение с шахом и властями, высказываясь за проведение переговоров, в которых следовало постараться переубедить шаха во вреде предлагаемого им референдума. Именно на этой встрече, по словам Багера Моина, Хомейни заявил, что арест, тюрьма, пытки и мученическая смерть – это есть праведный путь шахида. А на замечание Шариатмадари, что если мы зайдем так далеко, то власти просто пришлют полицию за нами, аятолла Хомейни возразил: «Я муджтахид, и это мой религиозный долг» [14, р. 83].

В качестве компромиссного выхода, который можно было рассматривать как уступку со стороны Хомейни, было принято решение обратиться к шаху, чтобы тот прислал своего представителя для разъяснения позиции властей. Однако визит главного министра двора Бехбуди в Кум не прояснил и не развеял опасений улемов. Последовал «ответный» визит представителя уже улемов в Тегеран – аятоллы Рухоллы Камальванда и его встреча с шахом. Как такового обмена мнениями не произошло, шах обрушился на шиитских улемов, обвинив их в отсутствии поддержки и не понимании исторической важности предлагаемых им реформ. Шахиншах Мохаммад Реза Шах призвал шиитских улемов «учиться у суннитского духовенства тому, как любить короля, ибо действительно последние молятся за своего суверенного короля каждый раз, когда они завершают выполнение религиозного обряда» [11, р. 82].

После неудачи с улемами Кума, аятолла Хомейни 22 января 1963 г. обращается напрямую к верующим, разъясняя необходимость скорейших действий. Аятолла объясняет, что не так с этим референдумом. Во-первых, «референдумы не предусмотрены иранскими законами» [12, р. 134]. Во-вторых, ни в каком законе не прописано, кто имеет право инициировать данный процесс. В-третьих, власти не выделили достаточно времени для широкого обсуждения в обществе плюсов и минусов предлагаемых реформ. В-четвертых, власти не обеспечили информацией широкие народные массы о сущности предлагаемых реформ, за которые народ и должен голосовать. В-пятых, кампания по организации референдума и само голосование должно проводиться «в свободной атмосфере, без давления, принуждения, угроз или запугивания, а это невозможно в Иране» [12, р. 135], уверен аятолла. Поэтому проведение референдума не соответствует конституционным нормам, а также противоречит положениям ислама. «Религиозные власти считают,

что Коран и религия находятся в опасности» [12, р. 136], заявляет Хомейни, и добавляет, что референдум призван стать прелюдией к дальнейшим шагам по устранению влияния ислама из жизни Ирана, а сам референдум есть ни что иное, как обман со стороны властей.

Призыв аятоллы Хомейни встать на защиту ислама и выступить против нарушения конституции, привел к первым акциям стихийного протеста, которые прошли 23–24 января в ряде городов страны, в частности, в Тегеране и Куме. Помимо традиционного закрытия базаров, состоялись и демонстрации, которые в столице привели к аресту их организаторов – аятолл Ахмада Хон-сари и Мохаммада Мусави Бехбехани. Показательно, что параллельно исламистам, на улицы столицы вышли и сторонники светского Национального Фронта (НФ) под лозунгом «Реформам – Да! Диктатуре – Нет!», которые также привели к массовым арестам их участников [14, р. 86]. В Куме акции протеста закончились столкновениями на улицах между таллабами (студентами семинарий) и переодетыми полицейскими. Утихомирить толпу смогли только выведенные на улицы солдаты гарнизона.

Аятолла Хомейни в своем послании по поводу беспорядков в Куме, выступил с обращением, в котором заявил, что попытки улемов мирно разрешить расхождения с властями, привели к прямым запугиваниям и агрессии против мирных граждан. «Кучка хулиганов вместе с правительственными агентами» нападает на беззащитных жителей Кума, таллабов и улемов, «бесчестя, избивая и арестовывая». Все эти ужасы происходят на фоне готовящегося референдума, «что подразумевает свободное голосование и присутствие свободного электората» [12, р. 141]. Единственное преступление, по словам Хомейни, которое совершают мусульмане и улемы – это то, что «они защищают Священный Коран, достоинство ислама и независимость нации» [12, р. 140].

В связи с массовыми протестами в Куме, центре шиитского богословия, шах решил 24 января лично посетить город и встретиться с улемами. Однако, когда об этом стало известно аятолле Хомейни, он призвал своих сторонников бойкотировать шахский визит. В итоге встречать шаха в Кум приехали крестьяне из окрестных деревень и специально доставленные из Тегерана люди. В самом городе магазины и школы на центральной улице, по которой ехал шахский кортеж, были закрыты, государственная символика отсутствовала. Все это привело в бешенство шаха, который на площади у мавзолея Фатимы Масумэ разразился гневной речью, которую пришлось кардинально редактировать, чтобы опубликовать на следующий день в газетах. Шах буквально обрушился на мулл, назвав их «черными реакционерами», которые не желают понять, что мир изменился,

и что женщины уже не могут терпеть, чтобы к ним относились как к детям и идиотам. Его реформы вводят Иран в «эпоху реактивных самолетов», тогда как муллы хотят оставаться «во временах доисторического человека». Позже, принимая несколько улемов, шах обвинил всех мулл «в содомии и работе агентами британцев» [16, р. 136].

Шах не внял предложению Хомейни, не отправил в отставку Алама, и не отменил референдум, который, как и планировалось, прошел 26 января 1963 г. Согласно официальным обнародованным результатам, за реформы проголосовали 5,5 млн голосовавших из 6,1 млн имевших право голоса [6, р. 242]. Референдум бойкотировался НФ и муллами. Но все равно власти объявили, что 99 % голосовавших поддержали реформы [5, р. 79]. Несмотря на сомнения в чистоте голосования и заявленной явке [4, р. 32], администрация президента Д. Кеннеди незамедлительно отправила шаху поздравительную телеграмму, пожелав шаху и дальше вести народ «по пути прогресса и процветания».

В данных обстоятельствах Хомейни призвал к пассивному сопротивлению в месяц рамадан, начавшийся 28 января, в знак протеста против ареста десятка мулл и критики не исламских действий шаха. С приближением окончания священного месяца рамадан, 26 февраля он наконец выступил с обращением по поводу прошедшего референдума. Угрозы и аресты улемов не испугают и не отменяют решимость защищать и дальше ислам и независимость нации. «Вы действительно верите, что сможете заставить священнослужителей замолчать?» [12, р. 150], вопрошал аятолла Хомейни, обращаясь к властям.

В начале марта Хомейни, при поддержке других улемов Кума, составил декларацию на имя премьер-министра, в которой изложил аргументы антиконституционности действий властей, инициировавших проведение референдума по пакету реформ. По мнению аятоллы, выносимые на референдум реформы не соответствуют и прямо противоречат статьям Конституции. Например, там говорится о праве голоса только для «гражданина», что исключает трактовку термина в смысле «гражданин» [12, р. 144]. Принятие на референдуме реформы о предоставлении права голоса женщинам, аннулирует тем самым Конституцию страны. И развивая логику действия правительства, получается, что и данное правительство, созданное на основании норм Конституции, также аннулируется, так как его деятельность противоречит этой самой Конституции, так же, как и все инициируемые властями страны законопроекты о реформах, вынесенных на референдум! [12, р. 146] Своими непродуманными действиями власти ведут страну к юридическому коллапсу. Спасением может стать только возвращение к закону ислама, где прописываются все стороны

жизнедеятельности и правовой статус женщины [12, р. 147]. По словам Хомейни, «духовенство предвидело все эти инциденты, свидетелями которых вы являетесь сейчас и увидите в будущем, и упоминало о них в своих заявлениях несколько месяцев назад, а теперь они объявляют о все больших и больших опасностях, опасаясь последствий этих скачков для страны, ее независимости, экономики и всех ее дел» [12, р. 148]. В конце декларации выражается надежда на то, что власти страны не будут и дальше идти намеченным курсом, а будут учитывать мнение народа и улемов.

Прямые нападки и обвинения шахской власти в предательстве национальных интересов страны вызвали гнев шахиншаха Мохаммада Реза Шаха, приказавшего силой подавить недовольство в Куме [8, р. 57]. Ситуация осложнялась для властей тем, что на 22 марта выпал день смерти шестого шиитского имама Джафара ас-Сидика, который был убит, став тем самым шахидом, по приказу халифа Харуна ар-Рашида, которому Шахерезада рассказывала на ночь «Сказки тысячи и одной ночи». В Куме намечались массовые мероприятия по поминовению имама, и как опасались власти, они могли вылиться в антиправительственные манифестации. А учитывая святость города в восприятии верующих, туда должны были прибыть тысячи паломников, и это могло привести к дестабилизации ситуации во всей стране.

Главные мероприятия проводились в медресе Файзие, где с проповедью выступал аятолла Гольпаэгани. К полудню огромные толпы стеклись к медресе, и аятолла решил выступить во дворе учебного заведения. Территория всего медресе была оцеплена солдатами, а в толпе оказалось много провокаторов и переодетых полицейских. После того, как проповедь Гольпаэгани стала прерываться выкриками из толпы, начались потасовки, вылившиеся в массовые столкновения с применением ножей, дубинок и палок. Два таллаба были смертельно ранены – Хассан Неджати и Карим Борхан [7, р. 142]. Для разгона толпы и пресечения столкновений были задействованы войска, которые провели «зачистку» территории медресе, а потом и близлежащий студенческий кампус. В ходе штурма более сотни было ранено и более десятка человек было убито [9, р. 81].

Аятолла Хомейни воспринял действия властей как покушение и вызов авторитету улемов в обществе. Сравнение непропорциональной реакции со стороны военных против паломников и таллабов при разгоне в медресе Файзие с жестокостью и насилием в ходе монгольского вторжения в Иран, было не в пользу действующей власти. По словам Хомейни, монголы хотя бы были иноплеменниками и чужеземными завоевателями, которые вторглись в страну с намерени-

ями ее завоевания, ограбления и убийств. Тогда как представители армии и полиции являются гражданами Ирана, но ведут себя по отношению к своим согражданам хуже иностранных завоевателей. В обращении к верующим аятолла Хомейни прямо заявил: «Я объявляю импичмент г-ну Аламу, в настоящее время занимающему пост премьер-министра, от имени нации» [12, р. 175].

В мае месяце ситуация в стране вышла на новый уровень эскалации во взаимоотношениях между шахом и улемами во главе с аятоллой Хомейни. На начало месяца пришелся сороковой день памяти погибших 22 марта в Куме, а конец месяца совпал с началом месяца мухаррам, когда шииты вспоминают гибель праведного имама Хосейна ибн Али в день Ашура.

Аятолла Хомейни 2 мая, когда вспоминали жертв трагедии 22 марта, выступил с речью, посланием и рядом обращений. По его словам, проблема в том, что за действиями солдат и полиции стоял шах, отдавший приказ на применение жестких мер по отношению к паломникам. «Если это правда, мы должны попроситься с исламом, Ираном и законом» [12, р. 193]. Хомейни обращается к главам исламских стран, арабских и не арабских государств, объявляя всем о том, что улемы, народ и армия выражают надежду на солидарность в борьбе против любых связей и соглашений с Израилем – «врагом ислама и Ирана» [12, р. 194]. В данной ситуации мусульманам просто преступно молчать. Хомейни призывает к активным действиям по обнародованию преступных деяний коррумпированного деспотического режима. Необходимо «активизировать массовые акции протеста против шахского режима в форме деклараций и публикаций, чтобы заставить правительство страны принять законные требования народа и улемов» [12, р. 196].

В данном случае надо отметить важный факт, и в этом можно согласиться с выводом Соруша Ирфани [9, р. 82], о существенной эволюции взглядов Хомейни на его отношения к шаху. Практически в обращении от 2 мая, он впервые акцентирует внимание на фигуре шаха, называя его главным виновником в происходящем, тогда как до этого, главным обвиняемыми были правительство страны и лично, премьер-министр.

Особую роль в успехе объявленной борьбы, по версии Хомейни, должны сыграть улемы, которым нужно «проявлять больше беспокойства по поводу ситуации в Иране, избегать любых тайных компромиссов и остерегаться соблазнительных предложений со стороны деспотического режима» [12, р. 227]. А то, что такие опасения у Хомейни были, говорят факты. Действительно, жесткая и оскорбительная позиция шаха по отношению к улемам выявила расхождение в вопросе о дальнейшей борьбе. Некоторые из улемов всерьез рассматривали возможность миграции в Ирак,

куда их приглашал аятолла аль-Хаким. А с другой стороны, была информация о тайных контактах, например, аятоллы Шариатмадари, с представителями шахских властей, в надежде не допустить дальнейшей эскалации и найти компромиссное решение из кризисной ситуации. Положение аятоллы Хомейни было не столь уж однозначным среди улемов, и не все, даже не большинство, поддерживало однозначно жесткую риторику борьбы.

На 24 мая выпало начало месяца мухаррам, когда на десятый день – Ашура – приходятся самые массовые мероприятия поминовения дня гибели праведного имама Хоссейна ибн Али. Власти призвали мулл не использовать религиозный праздник в политических целях и докладывать о таких случаях властям. Полиция столицы даже распространила специальную инструкцию по необходимости досконального отслеживания всех подозрительных подрывных элементов по именам для возбуждения против них уголовных дел. Более того, представители САВАК собрали группу проповедников, и с помощью угроз и запугивания сообщили тем, чтобы на своих проповедях в месяц мухаррам они придерживались следующих предосторожностей: 1). Не высказываться против Его Императорского Величества (!) лично; 2). Не говорить об Израиле или о чем-либо, связанном с ним; 3). Не заявлять, что ислам и Коран находятся под угрозой, и не называть государственный строй антиисламским [11, р. 142].

Аятолла Хомейни, в каждый из первых девяти дней мухаррама – с 24 мая по 2 июня 1963 г. – посещал разные мечети и хайяты в Куме, встречаясь с людьми и выступая с проповедями. Везде его приветствовали толпы народа. Того же самого он требовал и от других аятолл, критикуя и осуждая тех, кто стремился, что называется, сгладить острые углы, не нагнетать обстановку и не раздражать лишней раз власти страны. Так, например, 28 мая Хомейни пишет резкое письмо аятолле Ахмаду Хонсари в Тегеран, осуждая его за молчание и отсутствие призыва к верующим сохранять Коран, единство и солидарность. Хомейни требует, что Хонсари «должен пригласить людей к восстанию, чтобы, когда мы прикажем атаковать, они были готовы свергнуть шаха и свергнуть правительство» [12, р. 241]. Улемы и так уже много лет вынуждены молчать и терпеть произвол властей. «Сейчас настал тот день, когда мы должны восстать против нечестивых. Если вы не хотите, чтобы наша исламская страна, наша религия и вера были уничтожены, скажите мне» [12, р. 242].

С приближением дня Ашуры, который пришелся на 3 июня 1963 г, риторика аятоллы Хомейни становилась все более агрессивной и воинственной. В обращении к верующим 30 мая, он призвал их приготовиться умереть. «Настало время для

нас превратить Кум в Кербелу Хоссейна в День «Ашура» и создать вторую Кербелу, которую будут посещать паломники. Нет чести выше, чем быть убитым во имя религии, за Хоссейна и во имя независимости страны» [12, р. 243], взывал к верующим Хомейни.

На день Ашура в Кум стеклись десятки тысяч паломников из разных уголков страны. Вместе с паломниками к городу были стянуты и подразделения военных, а также был усилен полицейский гарнизон Кума. Рано утром, 3 июня, командовавший операцией по блокированию города генерал Мохсен Мобассер, обратился персонально к аятолле Хомейни, и попросил во имя избежание кровопролития, не приходить в медресе Файзие, где он должен был обратиться с большой проповедью к толпам паломников. На что Хомейни сказал: «Если я не пойду, тогда я не Хомейни». Тогда Мобассер призвал его не делать резких заявлений и выпадов против шаха, на что получил загадочный ответ: «Посмотрим» [14, р. 102–103]. После этого генерал попытался припугнуть Хомейни, заверив того в решительных действиях со стороны войск по разгону мероприятия, что, вероятней всего, приведет к жертвам, которые будут на совести аятоллы. На что аятолла спокойно ответил, что они готовы к подобному повороту событий, и это послужит шаху хорошим уроком на будущее [11, р. 143].

Закончив пикировку с генералом, аятолла Хомейни отправился в медресе Файзие. Тысячи людей из Кума и других мест образовали вокруг него коридор, Кум сотрясали от их криков «Хомейни, Хомейни». Все прилегающие улочки были также забиты народом, поэтому пришлось сесть в автомобиль, на котором он и приехал с большим трудом к четырем часам по полудни в медресе. Там Хомейни выступил не с минбара, как было принято, а сидя на полу в качестве простого раузэ-хани, особого рассказчика историй о героической и мученической смерти имама Хоссейна и его соратников. Речь, с которой выступил аятолла Хомейни в этот день, стала символическим рубежом, своеобразным Рубиконом, перейдя который, уже нельзя было повернуть события вспять. И речь оказалась судьбоносной не только для самого Хомейни, но и для последующей истории Ирана.

Хомейни начинает свое выступление жестким сравнением времен имама Хоссейна с современностью. Действия Омейядов, направленные на уничтожение семьи имама Али только за то, что они потомки пророка и мусульмане, напоминают действия шахской власти против мусульман только за то, что те пытаются защищать ислам и наследие имама Али. Современный шах – это реинкарнация Йезида ибн Омейя [12, р. 246]. Действия шаха поддерживаются и направляются Израилем. «Он нападает и на нас, и на вас, нацию; он хочет захватить вашу экономику, уничтожить

вашу торговлю и сельское хозяйство и присвоить ваше богатство, оставив эту страну без присмотра». Сейчас власти обвиняют улемов в том, что они паразиты, мешающие развитию страны. По словам аятоллы, паразиты не улемы, а те, «кто открыл счета по всему миру, кто возвел огромные дворцы, кто отказывается оставить эту нацию в покое, и кто продолжает свои попытки наполнить свои собственные карманы и карманы Израиля прибылью» [12, р. 247]. Если нынешний шах продолжит действовать в прежнем русле, он закончит, как и его отец – Реза Шах, уверен Хомейни. Если шах продолжит и дальше поддерживать Израиль и опираться на советников из Израиля, это приведет к распаду монархии в Иране [12, р. 248]. Аятолла призывает шаха одуматься и отказаться от губительной политики. «Ты, беспомощное создание, ты не понимаешь, что в тот день, когда произойдет настоящая вспышка гнева, ни один из этих твоих так называемых друзей не захочет тебя знать. Все они друзья доллара. У них нет ни веры, ни моральных принципов, и у них нет чувства верности» [12, р. 250]. Упорство, демонстрируемое шахом, по мнению Хомейни, может означать только одно, «что шах израильтянин» и «он еврей!» Трагизм ситуации в том, что сам себя он называет мусульманином, но его действия свидетельствуют об обратном, и в этом несчастье и беда для «нашей разрушенной страны» [12, р. 251], уверен Хомейни.

В этот же день, только в первой половине, в Тегеране прошла стотысячная демонстрация под лозунгами «Смерть диктатору» и «Аллах спасет тебя, Хомейни!» [9, р. 45] Также прошли акции в Ширазе, Исфакане и Мешхеде [13, р. 63]. В стране было введено военное положение, на улицах крупных городов появились солдаты и бронетехника. Сотни человек были убиты, еще больше были ранены [12, р. 61]. В столице демонстрации прошли мирно. Только 4 июня были арестованы 122 человека на площади Сепех [14, р. 106].

Когда о событиях в Тегеране стало известно в Куме, это вызвало подъем среди горожан и таллабов, собравшихся у мавзолея Фатимы Масумэ и медресе Файзие, где выступал аятолла Хомейни. После выступления, разгоряченные толпы паломников прошли по центральной улице Кума, выражая свой протест политикой шаха и приветствуя Хомейни. Данные события сделали его известной фигурой как в религиозных, так и в светских кругах оппозиции, который твердо отстаивает свои взгляды на предлагаемые реформы, называя их антиисламскими и антиконституционными. Провал мирного протеста привел к радикализации протеста, что и вылилось в кровавые события 4–5 июня 1963 г. Последовавший арест, а затем и высылка аятоллы Хомейни в ноябре 1964 г. из страны, сделали его убежденным противником монархии и сторонником построения в Иране Исламской республики.

Источники и литература

1. Дорошенко Е.А. Шиитское духовенство в двух революциях: 1905 1911 и 1978 1979 гг. М.: ИВ РАН, 1998. 240с.
2. Резников А.Б. Иран: падение шахского режима. М.: Политиздат, 1983. 160с.
3. Abrahamian E. Khomeinism: essays on the Islamic Republic. Berkeley: University of California Press, 1993. 188p.
4. Algar, H. A short biography // Imam Khomeini: Life, Thought and Legacy / ed. by A.R. Koya. Petaling Jaya: Islamic Book, 2009. P.19 – 60.
5. Amjad, M. Iran: from royal dictatorship to theocracy. New York: Greenwood Press, 1989. 200 p.
6. Axworthy, M. A history of Iran: empire of the mind. New York: Basic Books, 2010. 376 p.
7. Bakhshāyishī A. Ten decades of ulama's struggle. Tehran: Islamic Propagation Organization, 1985. 287 p.
8. Gordon M. Ayatollah Khomeini. New York: Chelsea House Publishers, 1988. 124 p.
9. Irfani, S. Iran's Islamic revolution: popular liberation or religious dictatorship? London: Zed Books, 1983. 328 p.
10. Keddie N.R., Richard Y. Modern Iran: Roots and Results of Revolution. Yale University Press, 2006. 420 p.
11. Khomeini, R. Kawthar. An anthology of the speeches of Imam Khomeini, including an account of the events of the Islamic revolution, 1962-1978. In 3 volumes. Vol. 1. Tehran: The Institute for Compilation and Publication of Imam Khomeini's Works, 1995. 611 p.
12. Khomeini, R. Sahifeh-ye Imam. An Anthology of Imam Khomeini's speeches, mes-sages, interviews, decrees, religious permissions, and letters. In 22 volumes. Vol. 1. Tehran: The Institute for Compilation and Publication of Imam Khomeini's Works, 2008. 585p.
13. Martin V. Creating an Islamic state: Khomeini and the making of a new Iran. London; New York: I.B. Tauris, 2003. 264 p.
14. Moin, B. Khomeini: life of the ayatollah. New York: Thomas Dunne Books, 2000. 374p.
15. Pahlavi M.R. Mission for my country. New York: McGraw-Hill, 1961. 362p.
16. Taheri, A. The Spirit of Allah: Khomeini and the Islamic revolution. Bethesda: Adler & Adler, 1986. 349 p.

References

1. Doroshenko E.A. Shiitskoe duhovenstvo v dvuh revolutziyah: 1905 1911 i 1978 1979 gg. (The Shiite clergy in two Revolutions: 1905 – 1911 and 1978 – 1979). Moscow: IOS of RAS publ., 1998. 240 p. (In Russian)
2. Reznikov A.B. Iran: padenie shahskogo rezhima (Iran: the fall of the Shah's regime). Moscow: Politizdat, 1983. 160 p. (In Russian)
3. Abrahamian E. Khomeinism: essays on the Islamic Republic. Berkeley: University of California Press, 1993. 188p.
4. Algar, H. A short biography // Imam Khomeini: Life, Thought and Legacy / ed. by A.R. Koya. Petaling Jaya: Islamic Book, 2009. P.19 – 60.
5. Amjad, M. Iran: from royal dictatorship to theocracy. New York: Greenwood Press, 1989. 200 p.
6. Axworthy, M. A history of Iran: empire of the mind. New York: Basic Books, 2010. 376 p.
7. Bakhshāyishī A. Ten decades of ulama's struggle. Tehran: Islamic Propagation Organization, 1985. 287 p.
8. Gordon M. Ayatollah Khomeini. New York: Chelsea House Publishers, 1988. 124 p.
9. Irfani, S. Iran's Islamic revolution: popular liberation or religious dictatorship? London: Zed Books, 1983. 328 p.
10. Keddie N.R., Richard Y. Modern Iran: Roots and Results of Revolution. Yale University Press, 2006. 420 p.
11. Khomeini, R. Kawthar. An anthology of the speeches of Imam Khomeini, including an account of the events of the Islamic revolution, 1962-1978. In 3 volumes. Vol. 1. Tehran: The Institute for Compilation and Publication of Imam Khomeini's Works, 1995. 611 p.
12. Khomeini, R. Sahifeh-ye Imam. An Anthology of Imam Khomeini's speeches, mes-sages, interviews, decrees, religious permissions, and letters. In 22 volumes. Vol. 1. Tehran: The Institute for Compilation and Publication of Imam Khomeini's Works, 2008. 585p.
13. Martin V. Creating an Islamic state: Khomeini and the making of a new Iran. London; New York: I.B. Tauris, 2003. 264 p.
14. Moin, B. Khomeini: life of the ayatollah. New York: Thomas Dunne Books, 2000. 374p.
15. Pahlavi M.R. Mission for my country. New York: McGraw-Hill, 1961. 362p.
16. Taheri, A. The Spirit of Allah: Khomeini and the Islamic revolution. Bethesda: Adler & Adler, 1986. 349 p.

Сведения об авторе

Баранов Алексей Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории института истории и международных отношений Саратовского государственного университета, руководитель НОЦ «Изучения стран Ближнего Востока» / baranovav@mail.ru

Адрес: 410012, д.83, ул. Астраханская, Саратов, Российская Федерация.

Information about the author

Baranov Alexey V. – PhD in History, Associate Professor, Chair of World history, Institute of History and International Relations, Saratov State University / baranovav@mail.ru

The address: 410012, 83, Astrakhanskaya st., Saratov, Russian Federation.

УДК 94

<http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.3.2>

С. Л. Дударев

ОБ ОТРАЖЕНИИ СОБЫТИЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ ФРАНЦИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЖИВОПИСИ XIX В. (В РУСЛЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАПАД-ВОСТОК)

Одним из знаковых событий французской и даже европейской истории в целом в XVIII – XIX вв., которое следует рассматривать в контексте проблемы «Запад-Восток», считалась битва при Пуатье 732 г., воспрепятствовавшая дальнейшему продвижению Арабского халифата в Европе. Современные историки не склонны переоценивать значение этого сражения. Тем не менее, изучение реакции на него в европейской культуре, особенно живописи, эпохи Нового времени, представляет важное значение для оценки отношения политической и интеллектуальной элитой того времени к народам Ближнего Востока, явившимся в XIX в. объектом колониальной экспансии со стороны мировых империй Запада. В 1837 г. немецкий художник с российскими корнями Ш. де Штейбен представил в галерею великих сражений Версальского дворца полотно, посвященное этой битве. Данная статья является анализом произведения Штейбена.

Автор стремится показать, что на картине этого живописца представлено столкновение двух миров – христианства и ислама, данное, фактически, с позиций такого известного течения интеллектуальной (художественной и политической) мысли, как ориентализм. Франкские персонажи представлены как доблестные и непреклонные бойцы, ведомые мажордомом Карлом – надеждой христианского мира, победа которых не вызывает сомнений. Арабские, мусульманские воины изображены смятенными и бегущими, охваченными страхом, лишь отдельные из них стремятся к сопротивлению. Причина этого – представители ислама излишне чувственны и изнежены, склонны к сладострастию и роскоши, в про-

тивовес аскетичным и мужественным франкам. Культурно-цивилизационная разница между обеими лагерями дана с помощью оружия, одежды и некоторых других атрибутов, в репрезентации которых немало исторических неточностей, натяжек, часто связанных с зависимостью художника от уровня исторических представлений своего времени. Конечная цель живописца – оттенить разницу между носителями западной и восточной культур, показать превосходство «цивилизованной» Европы над восточными «варварами», вольно или невольно оправдывая происходящую в его время колониальную экспансию на Восток. Полотно Штейбена в свое время играло, особенно, для не слишком искушенных зрителей, роль одного из ярких символов победоносного западного мира, и прежде всего, французской монархии. Это произведение является одним из опытов освоения действительности мира Другого в русле взаимоотношений Запада и Востока с помощью приемов, характерных для ориенталистского взгляда на чужую культуру, для создания у носителей своего сообщества чувства превосходства над иноцивилизационной средой.

Ключевые слова: ориентализм, имагология, интеллектуальная история, европейская живопись XIX в.

Для цитирования: Дударев С. Л. Об отражении событий средневековой истории Франции в произведениях европейской живописи XIX в. (в русле проблемы Запад-Восток) // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (3). С. 374–383. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.3.2

Sergey L. Dudarev

ON THE REFLECTION OF THE EVENTS OF THE MEDIEVAL HISTORY OF FRANCE IN EUROPEAN PAINTINGS OF THE XIX CENTURY (IN LINE WITH THE WEST-EAST PROBLEM)

One of the significant events in French and even European history as a whole in the 18th-19th centuries, which should be considered in the context of the West-East problem, was the Battle of Poitiers in 732, which impeded the further advancement of the Arab Caliphate in Europe. Modern historians are not inclined to overestimate the significance of this battle. Nevertheless, the study of the reaction to it in European culture, especially painting, of the modern era, is important for assessing the attitude of the political and intellectual elite of that time to the peoples of the Middle East, who appeared in the 19th century. The object of colonial expansion by the world empires of the West. In 1837, the German artist with Russian roots Ch. De Steiben presented a canvas dedicated to this battle to the gallery of the great battles of the Palace of Versailles. This article is an analysis of Steiben's work.

The author seeks to show that the picture of this painter presents the collision of two worlds - Christianity and Islam, given, in fact, from the standpoint of such a well-known trend of intellectual (artistic and political) thought as Orientalism. Frankish characters are presented as gallant and unyielding fighters, led by the majordomo Karl - the hope of Christendom, whose victory is beyond doubt. Arab, Muslim warriors are depicted confused and fleeing, seized with fear, only some of them strive to resist. The reason for this is that the representatives of Islam are overly sensual and pampered, prone to voluptuousness and luxury, as opposed to the ascetic and courageous Franks. The cultural and civilizational difference between the two camps is given with the help of weapons, clothing and some other attributes, in the representation of which there are many

historical inaccuracies, exaggerations, often associated with the artist's dependence on the level of historical ideas of his time. The ultimate goal of the painter is to highlight the difference between the carriers of Western and Eastern cultures, to show the superiority of "civilized" Europe over the Eastern "barbarians", willingly or unwillingly, justifying the colonial expansion to the East taking place in his time. At one time, Steiben's canvas played, especially for not too sophisticated viewers, the role of one of the brightest symbols of the victorious Western world, and above all, the French monarchy. This work is one of the experiences of mastering the reality of the Other's world in line with the relationship

Одним из знаковых событий средневековой истории Франции является битва при Пуатье, произошедшая 25 октября 732 г.¹ между войском франкского майордома Карла и отрядом омейядского эмира Абд-ар-Рахмана ибн Абдаллаха, вали провинции аль-Андалус. На наш взгляд, эта битва имеет все основания рассматриваться в русле глобальной и актуальной проблемы Восток-Запад, что мы и постараемся показать ниже.

Реакция на это событие у историков будущих времен была различной. Знаменитый Э. Гиббон, живший в XVIII в., патетически восклицал в том смысле, что если бы не эта победа франков, то Оксфорд бы погрузился в изучение Корана. Более поздние авторы сдержанно относились к этому сражению франков и арабов, отказавшись от восторженного тона. Ф. Кардини пишет о «мифе о Пуатье», ставя битву у этого города в ряд многих стычек, которую вряд ли можно сравнивать с поражением ислама от византийцев 739 г. [10, с. 279], скептически оценивая при этом давнее заявление Э. Гиббона. Впрочем, С. Лебек, отмечая, что в наши дни уже никто из историков не воспринимает произошедшее при Пуатье в 732 г., как решающий удар по экспансии ислама на Западе, все же отмечает невозможность отрицания громадного значения победы Карла, ссылаясь на некое средневековое анонима из Кордовы, у которого прозвучала мысль о том, что сарацинская опасность подняла-де всю Европу. С этого времени Карл единодушно оказался признан борцом за христианство [13, с. 226], получив прозвище «Martellus» - Молот. Как отмечает современный французский автор А. Сёмпф, эта победа не положила конец сарацинским вторжениям, которые продолжались до 801 г., но она помогла укрепить границу между двумя крупными государствами в весьма раздробленной Европе [31].

Так, или иначе, но после пуатевинской битвы VIII в. силы арабов, по большому счёту, не заходили теперь так далеко на северо-запад: скорее всего,

1 Эта дата спорна. В большинстве западных хроник фигурирует 732 г., причем присутствуют выражения «Карл сражался с сарацинами в субботу в октябре». В египетских и мозарабских хрониках (Ибн Абд аль Хакам и др.) сообщается, что экспедиция Абд-ар-Рахмана состоялась либо в 114 г. хиджры (с марта 732 г. по февраль 733 г.), либо в 115 г. хиджры (т.е. с февраля 733 по февраль 734 г.). (Roy Jean-Henri, Deviosse Jean, 1966).

between the West and the East with the help of techniques characteristic of the Orientalist view of a foreign culture, in order to create a sense of superiority over the incivilizational environment among the bearers of their community.

Key words: orientalism, imagology, intellectual history, European painting of the 19th century.

For citation: Dudarev S.L. On the reflection of the events of the medieval history of France in European paintings of the XIX century (in line with the West-East problem) // Humanities and law research. 2022. V. 9 (3). P. 374–383. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.3.2

дело было в том, что на этом направлении Халифат достиг максимума в геополитическом отношении и не имел сил двигаться дальше. Нечто подобное, вероятно, произошло с арабами у Таласа (Атлахская битва), где они победили китайцев, но перестали двигаться далее на восток, как, впрочем, и прекратила экспансию на запад империя Тан.

Но вернёмся в Западную Европу, к сражению у Пуатье. Подобные ему, как бы ни относились современные историки к перипетиям вокруг таких событий [28; 29; 30], нередко оставляли след в художественном творчестве будущих поколений, рефлексировавших на деяния предшественников. Особенно, если дело шло о столкновении разных миров и цивилизаций. Весьма характерным в этом смысле был XIX в. Будучи апогеем колониализма, вершиной эпохи колониальных империй в мировой истории [6], он привел к новым колониальным захватам, и соответственно, переосмыслению отношений между собой различных народов в прошлом. Битва при Пуатье принадлежит к числу тех событий мировой истории, которые оказались востребованы потомством, стремившимся через их позиционирование, выразить свое отношение к настоящему, к текущим событиям.

Искусство Франции, вероятно, как никакое другое, демонстрирует в XIX в. стремление отразить взаимодействие Французской империи, прежде всего, со странами Востока, особенно, мусульманского. И отправной точкой здесь является, естественно, экспедиция Наполеона Бонапарта в Египет. Ей был посвящен ряд полотен французских художников, написанных как сразу после этого события, так и позднее [14]. Франция, мечтающая о покорении мира, и грезившая новыми «крестовыми походами» на Восток, снова дерзко вторгалась в мир Другого (Других). И если ее интегративно-экспансионистские устремления в Утремер в XI–XIII вв. получили художественное отражение, главным образом, в целом ряде миниатюр, выполненных, например, безымянными художниками из Ателье Сен-Жан д'Акр («Хроника Гийома Тирского» и др.) (вторая половина XIII в.), и украшавших страницы средневековых летописей [15, с. 320–345; 16, 2021, рис.10, 13, 14, и др.], то в самом конце XVIII – начале XIX в. за дело взялись известные живописцы Франции, которые представили серию работ в духе того явления, что уже достаточно давно именуется «ориентализмом».

И здесь позволительно отступить немного назад, и сделать экскурс в эпоху Просвещения, которая была новым шагом в осмыслении европейцами мусульманского мира, с которым, ринувшись в новые завоевания, они столкнулись вновь. Как показывают новые исследования историков [18], занимающихся эпохой Нового времени, XVIII в. занимает особое место в появлении новых подходов ко взаимоотношениям с миром Другого у европейских интеллектуалов. Если в начале этого временного отрезка они расценивали мир ислама как варварский, то к концу века возникли идеи об открытием вторжении в «отсталый мир» для внесения цивилизации тем, кого уже «великодушно» именовали «благородными дикарями» (это и попытка сделать Наполеон, а позже и другие французские правители). Получалось, что даже новый этап в духовном развитии Европы закончился тем, с чего началось крестоносное движение на Восток в средние века – идеей покорения мира Другого ради его исправления [9, с.41].

Интерес к Востоку уже в начале следующего, XIX в., был весьма велик: эта тема была весьма модной в различных парижских салонах. Она тиражировалась и с помощью массы путевых заметок тех, кто побывал здесь в течение данного столетия. Однако, при всем том, европейские интеллектуалы нового века, по сути, недалеко ушли от своих предшественников. Один из них высказал, по-видимому, самое главное, что таилось в душе многих его единомышленников: «Меч Мохаммеда и Коран – самые непреклонные враги цивилизации, свободы и истины, которые когда-либо знал мир» [цит. по.: 23, с.237]. Разумеется, тема Востока в трудах европейских интеллектуалов, работавших в русле ориентализма, значительно шире и богаче этой одиозной сентенции (для того, чтобы осветить все грани их отношения к Востоку следовало бы проделать большую работу, не меньшую, во всяком случае, чем ту, которая была совершена в широко известной книге Э.В. Саида). Но, поскольку, формат конкретной статьи не позволяет сделать этого, мы, констатируя то, что выдающиеся и известные поэты и писатели Европы, вроде Байрона, Гёте, Шатобриана, Гюго, Нервала, и ряда других, часто устремлялись на Восток (прежде всего, Ближний), по существу, в поисках собственного «Я», возвращения к неким живительным творческим истокам, которые уже нельзя обрести на Западе или где-то еще («Север, Запад и Юг в развале./ Пали троны, царства пали./ На Восток отправься дальний/ Воздух пить патриархальный!» /Гёте/), одновременно укажем на следующее. Отдавая должное той особой, неповторимой атмосфере, которая царил на Востоке с его руинами старинных дворцов, аурой древних культур и цивилизаций, атмосферой сказок «Тысячи и одной ночи» и пр., питая вдохновение как писателей, так и

художников (Жером, Делакруа, Доре, Моро и др.) [19], европейские интеллектуалы, одновременно, рассуждали о том, что восточным народам нужен завоеватель, который освободит их от косности, рабства и т.п., под эгидой своего сюзеренитета принесет им экономическую свободу, и т. д. По мнению, например, Ламартина, Восток возродится под властью Европы [23, с.280 – 281].

Нет ничего удивительного в том, что в такой ситуации появлялись и произведения живописи, которые постулировали победу Запада над Востоком (в перспективе – для его же «блага»). Если в конце XVIII – начале XIX в., после египетской экспедиции Наполеона, появились полотна, в которых победоносная Европа в лице современной Франции торжествовала над миром ислама, то не следует удивляться тому, что в недалеком будущем были написаны картины, в которых актуализировалась и более ранняя тематика. Весьма любопытно то, что среди них свое немаловажное место заняло полотно, написанное отнюдь не французом, или представителем другой победоносно-колониальной (на тот момент) страны, а Шарлем де Штэйбеном (1788 – 1856), немецким аристократом русского происхождения, изучавшим живопись сначала в Санкт-Петербурге, а затем в Париже. Обстановка для произведения Штэйбена была как нельзя более подходящей не только в связи с вышеобозначенными мотивами. В 1830 г. к власти во Франции пришел «король буржуа» Луи Филипп, который приказал создать в Версальском дворце музей истории Франции, имевший в своем составе галерею великих сражений. Как говорится, все сошлось: возрождение монархии, имперские амбиции, завоевательные устремления на Восток (начало экспансии Франции в Алжире) и пропаганда «славного прошлого». Шарль де Штэйбен доставил свое монументальное полотно (Bataille de Poitiers, octobre 732 (Битва при Пуатье, октябрь 732) высотой 4,65 м и длиной 5,42 м как раз к открытию галереи в 1837 г. [31])¹.

Обратимся к рассмотрению самого полотна, анализ изображений на котором дает разнообразную пищу для размышлений (рис. 1). Картина разделена по диагонали на два враждебных лагеря. Слева на массу «сарацин» обрушиваются стройные ряды франков, оцетинившиеся копьями и мечами, закованные в броню (лорики) и увенчанные стальными шлемами. Вид их целеустремлен, грозен и непреклонен. На их стороне находится простой кельтский крест, т.е. каменный крест в круге, водруженный на ступенчатую тумбу. Это, как отмечает А. Сёмпф, символ будущей ди-

¹ Благодарю медиевиста из Санкт-Петербурга, специалиста по истории средневековой Франции А.А. Лашенко за фотографию картины, сделанную на месте, в музее Версаля, а также ссылки на работы французских авторов о ней, и перевод статьи в Интернете одного из этих авторов, А. Сёмпфа, а также ряд другой важной информации.

настии Каролингов, старшей дочери Церкви, готовой обрушить свою мощь на правителя Омейядов аль-Гафики, ворваться в Андалусию, которой он правит, и поработить его народ [31]. Крест играет маркерную роль для позиционируемого события, как символ самой христианской цивилизации, на защиту которой выступили доблестные франки. Схема его является весьма древней, уходя своими корнями в глубокую старину. Данные изваяния в областях, населенных кельтами (Ирландия, Бретань), восходят к VII в. Однако за их пределами этот крест использовался крайне редко [11]. Более того, у нас возникает вопрос о корректности использования Сёмпфом термина «кельский крест» применительно к рассматриваемому им сюжету. Этот термин, судя по информации, имеющейся в сети Интернет, появляется во Франции в публичной сфере только в 1940-е гг., как патристический символ, использовавшийся в русле антифашистского Сопротивления. Такие кресты во Франции стали использоваться на фронтонах церквей, на кладбищах, или как придорожные, судя по всему, достаточно поздно, приблизительно не ранее XVI в. Изображение такого креста Штэйбеном на своем полотне – пример перенесения поздней исторической ситуации на более ранние события.

Так или иначе, но стремящиеся на противника монолитные и победоносные воины франков – это дети Святой католической церкви, спасители католического мира, которые неминуемо вот-вот полностью опрокинут его врагов и, по мысли Сёмпфа, двинутся на завоевание Андалусии, захваченной арабами (чего, как известно, не произошло). Во главе их идет мажордом Карл с короной на голове, одетой прямо на шлем с плюмажем, как лидер этих сил. Но коронацию сможет позволить себе только сын Карла Мартелла, Пипин II. Более того, по мнению известного итальянского медиевиста Ф. Кардини, несмотря на помазание, последний всё равно оставался узурпатором [10, с.285]¹. Однако «коронование» на полотне Шарлем де Штэйбеном своего исторического тезки не является творческим «произволом» художника. На целом ряде средневековых изображений (надгробие Карла Мартелла в Сен-Дени, миниатюры с изображением этого мажордома в Больших Французских хрониках) [5, с.15–16] данный исторический персонаж всюду изображается в короне (!). Поэтому де Штэйбен следовал здесь старой французской традиции, ничего не привнеся, в данном случае, от себя самого. Но этого нельзя сказать о многих других деталях полотна.

Прежде всего, коснёмся вопроса о воинской экипировке обеих сторон. Что касается защитного вооружения франков, покрывающего тело, то оно, в принципе, соответствует исторической действительности. Так, бармицы на шлемах, подобная которым видна на картине на самом переднем плане у образца, лежащего на земле, начали употребляться еще до битвы при Пуатье [1]. Однако шлемы типа фригийского колпака, особенно хорошо различимые на самых близких к нам франкских персонажах, появились с конца IX в. [4, с.363, рис.234] и продолжали бытовать позднее – в XI в. [22]. Шлемы, которые одеты на Карла и воинов, идущих в бой за его спиной, тоже исторически достоверны как таковые, но также относятся к более позднему времени, нежели битва у Пуатье (XI в.) [4, с.416, рис.268]. Щит в руках у франка, прикрывающегося им от удара пожилого мусульманина (предводителя вражеского войска?), о котором будет сказано ниже, имеет популярную в средние века форму, но совершенно не факт, что такие использовались во время обсуждаемого сражения.

Говоря об оружии ближнего боя, нужно сказать, что копьё в руках франков, изображённых на полотне, относительно похожи по описанию на реальные исторические копьё франков V – VIII вв. Они небольшие и предназначены как для ближнего боя, так и метания [2, с.230, рис.353; 10, с. 266]. Однако использование образцов именно такой формы в 732 г. – вопрос открытый. Мечи же в руках франкских воинов, наступающих вдалеке, имеют длинное, узкое лезвие и крестовидное перекрестие с шишечками на его концах, шарообразное навершие. Они не имеют ничего общего с настоящими франкскими мечами эпохи ни Меровингов, ни Каролингов, с достаточно широким лезвием, прямым перекрестием, и прямым, либо трех-пятычастным навершием [2, с.180 – 181, рис.257, 259; 7, с.300; 26]. Только меч в руках франка, находящегося ближе всех к зрителю, больше напоминает реальные, но его перекрестие не соответствует таковым, больше напоминающая этой деталью некоторые образцы мечей XVI в. [2, с.187, рис.276]. Не лучше обстоит дело и с оружием ближнего боя у самого мажордома Карла, всадника, выделяющегося среди своих пеших воинов не только короной и ездой верхом, но и красным плащом, развевающимся на его плечах. Вождь франков вздымает над головой топор с короткой рукоятью и полукруглым лезвием, который А. Сёмпф аттестует как франциску. Однако это легендарный вид топора франков, который был их национальным оружием (с этим тезисом не согласен Ф. Кардини, который считает его принадлежащим всем германцам) [10, с.266], широко использовался как при Меровингах, так и при Каролингах, и должен был на этой картине послужить их славе, выглядел в действительности

1 Нам трудно согласиться с этим утверждением. Миропомазание и коронация Пипина II в Суассоне в 751 г. привели к перевороту в ментальности франков. Свершился переход власти от родовой знати к ее старинной харизмой к знати военной, осиянной харизмой Церкви, которая предложила новое решение проблемы власти через церемонию *le sacre royal*) [20].

совершенно иначе. Его лезвие имело подтреугольную форму и оттянутый назад обух [24]. Можно было бы предположить, что у художника сказалась нехватка соответствующего исторического и археологического «арсенала». Тот же топор, что мы видим на картине, скорее, похож на некоторые образцы восточных (!) боевых топоров более позднего времени [2, с.371, рис. 436]. Но весьма вероятно, что и в этом случае де Штэйбен выступил «заложником» существующей французской традиции: в Версале находится статуя К. Мартелла работы Жана-Батиста-Жозефа Дебая, изображающая интересующего нас исторического персонажа опирающимся на секиру с близкой формой лезвия, но с больших размеров рукоятью¹.

Очень показательна ситуация со стоящим на переднем плане лучником, держащим свое оружие на изготовку и, похоже, собирающимся выпустить очередную стрелу в находящегося неподалеку старого арабского воина с длинной седой бородой, который, как мы писали выше, возможно, является предводителем мусульман, уже раненого стрелой, торчащей из его ноги. Он, практически, единственный из франков, в обозримом пространстве, вооруженный луком. Тот же Ф. Кардини объясняет слабое наличие лука среди западных германцев именно популярностью метательных копий и франциск [10, с.267], которые служили «швырковым» (по Ф. Кардини) оружием, компенсируя отсутствие или слабое наличие стрелкового. Но если копия видны в руках франков не только вблизи, но и вдали, причем и более внушительных размеров, то франциска присутствует только у самого мажордома (причем в далеком от реальности виде). Сам факт уникальности лука на картине де Штэйбена служит еще и своеобразной экспозицией того, что луков совершенно лишен... противник франков: в воздухе совершенно не видно стрел. Впрочем, коснемся этого ниже.

Что касается одежды франков и деталей прочего убранства, то самой узнаваемой вещью из него являются лентообразные повязки на нижней части ног у двух крайних слева персонажей, которые известны, например, на франкских миниатюрах, римских мозаиках в Латеране и т. д. [4, с. 340]. Они добавляют «этнографичности» во внешний вид написанных на полотне Штэйбена франкских воинов, но не меняют положения дел в целом о достоверности тех или иных затронутых выше деталей картины.

И, наконец, мы должны констатировать то обстоятельство, что на рассматриваемом полотне, кроме самого мажордома Карла есть еще двое всадников, следующих прямо за ним, и можно предположить, что за предводителем франков двигается, похоже, шеренга конников, которую сложно было изобразить более развернуто из-за

сильной стесненности преследующих и бегущих. И если для франков это, прямо скажем, удивительно (ведь они, по сложившейся традиции, обзавелись тяжелой кавалерией лишь в результате столкновения с арабами у Пуатье) (Г. Бруннер, и др.), то редкость всадников среди мусульман (на картине видны всего двое, среди отступающих, и раненый конь на переднем плане, вероятно, принадлежавший бегущим воинам ислама) вызывает еще большее недоумение.

Франкам противостоит нестройная, смятая, бегущая толпа арабских воинов (среди которых видны и женщины!), лица которых искажены страхом и неприязнью, на ходу пытающихся отбиваться от стремительно наседающего противника. Живописец, в отличие от персонажей из франкского лагеря, не особо утруждал себя разнообразными деталями вооружения мусульман. Меч, сабля, копье, щит, пара шлемов, еще некоторые детали – вот и, пожалуй, все, что мы видим на полотне. Победоносное оружие франков, воинов Запада – вот что, как будто, занимает художника в числе самых первых целей изображаемого. Но не будем спешить с окончательными выводами в этом отношении.

В самом деле, оружие мусульман, присутствующее на полотне де Штэйбена, несмотря на его относительную немногочисленность, служит у художника одним из символов инаковости противника христиан. Шлем старого воина с кольчужной сеткой (практически такой же, как у бойца за его спиной, но без ребер на куполе, и сходный со шлемом убегающего воина справа от старика) представляющий собой конус (сфероконус) – это древнее восточное изобретение, возникшее еще в древней Ассирии, проникшее в Европу в раннее средневековье. На Русь, например, они попали в X в., около 1000 г. их носили в ряде восточно-европейских государств [7, с.315]. Щит старого воина круглый, в виде глубокой полусферы (у убитого воина-мусульманина у ног старика – также круглый щит, но, судя по всему, более плоского сечения), а не подтреугольный, как у франка, стремящегося отбить его удар, и с заостренным умбоном. Такие щиты давно имелись у арабов [4, с.167]. Позднее подобные щиты были известны в Западной Европе XI в. как романские [2, с.134, рис.173, 174]. Некоторые специалисты считают их проникшими с Востока, и не без оснований [11, с.343]. Впрочем, круглые щиты с острым умбоном имелись у франков еще в ранний период их истории, хотя и не такие глубокие, как у арабов [12].

Однако три предмета вооружения, изображенные на картине в руках и на теле воинов-мусульман, наиболее характерны у Штэйбена для подчеркивания их особенности. Самым ярким из них является короткий меч в руке старика. Навершие его рукояти раздвоено, как у турецкого ятагана [2, с. 200, рис.311]. Ятаганы появились еще в VII в.

¹ Личная информация А. А. Лашенко.

среди тюрко-монгольских кочевников Средней Азии, и впоследствии распространились на значительной территории Азии (у индийцев, персов, арабов, китайцев) [27]. По мнению же некоторых авторов, они стали известны в XVI в. Думается, что желание использовать свои определенные представления об этом виде оружия могли появиться у художника под влиянием более современных ему примеров из османской истории. Но лезвие меча, расширяющееся в нижней части, чрезвычайно похоже на очертания древнегреческой махайры [21], а не на лезвие ятагана [4, с.173, рис. 125, б], образцы которой хорошо датируются по изображениям на античной краснофигурной посуде и античным мозаикам. К таковым относятся, например, краснофигурный кратер (сосуд для смешивания воды и вина) 480 г. до н.э. из музея Лувра [17, с.42, 236 – 237] и мозаика со сценой охоты на льва 325-300 гг. до н.э. из т. н. Дома Диониса – одной из частных резиденций в Пелле – древней столице Македонии, месте рождения Александра Великого. Налицо своеобразная антикизация живописцем известных ему восточных реалий. Как ни парадоксально, она фиксируется еще у западных хронистов крестовых походов [15, с.183]. И в том, и в другом случае (при наличии разрыва минимум в 600 лет!) данное явление связано с безусловной нехваткой современных познаний о мире Востока, которое, в случае с произведением Штэйбена, является попыткой подчеркнуть экзотичность, непохожесть арабских воинов на их европейских визави.

Еще одной «антикизирующей» деталью на картине этого художника, возможно, является, наличие поножей на ногах пожилого воина. Поножи были известны у арабов [4, с.167]. Но как они выглядели, Штэйбен, похоже, не знал. Поэтому он, возможно, прибег к гораздо лучше известным тогда античным поножам – кнемидам, защищавшим голени древнегреческого воина, как образцу для своих упражнений, и, возможно, еще больше усилиению специфического облика воинов ислама.

Бесспорным «маркерным» видом восточного оружия (уже без античных ухищрений) на картине о битве при Пуатье выступает сабля с елманью у воина в шлеме, спасающегося бегством на коне. Елмань, т.е. расширение лезвия у окончания клинка сабли для улучшения его рубящих свойств, появляется в XIV в. [3]. и никак не могла быть известна арабам в VIII в. Но елмань была узнаваемой деталью восточного оружия в веке XIX, и должна была как представляется, для Штэйбена выступить для усиления «ориентального» колорита в изображении панически бегущего арабского войска.

Выше мы уже отмечали то, что оно лишено луков и стрел, что представляется вещь совершенно невероятной. Воины Ближнего Востока

были превосходными лучниками и интенсивно пользовались данным видом оружия [4, с.169]. В этом имели возможность спустя три века убедиться крестоносцы, когда стрелы на поле боя, по описанию одного мусульманского хрониста, были подобны саранче, так много их летело в коней и людей [8, с. 58]. На картине мало всадников и оба войска предстают, как состоящие, прежде всего, из пеших воинов, что при изображении арабских сил Абд-ар-Рахмана является нонсенсом.

Впрочем, не исключаем того, что изображение арабской конницы было не так важно для де Штэйбена, как то, о чем мы уже писали выше о «маркерных» чертах мусульман на его полотне, но, возможно, что еще более показательным выступит сейчас то, о чем речь пойдет ниже.

Не менее, а в чем-то, возможно, и более важными индикаторами «чужести» персонажей картины, связанных с миром ислама, являются у нашего живописца такие яркие культурно-цивилизационные (а в тех или иных случаях – и этнические) показатели, как одежда и головные уборы. Это накидки типа бурнусов, которые покрывают не только тело, но и голову. Старик с мечом одет, в стеганый (?) кафтан с разрезными рукавами (такие носили арабы и в XIX в.) [4, с.163], поверх которого надет достаточно толстый кожаный доспех, вроде куртки-безрукавки, закрывающий плечи, грудь и бедра, и свободные штаны типа шаровар, известные у арабов. У него на плечи наброшен красный плащ, отороченный золотым шитьем, явно выделяющий его из окружающей массы единоверцев. У воина за его спиной рубаха в полоску, и как будто, металлический доспех, закрывающий спину. По-восточному одеты женщины в рядах мусульман, в длинной одежде, как с покрытыми, так и непокрытыми головами и открытыми лицами, что не соответствует традициям ислама, но может быть оправдано боевой обстановкой. На головах мужчин, кроме шлемов – зеленая (цвет ислама!) коническая шапка с меховой (или шерстяной?) оторочкой «восточного вида», убор типа фески красного цвета (о фесках турок кто только не наслышан был в те времена в Европе)¹.

Однако мы видим, что среди мусульман есть и такие субъекты, тело которых прикрыто далеко неполностью. Погибший арабский воин на авансцене картины обнажен по пояс. Но на картине есть и такие персонажи, у которых обнажены наиболее «стыдные» части фигуры (убегающий человек практически в одном плаще из одежды и со шлемом на голове слева от старого воина). Это запрещено в исламе шариатом (аврат). На запястьях рук и щиколотках ног некоторых представителей Востока видны, надо полагать, золотые

1 Именно в Фесе произрастала ягода, сок которой долгое время окрашивал этот головной убор в его неповторимый знаменитый цвет.

браслеты. Однако ислам запрещает мужчинам носить золотые украшения [35]. Обо всем этом живописец, судя по всему, осведомлен не был.

Примечательно, что кожа франков – светлого цвета, арабы же – преимущественно смуглые и даже темнокожие (в двух случаях – практически чернокожие: фигуры в центре композиции и за спиной лучника). В этом нам видится не только следование описанию известных у арабов расовых типов, но, возможно, и отзвук средневековых миниатюр времен крестовых походов, на которых представителей ислама неизменно писали с темными лицами, что имело негативную коннотацию [15, с.329].

Наконец, следует особо указать на то, что в самом центре композиции художник поместил женщину с маленьким, практически, грудным, ребенком, нежно прижимающую его к себе, и стремящуюся, тем самым, уберечь его от ярости боя. По мнению А. Семпфа, это не кто иная, как сама Франция и даже Европа, являющаяся основной ставкой в этой битве. Идею Сёмпфа следует признать весьма эффектной, но она, по нашему мнению, не соответствует действительности.

И эта женщина и те, о которых мы уже упоминали выше – находятся в рядах мусульман или примыкают к ним. Женщина с ребенком (она сама ранена и головное ее покрывало несет пятна крови) буквально льнёт к старику с мечом, стремясь найти у него защиту. Представленные на полотне представительницы прекрасного пола – возможно, часть гарема вали Абд-ар-Рахмана. Поместив их в гущу событий де Штёйбен, на наш взгляд, наложил, фигурально выражаясь, еще один крупный мазок на характеристику людей из мусульманского лагеря: они многоженцы, и даже на поле боя не могут расстаться с женами и наложницами, приносящими им сладостные утехи¹.

Здесь мы подходим, пожалуй, к кульминации всего предыдущего анализа. Шарль де Штёйбен приложил немало усилий на своем значительном по размерам историческом полотне для того, чтобы показать диаметрально противоположность мира христианства и ислама, вступивших между собой в противоборство, в котором христианству принадлежит беспорный успех. Это видно не только в разнице вооружения и одежды. Как представляется, главное в замысле живописца – мусульманские силы проигрывают не только оттого, что у европейцев устремленные вперед стройные ряды полных мужеством воинов, осиянных идеей Всепобеждающего Христа и лучшее оружие. Представители ислама, весь вид которых является практически

противоположностью бойцам мажордома Карла (специфическая одежда и головные уборы, узнаваемое оружие восточных типов и относящиеся к нему атрибуты с фантазийными элементами для усиления экзотичности) проигрывают, прежде всего, потому что они изнежены и чувственны (нагота некоторых мужчин и присутствие женщин из гарема даже на поле сражения), привержены роскоши (золотые браслеты) и лишены мужества. В их рядах нашелся едва ли не единственный храбрец, будучи раненым, бьющийся до конца, но обреченный на гибель – это уже неоднократно упомянутый пожилой воин в центре композиции. Нечего удивляться, что мусульмане охвачены страхом и паникой (взгляды, отчаянные жесты некоторых воинов), испытывают боль (гримаса страдания на лице павшего темнокожего бойца в центре) в противовес аскетическому виду храбрых, бесстрашных и самоотверженных франков (лицо павшего франка рядом с телом темнокожего воина ислама «тактично» скрыто художником, «уложившим» его ничком).

С помощью описанного набора ориенталистических приемов, который заложен де Штёйбеном в его картине, посвященной, казалось бы, событию давно минувших времен, и нашедшей свое место в ряду полотен с великими сражениями Франции в начале ее колониальных захватов в арабском мире, европейский художник стремится показать давнее превосходство «цивилизованной» Европы над восточными «варварами», вольно или невольно оправдывая происходящую в его время экспансию западноевропейцев на Восток. Полотно, как было показано выше, наряду с достоверными деталями, наполнено рядом неточностей и исторических «несстыковок», фантазийными деталями, в которых не всегда напрямую виноват художник, зависевший от уровня исторических знаний своего времени, но подверженный, в целом, определенным предрассудкам и штампам в отношении представителей другой религии. Будучи характерным образчиком ориентализма, картина Штёйбена в свое время играла, особенно, для не слишком искушенных зрителей, роль одного из ярких символов победоносного западного мира, и прежде всего, французской монархии. Это произведение является одним из ориенталистических опытов освоения действительности мира Другого в русле взаимоотношений Запада и Востока, для создания у носителей своего сообщества чувства превосходства над иноцивилизационной средой.

Разумеется, наши предположения не могут быть истиной в последней инстанции и поэтому выносятся на обсуждение среди заинтересованных специалистов.

1 Восточная культура, в отличие от западной, более лояльно смотрела на присутствие женщин рядом с воинами. В таком средневековом источнике, как «Поэма двух садов» на этот счет говорится: «Воины становились более пылкими в битве после поединка с их красотой».

Рис. Полотно «Битва при Пуатье. Октябрь 732» Ш. де Штэйбена /
 Pic. Canvas «Battle of Poitiers. October 732» by Ch. de Steuben

Источники и литература

1. Алексинский Д. П., Жуков К. А., Бутягин А. М., Коровкин Д. С. Всадники войны. Кавалерия Европы. URL: https://historylib.org/historybooks/D-P--Aleksinskiy_Vsadniki-voyny--Kavaleriya-Evropy/18 (Дата обращения: 10.12.21).
2. Бехайм В. Энциклопедия оружия. СПб.: Санкт-Петербург оркестр, 1995. 574 с.
3. Большая военная энциклопедия. Сабля. URL: <http://zonwar.ru/xolodnoe/sablj.html> (Дата обращения: 10.12.21).
4. Вейс Г. История цивилизации: архитектура, вооружение, одежда, утварь: Иллюстрированная энциклопедия в 3-х томах. «Темные века» и Средневековье (IV–XIV вв.). Т.2. М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1998. 600 с.
5. Великие династии мира. Каролинги. М.: Ариа-АиФ, 2012. 96 с.
6. Виноградов В. Б., Дударев С. Л., Нарожный Е. И. Основные этапы всемирной истории. Методический материал // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 1995. № 5. С. 126–135.
7. Древняя Русь: город, замок, село. М.: Наука, 1985. 431 с.
8. Дударев С. Л. Из истории военной повседневности времен крестовых походов // История оружия. Альманах. 2011. № 2–3. Запорожье, 2011. С. 52–68.
9. Дударев С. Л. Новые исследования историков Северного Кавказа по актуальным проблемам всеобщей им отечественной истории // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. № 3. 2020. С. 38–47.
10. Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. Сретенск: МЦИФИ, 2000. 352 с.
11. Кроуфорд Г. С. Резной орнамент ирландских каменных памятников христианского периода. СПб.: «Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 2007. 176 с., илл.
12. Круглый франкский щит с умбоном URL: <https://www.heraldry-old.ru/mir-geraldiki/42-kruglyy-frankskiy-schit-s-umbonom.html> (Дата обращения: 13.11.21).
13. Лебек С. Происхождение франков. V – IX века. Книга 1. Новая история средневековой Франции. М.: Скарабей, 1993. 348 с.
14. Лукашевская Я. А. Ориентализм – картины и живопись в западноевропейском искусстве XIX в. URL: https://www.wm-painting.ru/StyleInPaintingNP/p2_articleid/954 (Дата обращения: 8.12.21).

15. Лучицкая С. И. Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб.: Алетейя, 2001. 412 с.
16. Лучицкая С. И. Рыцари, крестоносцы и сарацины. Запад и Восток в эпоху крестовых походов. СПб.: Евразия, 2021. 480 с.
17. Маврматаки М. Греческая мифология и религия. Афины, 1997. 256 с.
18. Мигаль А. С. Мусульманский мир в представлениях западноевропейских интеллектуалов эпохи Просвещения: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2019. 31 с.
19. Ориентализм. Паломничество в страну Востока URL: <https://artchive.ru/encyclopedia/3354~Orientalism> (Дата обращения: 8.12.21).
20. Польская С. А. Сакральность королевской власти во Франции середины VIII – XV вв.: церемониальный и символический аспекты проблемы: автореф. дисс. канд. ист. наук. Ставрополь, 1999. 34 с.
21. Радюш О. А. Махайра URL: <https://bigenc.ru/ethnology/text/2195367> (Дата обращения: 10.12.21).
22. Рыцари: оружие, доспехи, стремена URL: https://sitekid.ru/istoriya/rycari/rycari_oruzhie_dospehi_stremena.html (Дата обращения: 10.12.21).
23. Саид Э. В. Ориентализм: западные концепции Востока. СПб.: Русский мир, 2006. 637 с.
24. Франциска URL: <https://bsmith.ru/articles/francisca> (Дата обращения: 10.12.21).
25. Франкские щиты URL: <https://www.heraldry-old.ru/mir-geraldiki/42-kruglyy-frankskiy-schit-s-umbonom.html> (Дата обращения: 13.11.21).
26. Франкский меч URL: <https://andrewbek-1974.livejournal.com/157780.html> (Дата обращения: 10.12.21).
27. Ятаган URL: <https://history-doc.ru/voyny/yatagan/> (Дата обращения: 10.12.21).
28. Blanc William, Christophe Naudine. Charles Martel et la bataille de Poitiers: de l'histoire au mythe identitaire. Paris, Libertalia, coll. «Ceux d'en bas» (no 4), 2015.
29. Deviosse Jean. Charles Martel. Paris, Tallandier, coll. «Biographie», 2006.
30. Roy Jean-Henri, Deviosse Jean. La bataille de Poitiers: octobre 733, Paris, Gallimard, coll. «Trente journées qui ont fait la France» (no 2), 1966.
31. Sumpf Alexandre URL: <https://histoire-image.org/de/etudes/bataille-poitiers> (Дата обращения: 10.12.21).
32. Siganiidou M., Lilimpaki-Akamati M. Pella. Capital of Macedonians. Athens, 1997. 74 p.

References

1. Aleksinskij D. P., Zhukov K. A., Butyagin A. M., Korovkin D. S. Vsadniki vojny. Kavaleriya Evropy (European Cavalry). URL: https://historylib.org/historybooks/D-P--Aleksinskij_Vsadniki-voyny--Kavaleriya-Evropy/18 (Accessed: 10.12.21). (In Russian).
2. Bekhajm V. Enciklopediya oruzhiya (Encyclopedia of weapon). St. Petersburg: Sankt-Peterburg orkestr, 1995. 574 p. (In Russian).
3. Bol'shaya voennaya enciklopediya. Sablya (Big military encyclopedia. Saber) <http://zonwar.ru/xolodnoe/sablj.html> (Accessed: 10.12.21). (In Russian).
4. Vejs G. Istoriya civilizacii: arhitektura, vooruzhenie, odezhdha, utvar': Illyustrirovannaya enciklopediya v 3-h tomah. «Temnye veka» i Srednnevekov'e (IV – XIV vv.) (History of civilization: architecture, weapons, clothing, utensils: An illustrated encyclopedia in 3 volumes. «Dark Ages» and the Middle Ages (IV–XIV centuries). Vol.2. Moscow: EKSMO-Press, 1998. 600 p. (In Russian).
5. Velikie dinastii mira. Karolingi (Great Dynasties of the World. Carolingians). Moscow: Aria-AiF, 2012. 96 p. (In Russian).
6. Vinogradov V. B., Dudarev S.L., Narozhnyj E.I. Osnovnye etapy vseмирной istorii. Metodicheskij material (The main stages of world history. Methodical material) // Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'. 1995. No. 5. P. 126–135. (In Russian).
7. Drevnyaya Rus': gorod, zamok, selo (Ancient Russia: city, castle, village). Moscow: Nauka, 1985. 431 p. (In Russian).
8. Dudarev S.L. Iz istorii voennoj povsednevnosti vremen krestovyh pohodov (From the history of military everyday life during the Crusades) // Istoriya oruzhiya. Al'manah. 2011. No. 2–3. Zaporozh'e, 2011. P. 52-68. (In Russian).
9. Dudarev S. L. Novye issledovaniya istorikov Severnogo Kavkaza po aktual'nym problemam vseobshchej im otechestvennoj istorii (New studies of historians of the North Caucasus on topical issues of their general national history) // Vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. No. 3. 2020. P. 38–47. (In Russian).
10. Kardini F. Istoki srednevekovogo rycarstva (Origins of medieval chivalry). Sretensk: MCIFI, 2000. 352 p. (In Russian).
11. Krouford G.S. Reznof ornament irlandskih kamennyh pamyatnikov hristianskogo perioda (Carved ornament of Irish stone monuments of the Christian period). St.Petersburg: «Russko-Baltijskij informacionnyj centr «BLIC», 2007. 176 p., ill. (In Russian).
12. Kruglyj frankskij shchit s umbonom (Round Frankish shield with umbon) URL: <https://www.heraldry-old.ru/mir-geraldiki/42-kruglyy-frankskiy-schit-s-umbonom.html> (Accessed: 13.11.21). (In Russian).
13. Lebek S. Proiskhozhdzenie frankov V – IX veka. Kniga 1. Novaya istoriya srednevekovoj Francii (The origin of the Franks in V – IX. Book 1. A new history of medieval France). Moscow: Skarabej, 1993. 348 p. (In Russian).
14. Lukashevskaya Ya.A. Orientalizm - kartiny i zhivopis' v zapadnoevropejskom iskusstve XIX v. (Orientalism - paintings and painting in Western European art of the twentieth century) URL: https://www.wm-painting.ru/StyleInPaintingNP/p2_articleid/954 (Accessed: 8.12.21). (In Russian).
15. Luchickaya S.I. Obraz Drugogo: musul'mane v hronikah krestovyh pohodov (Image of the Other: Muslims in the Chronicles of the Crusades). St.Petersburg: Aletejya, 2001. 412 p. (In Russian).
16. Luchickaya S.I. Rycari, krestonoscy i saraciny. Zapad i Vostok v epohu krestovyh pohodov (Knights, Crusaders and Saracens. West and East in the Age of the Crusades). St.Petersburg: Evraziya, 2021. 480 p. (In Russian).
17. Mavrmataki M. Grecheskaya mifologiya i religiya (Greek mythology and religion). Afiny, 1997. 256 p. (In Russian).
18. Migal' A.S. Musul'manskij mir v predstavleniyah zapadnoevropejskih intelektualov epohi Prosveshcheniya (The Muslim world in the views of Western European intellectuals of the Enlightenment): abstract of thesis. Stavropol', 2019. 31 p. (In Russian).

19. Orientalizm. Palomnichestvo v stranu Vostoka (Orientalism. Pilgrimage to the East) URL: <https://archive.ru/encyclopedia/3354~Orientalizm> (Accessed: 8.12.21). (In Russian).
20. Pol'skaya S. A. Sakral'nost' korolevskoj vlasti vo Francii smerediny VIII-XV vv.: ceremonial'nyj i simbolicheskiy aspekty problem (The Sacrality of Royal Power in France in the Middle of the 8th-15th Centuries: Ceremonial and Symbolic Aspects of Problem): abstract of thesis. Stavropol', 1999. 34 p. (In Russian).
21. Radyush O. A. Mahajra (Mahajra) URL: <https://bigenc.ru/ethnology/text/2195367> (Accessed: 10.12.21). (In Russian).
22. Rycari: oruzhie, dospekhi, stremena (Knights: weapons, armor, stirrups) URL: https://sitekid.ru/istoriya/rycari/rycari_oruzhie_dospehi_stremena.html (Accessed: 10.12.21). (In Russian).
23. Said E. V. Orientalizm: zapadnye koncepcii Vostoka (Orientalism: Western Conceptions of the East). St.Petersburg: Russkij mir, 2006. 637 p. (In Russian).
24. Franciska (Franciska) URL: <https://bsmith.ru/articles/franciska> (Accessed: 10.12.21). (In Russian).
25. Frankskie shchity (Frankish shields) URL: <https://www.heraldry-old.ru/mir-geraldiki/42-kruglyy-frankskiy-schit-s-umbonom.html> (Accessed: 13.11.21). (In Russian).
26. Frankskij mech (Frankish sword) URL: <https://andrewbek-1974.livejournal.com/157780.html> (Accessed: 10.12.21). (In Russian).
27. Yatagan (Yatagan) URL: <https://history-doc.ru/voyny/yatagan/> (Accessed: 10.12.21). (In Russian).
28. Blanc William, Christophe Naudine. Charles Martel et la bataille de Poitiers: de l'histoire au mythe identitaire. Paris, Libertalia, coll. «Ceux d'en bas» (no 4), 2015. (In France).
29. Deviosse Jean. Charles Martel. Paris, Tallandier, coll. «Biographie», 2006. (In France).
30. Roy Jean-Henri, Deviosse Jean. La bataille de Poitiers: octobre 733, Paris, Gallimard, coll. «Trente journées qui ont fait la France» (no 2), 1966. (In France).
31. Sumpf Alexandre URL: <https://histoire-image.org/de/etudes/bataille-poitiers> (Accessed: 10.12.21). (In France).
32. Siganidou M., Lilimpaki-Akamati. Pella. Capital of Macedonians. Athens, 1997. 74 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Дударев Сергей Леонидович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета / dudarev51@mail.ru
Адрес: д.159, ул. Розы Люксембург, 352901, Армавир, Российская Федерация.

Information about the author

Dudarev Sergey L. – Doctor of History, Professor, Chair of World and Russian History, Armavir State Pedagogical University / dudarev51@mail.ru
The address: 159, st. Rosa Luxembourg, 352901, Armavir, Russian Federation.

УДК 327

<http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.3.3>Т. В. Каширина
Т. В. Епифанова

ПРОБЛЕМА «КООРДИНИРУЮЩЕГО ГОСУДАРСТВА» В МИРОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОДКБ

В статье представлен анализ миротворческой деятельности Организации договора коллективной безопасности. С опорой на нормативные акты даны определения миротворческой деятельности как совокупности мер, направленных на разрешение споров; миротворческой операции как совокупности действий, направленных на разрешение конфликта; миротворческим контингентам и миротворческим силам как специально подготовленному персоналу. Авторами подчеркивается, что мандат Совета коллективной безопасности ОДКБ и Совета Безопасности ООН являются юридической основой для размещения КМС в зоне конфликта и исходным документом для разработки плана миротворческой операции. Миротворческие операции КМС ОДКБ могли проводить по решению СКБ на территории стран-участниц Организации, либо на территории не членов ОДКБ по Мандату Совбеза ООН. В обоих случаях ОДКБ была обязана информировать СБ ООН о начале проведения миротворческой операции. Авторами рассмотрен процесс становления Коллективных миротворческих сил. Миротворческая деятельность ОДКБ неоднократно подвергалась критике в экспертных кругах. В 2010 г. ОДКБ не ввела миротворческие силы в условиях Ошских событий 2010 г. в Киргизии, в 2016 г. в ходе обострения армяно-азербайджанского конфликта.

В каждом случае были свои причины не вводить миротворцев. Но, с другой стороны, в общественном поле это воспринималось как неспособность ОДКБ выполнить свои союзнические обязательства и обеспечить коллективную безопасность. Особое внимание уделено первой миротворческой операции ОДКБ в Казахстане в январе 2022 г. и роли России в ее проведении. В контексте расширения миротворческих функций ОДКБ и стремления развития отношений с ООН в указанной сфере исследована проблема введения статуса «координирующего государства» при осуществлении миротворчества под эгидой СБ ООН. Сделан вывод о конструктивном значении подобного изменения в миротворчестве ОДКБ.

Ключевые слова: международные отношения, Организация договора, коллективной безопасности, ООН, Коллективные миротворческие силы, миротворчество, миротворческая операция в Казахстане, координирующее государство.

Для цитирования: Каширина Т. В., Епифанова Т. В. Проблема «координирующего государства» в миротворческой деятельности ОДКБ // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (3). С. 384–388. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.3.3

Tatyana V. Kashirina
Tatyana V. Epiphanova

THE PROBLEM OF THE «COORDINATING STATE» IN THE PEACEKEEPING ACTIVITIES OF THE CSTO

The article analyzes the peacekeeping activities of the Collective Security Treaty Organization. Based on normative acts, definitions of peacekeeping activities are given as a set of measures aimed at resolving disputes; peacekeeping operations as a set of actions aimed at resolving a conflict; peacekeeping contingents and peacekeeping forces as specially trained personnel. The authors emphasize that the mandate of the Collective Security Council of the CSTO and the UN Security Council are the legal basis for the deployment of the Collective peacekeeping forces (CPF) in the conflict zone and the initial document for the development of a peacekeeping operation plan. Peacekeeping operations of the CSTO Naval Forces could be carried out by the decision of the Security Council on the territory of the member countries of the Organization, or on the territory of non-CSTO members under the Mandate of the UN Security Council. In both cases, the CSTO was obliged to inform the UN Security Council about the beginning of a peacekeeping operation. The authors consider the process of formation of Collective peacekeeping forces. The CSTO peacekeeping activities have been repeatedly criticized in expert circles. In 2010, the CSTO did not introduce peacekeeping forces in the context of the Osh events of 2010 in Kyrgyzstan, in 2016 during

the escalation of the Armenian-Azerbaijani conflict. In each case, there were reasons not to introduce peacekeepers. But, on the other hand, in the public field it was perceived as the inability of the CSTO to fulfill its allied obligations and ensure collective security. Special attention is paid to the first CSTO peacekeeping operation in Kazakhstan in January 2022 and the role of Russia in its conduct. In the context of expanding the peacekeeping functions of the CSTO and the desire to develop relations with the UN in this area, the problem of introducing the status of a "coordinating state" in the implementation of peacekeeping under the auspices of the UN Security Council is investigated. The conclusion is made about the constructive significance of such a change in the CSTO peacekeeping.

Key words: international relations, Treaty Organization, collective security, UN, Collective peacekeeping forces, peacemaking, peacekeeping operation in Kazakhstan, coordinating state.

For citation: Kashirina T. V., Epiphanova T. V. The problem of the «coordinating state» in the peacekeeping activities of the CSTO // Humanities and law research. 2022. V. 9 (3). P. 384–388. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.3.3

Основу миротворчества Организации договора коллективной безопасности составляют Коллективные миротворческие силы, процесс создания которых происходил с 2004 г, когда на саммите государств-членов Организации была принята Концепция формирования и функционирования механизма миротворческой деятельности ОДКБ [2], по 2007 г., когда было подписано Соглашение о Коллективных миротворческих силах [6]. С 2012 г. начали проводиться военные учения КМС.

Согласно Соглашению о Коллективных миротворческих силах, «миротворческая деятельность ОДКБ» – совокупность мер, включающих мирные средства и действия, направленные на разрешение споров (в соответствии с Уставом ООН), а также коллективные действия, предпринимаемые государствами – членами с использованием военного, милицейского (полицейского) и гражданского персонала, направленные на предотвращение, сдерживание и прекращение военных действий между государствами или в пределах государства посредством вмешательства третьей стороны и способствующие поддержанию мира и безопасности». КМС наделялись правом проводить операции по поддержанию мира, т. е. миротворческие операции» [6].

Согласно Соглашению, «операция ОДКБ по поддержанию мира» (далее – миротворческая операция) – совокупность взаимосвязанных по целям, задачам, месту и времени действий беспристрастного военного, милицейского (полицейского) и гражданского персонала, предпринимаемых для стабилизации обстановки в районах потенциальных или существующих конфликтов, осуществляемых в соответствии с мандатом на проведение миротворческих операций и направленных на создание условий, способствующих разрешению конфликта, и поддержание или восстановление мира и безопасности». Для этих целей создавались, согласно документу, «миротворческие контингенты государств-членов ОДКБ» (далее – миротворческие контингенты) – специально подготовленный военный, милицейский (полицейский) и гражданский персонал, а также силы и средства, предоставляемые государствами – членами в состав миротворческих сил ОДКБ; «миротворческие силы ОДКБ» (далее – Миротворческие силы) – совокупность миротворческих контингентов, предназначенных для участия в миротворческих операциях ОДКБ; «коллективные миротворческие силы ОДКБ» (далее – КМС) – части (подразделения) из состава миротворческих контингентов, выделяемые государствами-членами на период проведения миротворческой операции».

Для проведения миротворческой операции КМС ОДКБ должны были получить Мандат. Согласно Соглашению, «мандат на проведение миротворческой операции» (далее – Мандат) – решение Совета коллективной безопасности ОДКБ

(далее – СКБ) или, в случае проведения миротворческой операции за пределами территории государств – членов, решение Совета Безопасности ООН, в котором определяются цели и задачи, временные и пространственные пределы, другие детали конкретной миротворческой операции, а также полномочия миротворцев. Мандат является юридической основой для размещения КМС в зоне конфликта и исходным документом для разработки плана миротворческой операции. Решение о проведении миротворческой операции на территории государств-членов принимается СКБ с учетом национального законодательства государств-членов на основании официального обращения государства – члена о проведении на его территории миротворческой операции или решения Совета Безопасности ООН о проведении миротворческой операции на территории государства, не входящего в ОДКБ. СКБ незамедлительно информирует Совет Безопасности ООН о своем решении провести миротворческую операцию на территории государства – члена. Исходя из обстановки, масштабов конфликта и его возможного воздействия на ситуацию в регионе, СКБ может запрашивать полномочия (Мандат) у Совета Безопасности ООН на проведение миротворческой операции или устанавливать процедуру периодического информирования Совета Безопасности ООН о ходе миротворческой операции. В случае принятия решения о проведении миротворческой операции за пределами территории государств-членов СКБ обращается к Совету Безопасности ООН с запросом на предоставление соответствующего Мандата на проведение миротворческой операции. После получения Мандата СКБ назначает Главу миротворческой миссии [6].

В состав КМС вошли национальные миротворческие контингенты стран-участниц. Самый большой контингент предоставила Россия.

Таким образом, миротворческие операции КМС ОДКБ могли проводить по решению СКБ на территории стран-участниц Организации, либо на территории не членов ОДКБ по Мандату Совета ООН. В обоих случаях ОДКБ была обязана информировать СБ ООН о начале проведения миротворческой операции.

Миротворческая деятельность ОДКБ неоднократно подвергалась критике в экспертных кругах. В 2010 г. ОДКБ не ввела миротворческие силы в условиях Ошских событий 2010 г. в Киргизии, в 2016 г. в ходе обострения армяно-азербайджанского конфликта. В каждом случае были свои причины не вводить миротворцев, хотя в случае узбекско-киргизских столкновений в г. Ош был официальный запрос от тогдашней главы государства Р. Отунбаевой. Но, с другой стороны, в общественном поле это воспринималось как неспособность ОДКБ выполнить свои союзнические обязательства и обеспечить коллективную безопасность.

Наиболее четко и филигранно миротворцы ОДКБ сработали в ходе беспорядков в Казахстане в январе 2022 г. По запросу президента Казахстана К.-Ж Токаева, по решению Совета коллективной безопасности Организации КМС провели миротворческую операцию [8].

Значительную роль сыграла Россия. Именно Москва направила наибольшее количество миротворцев в зону конфликта – подразделения 45-й отдельной бригады ВДВ, 31 отдельной бригады ВДВ, 98 воздушно-десантной дивизии [2]. переброска белорусских, таджикских и киргизских миротворцев осуществлялась также российской авиацией. Ввод КМС на казахстанскую территорию создал благоприятные условия для местных правоохранительных органов, которые провели мероприятия по задержанию инициаторов беспорядков.

Первая миротворческая операция в Казахстане значительно укрепила значимость Организации, повысила рейтинг и создала благоприятный имидж ОДКБ.

В связи с активизацией миротворчества ОДКБ возникла необходимость адаптации политико-правовой базы и институализации Организации под новые задачи на евразийском пространстве. 16 сентября 2021 г. в Душанбе Совет коллективной безопасности подписал Протокол к Соглашению о миротворческой деятельности 2007 г. [6], который в России был ратифицирован Государственной думой 5 апреля 2022 г. [10]

Согласно Протоколу, в статью Соглашения о КМС включили понятие «координирующее государство» - одно из государств-членов, определяемое СКБ для решения организационных вопросов и вопросов всестороннего обеспечения применения КМС в операциях ООН по поддержанию мира». Статью 8 изложили в следующей редакции: «Миротворческие силы могут применяться в операциях ООН по поддержанию мира. Для применения в операции ООН по поддержанию мира КМС создаются под эгидой координирующего государства. Условия участия КМС в операции ООН по поддержанию мира определяются в соглашении, заключаемом координирующим государством с уполномоченным подразделением ООН. Отдельные вопросы, связанные с включением миротворческих контингентов в КМС, предназначенных к применению в операциях ООН по поддержанию мира, регламентируются двух- и многосторонними соглашениями между координирующим государством и другими государствами-членами. Каждое государство-член вправе направлять свои миротворческие контингенты, зарегистрированные в Системе обеспечения готовности миротворческого потенциала ООН, для участия в миротворческих операциях по мандату ООН, информируя о своем участии СКБ» [6].

По мнению депутата Госдумы, председателя Постоянной комиссии Парламентской Ассамблеи ОДКБ по вопросам обороны и безопасности

А. Выборного, «внесенные изменения значительно расширяют сферу действия миротворческих сил ОДКБ при выполнении возложенных на них задач по поддержанию международного мира и локальной безопасности, а также способствует укреплению имиджа и авторитета ОДКБ на международной арене» [6].

Член Комитета СФ по обороне и безопасности С. Колбин отметил, что «ратификация Протокола отвечает интересам Российской Федерации, так как будет способствовать обеспечению эффективного участия ОДКБ и ее государств-членов в усилиях мирового сообщества по поддержанию международного мира и безопасности, а также укреплению сотрудничества в рамках Организации [9].

Кандидат социологических наук, полковник запаса, профессор Академии военных наук России А. Тиханский подчеркнул, что ратификация Протокола о координирующем государстве проходит одновременно в парламенте Белоруссии и инициатором этого является президент А. Лукашенко. А. Тиханский подчеркнул, что «соответственно на сегодняшний день, если мы не будем вместе, значит мы порознь. А порознь никто не решает никаких вопросов. Мы просто увидим действенность ОДКБ, действенность ШОС, ЕАЭС в том числе, поскольку против нас, то есть против России и Беларуси введены экономические санкции». Также он сказал, что принятие статуса «координирующего государства» повлияет на скорость реагирования миротворческого контингента ОДКБ. По его словам, «принятие некоторых решений в ОДКБ длится по 3-4 месяца. Если значительно увеличится скорость принятия решений, то это в значительной степени повлияет и изменит военно-политическую обстановку» [3].

Политолог В. Киреев обращает внимание, что «буквально за последние месяцы произошли фундаментальные изменения как в конструкции международной безопасности, так и в общей конструкции политических отношений. Среди них – повывисившийся уровень конфликтности, образование военно-политических союзов, таких как АУКУС и активизация деятельности ОДКБ, что явно проявилось впервые в операции в Казахстане в начале этого года. Ещё одним фактором стал рост международной напряженности вокруг ситуации на Украине, в которой де-факто и де-юре принимает участие Россия и признанные ей силы Донецкой и Луганской народных республик». «Все это предполагает создание нового юридического аппарата как в одностороннем порядке Россией за пределами своих границ, так и в совместных операциях, таких как ОДКБ и других военно-политических объединениях, в том числе и в рамках Организации Объединённых наций. Это связано с необходимостью юридического определения внешнеполитических приоритетов, должно быть задекларировано в документах, чтобы стать

основанием для стратегий, программ, концепций, которыми руководствуется Россия в своей внешней политике. На основании этих внутренних юридических документов будут созданы международные правила использования вооружённых сил как в военных, так и в гуманитарных миссиях, во внешнем управлении территориями, которые приобретают спорный характер, и в совместном использовании военных и политических инструментов со своими союзниками», — отмечает эксперт [5].

Но не всеми представителями экспертного сообщества данное нововведение оценивается положительно. Так, по мнению казахстанского юриста С.Беркамалова, понятие «координирующее государство» в ОДКБ противоречит самому смыслу организации как военной договоренности». «По логике вещей, координирующее государство — это страна, которая будет иметь руководящую роль в объединении, и, соответственно, координировать действия других стран. Это противоречит ОДКБ, так как эта организация изначально задумывалась как равноправное объединение всех ее членов. Думаю, что не стоит соглашаться на принятие таких поправок. Кроме того, наверняка подразумевается, что координирующим государством будет Россия как наиболее сильное государство в экономическом и военном плане. Кроме того, такие решения не стоит обсуждать в то время, как одна из стран-участниц ОДКБ находится в состоянии войны», — говорит он. По мнению эксперта, «особенно тщательно к принятию этих поправок следует подходить странам с меньшим политическим весом на мировой арене — ведь от этих поправок зависит и дальнейшее их позиционирование в мировом сообществе» [11].

Основная новелла касается введения статуса «координирующего государства», который принимает на себя обязанности координации проведения миротворческих операций под эгидой Совета безопасности ООН.

Введение института «координирующего государства» значительно ускорит подготовку к миротворческой операции и улучшит коммуникацию между ОДКБ и Секретариатом и Советом безопасности ООН. Функции координирующего

государства, по сути, закроют процедуру отправки запросов стран-членов ОДКБ об участии в миротворческой операции.

Подобную функцию выполняла Россия. Теперь такой статус по решению СКБ может даваться любой из стран-участниц ОДКБ. Приобретение статуса «координирующего государства» дает правообладателю мандат предоставлять ОДКБ в ООН. Это, с одной стороны, является определенным шагом в укреплении международных позиций Организации; с другой стороны, значительно ускоряет подготовку миротворческих операций. В-третьих, укрепляет право проводить миротворческие операции под эгидой ООН за пределами территорий государств-членов ОДКБ.

Безусловно, обращает на себя внимание период, когда вводятся нововведения в миротворческую деятельность ОДКБ по линии взаимоотношений с ООН. Значительно изменился характер международных отношений, которые проистекают в условиях глубокого противостояния России и коллективного Запада, России и США. Основу миротворческого контингента ООН составляют американские военнослужащие. На уровне Совета безопасности ООН углубились противоречия между Россией и США, между США и Китаем. В феврале 2022 г. началась спецоперация России на Украине по ее денацификации и демилитаризации. В связи с этим возникает вопрос — вовремя ли эти изменения?

На наш взгляд, да, вовремя. Миротворческая операция в Казахстане продемонстрировала эффективность такого механизма. Статус «координирующего государства» позволяет расширить географию проведения миротворческих операций по решению Совбеза ООН. Также миротворческие операции могут проводиться и в соответствии со ст.4 о коллективной обороне Ташкентского договора 1992 г. (ДКБ). Ко всему прочему, это дает возможность ОДКБ формировать миротворческие силы не только в лице регионального государства (члена ОДКБ), но и от имени ООН. Это может значительно снизить западное влияние при проведении миротворческих операций, учитывая, что Запад неоднократно выступал от лица «всего мирового сообщества», особенно в так называемых «гуманитарных операциях».

Источники и литература

1. Анатолий Выборный: Координирующее государство в рамках ОДКБ займется формированием миротворческих сил под эгидой ООН. URL: <https://moscow.er.ru/activity/news/anatolij-vybornyj-koordiniruyushee-gosudarstvo-v-ramkah-odkb-zajmetsya-formirovaniem-mirotvorcheskikh-sil-pod-egidoj-oon> (Дата обращения: 28.08.2022).
2. В Минобороны рассказали о составе миротворческих сил России в Казахстане. URL: <https://ria.ru/20220107/mirotvortsy-1766837944.html> (Дата обращения: 28.08.2022).
3. Военный эксперт: введение координирующего государства ускорит работу ОДКБ. URL: <https://e-cis.info/news/568/98847/> (Дата обращения: 28.08.2022).
4. Концепция формирования и функционирования механизма миротворческой деятельности. URL: https://lawrussia.ru/texts/legal_339/doc339a379x562.htm (Дата обращения: 28.08.2022).
5. Мелехов Ф. «Координирующее государство»: зачем в разгар спецоперации потребовалась реформа ОДКБ? URL: <https://www.nakanune.ru/articles/118479/> (Дата обращения: 28.08.2022).
6. Протокол о внесении изменений в Соглашение о миротворческой деятельности Организации Договора о коллективной безопасности от 6 октября 2007 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/573600140> (Дата обращения: 28.08.2022).

7. Соглашение о миротворческой деятельности Организации Договора о коллективной безопасности. URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/soglashenie_o_mirotvorcheskoy_deyatelnosti_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti/#loaded (Дата обращения: 28.08.2022).
8. Токаев обратился к ОДКБ за помощью в борьбе с террористами. URL: <https://ria.ru/20220105/obraschenie-1766673066.html> (Дата обращения: 28.08.2022).
9. Уточнен порядок использования коллективных миротворческих сил ОДКБ в операциях ООН по поддержанию мира URL: <http://council.gov.ru/events/news/134974/> (Дата обращения: 28.08.2022).
10. Федеральный закон от 16.04.2022 г. № 94-ФЗ О ратификации Протокола о внесении изменений в Соглашение о миротворческой деятельности Организации Договора о коллективной безопасности от 6 октября 2007 года URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47760> (Дата обращения: 28.08.2022).
11. Эксперт: Понятие «координирующее государство» противоречит смыслу ОДКБ URL: <http://ibirzha.kz/ekspert-ponyatie-koordiniruyushhee-gosudarstvo-protivorechit-smyslu-odkb/> (Дата обращения: 28.08.2022).

References

1. 1. Anatolij Vybornyj: Koordiniruyushchee gosudarstvo v ramkah ODKB zajmetsya formirovaniem mirotvorcheskikh sil pod egidoy OON (Anatolij Vybornyj: The coordinating state within the framework of the CSTO will be engaged in the formation of peacekeeping forces under the auspices of the UN) URL: <https://moscow.er.ru/activity/news/anatolij-vybornyj-koordiniruyushchee-gosudarstvo-v-ramkah-odkb-zajmetsya-formirovaniem-mirotvorcheskikh-sil-pod-egidoy-oon> (Accessed: 28.08.2022) (In Russian).
2. V Minoborony rasskazali o sostave mirotvorcheskikh sil Rossii v Kazahstane (The Defense Ministry told about the composition of the Russian peacekeeping forces in Kazakhstan) URL: <https://ria.ru/20220107/mirotvortsy-1766837944.html> (In Russian).
3. Voennyj ekspert: vvedenie koordiniruyushchego gosudarstva uskorit rabotu ODKB. URL: <https://e-cis.info/news/568/98847/> (Military expert: the introduction of a coordinating state will speed up the work of the CSTO) (Accessed: 28.08.2022) (In Russian).
4. Konceptiya formirovaniya i funkcionirovaniya mekhanizma mirotvorcheskoy deyatelnosti (The concept of the formation and functioning of the peacekeeping mechanism) URL: https://lawrussia.ru/texts/legal_339/doc339a379x562.htm (Accessed: 28.08.2022) (In Russian).
5. Melekhov F. «Koordiniruyushchee gosudarstvo»: zchem v razgar specoperacii potrebovalas' reforma ODKB? ("Coordinating state": why was the CSTO reform required at the height of the special operation?) URL: <https://www.nakanune.ru/articles/118479/> (Accessed: 28.08.2022) (In Russian).
6. Protokol o vnesenii izmenenij v Soglashenie o mirotvorcheskoy deyatelnosti Organizacii Dogovora o kollektivnoj bezopasnosti ot 6 oktyabrya 2007 g. (Protocol amending the Peacekeeping Agreement of the Collective Security Treaty Organization of October 6, 2007) URL: <https://docs.cntd.ru/document/573600140> (Accessed: 28.08.2022) (In Russian).
7. Soglashenie o mirotvorcheskoy deyatelnosti Organizacii Dogovora o kollektivnoj bezopasnosti (Agreement on peacekeeping activities of the Collective Security Treaty Organization) URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/soglashenie_o_mirotvorcheskoy_deyatelnosti_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoj_bezopasnosti/#loaded (Accessed: 28.08.2022) (In Russian).
8. Tokaev obratilsya k ODKB za pomoshch'yu v bor'be s terroristami (Tokayev turned to the CSTO for help in the fight against terrorists) URL: <https://ria.ru/20220105/obraschenie-1766673066.html> (Accessed: 28.08.2022) (In Russian).
9. Utochnen poryadok ispol'zovaniya kollektivnykh mirotvorcheskikh sil ODKB v operaciyah OON po podderzhaniyu mira (The procedure for using the CSTO collective peacekeeping forces in UN peacekeeping operations has been clarified) URL: <http://council.gov.ru/events/news/134974/> (Accessed: 28.08.2022) (In Russian).
10. Federal'nyj zakon ot 16.04.2022 g. № 94-FZ O ratifikacii Protokola o vnesenii izmenenij v Soglashenie o mirotvorcheskoy deyatelnosti Organizacii Dogovora o kollektivnoj bezopasnosti ot 6 oktyabrya 2007 goda (Federal Law No. 94-FZ of April 16, 2022 On Ratification of the Protocol on Amendments to the Agreement on Peacekeeping Activities of the Collective Security Treaty Organization of October 6, 2007) URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47760> (Accessed: 28.08.2022) (In Russian).
11. Ekspert: Ponyatie «koordiniruyushchee gosudarstvo» protivorechit smyslu ODKB (Expert: The concept of «coordinating state» is contrary to the meaning of the CSTO) URL: <http://ibirzha.kz/ekspert-ponyatie-koordiniruyushhee-gosudarstvo-protivorechit-smyslu-odkb/> (Accessed: 28.08.2022) (In Russian).

Сведения об авторах

Татьяна Владиславовна Каширина – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой международных отношений и внешней политики России Московского государственного лингвистического университета / kashirina73@mail.ru

Адрес: 119034, д. 38, ул. Остоженка, Москва, Российская Федерация.

Татьяна Валерьевна Епифанова – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД России / tanjaepi@mail.ru

Адрес: 119021, 53/2, стр. 1, Остоженка, Москва, Российская Федерация.

Information about the authors

Kashirina Tatyana V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Chair of International Relations and Foreign Policy of Russia, Moscow State Linguistic University / kashirina73@mail.ru

The address: 119034, bld. 38, Ostozhenka st., Moscow, Russian Federation.

Epiphanova Tatyana V. – PhD in History, Associate Professor, Chair of International Relations, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia / tanjaepi@mail.ru

The address: 119021, 53/2, bld. 1, Ostozhenka st., Moscow, Russian Federation.

УДК 930.1:316.334 (470.63)

<http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.3.4>

М. Е. Колесникова
Т. А. Невская

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ КАЗАЧЕСТВА НА СТАВРОПОЛЬЕ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

История казачества одно из перспективных направлений отечественного кавказоведения. Наибольшее внимание исследователей привлекает история Терского, Кубанского, Донского и Линейного казачьих войск, тесно связанная с историей колонизации Северного Кавказа и Юга России. В статье рассматривается историография изучения истории казачества через призму трудов ставропольских историков, применительно к дореволюционному периоду, трудов тех военных историков и исследователей, которые жили определенное время на территории Ставрополья и писали об истории казачества. Смена этапов историографии была связана со сменой политических ориентиров в обществе и сказывалась на ее содержании. Последовательно рассматриваются дореволюционный, советский и современные этапы отечественной историографии проблемы южнороссийского казачества, анализируются работы историков, проблематика, тенденции и особенности исследований. Показано, что значительную роль в становлении историографической традиции изучения истории казачества сыграли военные историки XIX – начала XX вв., сочинения которых имели военно-стратегический характер и были выполнены в форме военно-топографических, военно-статистических, статистико-географических и историко-географических описаний. Советский этап характеризуется значительными исследованиями в области военно-политической истории Северного Кавказа XIX в., появлением первых обобщающих трудов в том числе и по истории Север-

ного Кавказа, тех территорий, где компактно проживали казаки. Отличительной чертой современного этапа отечественной исторической науки является появление новых подходов и методов к изучению истории казачества, определение следующих направлений исследований: феномен российского казачества; казаки и российская государственность; исторические традиции казачьего самоуправления; взаимодействие казачества, власти и церкви на различных этапах истории России; казачество в государственно-национальной и культурной политики Российской империи; казачья колонизация на Северном Кавказе и история Кавказской войны; казачество и советская власть, расказачивание, казачество в годы Великой Отечественной войны, проблемы возрождения казачества; современное развитие казачества в России; казачество в истории и культуре зарубежных государств; казачество в пространстве исторической памяти советского и постсоветских обществ; сохранение исторического наследия, материальной и духовной культуры российского казачества.

Ключевые слова: возрождение казачества, историография изучения казачества, история казачества, кавказоведение, Ставрополье, Северный Кавказ.

Для цитирования: Колесникова М. Е., Невская Т. А. Изучение истории казачества на Ставрополье: состояние и перспективы // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (3). С. 389–403. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.3.4

Marina E. Kolesnikova
Tatyana A. Nevskaya

STUDYING THE HISTORY OF THE COSSACKS IN THE STAVROPOL TERRITORY: STATE AND PROSPECTS

The history of the Cossacks is one of the promising areas of domestic Caucasian studies. The greatest attention of researchers is attracted by the history of the Terek, Kuban, Don and Linear Cossack troops, which is closely connected with the history of the colonization of the North Caucasus and the South of Russia. The article discusses the historiography of studying the history of the Cossacks through the prism of the works of Stavropol historians, in relation to the pre-revolutionary period, the works of those military historians and researchers who lived for a certain time on the territory of Stavropol and wrote about the history of the Cossacks. The change in the stages of historiography was associated with a change in political orientations in society and affected its content. The pre-revolutionary, Soviet and modern stages of the national historiography of the problem of the South

Russian Cossacks are considered sequentially, the works of historians, problems, trends and features of research are analyzed. It is shown that a significant role in the formation of the historiographic tradition of studying the history of the Cossacks was played by military historians of the 19th - early 20th centuries, whose writings were of a military-strategic nature and were made in the form of military-topographical, military-statistical, statistical-geographical and historical-geographical descriptions. The Soviet stage is characterized by significant research in the field of the military-political history of the North Caucasus in the 19th century, the appearance of the first generalizing works, including those on the history of the North Caucasus, those territories where the Cossacks densely lived. A distinctive feature of the current stage of domestic historical science is the emergence of new approaches and methods to the

study of the history of the Cossacks, the definition of the following areas of research: the phenomenon of the Russian Cossacks; Cossacks and Russian statehood; historical traditions of Cossack self-government; the interaction of the Cossacks, authorities and the church at various stages of the history of Russia; Cossacks in the state-national and cultural policy of the Russian Empire; Cossack colonization in the North Caucasus and the history of the Caucasian War; Cossacks and the Soviet power, decossackization, Cossacks during the Great Patriotic War, problems of the revival of the Cossacks; modern development of the Cossacks in Russia; Cossacks in the history and culture of

На Ставрополье в современных границах проживают представители бывших до революции нескольких казачьих войск: Терского, Кубанского, Донского и Линейного. Поэтому наибольшее внимание исследователи уделяют истории именно этих войск, то есть казачеству юга России. Дать анализ всем работам, из которых можно почерпнуть сведения о казачестве на Ставрополье, не представляется возможным в небольшом историографическом обзоре. Данная статья рассматривает труды, созданные ставропольскими историками, а применительно к дореволюционному периоду, труды тех, кто жил определенное время на территории Ставрополья, писал об истории казачества.

Изучение истории казачества ставропольскими исследователями условно можно разделить на несколько этапов. Первый (XIX – начало XX вв.) – исследования и сообщения дореволюционных авторов, проживавших или служивших на территории Ставропольской губернии (Попко И. Д., Потто В. А., Фелицын Е. Д., Бентковский И. В. и др.) [50; 75; 76; 96]. Обстоятельный анализ трудов этих историков дан в работах С. Фарфаровского [91], Г. Н. Прозрителева [78], Б. М. Городецкого [8], Б. А. Трехбрата [87; 88; 89], Г. Н. Шевченко [101], М. Е. Колесниковой [37; 38], Т. А. Колосовской [41; 42] и др.

Выделение дореволюционного периода обусловлено внутренней логикой развития отечественного кавказоведения, спецификой научно-отраслевого понимания исторических текстов, принадлежащих перу военных, чиновников, историописателей, историков казачества XIX – начала XX вв. Работы, написанные в этот период, близки по структуре, форме изложения материала, тематике исследований и в определенной мере по методикам историописания. Это было время накопления фактического материала, определение направлений и тематики научных исследований в области истории казачества. Было начато научное осмысление проблемы, сложились научные традиции в изучении казачьей тематики.

Первым казачьим историографом по праву считается военный историк, архивист И. Д. Попко, генерал Кубанского казачьего войска, губернский предводитель дворянства в Кубанской и Терской

foreign states; Cossacks in the space of historical memory of Soviet and post-Soviet societies; preservation of the historical heritage, material and spiritual culture of the Russian Cossacks.

Key words: revival of the Cossacks, historiography of the study of the Cossacks, the history of the Cossacks, Caucasian studies, Stavropol, the North Caucasus.

For citation: Kolesnikova M. E., Nevskaya T. A. Studying the history of the Cossacks in the Stavropol territory: state and prospects // Humanities and law research. 2022. V. 9 (3). P. 389–403. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.3.4

областях и в Ставропольской губернии. Истории казачества посвящены его многочисленные работы, которые отличались новизной, целостностью, сочетанием исторических и этнографических данных, ссылками на архивные источники. За время службы у И. Д. Попко сформировался личный архив, в котором хранились его походные дневники, письма, рукописи, копии архивных бумаг [1; 78]. В 1876 г. И. Д. Попко обратился к Кавказскому наместнику с предложением разобрать северокавказские архивы, учредить центральный архив и отобрать на хранение документы, представляющие историческую ценность по истории казачества. Разбор архивов так и не был проведен, помешала начавшаяся очередная война с Турцией. Но само понимание важности этой работы, уже показатель, подхода историка к источникам. Им была разработана и специальная программа занятий по историографии Кавказского линейного казачьего войска [79, л. 11-12 об.]. Располагал И. Д. Попко и богатой личной библиотекой, большая часть собрания которой сегодня находится в отделе редкой книги Ставропольской краевой научной библиотеки им. М. Ю. Лермонтова [2; 19].

Архивные документы легли в основу его фундаментальных трудов по истории казачества: «Статистическое описание Черноморского войска (1840), «Исторические и биографические очерки» (1872), «Первый год учительской семинарии войска Кубанского» (1872) и др. В 1880 г. вышел его капитальный труд, посвященный истории терского казачества – «Терские казаки со стародавних времен». Написанный на архивных и этнографических материалах он является историко-этнографическим исследованием, в котором прослежена история казаков от первых поселений на берегах Терека до создания Терского войска.

Свои статьи и очерки, посвященные быту и службе казаков, И. Д. Попко часто публиковал на страницах периодических изданий «Русская старина», «Русский архив», «Отечественные записки», газет «Петербургские ведомости», «Русский инвалид», «Кубанские областные ведомости», «Ставропольские губернские ведомости», в «Военном сборнике» и «Кубанском сборнике» [5]. Иногда работы он печатал под псевдонимами «Помандруйко» или «Есаул».

Научные труды И. Д. Попко получили всеобщее признание, были отмечены наградами, которые зафиксированы в его формуляре [10, л. 21–29]. Среди них – бриллиантовый перстень, пожалованный Его Императорским Высочеством в 1850 г. за составление статистического описания Черноморского войска («О состоянии Черноморского казачьего войска с 1 января 1825 г. по 1 января 1850 г.»); бриллиантовый перстень с рубином и престижная Демидовская премия, полученные в 1858 г. за книгу о черноморских казаках (Черноморские казаки в их гражданском и военном быту: Очерки края, общества, вооруженной силы и службы в 17 рассказах с эпилогом, картою и 4 рис. с натуры. В 2 ч. СПб.: Тип. П. А. Кулиша, 1858) [77, с. 143]. Книга о черноморских казаках явилась первым подробным исследованием по истории казачества, рецензия на нее была подготовлена профессором Петербургского университета Н.И. Костомаровым.

Подробное описание предистории и истории создания и функционирования Азово-Моздокской линии до середины XIX в. дано в работах военного историка В. А. Потто, деятельность которого приходится на вторую половину XIX в. Целенаправленным изучением исторического прошлого Кавказа В. А. Потто начинает заниматься с 1888 г., будучи прикомандированным к штабу Кавказского военного округа. В 1889 г. проводился разбор войсковых архивов Кавказского военного округа. При Управлении 23-й бригады во Владикавказе создали центральный архив, куда были свезены документы ликвидированных частей и учреждений, дислоцировавшихся на территории Терской области и Ставропольской губернии. Разбором этих архивов и руководил В. А. Потто, под его руководством были подготовлены и изданы фундаментальные труды «Утверждение русского владычества на Кавказе» (4 т., 1901–1908.), «Памятники времен утверждения русского владычества на Кавказе» (2 т., 1906–1909). В 1899 г. он возглавил военно-исторический отдел при штабе Кавказского военного округа в Тифлисе. В задачи отдела входил разбор архивов Владикавказа, Кизляра, Моздока, Нальчика, Грозного, ряда казачьих станиц и сохранение письменных источников. Была разработана специальная инструкция для «историографических изыскателей». Под редакцией В. А. Потто по новой программе стало издаваться периодическое издание «Кавказский сборник».

Архивные изыскания В. А. Потто легли в основу его многочисленных очерков по военной истории Кавказа, печатавшихся в «Военном сборнике» под псевдонимами «Драгун» и «Драгунский офицер». В своих работах он уходит от характерной для прежних авторов обобщающей статистики и уделяет внимание описанию отдельных хоперских станиц и хуторов, особенностей устройства

казачьих постов, хат и хозяйственных заведений, военных и традиционных невоенных занятий казаков, воспроизводит рассказы служивых казаков о жизни на Линии и борьбе с горцами. Он подробно рассматривает обстоятельства возникновения и военно-стратегическое значение Линии в конце XVIII – первой половине XIX в. Его перу принадлежат исторические сочинения: «Несколько дней на Кубани», «Воспоминания о закавказском походе 1853–1856 гг.», «Хаджи-Мурат», «Рассказ о смерти майора Золотухина», «История 44-го драгунского Нижегородского Его Императорского Высочества Гусаря наследника цесаревича полка», участвовавшего в покорении Кавказа, и «Два века терского казачества (1577–1801)» и др. [6] Многие вопросы истории Северного Кавказа XIX в. были освещены на страницах многотомного произведения В. А. Потто «Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях», ставшего главным трудом его жизни.

Тема Кавказской войны на многие десятилетия будет являться одной из основных в историографии истории казачества дореволюционного периода. При освещении ее различными авторами, чиновниками и представителями военного ведомства давалась интерпретация событий, в определенной степени влияющая на формирование образа Кавказа и казачества в российском общественном сознании. Во второй половине XIX в., после окончания Кавказской войны, появляются и первые обобщающие работы об этой войне, являющиеся и первым опытом осмысления и анализа этого масштабного явления. Они выходили отдельными изданиями, публиковались на страницах «Кубанских войсковых ведомостей», «Сборников» Кубанского областного статистического комитета, Ставропольского губернского статистического комитета и Общества любителей изучения Кубанской области [90]. В них запечатлена не только история Кавказской войны, но и этнография северокавказских народов, история взаимоотношений казаков с горцами, описаны историко-топонимические процессы в регионе.

На вторую половину XIX в. приходится развитие полковой историографии Кубанского казачьего войска, начальной вехой которой также стало окончание Кавказской войны [56]. По поручению Главного штаба Кавказской армии в полках и отдельных батальонах была начата работа по составлению истории военных действий их на Кавказе с целью сохранить для потомства по возможности полное и подробное повествование о подвигах, которые были совершены частями войск и отдельными лицами в течение продолжающейся Кавказской войны. Для работы в архивах были определены офицеры, которые занимались историческими изысканиями, их разрешено было освобождать от служебных обязанностей. К работе предлагалось привлечь и «всех военных

и других званий лиц, у которых окажутся какие-либо записки и воспоминания, имеющие какое-либо отношение к событиям минувшей войны...» [55, с. 40]. Отдельные исторические записки было решено публиковать на страницах «Кубанских войсковых ведомостей».

В русле полковой историографии работали многие офицеры, являющиеся членами различных комиссий, а также военные историки XIX в. И. Ф. Чуйков, Зазулевский, Г. Ф. Петин, Судаков, Н. М. Могилевцев, Г. П. Головков, И. И. Дмитренко, И. Е. Гулыга, А. Д. Ламонов, А. Г. Рыбальченко, П. П. Орлов, А. Цезарский и др. [14; 51; 59; 72; 73; 97].

Изучением истории Хоперского казачьего полка занимался генерал-майор И. С. Кравцов, который в 1831 г. поступил на службу в этот полк, участвовал в боевых действиях, позже, в период с 1861 по 1870 гг., командовал 4-й (Хоперской) бригадой Кубанского казачьего войска [92]. За время службы он имел доступ к станичным и полковым архивам. В период с 1850 по 1870-е гг. он написал несколько статей и заметок о жизни Кубанского линейного казачества, которые были опубликованы на страницах газет «Кавказ» и «Кубанский казачий вестник», часто под псевдонимом «Хоперец» [4]. В 1874 г., уже будучи отставным генерал-майором Кубанского казачьего войска, И. С. Кравцов приступил к написанию исторического очерка о хоперцах, которые в этом же году были официально назначены старшим из полков всего войска. В основу очерка автор положил личные впечатления и воспоминания, сложившиеся на основе рассказов сослуживцев, старых хоперцев, архивные документы, обнаруженные им лично в архивах Ставрополя, биографические сведения, собранные в 1832 г. бывшим командиром Хоперского полка подполковником Канивальским [9, л. 1–10], произведения предшествующих исследователей, в частности И. Дебу, Н. Дубровина, И. Бентковского и др. Историческое произведение «Старейшие в Кубанском казачьем войске Хоперские казаки» осталось незавершенным, ввиду смерти автора. Рукопись подготовил к изданию и опубликовал первоначально на страницах «Кубанских областных ведомостей» известный кавказовед Е. Д. Фелицын, позже она вышла и отдельным изданием [48].

Военная история Кавказа находилась в центре исследовательских интересов и председателя Кавказской археографической комиссии, секретаря Кубанского областного статистического комитета Е. Д. Фелицына, который в 1892 г. издал свою знаменитую «Хронологию достопримечательных событий и фактов, имеющих отношение к истории Кубанской области и Кубанского казачьего войска», в 1894 г. опубликовал доклад князя Г. А. Потемкина об учреждении Азово-Моздокской линии, в 1895 г. – статью по ранней истории хо-

перцев, а в 1896-1897 гг. – «Материалы для истории Кубанского казачьего войска» [93, 94, 95]. Основанные на обширных архивных данных работы Е. Д. Фелицына представляют собой ценный источник не только по истории полков и военных объединений, действующих на Кавказе, но и в целом по истории заселения и освоения региона. Так, еще в 1884 г. в «Известиях Кавказского отдела Императорского Русского Географического общества» был опубликован его очерк о заселении Кубанской области.

Традицию написания «полковых историй» продолжил краевед, архивариус (с 1893 г.) Войскового архива Кубанского казачьего войска П. П. Короленко. Его перу принадлежат более 30 работ беллетристического и этнографического характера, которые с 1860-х гг. публиковались в «Кубанских областных ведомостях». Среди них и история Кубанского казачьего войска за период с 1696 по 1896 гг., и этнографические очерки, и работы по истории колонизации Закубанского края в 1865 – 1867 гг., написанные на основе архивных документов. Центральное место в его творчестве занимала казачья тематика [3; 13; 46; 47]. Несмотря на то, что его работы были в чем-то несовершенны, порой представляли многообразие исторических фактов, не скрепленных какой-либо определенной концепцией, что отмечалось и самими современниками, все же их отличала содержательность и новизна.

Военные историки XIX – начала XX вв. сыграли значительную роль в становлении историографической традиции изучения истории казачества. В это время появились первые исторические сочинения, которые, как и различного рода описания, докладные записки и путевые заметки того времени, принадлежали непосредственным участникам и наблюдателям исторических событий (преимущественно офицерам и чиновникам) и в большинстве своем имели военно-стратегический характер, были выполнены в форме военно-топографических, военно-статистических, статистико-географических и историко-географических описаний.

Второй этап в изучении истории казачества – советский (с 1917 г. до конца 1980-х гг.), он соответствует общепринятой периодизации советской историографии, характеризуется значительными исследованиями в области военно-политической истории Северного Кавказа XIX в., появлением первых обобщающих трудов как по отечественной истории в целом, так и по северокавказской в частности. Дореволюционная история России изучалась с позиций традиционной марксистской методологии в русле формационной концепции, основывавшейся на приоритете социально-экономических факторов в объяснении процессов и событий. Казачество в работах советских историков, как правило, не выделялось из сельского на-

селения, однако изучалась история территорий, где проживали казаки. Говоря об исследованиях ставропольских историков данного периода, можно выделить несколько групп работ:

- общие работы по истории региона (История народов Северного Кавказа (конец XVIII века – 1917 г.) (М., 1988), Очерки истории Ставропольского края (Ставрополь 1984); Очерки истории Карачаево-Черкесии» (Ставрополь, 1967); Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма» (Ростов-на-Дону, 1990); Дон и степное Предкавказье в 2 т. (Ростов, 1977);
- работы по этнографии народов Северного Кавказа, в том числе и по славянскому населению, в которых рассматривается культура и быт кубанских, терских, линейных казаков в целом, без привязки к территории Ставрополья) [18; 49; 62];
- работы по аграрной истории региона [61; 98; 100]. Так, например, в книге С. А. Чекменева «Переселенцы» подробно показана казачья колонизация Северного Кавказа [99]. В работе Гриценко Н. П. дана краткая характеристика землепользования терских казаков [11]. Надо учитывать, что эти работы написаны с марксистских, классовых позиций, что, однако, не умаляет их научной ценности, так как они основаны на анализе обширного архивного материала;
- история казачества косвенно затрагивалась в работах, посвященных ленинской национальной политике и дружбе народов (Д. Э. Напсо, М. И. Гиоев) [7, 60]. В них, например, изъятие земель у казачества рассматривалось как законный и справедливый акт, а само казачество «оправдывали» тем, что часть казаков встали на сторону красных;
- работы по истории революции и Гражданской войны. Естественно, эти работы были тенденциозны, «белое казачество» винили во всех грехах, а «красное казачество» всячески восхваляли. Тем не менее, в работах имеется интересный фактический материал, подробно описаны биографии участников Гражданской войны – казаков, Кочубея и др.

Смена этапов историографии была связана со сменой политических ориентиров в обществе и сказывалась на ее содержании. В конце 1980-х гг. в свете политических «перестроечных» процессов в отечественной исторической науке появились новые сюжеты, заполнявшие «белые пятна» не только национальной, но и местной истории.

Третий этап (с начала 1990-х гг. и по настоящее время) – современный период развития отечественной исторической науки, отличительной чертой которого является появление новых подходов и методов к изучению дореволюционной истории России. Произошли изменения в

проблемном поле истории исторической науки, на повестку дня выдвинулись новые исследовательские задачи, значительно обновилась источниковая база. Начали изучаться те проблемы, которые по идеологическим причинам не могли разрабатываться советскими историками; среди них сюжеты, связанные с историей казачества.

Систематическое исследование казачьей истории и ее популяризация начинается с начала 1990-х гг. Можно выделить следующие направления в развитии исторических исследований по данной тематике: феномен российского казачества; казаки и российская государственность; исторические традиции казачьего самоуправления; взаимодействие казачества, власти и церкви на различных этапах истории России; казачество в государственно-национальной и культурной политике Российской империи; казачья колонизация на Северном Кавказе и история Кавказской войны; казачество и советская власть, расказачивание, казачество в годы Великой Отечественной войны, проблемы возрождения казачества; современное развитие казачества в России; казачество в истории и культуре зарубежных государств; казачество в пространстве исторической памяти советского и постсоветских обществ; сохранение исторического наследия, материальной и духовной культуры российского казачества.

Обозначенные проблемы в той или иной мере нашли отражение в многочисленной научной и справочной литературе по истории казачества, вышедшей в постсоветский период. Это, прежде всего, обобщающие работы, посвященные истории Ставрополья и Северного Кавказа, подготовленные ставропольскими исследователями (Край наш Ставрополье. Очерки истории (Ставрополь, 1999), История городов и сел Ставрополья. Краткие очерки (Ставрополь, 2002), Северный Кавказ с древнейших времен до начала XX столетия (историко-этнографические очерки) (Пятигорск, 2010), Очерки истории Северного Кавказа: XX век (Пятигорск-Ставрополь, 2014) и др.). В них история казачества рассматривается в контексте исторических процессов, происходивших на территории региона и края.

Отдельную группу представляют монографические исследования, посвященные различным проблемам северокавказской истории, в которых имеются разделы или главы по истории казачества региона. Так, в монографии Т. А. Невской, посвященной Столыпинской реформе на Северном Кавказе, отдельная глава посвящена аграрным отношениям у казачества в начале XX в. [63]. В ряде работ освещается роль казачества в Великой Отечественной войне, отдельно рассматриваются проблемы коллаборационизма [52; 53]. В коллективной монографии «Выборы на Ставрополье. История и современность» (Пятигорск, 2015) описание выборов и самоуправления

казачества в досоветскую эпоху также выделено в отдельную главу. Различные аспекты российской политики на Северном Кавказе в XIX в., специфика формирования северокавказской окраины России, противостояние части населения региона государственным властям и порядкам Российской империи, Советского Союза и Российской Федерации в исторической ретроспективе раскрывается в ряде работ Ю. Ю. Клычкова [22; 23; 24] и др.

Энциклопедические и справочные издания (Энциклопедический словарь Ставропольского края (Ставрополь, 2006) и др.) – еще одна группа литературы по истории казачества. В энциклопедии «Российское казачество» (М., 2003) есть отдельная статья о казачестве на Ставрополье, подготовленная Т.А. Невской. Под научной редакцией Н.А. Охонько вышло научно-справочное иллюстрированное издание «Терское казачество: история и современность» (Владикавказ-Ставрополь, 2009).

В постсоветский период стали издаваться многочисленные материалы международных, всероссийских и региональных конференций по истории казачества, возрождению казачества, а также сборники научных трудов, где поднимались дискуссионные и неизученные ранее проблемы [20; 21; 80; 81]. Активное участие в них принимали ставропольские исследователи (Т. А. Невская, Ю. Ю. Клычков, В. А. Колесников, Д. С. Ткаченко, Т.А. Колосовская, О.Б. Емельянов и др.). В ряде работ Т. А. Невской раскрывается экономика казачьих хозяйств, деятельность Крестьянского банка в казачьих областях, а также особенности культуры, обычного права и менталитета казаков Северного Кавказа [64; 65; 66; 67; 70]. Многочисленные труды Клычкова Ю. Ю. посвящены изучению казачества в период вооруженного противостояния с горцами. Работы Ю. Ю. Клычкова кроме тематики, связанной с Кавказской войной, затрагивают вопросы казачьей колонизации Кавказа, взаимоотношения казаков с горцами, фольклор, хозяйственный уклад станиц. Автор поднимает неизученную проблему пленопродавства [25; 26; 27; 28].

Немало работ по военно-политической истории казачества написано Д. С. Ткаченко и Т. А. Колосовской, особое внимание в них уделено освещению истории казачества в трудах военных историков дореволюционного периода [43; 44; 45; 86]. В справочном издании, подготовленном ими, «Военные кавказоведы Российской империи: биобиблиографический словарь» (Ставрополь, 2021. 334 с.), представлены биографии и списки работ не только таких известных историков казачества как Ржевуский Л. А., Фелицин Е. Д., Толстов В. Г., Потто В. А., Попко И. Д., Караулов М. А., но и Торри О. А., Шостака В. Е., Кравцова И. С. и др. Вклад военных специалистов

XIX в. в развитие отечественного кавказоведения проанализирован в работах М. Е. Колесниковой [39; 40]. В трудах О. Б. Емельянова и Л. А. Емельяновой исследуется история волжских станиц Кавказского Линейного войска [15; 17].

Особой темой, которая ранее не поднималась в советской исторической науке, является взаимодействие Русской Православной Церкви и казачества. Этой проблемой занимаются преподаватели Ставропольской Духовной семинарии, которые регулярно выступают с докладами на Рождественских чтениях, одним из направлений которых является история казачества. Истории казачьей епархии, революции и установлению советской власти в казачьих регионах Северного Кавказа посвящены работы П. Самойленко [82]; обновленческое движение в регионе исследовано в работах А. Пантюхина [74]. Следует отметить и две прекрасно иллюстрированные книги А. Гурина, М. Осининой «Святые наших дней», посвященные священнослужителям Карачаево-Черкесии, политике государства в отношении РПЦ в казачьих регионах, биографиям новомучеников и подвижников веры в Карачаево-Черкесии и Кавказских Минеральных Водах [12].

Важным событием стало возобновление издания «Терского сборника», которое инициировал Олег Губенко, возглавляющий воссозданное Терское общество любителей казачьей старины [84]. Было осуществлено переиздание Сборников Терского общества любителей казачьей старины. В настоящее время вышло 7 выпусков. Кроме статей современных историков в этих сборниках в разделах «Ретроспектива» публикуются работы дореволюционных авторов и мемуары, которые мало доступны современному читателю. Так, в 6-м выпуске впервые изданы воспоминания офицера Б. Нартова о событиях на Тереке в 1917 и 1918 гг., написанные им в эмиграции.

Появились специальные исследования, в том числе, монографии, посвященные истории линейного казачества. Особый научный интерес представляют работы В.А. Колесникова [29; 30; 31; 32; 33; 34; 35; 36]. Его многочисленные труды раскрывают заселение казаками территории Ставрополья, историю казачьих станиц края, культуру и быт их жителей.

В последние десятилетия было защищено немало кандидатских диссертаций по различным аспектам истории северокавказского казачества [71; 85; 16].

Вслед за научными изданиями стала появляться научно-популярная литература. В 2014 г. был издан фотоальбом об истории казачества на Ставрополье «Ставрополье казачье»; Т. А. Невская и А. Пантюхин выпустили брошюру «Краткая история российского казачества. Историческая справка» (Ставрополь, 2019. 69 с.), Федосов П. С. написал адресованную современным

казакам книгу «Казачество в зеркале времени» (Ставрополь, 2020), где собрал самые разнообразные сведения о казачьих войсках, казачьей культуре, а также обобщил опыт возрождения казачества. К этой же группе изданий можно отнести и проект «Наследие покинувших Родину» (руководитель проекта – И. Щербакова). Запланировано создание документального фильма на примере судьбы терского казака Виктора Карпушкина. Материалы сайта проекта содержат разделы: История, Казаки и гражданская война, История реликвий, Казаки и русский исход. Весьма ценным является издание книги «Жизнеописание Виктора Васильевича Карпушкина: мемуары терского казака-белоземлянина» (Ставрополь, 2021), осуществленное в рамках проекта.

Ставропольские ученые подготовили несколько учебных пособий для казачьих и кадетских классов (Казачество на Северном Кавказе: история и культура (Ставрополь, 2011), «Казачество в истории Ставрополья» в 2-х т. (М., 2015). Учебные пособия содержат систематическое изложение истории и развития культуры казачества в хронологической последовательности, затрагивают всю историю казачества, начиная с проблем происхождения, и заканчивая современной политикой государства по отношению к казачеству. Разделы учебника «Казачество в истории Ставрополья» соответствуют аналогичным разделам курса истории России, таким образом, он дополняет учебник по истории и увязан с изучением тех же периодов в истории России. Рассматривается ранняя история казачества: образование Запорожского, Донского, Терского войск; роль казаков в складывании российского государства, освоении территории страны в целом и Северного Кавказа, в частности. Большое внимание уделено участию казаков в войнах России, подвигам казачьих формирований в Великой Отечественной войне. Не обойдены вниманием такие дискуссионные вопросы как участие казаков в событиях Смутного времени, отношение казаков к церковному расколу, казачество в революции 1917 г. и гражданской войне, проблемы рассказывания, а также коллаборационизма в период Великой Отечественной войны.

Следует назвать также учебное пособие для обучающихся 8-х классов учреждений дополнительного образования и классов казачьей (кадет-

ской) направленности (Колесников В. А. «История казачества на Ставрополье, 1771-1870 гг.» (М., 2019). Казачья тематика нашла значительное отражение и в учебнике по региональной истории «История Ставрополья» в 3-х частях (М., 2021), подготовленном авторским коллективом преподавателей кафедры истории России Северо-Кавказского федерального университета и учителями г. Ставрополя.

Подводя итог состоянию исследований истории казачества на Ставрополье, можно отметить, что довольно хорошо изучена дореволюционная история казачества, проживающего в границах современного Ставрополья, участие казаков в революции и гражданской войне. Однако еще многие вопросы требуют научной разработки: проблемы методологии, источниковой базы и историографии истории казачества; изучение проблем коллективизации и рассказывания (есть работы Н. А. Мальцевой, Н. И. Булгаковой, посвященные данным проблемам, но в них не выделена специфика процессов, происходивших в казачьей среде [54]. Подробно данный период в истории Северного Кавказа и Юга России показан в работах А.П. Скорика, однако материалы Ставрополья в них представлены недостаточно полно, в основном внимание автор сосредоточил на материалах Дона и Кубани. Недостаточно изучено и возрождение казачества на территории Ставрополья, хотя есть обобщающие труды по истории возрождения казачества в целом в стране [57; 58; 83], из ставропольских авторов об этом писал первый атаман П.С. Федосов. Его перу принадлежат интересные статьи, воспоминания, но в них дана не вся картина процесса возрождения казачества на Ставрополье. Требуется своего изучения роль церкви в возрождении казачества; отношение самих казаков к различным аспектам возрождения казачества; самосознание, менталитет казаков (есть статьи Т.А. Невской, посвященные только досоветскому периоду [69]). Совершенно не исследована постсоветская экономика казачьих станиц и хозяйств; участие казаков в вооруженных конфликтах и в миротворческой деятельности. Перед исследователями стоят задачи популяризации истории казачества, содействие научному изучению истории российского казачества и противодействие фальсификациям истории в этой области.

Источники и литература

1. Архив покойного генерала Попко. Ставрополь: Тип. Став. губ. правления, 1910. 4 с.
2. Ашихмина А. В. Е. Д. Фелицын и И. Д. Попко: судьбы историков – судьбы библиотек // Фелицынские чтения – XX. Проблемы сохранения, изучения и музеефикации историко-культурного и природного наследия: [материалы межрегиональной научно-практической конференции, Краснодар, 2018 г.]: к 170-летию Е. Д. Фелицына -основателя Кубанского Войскового музея. Краснодар: КГИАМЗ, 2018. С. 24–26.
3. Библиография трудов П. П. Короленко // Трехбратов Б.А. Кубанские краеведы. Краснодар, 2005. С. 88-93.
4. Библиография трудов И. С. Кравцова // Ставропольский хронограф на 1995 год: Библиографический указатель литературы. Ставрополь, 1995. С. 110.
5. Библиография трудов И. Д. Попко // Ставропольский хронограф на 1999 год. Краеведческий сборник. Ставрополь, 1999. С. 173–175.

6. Библиография трудов В. А. Потто // Ставропольский хронограф на 2006 год. Краеведческий сборник. Ставрополь, 2006. С. 18–19.
7. Гиоев М. И. Ленинская аграрная политика в горском ауле. Орджоникидзе, 1969. 343 с.
8. Городецкий Б. М. Попко И. Д. // На Кавказе. Екатеринодар, 1909. № 3. С. 315–323.
9. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 377. Оп. 1. Д. 15.
10. ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 51.
11. Гриценко Н. П. Горский аул и казачья станица Терка накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1972. 278 с.
12. Гурин А., иерей, Осинина М. Б. Святые наших дней. Ставрополь: АГРУС Ставропольского гос. Аграрного ун-та, 2019. 170 с.
13. Двухсотлетие Кубанского казачьего войска. 1696-1896: Исторический очерк / Сост. П.П. Короленко. Екатеринодар: Тип. Кубанского обл. правления, 1896. 96 с.
14. Дмитренко И.И. Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска. 1736-1801: В 4 т. СПб., 1896. Т. 1. 97 с.; Т. 2. 475 с.; Т. 3. 799 с.
15. Емельянов О.Б., Емельянова Л.А., Клочков С.В. Страницы истории станицы Незлобной Волжского казачьего полка. Пятигорск: Изд-во "РИА КМВ", 2009. 444 с.
16. Емельянова Л. А. Хозяйственное развитие волжских станиц Кавказского линейного казачьего войска в контексте военно-политических процессов: 1840 – 1864: автореферат дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2012. 25 с.
17. Емельянова Л. А. О земледельческих занятиях казачества волжских станиц Центрального Предкавказья в середине XIX века // Научные проблемы гуманитарных исследований. Пятигорск, 2010. №12. С.54-59.
18. Заседателева Л. Б. Терские казаки (середина XVI - начало XX в.): Историко-этнографические очерки. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974. 423 с.
19. Издания из личной библиотеки военного историка, генерал-лейтенанта И.Д. Попко в фонде Ставропольской краевой универсальной научной библиотеки им. М. Ю. Лермонтова: каталог / ГБУК «СКУНБ им. Лермонтова»; сост. Н. Н. Авдеева, А. В. Ашихмина Т. А. Примакова. Ставрополь, 2017. 40 с.
20. Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: материалы Третьей международной Кубанско-Терской научно-просветительской конференции. Армавир, 2002. 136 с.
21. Казачество и народы России: пути сотрудничества и служба России: материалы заочной научно-практической конференции. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2008. 319 с.
22. Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827-1840). Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2002. 494 с.
23. Клычников Ю.Ю., Линец С.И. Северокавказский узел: особенности конфликтного потенциала (исторические очерки). Пятигорск: РИА-КМВ, 2006. 211 с.
24. Клычников Ю. Ю. Цыбульников А. А. «Так буйную вольность законы теснят...»: борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе (исторические очерки). Пятигорск: Рекламно-информационное агентство на Кавминводах, 2011. 256 с.
25. Клычников Ю. Ю. Отражение в фольклоре ранних страниц истории терского казачества // Археология, этнология и фольклористика Кавказа: Материалы Международной научной конференции «Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе». Махачкала, 2007. С. 389–393.
26. Клычников Ю.Ю. Меры российской администрации по оказанию помощи казакам при ликвидации последствий горских набегов в 30-е годы XIX века (по материалам ГАКК) // Россия и славянский мир в контексте многополярности: материалы VII международной научной конференции, 6-9 августа 2010 г., Славянск-на-Кубани: в 4 ч. Ч. III. Славянск-на-Кубани: Издательский центр СГПИ, 2010. С. 123-125.
27. Клычников Ю. Ю. Участие казачества в охране и обороне границы на Северном Кавказе // Народы Кавказа в пространстве российской цивилизации: исторический опыт и современные проблемы: Материалы Всероссийской научной конференции (13–15 сентября 2011 г., Ростов-на-Дону). Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. С.33–38.
28. Клычников Ю. Ю. «Честь и присяга требуют от нас быть в совершенной осторожности...»: пограничная служба черноморских казаков в ермоловский период // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: материалы Двенадцатой международной Кубанско-Терской научно-практической конференции. Армавир: РИО АГЛУ, 2020. С.80-85.
29. Колесников В. А. Донцы на Кубани: К 200-летию со дня основания Григориополисской, Темнолесской и Воровсколесской станиц. Ставрополь: Юж.-рус. коммерч.-изд. товарищество, 1995. 92 с.
30. Колесников В. А. Былое Невинного мыса. К 185-летию переселения Хоперского казачьего полка на Кубань и Куму и основания станицы Невинномысской. Ставрополь, 2011. 676 с.
31. Колесников В. А. Станицы Ставрополя. Историко-статистический и топонимический справочник (последняя треть XVIII в. – 1917 г.). М.: Изд. А.Г. Надыршин, 2012. 352 с.
32. Колесников В. А. Город Григория. Очерки истории станицы Григориополисской (1784-1917). Ставрополь: Изд. А. Г. Надыршин, 2014. 376 с.
33. Колесников В.А. Казачество Новоалександровского района Ставропольского края. 1794-1920. Энциклопедия. М.: Изд. Надыршин, ООО «Фирма «Салта» ЛТД», 2017. 136 с.
34. Колесников В. А. Земли и первые русские поселения на Ставрополье в описаниях 1785 года (к слабоизученным вопросам исторической хронологии и топонимики края). М.: Изд. А. Г. Надыршин, 2018. 64 с.
35. Колесников В. А. Первые георгиевские кавалеры линейных станиц Кубани 1810-1832 гг. М.: Изд. А.Г. Надыршин, 2019. 40 с.
36. Колесников В. А. О казачьих хуторах в верховьях Егорлыка. М.: Изд. А. Г. Надыршин, 2021. 56 с.
37. Колесникова М. Е. Исследователь Кубанского края Е. Д. Фелицын // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. Материалы Первой региональной Кубанско-Терской научно-просветительской конференции. Армавир-Железноводск, 1998. С. 47-49.

38. Колесникова М. Е. Ставропольские краеведы: Биобиблиографические очерки. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2004. 115 с.
39. Колесникова М. Е. Северокавказская историографическая традиция: вторая половина XVIII – начало XX века. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. 524 с.
40. Колесникова М.Е. Сохранение духовно-нравственных традиций российского казачества (из опыта работы Северо-Кавказского федерального университета) // Кавказ в отражении мировой истории: сборник научных статей к 75-летию профессора А. А. Кудрявцева. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2017. С. 131-134.
41. Колосовская Т. А. Российские военные в социокультурном пространстве Северного Кавказа XVIII–XIX вв. М.: Изд-во Каллиграф, 2015. 239 с.
42. Колосовская Т. А. История Кавказского военно-исторического отдела в лицах. Ставрополь: Изд-во «Печатный Двор», 2020. 208 с.
43. Колосовская Т.А. Казачьи памятники на Северном Кавказе: идеи, проекты, реализация (вторая половина XIX – начало XX в.) // Терский сборник. М.: МИРАКЛЬ, 2017. Вып. 2. С. 169-184.
44. Колосовская Т.А. Религиозный фактор в процессе военно-казачьей колонизации Северного Кавказа (XVI - первая половина XIX в.) // Из истории народов Северного Кавказа: Сборник научных статей. Вып. 8. Ставрополь: СГУ, 2008. С.70-77.
45. Колосовская Т. А. Российские военные в изучении и сохранении историко-культурного наследия северокавказского казачества (по материалам архивного фонда И.Д. Попко) // Этнокультурное пространство Юга России (XVIII–XXI вв.): материалы Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар: Традиция, 2013. С. 24–32.
46. Короленко П. П. Некрасовские казаки: исторический очерк, составленный по печатным и архивным данным. Краснодар: Традиция, 2013. 102 с.
47. Короленко П. П. К истории колонизации Закубанского края в 1865-1867 гг.: Архивные документы / Сообщение П. П. Короленко. Ставрополь, 1906. 29 с.
48. Кравцов И. С. Старейшие в Кубанском казачьем войске «Хоперские казаки» // Кубанские областные ведомости. 1891. №1-4.
49. Кубанские станицы: Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани / АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая; [Отв. ред. К. В. Чистов]. М.: Наука, 1967. 356 с.
50. Кубанское казачье войско, 1696–1888 г.: Сб. кратких сведений о войске / Под ред. Е. Д. Фелицына. [Репр. изд.]. Краснодар: Совет. Кубань, 1996. 478 с.
51. Ламонов А. Исторический очерк о заселении станицы Кавказской Кубанского казачьего войска (1794-1894) // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1897. Т. 4. С. 1–28.
52. Линец С. И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 г. - октябрь 1943 г.). Пятигорск: ПГЛУ, 2009. 492 с.
53. Линец С.И., Анисеев А.А., Карташев А.В. и др. Ставропольский край в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Пятигорск: ФГБОУ ВО «ПГУ», 2018. 497 с.
54. Мальцева Н. А. Очерки истории коллективизации на Ставрополье. СПб.: Нестор, 2000. 143 с.
55. Матвеев О. В. «Все случаи военных событий урупцев в свежей памяти...» (К историографии 1-го Линейного генерала Вельяминова полка // Культурная жизнь Юга России. 2004. № 4 (10). С. 39–41.
56. Матвеев О. В. К историографии 1-го Кавказского наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка Кубанского казачьего войска // Кубанский сборник. Т. 1 (22). Краснодар, 2006. С. 58–73.
57. Мацневский Г. О. Политическая жизнь современного российского казачества (конец 1980-х – 1990-е гг.). Армавир: Изд-во Армав. гос. пед. ун-та, 2006. 140 с.
58. Мацневский Г. О. Казачество современной России: история политической жизни. Старый Оскол: ИПЦ «Кириллица», 2012. 402 с.
59. Могилевцев Н. Из боевой жизни Кавказского полка // Кубанские областные ведомости. 1891. №40-46; 1892. №1, 5.
60. Из истории Карачаево-Черкесии. Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института. Выпуск VI. Серия историческая. Ставропольское книжное издательство. 1970. 462 с.
61. Невская В. П. Аграрный вопрос в Карачаево-Черкесии в эпоху империализма. Черкесск, 1972. 216 с.
62. Невская Т. А., Чекменев С. А. Ставропольские крестьяне. Очерки хозяйства, культуры и быта. Пятигорск, 1994. 167 с.
63. Невская Т. А. Столыпинская реформа на Северном Кавказе. СПб., 1997. 195 с.
64. Невская Т. А. Казаки и горцы верхней Кубани (конец XIX – начало XX в.) // Кубанское казачество: три века исторического пути. Материалы международной научно-практической конференции. Краснодар. 1996. С. 179-182.
65. Невская Т. А. Казаки на Ставрополье // Труды юридического факультета Северо-Кавказского государственного технического университета. Вып. 11. Ставрополь, 2005. С. 7–22.
66. Невская Т. А. Традиционные нормы поведения крестьян и казаков Северного Кавказа в XIX – начале XX вв. // Из истории народов Северного Кавказа. Вып. VIII. Ставрополь: СГУ, 2008. С. 110–118.
67. Невская Т. А. Традиционное право казачества: общее и особенное // Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы развития. Тезисы Всероссийской научной конференции (28-29 сентября 2010 г.). Ростов-на-Дону, 2010. С. 8–10.
68. Невская Т. А. Влияние Первой мировой войны на экономику и социальные отношения на Северном Кавказе // Казаки и горцы в годы Первой мировой войны: материалы Всероссийской научной конференции. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. С. 207–214.
69. Невская Т. А. Эволюция самосознания горских и славянских народов Северного Кавказа // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2014. №2(41). С. 121–125.
70. Невская Т. А. Особенности аграрной модернизации казачьих хозяйств Северного Кавказа в начале XX века // Российское казачество: проблемы истории, возрождения и перспективы развития. К 320-й годовщине служения Отечеству казачества Кубани. Сборник статей международной научно-просветительской конференции (27–31 мая 2016 г. Краснодар). Краснодар, 2016. С. 176–181.

71. Николаенко Н.Д. Эволюция линейных казачьих частей на территории Северного Кавказа и образование Кавказского Линейного казачьего войска: 30-е годы XVIII - 60-е годы XIX века: автореферат дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Ставрополь, 2008. 25 с.
72. О 1-й бригаде Кубанского казачьего войска // Кубанские войсковые ведомости. 1867. № 41.
73. Орлов П.П. Кубанские казаки: откуда повелось Кубанское казачье войско и как несло оно Государеву службу на благо Руси. Екатеринодар: Тип. Кубанского обл. правления, 1908. 185 с.
74. Пантюхин А. Обновленческое движение Русской Православной Церкви в 20-40-е гг. XX в. (на материалах Ставрополья и Терека). Ставрополь: АГРУС Ставропольского гос. аграрного ун-та, 2014. 280 с.
75. Попко И.Д. Терские казаки с стародавних времен. Вып.1. Гребенское войско. СПб, 1880. 517 с.
76. Потто В.А. Два века терского казачества (1577-1801)». Т. 1-2 Владикавказ: Электронпеч. тип. Тер. обл. правл., 1912. Т. 1. 117 с.; Т. 2. 247 с.
77. Присуждение учрежденных П.Н. Демидовым наград... Тринадцатое... 17-го апреля 1844 года. СПб, 1844. 144 с.
78. Прозрителев Г.Н. Генерал Попко и судьба его архива // 45-я параллель. Ставрополь, 1991. № 1. С. 3–6.
79. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 866. Оп. 1. Д. 62.
80. Российское казачество: проблемы истории и современность (к 310-й годовщине Кубанского казачьего войска). Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Тимашевск, 2-5 октября 2006 г). Краснодар, 2006. 296 с.
81. Российское казачество: проблемы истории, возрождения и перспективы развития. К 320-й годовщине служения Отечеству казачества Кубани. Сборник статей международной научно-просветительской конференции (27-31 мая 2016 г. Краснодар). Краснодар, 2016. 296 с.
82. Самойленко П. М., протоиерей. История Ставропольской епархии (1843–1918). Ставрополь: Ставропольская духовная семинария, 2019. 256 с.
83. Таболина Т. В. Казаки: драма возрождения. М., 1999. 152 с.
84. Терский сборник. Вып. 7. Екатеринбург: Ridero, 2021. 541 с.
85. Ткачев Е. А. Терское казачество в годы революций и гражданского противостояния (1917–1923): участие, политические приоритеты, итоги: автореферат дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Пятигорск, 2005. 26 с.
86. Ткаченко Д.С., Клоссовская Т.А. Военно-политическая история Северного Кавказа XVI–XIX вв.: факты, события, люди Ставрополь: Изд-во Ставропольского гос. ун-та, 2009. 290 с.
87. Трехбратов Б. А. Забытое имя: [И.Д. Попко, кубанский историк, писатель, генерал казачьего войска] // Кубанский краевед. Ежегодник. Краснодар, 1992. Вып. 3. С. 110–130;
88. Трехбратов Б. А. Историческое мировоззрение И.Д. Попко // Кубань: Проблемы культуры и информатизации. Краснодар, 1999. № 2–3 (13–14). С. 5–11.
89. Трехбратов Б. А. Жизненный путь и творческое наследие И.Д. Попко // Образование. Наука. Творчество. Нальчик-Армавир: Адыгская (Черкесская) международная академия наук, 2004. № 6. С. 64–79.
90. Труды Кубанского областного статистического комитета. 1873–1916: Библиографический указатель / Науч. ред., вступ. ст. А. Слуцкого; сост. О. А. Репина. Краснодар, 1989. 45 с.
91. Фарфаровский С. Литературная деятельность И. Д. Попко // Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. Ставрополь, 1910. Вып. 2. Отд. 1. 444 с. С. 1–14.
92. Фелицын Е. Д. Генерал-майор Иван Семенович Кравцов: Биография // Кубанские областные ведомости. 1891. №1.
93. Фелицын Е. Д. Краткий очерк заселения Кубанской области. Пояснительная записка к 20-верстной карте Кубанской области // Известия Кавказского отдела Императорского Русского Географического общества. Тифлис, 1884. Т. 8. Вып. 2. С. 250–284.
94. Фелицын Е. Д. Хронология достопримечательных событий и фактов, имеющих отношение к истории Кубанской области и Кубанского казачьего войска // Кубанские областные ведомости. 1892. №19–21. 25, 27, 29, 35;
95. Фелицын Е. Д. К вопросу о происхождении хоперских казаков и формировании из них полка // Кубанские областные ведомости. 1895. № 39–42.
96. Фелицын Е. Д. Материалы для истории Кубанского казачьего войска // Кубанские областные ведомости. 1896. №235; 1897. №62, 65.
97. Цезарский А. Описание боевой жизни 3-го Кавказского стрелкового батальона. Тифлис, 1881. 148 с.
98. Чекменев С. А. Социально-экономическое развитие Ставрополья и Кубани в конце XVIII и в первой половине XIX в. Пятигорск, 1967. 352 с.
99. Чекменев С. А. Переселенцы: Очерки заселения и освоения Предкавказья русским и украинским казачеством и крестьянством в конце XVIII – первой половине XIX в. Пятигорск, 1994. 352 с.
100. Шацкий П. А. Сельское хозяйство Предкавказья в 1861-1905 гг. (Ист. Исследование) // Некоторые вопросы экономического развития Юго-Восточной России. Ставрополь, 1970. С. 3-320.
101. Шевченко Г., Петрова Н. Н. И. Д. Попко как публицист // Кубань: проблемы культуры и информатизации. 1999. № 2–3. С. 12–13.

References

1. Arhiv pokojnogo generala Popko (Archive of the deceased General Popko). Stavropol': Tip. Stavropol gub. pravlenija, 1910. 4 p. (In Russian)
2. Ashihmina A.V. E.D. Felicyn i I.D. Popko: sud'by istorikov - sud'by bibliotek (Felitsyn and I.D. Popko: the fate of historians – the fate of libraries) // Felicynskie chtenija - XX. Problemy sohraneniija, izucheneniija i muzeifikacii istoriko-kul'turnogo i prirodного nasledija: [materialy mezhhregional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii, Krasnodar, 2018 g.]: k 170-letiju E. D. Felicyna. Krasnodar: KGIAMZ, 2018. P. 24–26. (In Russian)
3. Bibliografija trudov P. P. Korolenko (Bibliography of P.P. Korolenko) // Trehbratov B. A. Kubanskiye kraevedy. Krasnodar, 2005. P. 88–93. (In Russian)

4. Bibliografija trudov I.S. Kravcova (Bibliography of the works of I.S. Kravtsova) // Stavropol'skij hronograf na 1995 god: Bibliograficheskij ukazatel' literatury. Stavropol', 1995. P. 110. (In Russian)
5. Bibliografija trudov I.D. Popko (Bibliography of the works of I.D. Popko) // Stavropol'skij hronograf na 1999 god. Kraevedcheskij sbornik. Stavropol', 1999. P. 173–175. (In Russian)
6. Bibliografija trudov V.A. Potto (Bibliography of V.A. Potto) // Stavropol'skij hronograf na 2006 god. Kraevedcheskij sbornik. Stavropol', 2006. P. 18–19. (In Russian)
7. Gioev M.I. Leninskaja agrarnaja politika v gorskom aule (Lenin's agrarian policy in the mountain village). Ordzhonikidze, 1969. 343 p. (In Russian)
8. Gorodeckij B.M. Popko I.D. (Popko I.D.) // Na Kavkaze. Ekaterinodar, 1909. No 3. P. 315–323. (In Russian)
9. Gosudarstvennyj arhiv Stavropol'skogo kraja (State Archive of the Stavropol Territory) (GASK). F. 377. Inv. 1. D. 15. (In Russian)
10. GASK. F. 377. Inv. 1. D. 51. (In Russian)
11. Gricenko N.P. Gorskij aul i kazach'ja stanica Tereka nakanune Velikoj Oktjabr'skoj socialisticheskoj revoljucii (Gorsky aul and the Cossack village of Terek on the eve of the Great October Socialist Revolution). Groznyj: Chech.-Ing. kn. izd-vo, 1972. 278 p. (In Russian)
12. Gurin A., ierej, Osinina M. B. Svjatye nashih dnei (Saints of our days). Stavropol': AGRUS, 2019. 170 p. (In Russian)
13. Dvuhstolietie Kubanskogo kazach'ego vojska. 1696-1896: Istoricheskij ocherk (Bicentenary of the Kuban Cossack army. 1696–1896: Historical essay) / compilier P.P. Korolenko. Ekaterinodar: Tip. Kubanskogo obl. pravlenija, 1896. 96 p. (In Russian)
14. Dmitrenko I.I. Sbornik istoricheskikh materialov po istorii Kubanskogo kazach'ego vojska (Collection of historical materials on the history of the Kuban Cossack army). 1736-1801: In 4 Vols. St.Petersburg, 1896. Vol. 1. 97 p.; Vol. 2. 475 p.; Vol. 3. 799 p. (In Russian)
15. Emel'janov O.B., Emel'janova L.A., Klochkov S.V. Stranicy istorii stanicy Nezlubnoj Volzhskogo kazach'ego polka (Pages of the history of the village Nezlubnaya of the Volga Cossack regiment). Pjatigorsk: RIA KMV, 2009. 444 p. (In Russian)
16. Emel'janova L.A. Hozjajstvennoe razvitie volzhskih stanic Kavkazskogo linejnogo kazach'ego vojska v kontekste voenno-politicheskikh processov (Economic development of the Volga villages of the Caucasian linear Cossack army in the context of military-political processes): 1840-1864: abstract of thesis. Stavropol', 2012. 25 p. (In Russian)
17. Emel'janova L. A. O zemledel'cheskikh zanjatijah kazachestva volzhskih stanic Central'nogo Predkavkaz'ja v seredine XIX veka (On the agricultural occupations of the Cossacks of the Volga villages of the Central Ciscaucasia in the middle of the 19th century) // Nauchnye problemy gumanitarnyh issledovanij. 2010. №12. P. 54–59. (In Russian)
18. Zasedateleva L. B. Terskie kazaki (seredina XVI - nachalo XX v.) (Terek Cossacks (mid-16th - early 20th century): Istoriko-jetnograficheskie ocherki. M.: Izd-vo Moscow. un-ta, 1974. 423 p. (In Russian)
19. Izdaniya iz lichnoj biblioteki voennogo istorika, general-lejtenanta I.D. Popko v fonde Stavropol'skoj kraevoj universal'noj nauchnoj biblioteki im. M. Ju. Lermontova (Editions from the personal library of the military historian, lieutenant general I. D. Popko in the fund of the Stavropol Regional Universal Scientific Library named after M. Yu. Lermontov): catalog/ compilier H. H. Avdeeva, A. B. Ashihmina T. A. Primakova. Stavropol', 2017. 40 p. (In Russian)
20. Iz istorii i kul'tury linejnogo kazachestva Severnogo Kavkaza (From the history and culture of the linear Cossacks of the North Caucasus): materialy Tret'ej mezhdunarodnoj Kubansko-Terskoj nauchno-prosvetitel'skoj konferencii. Armavir, 2002. 136 p. (In Russian)
21. Kazachestvo i narody Rossii: puti sotrudnichestva i sluzhba Rossii (Cossacks and the peoples of Russia: ways of cooperation and service to Russia): materialy zaachnoj nauchno-prakticheskoi konferencii. Krasnodar: Kubanskij gos. un-t, 2008. 319 p. (In Russian)
22. Klychnikov Ju. Ju. Rossijskaja politika na Severnom Kavkaze (1827-1840) (Russian policy in the North Caucasus (1827–1840). Pjatigorsk: PSLU publ., 2002. 494 p. (In Russian)
23. Klychnikov Ju. Ju., Linec S. I. Severokavkazskij uzul: osobennosti konflikt'nogo potentsiala (istoricheskie ocherki) (The North Caucasian Knot: Features of the Conflict Potential (Historical Essays). Pjatigorsk: RIA-KMV, 2006. 211 p. (In Russian)
24. Klychnikov Ju. Ju. Cybul'nikova A. A. «Tak bujnuju vol'nost' zakony tesnjat...»: bor'ba rossijskoj gosudarstvennosti s hishchnichestvom na Severnom Kavkaze (istoricheskie ocherki) ("So the laws are oppressing violent liberty...": the struggle of Russian statehood against predation in the North Caucasus (historical essays). Pjatigorsk: Reklamno-informacionnoe agentstvo na Kavminvodah, 2011. 256 p. (In Russian)
25. Klychnikov Ju. Ju. Otrazhenie v fol'klore rannih stranic istorii terskogo kazachestva (Reflection in the folklore of the early pages of the history of the Terek Cossacks) // Arheologija, jetnologija i fol'kloristika Kavkaza: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Novejschie arheologicheskie i jetnograficheskie issledovanija na Kavkaze». Mahachkala, 2007. P. 389–393. (In Russian)
26. Klychnikov Ju. Ju. Mery rossijskoj administracii po okazaniju pomoshhi kazakam pri likvidacii posledstvij gorskih nabegov v 30-e gody XIX veka (po materialam GAKK) (Measures of the Russian administration to assist the Cossacks in the aftermath of mountain raids in the 30s of the 19th century (according to the materials of the GACC) // Rossija i slavjanskij mir v kontekste mnogopoljarnosti: materialy VII mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, 6-9 avgusta 2010 g., Slavjansk-na-Kubani: In 4 parts. Part III. Slavjansk-na-Kubani: Izdatel'skij centr SGPI, 2010. P. 123-125. (In Russian)
27. Klychnikov Ju. Ju. Uchastie kazachestva v ohrane i oborone granicy na Severnom Kavkaze (The participation of the Cossacks in the protection and defense of the border in the North Caucasus) // Narody Kavkaza v prostranstve rossijskoj civilizacii: istoricheskij opyt i sovremennye problemy: Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii (13-15 sentjabrja 2011 g., Rostov-na-Donu). Rostov-na-Donu: Izd-vo JuNC RAN, 2011. P. 33–38. (In Russian)
28. Klychnikov Ju. Ju. «Chest' i prisjaga trebujut ot nas byt' v sovershennoj ostorozhnosti...»: pogranichnaja sluzhba chernomorskih kazakov v ermolovskij period ("Honor and oath require us to be absolutely careful...": the border service of the Black Sea Cossacks in the Yermolovskij period) // Iz istorii i kul'tury linejnogo kazachestva Severnogo Kavkaza: materialy Dvenadcatoj mezhdunarodnoj Kubansko-Terskoj nauchno-prakticheskoi konferencii. Armavir: RIO AGPU, 2020. P. 80–85. (In Russian)

29. Kolesnikov V. A. Dony na Kubani: K 200-letiju so dnja osnovanija Grigoripolisskoj, Temnolesskoj i Vorovskolesskoj stanic (To the 200th anniversary of the founding of Grigoripolis, Temnolesskaya and Vorovskolesskaya villages). Stavropol': Juzh.-rus. kommerch.-izd. tovarishhestvo, 1995. 92 p. (In Russian)
30. Kolesnikov V.A. Byloe Nevinnogo mysa. K 185-letiju pereselenija Hoperskogo kazach'ego polka na Kuban' i Kumu i osnovanija stanicy Nevinnomysskoj (To the 185th anniversary of the resettlement of the Khopersky Cossack regiment to the Kuban and Kuma and the founding of the village of Nevinnomysskaya). Stavropol', 2011. 676 p. (In Russian)
31. Kolesnikov V.A. Stanicy Stavropol'ja. Istoriko-statisticheskij i toponimicheskij spravocnik (poslednjaja tret' XVIII v. – 1917 g.) (Historical-statistical and toponymic reference book (last third of the 18th century – 1917). Moscow: A.G. Nadyrshin, 2012. 352 p. (In Russian)
32. Kolesnikov V. A. Gorod Grigorija. Oчерки istorii stanicy Grigoripolisskoj (1784-1917) (City of Gregory. Essays on the history of the village of Grigoripolskaya (1784-1917). Stavropol': A.G. Nadyrshin, 2014. 376 p. (In Russian)
33. Kolesnikov V. A. Kazachestvo Novoaleksandrovsogo rajona Stavropol'skogo kraja (Cossacks of the Novoaleksandrovsy district of the Stavropol Territory. 1794-1920). Jenciklopedija. Moscow: Nadyrshin, ООО «Firma «Salta» LTD», 2017. 136 p. (In Russian)
34. Kolesnikov V. A. Zemli i pervye russkie poselenija na Stavropol'e v opisanih 1785 goda (k slaboizuchennym voprosam istoricheskoy hronologii i toponimiki kraja) (Lands and the first Russian settlements in the Stavropol region in the descriptions of 1785 (on poorly studied issues of historical chronology and toponymy of the region). Moscow: A. G. Nadyrshin, 2018. 64 p. (In Russian)
35. Kolesnikov V.A. Pervye georgievskie kavalerij linejnyh stanic Kubani 1810-1832 gg. (The first Knights of St. George of the linear villages of the Kuban, 1810-1832). Moscow: A.G. Nadyrshin, 2019. 40 p. (In Russian)
36. Kolesnikov V. A. O kazach'ih hutorah v verhov'jah Egorlyka (On the Cossack farms in the upper Yegorlyk). Moscow: A.G. Nadyrshin, 2021. 56 p. (In Russian)
37. Kolesnikova M. E. Issledovatel' Kubanskogo kraja E. D. Felicyн (Researcher of the Kuban region E.D. Felitsyn) // Iz istorii i kul'tury linejnogo kazachestva Severnogo Kavkaza. Materialy Pervoj regional'noj Kubansko-Terskoj nauchno-prosvetitel'skoj konferencii. Armavir-Zheleznovodsk, 1998. P. 47-49. (In Russian)
38. Kolesnikova M. E. Stavropol'skie kraevedy: Biobibliograficheskie oчерки (Stavropol Local Historians: Biobibliographic Essays). Stavropol': SGU, 2004. 115 p. (In Russian)
39. Kolesnikova M. E. Severokavkazskaja istoriograficheskaja tradicija: vtoraja polovina XVIII – nachalo XX veka (North Caucasian historiographical tradition: the second half of the 18th - the beginning of the 20th century). Stavropol': SGU, 2011. 524 p. (In Russian)
40. Kolesnikova M. E. Sohranenie duhovno-nravstvennyh tradicij rossijskogo kazachestva (iz opyta raboty Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta) (Preservation of the spiritual and moral traditions of the Russian Cossacks (from the experience of the North Caucasian Federal University) // Kavkaz v otrazhenii mirovoj istorii: sbornik nauchnyh statej k 75-letiju professora A. A. Kudrjavceva. Stavropol': SKFU, 2017. P. 131-134. (In Russian)
41. Kolosovskaja T. A. Rossijskie voennye v sociokul'turnom prostranstve Severnogo Kavkaza XVIII – XIX vv. (Russian military in the sociocultural space of the North Caucasus in the 18th - 19th centuries). Moscow: Kalligraf, 2015. 239 p. (In Russian)
42. Kolosovskaja T. A. Istorija Kavkazskogo voenno-istoricheskogo otdela v licah (History of the Caucasian military-historical department in faces). Stavropol': «Pечатnyj Dvor», 2020. 208 p. (In Russian)
43. Kolosovskaja T. A. Kazach'i pamjatniki na Severnom Kavkaze: idei, proekty, realizacija (vtoraja polovina XIX – nachalo XX v.) (Cossack monuments in the North Caucasus: ideas, projects, implementation (second half of the 19th – early 20th centuries) // Terskij sbornik. Moscow: MIRAKL", 2017. Issue. 2. P. 169-184. (In Russian)
44. Kolosovskaja T. A. Religioznyj faktor v processe voenno-kazach'ej kolonizacii Severnogo Kavkaza (XVI – pervaja polovina XIX v.) (The religious factor in the process of the military-Cossack colonization of the North Caucasus (XVI – the first half of the XIX century) // Iz istorii narodov Severnogo Kavkaza: Sbornik nauchnyh statej. Issue. 8. Stavropol': SGU, 2008. P. 70–77. (In Russian)
45. Kolosovskaja T. A. Rossijskie voennye v izuchenii i sohranении istoriko-kul'turnogo nasledija severokavkazskogo kazachestva (po materialam arhivnogo fonda I.D. Popko) (Russian military in the study and preservation of the historical and cultural heritage of the North Caucasian Cossacks (based on the materials of the archival fund of I. D. Popko) // Jetnokul'turnoe prostranstvo Juga Rossii (XVIII–XXI vv.): materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Krasnodar: Tradicija, 2013. P. 24-32. (In Russian)
46. Korolenko P. P. Nekrasovskie kazaki: istoricheskij oчерk, sostavlennyj po pechatnym i arhivnym dannym (Nekrasov Cossacks: a historical essay based on printed and archival data). Krasnodar: Tradicija, 2013. 102 p. (In Russian)
47. Korolenko P. P. K istorii kolonizacii Zakubanskogo kraja v 1865-1867 gg. Arhivnye dokumenty. Soobshhenie P. P. Korolenko (On the history of the colonization of the Trans-Kuban Territory in 1865–1867. Archival documents. Collection of P. Korolenko). Stavropol', 1906. 29 p. (In Russian)
48. Kravcov I.S. Starejsie v Kubanskom kazach'em vojske «Hoperskie kazaki» (The oldest in the Kuban Cossack army «Khooper Cossacks») // Kubanskije oblastnye vedomosti. 1891. No 1–4. (In Russian)
49. Kubanskije stanicy: Jetnicheskie i kul'turno-bytovye processy na Kubani (Kuban villages: Ethnic and cultural processes in the Kuban) [chief ed. K. V. Chistov]. Moscow: Nauka, 1967. 356 p. (In Russian)
50. Kubanskoe kazach'e vojsko, 1696-1888 g.: Sb. kratkih svedenij o vojske (Kuban Cossack army, 1696-1888: Sat. brief information about the army) / ed by E. D. Felicyна. Krasnodar: Sovet. Kuban', 1996. 478 p. (In Russian)
51. Lamonov A. Istoricheskij oчерk o zaselenii stanicy Kavkazskoj Kubanskogo kazach'ego vojska (1794–1894) (Historical essay on the settlement of the village of the Caucasian Kuban Cossack army (1794–1894) // Kubanskij sbornik. Ekaterinodar, 1897. Vol. 4. P. 1–28. (In Russian)
52. Linec S. I. Severnyj Kavkaz nakanune i v period nemecko-fashistskoj okkupacii: sostojanie i osobennosti razvitija (ijul' 1942 g. – oktjabr' 1943 g.) (The North Caucasus on the Eve and During the Nazi Occupation: State and Features of Development (July 1942 – October 1943). Pjatigorsk: PSLU publ., 2009. 492 p. (In Russian)

53. Linec S. I., Anikeev A. A., Kartashev A. V. i dr. Stavropol'skij kraj v period Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945 gg.) (Stavropol Territory during the Great Patriotic War (1941–1945). Pjatigorsk: PGU, 2018. 497 p. (In Russian)
54. Mal'ceva N. A. Ocherki istorii kollektivizacii na Stavropol'e (Essays on the history of collectivization in the Stavropol Territory). St. Petersburg: Nestor, 2000. 143 p. (In Russian)
55. Matveev O. V. «Vse sluchai voennyh sobytij urupcev v svezhej pamjati...» (K istoriografii 1-go Linejnogo generala Vel'jaminova polka) ("All cases of military events of the Urupians in fresh memory ...") (To the historiography of the 1st Line General Velyaminov Regiment) // Kul'turnaja zhizn' Juga Rossii. 2004. No 4 (10). P. 39–41. (In Russian)
56. Matveev O. V. K istoriografii 1-go Kavkazskogo namestnika Ekaterinoslavskogo general-fel'dmarshala knjazja Potemkina-Tavricheskogo polka Kubanskogo kazach'ego vojska (To the historiography of the 1st Caucasian governor of Yekaterinoslav, Field Marshal Prince Potemkin-Tavrichesky Regiment of the Kuban Cossack Host) // Kubanskij sbornik. Vol. 1 (22). Krasnodar, 2006. P. 58–73. (In Russian)
57. Macievskij G. O. Politicheskaja zhizn' sovremennogo rossijskogo kazachestva (konec 1980-h – 1990-e gg.) (Political life of modern Russian Cossacks (late 1980s - 1990s). Armavir: ASPI, 2006. 140 p. (In Russian)
58. Macievskij G. O. Kazachestvo sovremennoj Rossii: istorija politicheskoi zhizni (Cossacks of modern Russia: the history of political life). Staryj Oskol: IPC «Kirillica», 2012. 402 p. (In Russian)
59. Mogilevcev N. Iz boevoj zhizni Kavkazskogo polka (From the combat life of the Caucasian regiment) // Kubanskije oblastnye vedomosti. 1891. No. 40–46; 1892. No. 1, 5. (In Russian)
60. Iz istorii Karachaevsko-Cherkessii. Trudy Karachaevsko-Cherkesskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta (From the history of Karachay-Cherkessia. Proceedings of the Karachay-Cherkess Research Institute.). Issue VI. Serija istoricheskaja. Stavropol'skoe knizhnoe izdatel'stvo. 1970. 462 p. (In Russian)
61. Nevskaja V. P. Agrarnyj vopros v Karachaevsko-Cherkessii v jepohu imperializma (The agrarian question in Karachay-Cherkessia in the era of imperialism). Cherkessk, 1972. 216 p. (In Russian)
62. Nevskaja T. A., Chekmenev S. A. Stavropol'skie krest'jane. Ocherki hozjajstva, kul'tury i byta (Stavropol peasants. Essays on economy, culture and life). Pjatigorsk, 1994. 167 p. (In Russian)
63. Nevskaja T. A. Stolypinskaja reforma na Severnom Kavkaze (Stolypin reform in the North Caucasus). St. Petersburg, 1997. 195 p. (In Russian)
64. Nevskaja T. A. Kazaki i gorcey verhnjej Kubani (konec XIX – nachalo XX v.) (Cossacks and highlanders of the upper Kuban (late XIX – early XX century) // Kubanskoe kazachestvo: tri veka istoricheskogo puti. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii. Krasnodar. 1996. P. 179–182. (In Russian)
65. Nevskaja T. A. Kazaki na Stavropol'e (Cossacks in the Stavropol Territory) // Trudy juridicheskogo fakul'teta Severo-Kavkazskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta. Issue. 11. Stavropol', 2005. P. 7 – 22. (In Russian)
66. Nevskaja T. A. Tradicionnye normy povedenija krest'jan i kazakov Severnogo Kavkaza v XIX – nachale XX vv. (Traditional norms of behavior of peasants and Cossacks of the North Caucasus in the 19th - early 20th centuries) // Iz istorii narodov Severnogo Kavkaza. Issue. VIII. Stavropol': SGU, 2008. P. 110–118. (In Russian)
67. Nevskaja T. A. Tradicionnoe pravo kazachestva: obshhee i osobennoe (Traditional law of the Cossacks: general and special) // Kazachestvo v sociokul'turnom prostranstve Rossii: istoricheskij opyt i perspektivy razvitiya. Tezisy Vserossijskoj nauchnoj konferencii (28–29 sentjabrja 2010 g.). Rostov-on-Don, 2010. P. 8–10. (In Russian)
68. Nevskaja T. A. Vlijanie Pervoj mirovoj vojny na jekonomiku i social'nye otnoshenija na Severnom Kavkaze (Influence of the First World War on the economy and social relations in the North Caucasus) // Kazaki i gorcey v gody Pervoj mirovoj vojny: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii. Rostov-on-Don: JuNC RAN, 2014. P. 207–214. (In Russian)
69. Nevskaja T. A. Jevoljucija samosoznaniya gorskih i slavjanskih narodov Severnogo Kavkaza (The evolution of the self-consciousness of the mountain and Slavic peoples of the North Caucasus) // Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta. 2014. No 2(41). P. 121–125. (In Russian)
70. Nevskaja T. A. Osobennosti agrarnoj modernizacii kazach'ih hozjajstv Severnogo Kavkaza v nachale XX veka (Features of agrarian modernization of the Cossack farms of the North Caucasus at the beginning of the twentieth century) // Rossijskoe kazachestvo: problemy istorii, vozrozhdenija i perspektivy razvitiya. K 320-j godovshine sluzhenija Otechestvu kazachestva Kubani. Sbornik statej mezhdunarodnoj nauchno-prosvetitel'skoj konferencii (27–31 maja 2016 g. Krasnodar). Krasnodar, 2016. P. 176–181. (In Russian)
71. Nikolaenko N. D. Jevoljucija linejnyh kazach'ih chastej na territorii Severnogo Kavkaza i obrazovanie Kavkazskogo Linejnogo kazach'ego vojska: 30-e gody XVIII - 60-e gody XIX veka (The evolution of linear Cossack units in the North Caucasus and the formation of the Caucasian Linear Cossack army: 30s of the 18th - 60s of the 19th century): abstract of thesis. Stavropol', 2008. 25 p. (In Russian)
72. O 1-j brigade Kubanskogo kazach'ego vojska (About the 1st brigade of the Kuban Cossack army) // Kubanskije vojskovye vedomosti. 1867. No 41. (In Russian)
73. Orlov P. P. Kubanskije kazaki: otkuda povelos' Kubanskoe kazach'e vojsko i kak neslo ono Gosudarevu sluzhbu na blago Rusi (Kuban Cossacks: where did the Kuban Cossack army come from and how did it serve the Sovereign for the good of Russia). Ekaterinodar: Tip. Kubanskogo obl. pravlenija, 1908. 185 p. (In Russian)
74. Pantjuhin A. Obnovlennoe dvizhenie Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi v 20–40-e gg. XX v. (na materialah Stavropol'ja i Tereka) (Renewal movement of the Russian Orthodox Church in the 20–40s. 20th century (on the materials of Stavropol and Terek). Stavropol': AGRUS, 2014. 280 p. (In Russian)
75. Popko I. D. Terskie kazaki s starodavnih vremen (Cossacks from ancient times). Issue. 1. St. Petersburg, 1880. 517 p. (In Russian)
76. Potto V. A. Dva veka terskogo kazachestva (1577–1801) (Two centuries of the Terek Cossacks (1577–1801). Vol. 1–2. Vladikavkaz: Jelektropech. tip. Ter. obl. pravl., 1912. Vol. 1. 117 p.; Vol. 2. 247 p. (In Russian)

77. Priszuzhdenie uchrezhdennyh P.N. Demidovym nagrad... Trinadcatoe... 17-go aprelja 1844 goda (Awarding established P. N. Demidov awards ... The thirteenth ... April 17, 1844). St.Petersburg, 1844. 144 p. (In Russian)
78. Prozritelev G. N. General Popko i sud'ba ego arhiva (General Popko and the fate of his archive) // 45-ja parallel'. 1991. No 1. P. 3–6. (In Russian)
79. Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv (Russian State Military Historical Archive (RGVIA)). F. 866. Op. 1. D. 62. (In Russian)
80. Rossijskoe kazachestvo: problemy istorii i sovremennost' (k 310-j godovshhine Kubanskogo kazach'ego vojska) (Russian Cossacks: problems of history and modernity (to the 310th anniversary of the Kuban Cossack army). Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii (g. Timashevsk, 2-5 oktjabrja 2006 g). Krasnodar, 2006. 296 p. (In Russian)
81. Rossijskoe kazachestvo: problemy istorii, vozrozhdenija i perspektivy razvitija (Russian Cossacks: problems of history, revival and development prospects). K 320-j godovshhine sluzhenija Otechestvu kazachestva Kubani. Sbornik statej mezhdunarodnoj nauchno-prosvetitel'skoj konferencii (27-31 maja 2016 g. Krasnodar). Krasnodar, 2016. 296 p. (In Russian)
82. Samojlenko P. M., protoierej. Istorija Stavropol'skoj eparhii (1843-1918) (History of the Stavropol diocese (1843–1918). Stavropol': Stavropol'skaja duhovnaja seminarija, 2019. 256 p. (In Russian)
83. Tabolina T. V. Kazaki: drama vozrozhdenija (Cossacks: the drama of the revival). Moscow.,1999. 152 p. (In Russian)
84. Terskij sbornik. (Tersky collection). Issue. 7. Ekaterinburg: Ridero, 2021. 541 p. (In Russian)
85. Tkachev E. A. Terskoe kazachestvo v gody revoljucij i grazhdanskogo protivostojanija (1917–1923): uchastie, politicheskie priority, itogi (Terek Cossacks during the years of revolutions and civil confrontation (1917–1923): participation, political priorities, results: abstract of thesis). Pjatigorsk, 2005. 26 p. (In Russian)
86. Tkachenko D. S., Klossovskaja T.A. Voенно-politicheskaja istorija Severnogo Kavkaza XVI - XIX vv.: fakty, sobytija, ljudi (Military-political history of the North Caucasus in the 16th - 19th centuries: facts, events, people). Stavropol'^ Izd-vo Stavropol'skogo gos. un-ta, 2009. 290 p. (In Russian)
87. Trehbratov B. A. Zabytoe imja: [I. D. Popko, kubanskij istorik, pisatel', general kazach'ego vojska] (Forgotten Name: [I. D. Popko, Kuban historian, writer, general of the Cossack army]) // Kubanskij kraeved. Ezhegodnik. Krasnodar, 1992. Issue. 3. P. 110–130. (In Russian)
88. Trehbratov B. A. Istoricheskoe mirovozzrenie I.D. Popko (Historical outlook of I.D. Popko) // Kuban': Problemy kul'tury i informatizacii. Krasnodar, 1999. No 2–3 (13–14). P. 5–11. (In Russian)
89. Trehbratov B. A. Zhiznennyj put' i tvorcheskoe nasledie I.D. Popko (Life path and creative heritage of I.D. Popko) // Obrazovanie. Nauka. Tvorchestvo. Nal'chik-Armavir: Adygskaja (Cherkesskaja) mezhdunarodnaja akademija nauk, 2004. No 6. P. 64–79. (In Russian)
90. Trudy Kubanskogo oblastnogo statisticheskogo komiteta (Proceedings of the Kuban Regional Statistical Committee). 1873–1916: Bibliograficheskij ukazatel' / Nauch. red., vstup. st. A. Sluckogo; sost. O.A. Repina. Krasnodar, 1989. 45 p. (In Russian)
91. Farfarovskij S. Literaturnaja dejatel'nost' I.D. Popko (Literary activity of I.D. Popko) // Trudy Stavropol'skoj uchenoj arhivnoj komissii. Stavropol', 1910. Issue. 2. Part. 1. P. 1–14. (In Russian)
92. Felicyn E. D. General-major Ivan Semenovich Kravcov: Biografija (General Ivan Semenovich Kravtsov: Biography) // Kubanskije oblastnye vedomosti. 1891. No 1. (In Russian)
93. Felicyn E. D. Kratkij ocherk zaselenija Kubanskoj oblasti. Pojasnitel'naja zapiska k 20-verstnoj karte Kubanskoj oblasti (A brief outline of the settlement of the Kuban region. Explanatory note to the 20-verst map of the Kuban region) // Izvestija Kavkazskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshhestva. Tiflis, 1884. Vol. 8. Issue. 2. P. 250-284. (In Russian)
94. Felicyn E. D. Hronologija dostoprimechatel'nyh sobytij i faktov, imejushhij otnoshenie k istorii Kubanskoj oblasti i Kubanskogo kazach'ego vojska (Chronology of noteworthy events and facts related to the history of the Kuban region and the Kuban Cossack army) // Kubanskije oblastnye vedomosti. 1892. No 19-21. 25, 27, 29, 35. (In Russian)
95. Felicyn E. D. K voprosu o proishozhdenii hoperskih kazakov i formirovanii iz nih polka (To the question of the origin of the Koper Cossacks and the formation of a regiment from them) // Kubanskije oblastnye vedomosti. 1895. No 39–42. (In Russian)
96. Felicyn E. D. Materialy dlja istorii Kubanskogo kazach'ego vojska (Materials for the history of the Kuban Cossack Host) // Kubanskije oblastnye vedomosti. 1896. No 235; 1897. No 62, 65. (In Russian)
97. Cezarskij A. Opisanie boevoj zhizni 3-go Kavkazskogo strelkovogo batal'ona (Description of the combat life of the 3rd Caucasian rifle battalion). Tiflis, 1881. 148 p. (In Russian)
98. Chekmenev S. A. Social'no-jekonomicheskoe razvitie Stavropol'ja i Kubani v konce XVIII i v pervoj polovine XIX v. (Socio-economic development of Stavropol and Kuban at the end of the 18th and in the first half of the 19th centuries). Pjatigorsk, 1967. 352 p. (In Russian)
99. Chekmenev S. A. Pereselency: Oчерki zaselenija i osvoenija Predkavkaz'ja russkim i ukrainskim kazachestvom i krest'janstvom v konce XVIII – pervoj polovine XIX v. (Settlers: Essays on the Settlement and Development of Ciscaucasia by Russian and Ukrainian Cossacks and Peasants in the Late 18th – First Half of the 19th Centuries). Pjatigorsk, 1994. 352 p. (In Russian)
100. Shackij P. A. Sel'skoe hozjajstvo Predkavkaz'ja v 1861-1905 gg. (Ist. Issledovanie) (Agriculture of Ciscaucasia in 1861–1905 (Hist. Research) // Nekotorye voprosy jekonomicheskogo razvitija Jugo-Vostochnoj Rossii. Stavropol', 1970. P. 3–320. (In Russian)
101. Shevchenko G., Petrova N. N. I. D. Popko kak publicist (Popko as a Publicist) // Kuban': problemy kul'tury i informatizacii. 1999. No 2–3. P. 12–13. (In Russian)

Сведения об авторах

Колесникова Марина Евгеньевна – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, директор гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / kolesnikovam2017@mail.ru
Адрес: 355017, д.1, ул. Пушкина, Ставрополь, Российская Федерация.

Невская Татьяна Александровна – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / tnevskaya@yandex.ru
Адрес: 355017, д.1, ул. Пушкина, Ставрополь, Российская Федерация.

Information about the authors

Kolesnikova Marina Evgenievna – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head, Chair of Russian History, Director of the Humanitarian Institute, North Caucasus Federal University

The address: 355017, 1, Pushkin st., Stavropol, Russian Federation.

Nevskaya Tatyana Alexandrovna – Doctor of Historical Sciences, Professor, Leading Researcher, Chair of Russian History of the Humanitarian Institute, North Caucasus Federal University

The address: 355017, 1, Pushkin st., Stavropol, Russian Federation.

УДК 94 (470.6) "18"

<http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.3.5>С. С. Лазарян
О. Б. Маслова

КАВКАЗСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ КАК ПОТАЁННОЕ ПРОСТРАНСТВО В РЕАЛИЯХ РОССИИ XIX ВЕКА

Кавказ для Российской империи в XIX в. оставался местом особенным, местом её многотрудных военных и цивилизационных усилий, имевших целью утвердить там универсальные порядки регулярной государственности. Перемен добивались медленно. По разным причинам России противостояли труднопреодолимые твердыни: местная природа и этнические сообщества, которые неохотно вступали в диалог с инокультурными агентами, оставаясь местом потаённым, малоприветливым и весьма опасным.

Кавказские ландшафты, казалось, были созданы специально, чтобы затруднять существование незнакомым с ними новопоселенцам, пугать неприступностью гор, прятавших свои вершины в косматые облака; по несколько раз в день изменять погодные условия, проливные дожди чередуя с нестерпимой жарой. Горные реки пугали своей быстротечностью, с шумом и грохотом, ниспадая в ущелья, подмывали берега и выкорчевывали многолетние деревья. Горы Дагестана были для русского человека беспорядочным нагромождением застывшего в каменном извятии inferнального мира.

Кавказ как место, требовавшее от русского человека большого напряжения физических сил и нравственной работы, по своим природным и социальным параметрам, долгое время оставался пространством пограничности и переходных состояний. Спротивление и противодействие, с которыми встречались имперские власти и колонисты, со стороны большей части мест-

ных жителей и местной природы, порождали в головах, отчаянных или беспутных, надежду найти там укрытие, потаённое пространство, недоступное для посторонних глаз и властей.

По свидетельствам современников, Кавказ аккумуляировал всякого рода людей, имевших преступные наклонности, пройдох и злоумышленников, вместе с теми, кто не знал выхода из сложных жизненных обстоятельств и искал в горной стране возможности получить убежище или надежду на нравственное и гражданское возрождение. На Кавказ бежали крестьяне от притеснений своих помещиков, мужья от постылых жён, неудачливые любовники, промотавшиеся чиновники, романтически настроенные юноши, искавшие славы и подвигов и заклятые враги Российского государства – поляки, участники польской инсurreкции, а также все, кто искал воли, освобождения от всяких установлений и правил. Имперские власти знали это и подозревали Кавказ в неблагонадежности.

Ключевые слова: Кавказ, российские власти, пограничность, диалог, потаённое пространство, циркуляры, поиск беглецов.

Для цитирования: Лазарян С. С., Маслова О. Б. Кавказское пограничье как потаённое пространство в реалиях России XIX века // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (3). С. 404–410. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.3.5

Sergey S. Lazaryan
Olga B. Maslova

CAUCASIAN BORDER AS A HIDDEN SPACE IN THE REALITIES OF RUSSIA OF THE XIX CENTURY

The Caucasus for the Russian Empire in the 19th century remained a special place, a place of its laborious military and civilizational efforts aimed at establishing universal orders of regular statehood there. Change was brought about slowly. For various reasons, Russia was opposed by formidable strongholds: local nature and ethnic communities, which were reluctant to enter into a dialogue with agents of other cultures, remaining a secret, unfriendly and very dangerous place.

The Caucasian landscapes seemed to have been specially created to make it difficult for new settlers who were unfamiliar with them, to frighten them with the inaccessibility of the mountains, hiding their peaks in shaggy clouds; change weather conditions several times a day, alternating heavy rains with unbearable heat. Mountain rivers frightened with their transience, with noise and roar, falling into gorges, washing away the banks and uprooting

perennial trees. The mountains of Dagestan were for a Russian person a disorderly heap of the infernal world frozen in a stone statue.

The Caucasus, as a place that required a great effort of physical strength and moral work from a Russian person, in terms of its natural and social parameters, for a long time remained a space of borderlines and transitional states. The resistance and opposition that the imperial authorities and the colonists met, from a large part of the local inhabitants and local nature, gave rise in the heads, desperate or dissolute, to the hope of finding shelter there, a hidden space inaccessible to prying eyes and authorities.

According to contemporaries, the Caucasus accumulated all kinds of people who had criminal inclinations, swindlers and malefactors, along with those who did not know a way out of difficult life circumstances and were looking for opportunities in a mountainous country to obtain asylum or hope for moral and civil revival. Peasants fled to the Caucasus from the

oppression of their landlords, husbands from shameful wives, unfortunate lovers, squandered officials, romantic youths who sought fame and exploits and sworn enemies of the Russian state - Poles, participants in the Polish insurrection, as well as everyone who sought freedom, liberation from any rules and regulations. The imperial authorities knew this and suspected the Caucasus of unreliability.

Кавказ в XIX в. был одним из пространственных и цивилизационных пограничий Российской империи, местом весьма продолжительного сосуществования многочисленных социокультурных вариантов. Там происходило смешение и причудливое сочетание различных культурных моделей и культурных кодов, реализовывавшихся в пространствах местных и пришлых социумов. Там одновременно находили воплощение разнообразные традиции Востока и Европы, различные этнические и языковые потоки, которые сталкиваясь, растекались по всему кавказскому краю.

В то же время многоликость их одновременного присутствия порождала возможность беспрепятственного диалога культур, отводивших на второй план этноконфессиональную идентичность. Этот диалог давал возможность каждому быть тем, кем ему хотелось, что находило отражение в повседневном поведении, одежде и манерах большого числа жителей Кавказа. Прежняя сущность укрывалась в новом быте, в котором не обязательно было предъяснять свою прежнюю этноментальность. Существующее многоречие, как и ландшафтное разнообразие позволяли находить потаенные места для всех, кто искал малоприметного убежища, желая спрятаться от посторонних глаз.

Физико-географические особенности Кавказа и общественный уклад местных жителей мало способствовали его открытости. К примеру, почти повсеместно, пути, ведущие в горные ущелья, часто были лишь узкими тропами, которые в некоторых местах так сужались, что там едва умещалась лошадь, а любой неверный шаг грозил падением в бездонную пропасть. Здесь дороги не связывали, а вели в укрытие, в тайну. «Тропинки, взвиваясь на крутые гребни или пролегая карнизом вдоль отвесных скал, едва имели ширину, потребную для людской ноги...» [9, с. 68]. А в чеченских горах у селения Дарго «дорога через лес ... тянулась без малого на семь вёрст и ... была поистине адская, она то спускалась с горы вниз и, приподымаясь потом, часто скривляясь и сгибаясь, имела топкие места, то шла уступами в аршин и более вышины по камням. На большом протяжении дорога эта была окаймлена с одного бока нешироким, но весьма глубоким оврагом, до дна которого брошенный туда камень долетал спустя лишь некоторое время, а с другой – отвесною почти стеною гор, покрытых густыми, вековыми чинарами, которые покрывали всю также местность за оврагом, имевшим по большей части только несколько саженей ширины» [1, с. 520–521].

Key words: Caucasus, Russian authorities, frontier, dialogue, hidden space, circulars, search for fugitives.

For citation: Lazaryan S. S., Maslova O. B. Caucasian border as a hidden space in the realities of Russia of the XIX century // Humanities and law research. 2022. V. 9 (3). P. 404–410. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.3.5

Небо часто было в облаках, которые «...разорванными ключьями носятся над головой, то охватывают лес и лижут горы, высаясь над путешественником, то, расступаясь, открывают их. Мало-помалу обращаясь в черную массу, они скрывают самые близкие предметы...» [5, с. 32]. Тут же «внезапно проглянет гигантский хребет угрюмого, почти страшного вида, поднятый гораздо выше облаков и туч, уходящий далеко в область вечного снега, угрожающий обвалами и лавинами, гремящий своими превращёнными в пену потоками» [7, с. 32].

Горы сами по себе для выходцев с равнин «были вызовом жизненной тривиальности... приобретали смысл, далеко выходящий за пределы топографии» [3, с. 28]. Нагромождение скал (в Дагестане – С. Л.), в виде чудовищных трещин и пропастей были перемешаны и разбиты в беспорядке, «точно чудовищные волны океана как бы внезапно застыли и окаменели в бурю» [3, с. 28].

Непостоянство и изменчивость погоды в течение одного дня, когда разнообразные движения воздушных масс, сменяясь и сталкиваясь друг с другом, вызвали бурю, ливень, град, провоцировали каменные обвалы и селевые потоки. Они сметали всё на своём пути и превращали реки в неукротимые и ревущие чудовища, подмывавшие берега, вырывавшие с корнем вековые деревья и катившие с грохотом многотонные каменные глыбы.

На равнине «трудности» для передвижения представляли болота. Особенно это было характерно для западных районов Северного Кавказа, где среди многих вызовов серьёзную угрозу представляла малярия, приводившая к высокой смертности среди новопоселенцев, рискнувших попробовать сделать Кавказ своим местом пребывания [8, с. 178 – 179].

Трудность постижимости как физико-географической, так и духовной сущности Кавказа для понимания стороннего человека, требовали от него большого напряжения сил, собранности и внимания, даже борения со всем прежним жизненным опытом. Кавказ представлялся местом малодоступности и сокрытия всего и вся, местом исчезновения любого прежнего существования, погрузившегося в инаковость кавказской реальности.

«Кавказ с его гордым, вольным, буйным населением, с его природой, принципиально отличной от классической среднерусской, и был той иной сферой, иным миром...» [3, с. 44], который давал возможность и способы обретения не только поэтичных мест, но и иного способа существования

для всякого, кто в том вольно или невольно нуждался. Из-за этого, как отмечал Л. Н. Толстой, современник и участник кавказской жизни, «странное существует в России мнение о действии, производимом жизнью на Кавказе на состояние, характер, нравственность, страсти и счастье людей. Промотавшийся юноша, несчастный игрок, отчаянный любовник, неудавшийся умник, изобличавшийся трус или мошенник, оскорблённый честолюбец, горький бездомник, бобыль: все едут на Кавказ» [3, с. 45]. Великому русскому литератору вторил его современник и непосредственный участник событий кавказской жизни генерал Г. И. Филипсон: «Кавказ в то время был убежищем и сборным пунктом разных пройдох и искаателей средств вынырнуть из грязи или неловкого положения» [11, с. 515].

С приходом России существовавшее ранее в кавказском регионе этносоциальное и социально-культурное многообразие пополнилось новыми моделями жизнестроения и целеполагания, пришедшими туда вместе с многочисленными контингентами военных чинов и гражданских чиновников с их семьями, казаками с их станицами, многочисленными аграриями и переселенцами-колонистами разноликого этнического и конфессионального происхождения и прочим всяким гулящим людом, так называемым «перекасти-поле». Кавказ как территория, переживающая процессы социокультурного реформирования и переходности, притягивал к себе также большое разнообразие социальных элементов, желавших по разным причинам раствориться в пучине социальной неупорядоченности и общественно-бытовой неоформленности, где они чувствовали себя в наибольшей безопасности и могли укрыться от пристрастных глаз различных властей.

Не случайно и то, что повседневная жизнь той части Кавказа, которую обустроивали имперские власти, и той части, на которую они не могли оказывать сколько-нибудь заметного влияния, были полны примерами присутствия там беглецов, как отдельных людей, так и целых групп, из всех частей Российской империи, стремившихся не только спрятаться в отдаленном месте от карающей руки государства, но и обрести свободу и счастье в новых обстоятельствах окружающего социокультурного и ландшафтного разнообразия. Некоторые стремились на Кавказ, чтобы начать там новую жизнь с чистого листа, оставив все прежние страницы своей биографии в прошлом.

В каждодневном переполохе и многочисленных передвижениях больших масс людей, переустройстве ландшафтов аграрными и урбанистическими работами или действиями армейских частей можно было легко затеряться в массе людского броуновского движения, погрузившись в поток с многочисленными случайными связями, свободными от какой-либо строгой обусловленности и определенности.

Имперские власти знали это, а потому всякий раз начинали поиски людей беспутных и способных на своеволие, а также тех, кто мало уважал закон и находился в застарелом злоумышлении, на территории кавказской окраины, которая продолжала оставаться привлекательным пристанищем для всех, кто вступал в конфликт с имперскими властями на протяжении многих десятилетий.

Кавказская среда способна была поглотить кого угодно и спрятать в горные ущелья или города, где при всех стараниях местных властей непроходимых сетей установить не удавалось. Местный дух свободы и местные традиции всегда предоставляли шанс оставаться вне глаз полиции и давали добровольных помощников. В Петербурге всегда это помнили и питали определенное недоверие к Кавказу, по крайней мере, всегда были настороже и подозревали Кавказ в скрываемой нелояльности, поскольку, будучи местом беспокойным и недостаточно обустроенным, он, как магнит, притягивал к себе людей, не умевших или не желавших искать согласия с существовавшими в Российской империи властями и порядками. По этой причине почти любое общественно значимое происшествие связывали с возможностью бегства его участников на Кавказ, а потому всякий раз в кавказские губернии делались запросы и направлялись министерские циркуляры о поиске там разыскиваемых злоумышленников.

Так, 20 сентября 1849 г. в Ставропольское губернское правление, а также властям всех пограничных губерний поступило секретное предписание из Министерства внутренних дел о розыске титулярного советника князя Марцелия Любомирского, без вести пропавшего из Петербурга. Любомирский Марцелий Осипович (Юзефович), князь (1810–1866 гг.) – польский магнат Волынской губернии, принадлежал к аристократическим кругам, был вхож в аристократические дома имперской столицы, а также частым посетителем аристократических салонов Е. М. Хитрово и Д. Ф. Фикельмон, – привлек внимание полицейских властей активным участием в шумных пирушках с братьями Браницкими, на которые собиралась польская молодежь Петербурга. В мае 1849 г. по приказанию императора Николая I была учреждена специальная комиссия для расследования жалоб на злоупотребления по денежным ссудам и расчетам полковника Никитина и коллежского советника Посникова, в которых активным участником был князь М. Любомирский. Страшась ареста, он бежал в неизвестном направлении. На все имение князя Марцелия Любомирского, которое ему досталось от отца, был наложен арест. Квартиру его также опечатали [4]. Полковника Никитина и Посникова, по указанию императора, предали военному суду.

Император потребовал, чтобы в отношении беглого князя Марцелия Любомирского были приняты все меры, которые предписывались «для

изменников поляков» [2, д. 944. л. 1]. Соответственно ставропольским полицейским властям предписывались меры по проведению розыска на подконтрольных им территориях со стороны командующего на Кавказской линии и в Черномории генерал-лейтенанта Н. С. Завадовского.

В Ставропольское губернское правление поступил рапорт от Кизлярского земского исправника, который сообщал, что в результате тщательного секретного поиска, проведенного участковыми заседателями, князя М. Любомирского нигде на жительство или временном пребывании в Кизлярском уезде не оказалось [2, д. 944. л. 9.]. Такие же тщательные поиски беглого князя М. Любомирского были проведены в городах Пятигорске, Георгиевске, Моздоке и в уездах до конца декабря 1849 г. Результат везде был отрицательным – беглого князя М. Любомирского там не нашли, но Петербург настаивал, и поиски продолжались.

В феврале 1851 г. в канцелярию Управляющего гражданской частью Ставропольской губернии поступили рапорты из губерний Закавказского края: следов пребывания князя М. Любомирского там также не обнаружили. По получении отрицательных сведений из станиц Кавказского линейного казачьего войска, дело, после донесения по инстанциям, было закрыто и сдано в архив [2, д. 944. л. 23].

На Кавказе укрывались люди, уставшие от семейных уз или решившие кардинально изменить свой образ жизни. В декабре 1848 г. Подольская духовная консистория обращалась в Кавказское областное правление с просьбой о помощи по бракоразводному делу, связанному безвестной 7-летней пропажей мужа штабс-капитанши Сигизмунд, проживавшей в Уминском уезде в селе Малая Терновка. Консистория просила узнать не находится ли её муж, штабс-капитан Николай Сигизмунд, из дворян, принадлежавших Царству Польскому, где-либо на жительство на Кавказе, поскольку из его формулярного списка за 1835 г. было известно, что он принимал участие в Турецкой кампании 1828–1829 гг., за что был награжден медалью на Георгиевской ленте. За военные заслуги он также был награжден знаком отличия 4-й степени. В 1835 г. он был уволен со службы с правом ношения мундира из Литовского егерского полка по домашним обстоятельствам [2, д. 1120. л. 2 об].

Областное правление приказало начать поиски штабс-капитана Николая Сигизмунда и проинформировать о результатах по Ставропольской губернии, а также о последствиях поисков донести в Подольскую духовную консисторию. Из всех территорий пришли сообщения о том, что следов пропавшего без вести штабс-капитана обнаружено не было [2, д. 1120. л. 4–12 об].

Не всем везло, и властям удавалось кого-то ловить. Так в октябре 1850 г. полковое правление Моздокского казачьего полка препроводило

к моздокскому коменданту полковнику Бельфорту под строгим караулом пойманных на правом берегу реки Терек в лесу двух мужиков, уроженцев Полтавской губернии, беглых крестьян графа Эльберта. Ими оказались Петр и Алексей Соновские, которые пытались укрыться от жестокого притеснения со стороны графа. В 1846 г. они бежали и проживали по разным местам. Наконец пробрались в Черноморье, где прожили в течение полутора лет на рыбных заводах. Осенью 1847 г. они отправились в Тифлис, по пути к которому останавливались в различных селениях по неделе и более. В течение 1848-1849 гг. находились в Тифлисе или около него по разным деревням. Затем отправились в Шемаху, но у них потребовали паспорта, что вынудило их к новому переселению. Поблизости от станицы Галюгаевской в лесу их захватили казаки во главе с урядником.

Братьев Соновских, Порта 24-х лет и Алексея 28-ми лет от роду, отослали в Ставрополь для освидетельствования. Петр был зачислен в рекруты и отправлен на воинскую службу, а Алексей, в виду непригодности к строевой службе, был зачислен в Ставропольскую арестантскую роту гражданского ведомства сроком на 10 лет [2, д. 2293. л. 1–15].

В марте 1868 г. на Кавказе активно разыскивали по предписанию Министерства внутренних дел, которое пописал товарищ министра князь А. Б. Лобанов-Ростовский, сбежавшего из-под надзора ксёндза Валериана Ружицкого, бывшего настоятеля Малого Ключкова Варшавской губернии, который после пересылки его из Костромской губернии в Архангельскую губернию, по прибытии в Вологду безвестно исчез.

В связи с данным происшествием по всем пограничным территориям были разосланы циркуляры, сопровождавшиеся описанием примет беглеца. Всем соответствующим начальникам предписывалось немедленно начать поиски ксёндза Ружицкого в пределах вверенных им территорий. В случае его обнаружения предписывалось арестовать его и незамедлительно информировать о том Министерство. Ксёндза Ружицкого на Кавказе не нашли [2, д. 6544. л. 1–19].

В апреле 1870 г. в Ставропольское губернское правление из Министерства внутренних дел поступал секретный циркуляр о розыске состоявших под надзором полиции Якова Парновского, Лаврентия Урбановского, Александра и Моники Вайс, Ивана (Яна) и Вероники Ромбальских и политического ссыльного Ивана (Иоганна) Лицендорф [2, д. 7106. л. 1].

Состоявшие под надзором полиции в Плоцкой губернии жители Рылинского уезда, гмины Скравильно, крестьяне Яков Тарновский и Лаврентий Урбановский, а также жители Петроковской губернии, гмины Николаев, Бжезиньского уезда, Александр и Моника Вайсы и Иван (Ян), и Вероника

Ромбальские и находившийся в городе Тюмени политический ссыльный Лицендорф, безвестно скрылись от надзора полицейских властей.

Министерство внутренних дел предписывало ставропольским властям тщательно провести розыск беглецов на своей территории и о результатах доложить в министерство. Если указанные лица будут найдены и задержаны, то их следовало препроводить: Парновского и Урбановского в г. Плоцк; Вайсов и Ромбальских – в г. Петроков; Лицендорфа – в Тобольск. Данное распоряжение подписал товарищ Министра внутренних дел князь А.Б. Лобанов-Ростовский. Циркулярное предписание сопровождалось описанием примет разыскиваемых [2, д.7106. л.1 об].

По рапортам, поступившим из городских и уездных полицейских управлений Ставропольской губернии, поименованных лиц на территории губернии найдено не было [2, д. 7106. л. 3–10].

Достаточно часто полицейским приходилось исполнять циркулярные предписания Министерства внутренних дел (МВД) по поиску лиц, бежавших из-под надзора или из-под стражи из весьма отдаленных мест империи. Искали беглых солдат, крестьян, бежавших от своих помещиков, скрывающихся про штрафованных чиновников, не являвшихся в полки длительное время офицеров. В течение только двух месяцев 1833 г. (февраль-март) в Ставрополе было получено из МВД 85 предписаний о поиске и задержании беглецов. В 1836 г. Ставропольской полицией было задержано 89 человек, в числе которых было 11 женщин [10, с.22]. В обязанности городской полиции входило не допускать в город подозрительных лиц, установить надзор за неблагонадежными, тщательно осуществлять паспортный режим, контролировать проездные документы.

Бывшие в кавказском регионе военные действия, захватившие большую часть XIX века, сильно способствовали превращению этого региона в потаённое пространство. На войне можно было спрятать всё и вся. Сама война была лучшим сокрытием любых следов и биографий. Наиболее отчаявшиеся или совершенно беспутные люди часто в качестве укрытия выбирали бегство к немирным горцам, воевавшим против России.

Достаточно распространенной категорией беглецов были так называемые «перекати-поле». Этих людей не привлекали ни боевая жизнь, ни грабежи, ни разбои. Это были люди вполне мирных наклонностей, которые были охочи к перемене мест в поисках лучшей доли. Они поселялись среди горцев и вели жизнь свободных земледельцев, выращивали кукурузу и заготавливали сено. Туда бежало немалое число солдат-рекрутов и казаков, совершивших какой-либо проступок или преступление. Среди таких людей было немало «сорвиголов», привыкших свовольничать, которые искали тревожной жизни среди горцев, а также «забвения от неудач и горькой доли на родине» [12, с. 812].

Дезертирству среди казаков сильно способствовало то, что российское государство требовало переменить сложившийся и привычный для них образ жизни, настаивая на том, что «линейный казак не хищник, а воин Христов» [3, с.126]. Навязывание угодной властям социальной роли озлобляло казаков против правительства. Потому они открыли для себя способ поддерживать «старину» в своей жизни бегством в потаённые области Кавказа, где традиция имела надежное укрытие и приверженцев.

Кроме того, среди беглецов было немало тех, кто не выдерживал армейского быта. Иногда среди беглецов в горы случались идейные противники России – поляки, сосланные на Кавказ за участие в антироссийских восстаниях в Царстве Польском, которые надеялись в стане противников российского государства продолжать борьбу за освобождение своего отечества [6, с.103].

Те дезертиры, кто не имел авантюрного характера и вкуса к разбоям, всегда находили в горских селениях заработок. Беглые казаки могли «не только получить у горцев полноправие, но и семью и безбедное существование, стоило только принять ислам» [3, с.123]. Многие из беглецов так и поступали, косвенным доказательством чего были та степень свободы и доверия к ним, которой они пользовались, например, среди чеченцев.

Перебежчиками становились в первую очередь те люди, которые по своему складу ума и способу существования оставались приверженцами жизни, свободной от каждодневного контроля со стороны государства. Миропонимание этих людей не могло выйти за рамки установок существования, сформировавшегося в условиях пограничья. Потому бегство в горы осуществлялось ими сознательно в поисках «воли», которую они обретали в инокультурном пространстве, и, одновременно, исчезали из поля зрения государства в потаенных ущельях.

Если задаться вопросом, насколько российские власти могли контролировать ход развития межкультурных коммуникаций в пространстве кавказского пограничья, то надо отметить, что такой контроль или влияние могли лишь отчасти задавать их темп и направленность, дав ход этому процессу самим фактом российского присутствия в регионе. По большей части социокультурные процессы пограничных территорий разворачивались по непреднамеренной траектории народной жизни. Попытки утверждения какой-либо преднамеренности со стороны официальных российских властей долгое время гасились интерференцией волн и событий многофакторного процесса, который определялся сущностью и характерными особенностями самих вступающих в контакт социокультурных агентов. Межкультурные взаимодействия, не спрашивая властей о языках, о возмож-

ных способах и формах, часто осуществлялись скрытно от глаз властных усилий в системе тайной локальности и латентности.

Кроме того, пространство пограничья – это всегда пространство противостояния этноментальных и этнокультурных мотиваций и символов, специфики этнокультурной деятельности. В пространстве пограничья сосредоточивается противоборство традиции, исключительности и универсализма. Сталкиваются различные по форме и содержанию порядки мирозидения и мироустройства. Следствием такого процесса были разнородные социокультурные сдвиги или сопря-

жения, предоставлявшие возможность тем или иным социальным агентам находить в них лакуны для потаённого существования.

Кавказ как потаённое пространство в системе империи оставался актуальным средством для большого числа людей достаточно долго. Социально-политические и культурные перемены, происходившие в кавказском крае под влиянием России, не могли тотально изменить местных традиций, а потому условия пограничного состояния изживались медленно. В то же время в российском обществе продолжала существовать устойчивая потребность в кавказском потаённом убежище на протяжении всего XIX века.

Источники и литература

1. Воспоминания генерал-майора августа-Вильгельма фон Мерклина о Даргинской экспедиции 1845 г. // «Даргинская трагедия. 1845 год». Серия: «Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. Составление текстов Г. Г. Лисициной. Комментарии, указатели Б. П. Миловидова. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2001. С. 520–532.
2. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 68. Оп. 1. Д. 944; Д. 1120; Д. 2293; Д. 6544; Д. 7106.
3. Гордин А. Я. Зачем России нужен был Кавказ? Иллюзии и реальность. СПб.: ЗАО «Журнал «Звезда», 2008. 288 с.
4. Дневник Л.В. Дубельта URL: https://runivers.ru/new_htmlreader/?book=5606&chapter=84096 (Дата обращения: 18.10.2021 г.).
5. Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Народы, населяющие Кавказ. Т.1. М.: Центрполиграф, 2019. 655 с.
6. Лапин В. В. Армия России в Кавказской войне XVIII-XIX вв. СПб.: Европейский Дом, 2008. 400 с.
7. Меч С. Кавказ. М., 1905. 65 с.
8. Романовский Д. И. Кавказ и Кавказская война Публичные лекции, читанные в зале Пассажа в 1860 году. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1860. 460 с.
9. Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера. М.: «АИРО-XXI», 2017. 448 с.
10. Урмаева К. А., Состин Д. И. Структура и функции провинциальных полицейских учреждений Российской империи в XVIII – начале XX вв.: по материалам Ставропольской губернии // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2018. №5. С. 21–25.
11. Филипсон Г. И. Кавказская война // Стрижамент: Историческое наследие. Литературно-художественный альманах. Приложение к газете «Кавказский край». Ставрополь: Кавказский край, 1991. Выпуск 1. С. 431–525.
12. Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска. В 2-х т. Т.2: История войны казаков с закубанскими горами (Репринтное воспроизведение). Екатеринбург, б/и., 1913. 880 с.

References

1. Vospominaniya general-maiora avgusta-Vilgelma fon Merklina o Darginskoi ekspedicii 1845 g. (Memoirs of Major General August-Wilhelm von Merklin about the Dargin expedition of 1845) // «Darginskaya tragediya. 1845 god». Seriya: «Vospominaniya uchastnikov Kavkazskoi voini XIX veka. Sostavlenie tekstov G.G. Lisicinoi. Kommentarii, ukazateli B.P. Milovidova. St.Petersburg: Zvezda, 2001. P. 520–532. (In Russian).
2. State Archive of the Stavropol Territory (GASK). F. 68. Inv. 1. D. 944; D. 1120; D. 2293; D. 6544; D. 7106. (In Russian).
3. Gordin A. YA. Zachem Rossii nuzhen bil Kavkaz? Illyuzii i realnost (Why did Russia need the Caucasus? Illusions and reality). St.Petersburg: ZAO «ZHurnal «Zvezda», 2008. 288 p. (In Russian).
4. Dnevnik L. V. Dubelta (Diary of L.V. Dubelt) URL: https://runivers.ru/new_htmlreader/?book=5606&chapter=84096 (Access: 18.10.2021 g.). (In Russian).
5. Dubrovin N. F. Istoriya voini i vladichestva russkikh na Kavkaze. Narodi, naselyayush'ie Kavkaz (History of war and domination of Russians in the Caucasus. The peoples inhabiting the Caucasus). Vol.1. Moscow: Centrpoligraf, 2019. 655 p. (In Russian).
6. Lapin V. V. Armiya Rossii v Kavkazskoi voine XVIII-XIX vv. (The Russian army in the Caucasian war of the XVIII-XIX centuries). St.Petersburg: Evropeiskii Dom, 2008. 400 p. (In Russian).
7. Mech S. Kavkaz (Caucasus). Moscow, 1905. 65 p. (In Russian).
8. Romanovskii D. I. Kavkaz i Kavkazskaya voina Publichnie lekci, chitannie v zale Passazha v 1860 godu. (The Caucasus and the Caucasian War. Public lectures, read in the hall of the Passage in 1860). St.Petersburg: Tipografiya tovarish'estva «Obsh'estvennaya polza», 1860. 460 s. (In Russian).
9. Tornau F. F. Vospominaniya kavkazskogo oficera (Memoirs of a Caucasian officer). Moscow: «AIRO-XXI», 2017. 448 p. (In Russian).
10. Ushmaeva K. A., Sostin D. I. Struktura i funkcii provincialnih policeiskih uchrezhdenii Rossiiskoi imperii v XVIII - nachale XX vv.: po materialam Stavropolskoi gubernii (The structure and functions of the provincial police institutions of the Russian Empire in the 18th - early 20th centuries: based on the materials of the Stavropol province) // Probely v rossiiskom zakonodatelstve. YUridicheskii zhurnal. 2018. No. 5. P. 21–25. (In Russian).
11. Filipson G. I. Kavkazskaya voina (Caucasian war) // Strizhament: Istoricheskoe nasledie. Literaturno-hudozhestvennii almanah. Prilozhenie k gazete «Kavkazskii krai». Stavropol: Kavkazskii krai, 1991. Issue 1. P. 431-525. (In Russian).

12. SH'erbina F. A. Istoriya Kubanskogo kazachego voiska. In 2 vols. Vol. 2: Istoriya voini kazakov s zakubanskimi gorcami (Reprintnoe vosproizvedenie) (History of the Kuban Cossack army: The history of the war of the Cossacks with the Trans-Kuban highlanders (Reprint reproduction). Ekaterinburg, b/i., 1913. 880 p. (In Russian).

Сведения об авторах

Лазарян Сергей Степанович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета / aflost@yandex.ru

Адрес: д.9, пр. Калинина, 357352, Пятигорск, Российская Федерация.

Маслова Ольга Борисовна – кандидат исторических наук, старший преподаватель, доцент кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета / maslova69olga@yandex.ru

Адрес: д.9, пр. Калинина, 357352, Пятигорск, Российская Федерация.

Information about the authors

Lazaryan Sergey S. – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor, Chair of Historical and Socio-Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology, Pyatigorsk State University / aflost@yandex.ru

The address: 9, Kalinina Ave., 357352, Pyatigorsk, Russian Federation.

Maslova Olga B. – Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer, Associate Professor, Chair of Historical and Social Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology, Pyatigorsk State University / maslova69olga@yandex.ru

The address: 9, Kalinina Ave., 357352, Pyatigorsk, Russian Federation.

УДК 94(474.5) «2/14»

<http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.3.6>

О. В. Матвеев

ЭПОХА ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ В НАРОДНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РУССКИХ И БЕЛОРУСОВ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ¹

Автор рассматривает отношение к эпохе Екатерины Великой белорусского и русского народов, выраженное через коллективные традиционные исторические знания. Период её царствования оценивается как переход от мифологического времени к историческому. В народных текстах Екатерина II выступает нередко как разрушитель старого и создатель нового мира. Внешняя политика Екатерины II нашла многочисленные отклики в русских исторических песнях и преданиях. Белорусы представили борьбу императрицы с Речью Посполитой, разделы польско-литовского государства и вхождение белорусских земель в состав России в форме топонимических преданий и сказочной форме. Белорусские сказки отразили сотрудничество русского правительства с магнатом Каролом Радзивиллом (пане Каханку) и королем Станиславом Понятовским. Личная жизнь Екатерины Великой привлекала внимание всех русских людей, была окружена множеством слухов, которые нередко находили отражение в народном творчестве. Общение императрицы с выходцами из простого народа часто происходит в нарративах за счет уравнивания их социального статуса: царица и народные герои вступают в диалог не согласно социальной вертикали, а на равных. Неоднозначно в народных исторических представлениях оценивается внутренняя политика Екатерины II. Русские тексты осуждают насаждение крепостничества, персонажируют антикрепостнические идеи в форме легенды о Петре III-избавителе, и в то же время хранят память об освобождении монастырских крестьян, ослаблении повинностей уральских казаков, солдатские песни-плачи о смерти императрицы. Бытование среди старообрядцев преданий о желании императрицы «исправить» веру свидетельствует в пользу того, что взаимоотношения старообрядцев с властью не сводились к протесту и социальной борьбе. Осуждение крепостничества больше связывается с конкретными помещиками, нежели с самой императрицей. Автор считает бессмысленным воспринимать рекрутские песни как осуждение Российского государства, поскольку здесь мы имеем дело не с механическим отображением ситуации, а с результатом осмысления социально-исторических реалий, которые

вписываются в более широкий символический аспект. Отмечены и позитивные последствия распространения рекрутчины на белорусские земли. В Речи Посполитой белорусские крестьяне никогда не имели статуса защитников Отечества, поскольку защита Родины являлась привилегией шляхты. Белорусские крестьяне, отслужившие в императорской армии, возвращались к себе в деревни и, рассказывая о службе, способствовали формированию у молодёжи уверенности в том, что односельчане причастны к защите Отечества, которое в этом случае начинало представляться не как местная округа, а большое и «свое» государство. Против идентичности замкнутости свидетельствует и наличие немалого корпуса текстов топонимических преданий, в которых Екатерина Великая выполняет роль «культурного героя». Параллели подобным текстам находим в русских преданиях о «путешествующей» императрицы. Обычно в этих текстах объясняется происхождение названия того или иного поселения, где проезжала Екатерина Великая. Высаживание деревьев вдоль обочины по приказу императрицы рассматриваются русскими и белорусскими крестьянами как причастность к важному государственному делу. Автор выявил некоторые общие закономерности в развитии народных исторических представлений русских и белорусов, показал, как образ императрицы служил воплощением тех надежд, иллюзий и стереотипов, которые были характерны для традиционной политической культуры восточных славян.

Ключевые слова: Екатерина Великая, народные исторические представления, топонимические предания, социально-бытовые сказки, образы государя, войны, восстания, Румянцев, Станислав Понятовский, Кароль Радзивилл, разделы Речи Посполитой, исторические песни, картина мира, «путешествующая» императрица, рекрутские песни, нарративы.

Для цитирования: Матвеев О.В. Эпоха Екатерины Великой в народных исторических представлениях русских и белорусов: общее и особенное // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (3). С. 411–422. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.3.6

Oleg V. Matveyev

THE ERA OF CATHERINE THE GREAT IN FOLK HISTORICAL REPRESENTATIONS OF RUSSIANS AND BELARUSIANS: THE GENERAL AND THE SPECIAL

The author considers the attitude of Belarusian and Russian peoples to the era of Catherine the Great as expressed through collective traditional historical knowledge. The period of its reign is evaluated as a transition from

mythological time to historical. In folk texts, Catherine II often acts as the destroyer of the old and creator of the new world. The foreign policy of Catherine II has found numerous responses in Russian historical songs and traditions. The

¹ Статья подготовлена по проекту государственного задания на оказание государственных услуг по теме «Философско-исторические основания российской государственности: ценности и смысловые практики Российской империи XVII–XIX вв.» FZEN-2022-0014. Номер по КубГУ: 22/164т.

Belarusians presented the struggle of the empress with the Commonwealth, the sections of the Polish-Lithuanian state and the entry of Belarusian lands into Russia in the form of toponymic traditions and a fabulous form. Belarusian tales reflected the cooperation of the Russian government with Magnat Karol Radziwill (Pan Kakhanka) and King Stanislav Ponyatovsky. The personal life of Catherine the Great attracted the attention of all Russian people, was surrounded by many rumors, who often reflected in folk art. Communication of the empress with immigrants from a common people often occurs in narratives due to equalizing their estate status: the queen and folk heroes enter into dialogue not according to the social vertical, but on equal terms. The domestic policy of Catherine II is ambiguously evaluated in folk historical ideas. Russian texts condemn the planting of serfdom, personify anti-consonant ideas in the form of a legend about Peter III- Deliverer, and at the same time keep the memory of the liberation of the monastery peasants, weakening the duties of the Ural Cossacks, soldier-wings about the death of the empress. The existence of legends among the Old Believers about the Empress's desire to «correct» faith indicates that the relationship of the Old Believers with the authorities did not come down to protest and social struggle. The condemnation of serfdom is more associated with specific landowners than with the empress herself. The author considers it pointless to perceive recruitment songs as a condemnation of the Russian state, since here we are not dealing with a mechanical display of the situation, but with the result of understanding socio-historical realities that fit into a wider symbolic aspect. The positive consequences of the spread of recruitment to the Belarusian lands were also noted. In the Commonwealth, Belarusian peasants never had the status of defenders of

Царствование Екатерины Великой выступает во многом переломной эпохой в исторической картине мира восточных славян, точкой отсчета фольклорного времени. С правлением этой императрицы связана активная внешняя политика, вхождение белорусских и западноукраинских земель в состав России, многочисленные внутренние преобразования. Отношение к деятельности правительства Екатерины II определяли славные победы русского оружия, успехи и просчеты в социальной и конфессиональной политике, исторические обиды и предубеждения, устройство дорог и населенных пунктов. В статье предпринята попытка выявить общее и особенное в народных исторических представлениях русских и белорусов об эпохе Екатерины Великой.

По мнению ведущих специалистов в области славянской этнолингвистики О.В. Беловой и В.Я. Петрухина, эпоха Екатерины Великой «есть переход от мифологического времени к историческому, от мира, в котором жили великаны, к миру современных людей» [2, с. 122].

В белорусских текстах императрица предстает как «асілак» (богатырша) Кацярына. Она обладает могучей силой и разбивает войско поляков под командованием самого короля Стефана Батория (Батуры). В предании о бездедовичских и устьянских курганах говорится: «Гэта было вельмі даўно, і дзяды нашы таго не помняць. Зямлёй натай ва-

the Fatherland, since the protection of the Motherland was the privilege of the gentry. Belarusian peasants who served in the imperial army returned to themselves in the village and, telling about the service, contributed to the formation of confidence in young people in the fact that fellow villagers are involved in the defense of the Fatherland, which in this case began to be noted as a local district, and great and «their own» state. The presence of a considerable body of toponymic legends, in which Catherine the Great plays the role of a «cultural hero», is evidenced. Parallels such as texts are found in Russian legends about the «traveling» of the Empress. Usually in these texts explains the origin of the name of a particular settlement, where Catherine was driving. Locking trees along the curb by order of the empress is considered by Russian and Belarusian peasants as involvement in an important state case. The author revealed some common patterns in the development of the people's historical ideas of Russian and Belarusians, showed how the image of the empress served as the embodiment of those hopes, illusions and stereotypes that were characteristic of the traditional political culture of the Eastern Slavs.

Key words: Catherine the Great, folk historical performances, toponymic legends, socially domestic fairy tales, sovereign images, war, revolt, Rumyantsev, Stanislav Ponyatovsky, Karol Radziville, Speech Commonwealth, Historical Songs, Painting of the World, «Traveling» Empress, recruit songs, narrative.

For citation: Matveyev O. V. The era of Catherine the Great in folk historical representations of Russians and Belarusians: the general and the special // Humanities and law research. 2022. V. 9 (3). P. 411–422. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.3.6

лодаў Батура, а як даведалася пра тое асілак-Кацярына, то сабрала рускае войска і на тым самым месцы сустрэла польскую раць Батуры. У той час быў тут вялізны лес. Убачыўшы царыцу Батура схопіў ёлку, вырваў яе з каранем і кажа Кацярыне: – Нашто нам біцца? Вот паглядзі на нашу сілу. Паглядзела царыца, усміхнулася да й гаворыць яму: – Ну, – гаворыць, – добра. А пастаў жа елку назад у зямлю. А Батура і не змог. Тады асілак-Кацярына ўзяла елку, перавярнула карэннем уверх ды да палавіны й уціснула ў зямлю; пасля разбіла раць Батуры, а астаткі прагнала за Дзвіну. У другі раз асілак-Кацярына засцігла Батуру пад Вусцем. Выйшаўшы з карэты, царыца бачыць; пасецца пара спутаных жалезнымі путамі коней, а раць Батуры так і соваецца і соваецца з акапа на рускае войска. Не доўга думала асілак-Кацярына; як ухопіць за пугы ў а дну руку аднаго, а ў другую другога каня: «І пайшла імі валяць Польскую раць; / Процьму народа пабіла. / Многа ў Дзвіне патапіла. / А рэшткі за рэчку прагнала. / І тут руская зямля стала»» [22, с. 234–235].

Интересно, что Екатерина в этом тексте представлена современницей короля XVI в. Стефана Батория (Батуры), который олицетворял мощь и величие Речи Посполитой. Победа Екатерины над Батурой предстает точкой отсчета новой эпохи в жизни белорусов: «і тут руская зямля стала». В такой мифологической форме, через

собираемые образы народ представил свои предпочтения и надежды, связанные с вхождением в состав Российской империи. Такое отношение подтверждается документальными свидетельствами эпохи. Когда в апреле 1792 г. русские войска вступили в белорусские земли и без боя заняли Гродно, Несвиж, Минск и другие города, то белорусы радушно встречали екатерининских солдат и офицеров, оказывали императорской армии всяческую поддержку. В одном из рапортов отмечалось, что «жители деревень и хлопы были спокойны, только с польскими войсками имели стычки» [13, с. 158]. Польское восстание 1794 г. против русской власти под предводительством Т. Костюшко не вызвало отклика в сердцах белорусов. Как справедливо отмечает белорусский исследователь А. Д. Гронский, «не воспринимали крестьяне, жившие в конце XVIII в., Костюшко своим защитником, поэтому и не сделали из него кукла, поэтому и нет в белорусской естественной исторической памяти упоминаний о восстании как о чём то «своём»» [9, с. 21]. Генерал-губернатор Минский, Изяславский и Брацлавский сообщал об отношении белорусского населения к русским войскам: «В Несвиже и в окрестностях объявление манифеста произведено с желаемым успехом и спокойствием между обывателями, которые о присоединении их под Российскую державу изъявляют особенную радость и удовольствие» [3, с. 67]. Советский белорусский историк А. П. Игнатенко отмечал, что «не поддержали восстания белорусские крестьяне и низы городского населения» [13, с. 161]. Они всячески уклонялись от мобилизации в повстанческие войска, уходили в расположение русской армии. Бригадир Львов докладывал командованию 5 июня 1794 г.: «Явились к здешнему Варковичскому градоначальнику два мужика с польской стороны из селения Бушкевичи, принадлежавшего графине Ходкевичевой, и заявили, что в том селении вербуют мужиков для войска мятежного, в числе коих вербованы были и они, и что они, боясь сего, убежали оттол в наши границы» [13, с. 162]. Т. Костюшко с горечью писал 12 сентября 1794 г.: «Из предназначенных 500 рекрутов для моего обоза от Брест-Литовского воеводства доставлено только 372, остальные бежали по дороге» [13, с. 163]. Русский посол в Польше Н. В. Репнин сообщал в Петербург, что «крестьяне более на нашей стороне, нежели мятежнической» [13, с. 163].

Один из предводителей восставших, М.К. Огинский, автор знаменитого полонеза, вторгнувшийся на белорусские земли, потерпел поражение из-за враждебного отношения к нему местных крестьян [8, с. 89]. Отряды Огинского мародерствовали, сжигали и разоряли крестьянские дворы, не удивительно, что в обороне русскими солдатами крепости Динабург в августе 1794 г. активное участие приняли 170 белорусских крестьян [8, с. 89].

Екатерина II выступает как разрушитель старого и созидатель нового мира в народных исторических представлениях кубанских казаков. В кубанской песне говорится: «Гэй, ой маты Катэрына, та шо ты наробыла, / Гэй, шо то вийско запорижскэ та й занастыла» [4, с. 35]. В другой песне Екатерина объясняет запорожцам, что возвращения к прежнему войску, неподконтрольному государственной власти, не будет: «Нэ на тэ ж я, вражи сыны, / Москаля збирала, / Щоб стэп добрый, край вэсэлый / Назад повэртала» [4, с. 352]. Манифестом от 3 августа 1775 г. объявлялось: «Сечь Запорожская вконец уже разрушена, с истреблением, в будущем и самого названия». Смена наименования войска символизировала смерть прежнего казачества и рождение нового. Не случайно Екатерина II предупредила Г. А. Потемкина: «Что... запорожцы верно служат, сие похвально, но имя запорожцев со временем старайся заменить иным, ибо Сеча, уничтоженная манифестом не оставила по себе ушам приятное прозвище. В людях же незнающих штоб не возбудила мечты, будто за нужно нашлось восстановить Сечу, либо название» [17, с. 71]. Смена названия войска – символический ритуал. Наименование «Войско верных казаков» (с 1790 г. – Черноморское войско) выбиралось не только ради «ушам приятного прозвания», но и для приобретения качеств, обозначенных новым именем. Злая мачеха, «вража маты» для Украины и запорожцев становится «жизнедательницей и благодетельницей Екатериной Алексеевной» для Кубани: «Благодарим импэратрыцю, молимся Богу / Що на вона указала на Тамань дорогу» [4, с. 39]. В песне «Ой, ты сяча симсот дэвяносто пэршого року» казаки без особого сожаления констатируют гибель старого и строительство нового мира: «Бувай же здорова, Днепр-рика мутная, / Пидем на Кубань краищой и напыться. / Бувайтэ здорови, вси курины наши, / Тут вам без нас развалиться» [4, с. 344]. На Украине продолжали бытовать тексты, в которых «объявление верховной воли об уничтожении Запорожского Коша выражено в песнях символическим образом стрельнии из ружей и пушек и падения бомбы посреди Сечи» [20, с. 632]. Для кубанцев более актуальными становятся тексты о пожаловании Екатериной II кубанских земель, топонимические предания, связанные с императрицей [28, с. 13, 49]. Подобные представления нашли отражения в воззвании сбора средств на памятник в ст. Таманской, в котором говорилось: «9 сентября 1896 г., во время празднования двухсотлетия Кубанского казачьего войска совершена в г. Екатеринодаре закладка памятника императрице Екатерине II, воздвигаемого кубанским казакам. Наши потомки вечные времена будут взирать на созданный нами памятник и, вспоминая все оказанные войску благодеяния, возносить мольбы за мать-царицу Екатерину II, которая всецелой рукой излучала их на казаков, представителей нынешнего Кубанского войска.

Нужно представить себе неопишное счастье верных казаков черноморских, когда они получили Высочайший дар – грамоту на весь Таманский полуостров с землями между берегом Азовского моря и рекою Кубанью, нужно представить себе, с каким благоговением вступили они впервые на дарованную землю, чтобы не только бдительно охранять границы дорогого отечества, блюсти имена храбрых воинов, но и всячески стараться заслужить звание добрых и полезных граждан. В знак признательности за благодеяние и Высочайшее дарованную грамоту, мы, кубанцы, воздвигаем в гор. Екатеринодаре памятник императрице Екатерине II, благодетельнице нашей, а в знак такого знаменательного события, как первое вступление на высочайше дарованную землю, казаки ст. Таманской, как верные сыны Кубани, на общественном сборе 6 марта 1894 г., под председательством своего станичного атамана сотника В.И. Толстопята, имели суждение, что 1 октября 1894 г. исполняется сто лет со дня основания в станице Таманской церкви во имя Покрова Пресвятой Богородицы, а также, что в нынешней станице Таманской в 1792 г. в августе месяце верные черноморские казаки впервые высадились на дарованную землю, и постановление ходатайствовать об открытии подписки на сооружение в Таманской станице в память знаменательных событий памятника, ассигновав с своей стороны из общественных сумм станицы пятьсот рублей» [35, л. 182 об.].

Имя императрицы задействовано на Кубани не только в связи с переселением Черноморского казачьего войска, но и для объяснения появления новолинейных и закубанских станиц, которые основывались в 1840-х–1860-х гг. [25, с. 112]. По представлениям потомков оренбургских казаков «казачество заселяла Екатерина. На триста верст разрезать, рассоединить Башкырию с Казахстаном. <...> Их разделили, потому что невозможно было. Они между собой войну, такую резко устраивали, что было невозможно. Вот она [Екатерина] их заселила» [15, с. 38].

Внешняя политика Екатерины II нашла многочисленные отклики в русских исторических песнях и преданиях. В уральских записях И. И. Железнова отразились народные представления о том, что соседи «крепко побаивались матушки Катерины Лексевны. Ведь она даром что женщина была, а какая разумная, да и воевать-то была горазда, что твоя Ольга премудрая: супротив нее ни один царь не стоял – всех побивала. На что уж прущкой король Фридрих воин был, говорят, от всего света, и богатырь: железные подковы разгибал, всех суседних царей побивал, а она, наша матушка, и его побивала. Значит, всех сильнее, войничее была! Сколько она земель отбила от супротивников, сколько городов побрала, сколько дани перебрала, – и не перечесть! Турского сал-

тана, говорят, вдосталь забила. Все Черное море своими кораблями покрыла, Очаков, Анапу взяла. И к Царюграду подступала, да не взяла: время не пришло, дитяtko, – по писанию святых отцов, возьмут наши Царьград в последнее время при царе Константине. . . Однако много с турецкого салтана отсталого взяла и обязала его, век-повеки, платить нашему царю дань. И платит с той поры турецкий салтан нашему царю дань великую: оттого самого наши цари и богаты» [30, с. 231–232].

В солдатских песнях второй половины XVIII в. нашли отклик русско-турецкие войны, война со Швецией, которые встраивались в традиционную схему. Так, в одной из песен шведский король требует и угрожает: «Отдай судержавны города: / Отдай Ригу, отдай Ревель, / Отдай рукодель мою; / Еще отдай Кужляй, Вихляй / Со Выборгом назад! / Не отдашь ты эти города, / Не прогневайся на меня, / На шведского короля: Уж я сам-то, король шведский, / На твою землю вступлю, / Всю Россию пройду. / Во Москву-город войду» [14, с. 231].

Императрицу утешает генерал-фельдмаршал Румянцев: «Граф Румянцев-генерал, / Милосердную государыню / Разговаривал на словах: «Милосердна государыня, / Не пужайся-ка весьма! / У нас столько силы есть, / Что в чистом поле травы; / У нас столько генералов, / Что на травоньке цветов. / Мы всю силушку сберем, / Во поход ее пошлем; / Уж мы хлебов напечем / В каменной матке Москве, / На пушечном на дворе; / Горяченька похлебочка / У солдатушек в ружье; / Уж мы встретим этого гостя / Уж мы станем этого гостя, / Среди моря на пути; / Станем потчевати!» [14, с. 231–232].

Екатерина II опирается в народных представлениях на военные и административные дарования выдающихся русских военачальников, печалится, когда граф Румянцев «попадает в плен»: «Что никто, братцы, не знает да не ведает, / Что куда наша государыня собирается, / Собирается да снаряжается Екатерина-то да Алексеевна? / Надевает-то она на себя платье черное, / Платье черное, печальное, / И ко христовской она собирается ко заутрени, / Ко заутрени да к ранней утрени. / По правой по рученьку сидит граф Суворов-енерал, / По леву по рученьку сидит Потемкин-енерал. / «Что же ты, наша государыня, запечалилась?». / «А х глупые вы бояре, неразумные! / У нас не стало правителя в каменной Москве, / Славна воина Румянцева» [14, с. 254].

Белорусы откликнулись на более актуальную на их стороне Двины эпоху разделов Речи Посполитой, причем в своеобразной – сказочной форме. Исследовательница идентичности белорусов Ю.В. Чернявская указала на «равнодушие» белорусского крестьянства в отношении смены польской власти на русскую, уход в себя, «в тутэйшность», из-за ухудшения своего положения: «Самый многочисленный слой населения –

крестьянство – и прежде-то не был избалован привилегиями. Что касается языка администрации и судопроизводства, то ни в административные, ни в судебные органы крестьянству хода не было. Потому крестьяне отнеслись к вхождению Беларуси в состав империи равнодушно, продолжая жить обособленной от «верхов» жизнью и реализуя свое этнокультурное своеобразие в фольклоре и в повседневной культуре. Нельзя сказать, чтобы крестьянин совсем не понимал, при каком правлении он живет (в белорусских сказках встречается образ «Кацярыны» – и почти всегда негативный), но, вероятно, нововведения он воспринимал как очередные всплески горя в его незавидной жизни» [39, с. 46–47].

Нам представляется, что белорусские сказки оценивают Екатерину II не в столь мрачных тонах. Императрица включена в сюжеты, где действуют магнат польско-литовского государства Кароль Радзивилл и последний польский король Станислав Понятовский.

Кароль Станислав Радзивилл (1734–1790) – одна из самых колоритных фигур среди магнатов Речи Посполитой. В его белорусском замке Несвиже и других владениях постоянно проходили многочисленные пиры и охоты, где ко всем гостям хозяин обращался: «Пане Коханку» («Любименький мой»). Это обращение стало его прозвищем, приклеившимся на всю жизнь [21, с. 75]. О чудачествах «пане Коханку» ходили легенды. Он мог прокатить духовное лицо в санях, запряженных шестеркой медведей, превратить лету в зиму: однажды в Несвижском замке на бал собралось множество гостей, которые страдали от жары. Тогда Кароль Радзивилл пообещал наутро зиму и катание на санках. Гости решили, что хозяин пьян, но проснувшись утром, увидели искрившийся снег и запряженные сани. Впоследствии выяснилось, что вся Несвижская округа была посыпана солью. Чтобы продукт не пропал, Пане Коханку приказал согнать своих крестьян и дал им собрать соль для себя до вечера. Пожалуй, не было другого задания пана, которое крепостные выполняли бы с такой охотой. Соль стоила страшно дорого: два с половиной фунта соли равнялись стоимости пригожей крепостной девицы.

Обычно магнаты польско-литовского государства в белорусском фольклоре «подавались как отрицательные персонажи» [13, с. 71], однако для «Пане Коханку» народ сделал исключение, которое имело под собой вполне историческую подоплеку. Е. П. Карнович сообщил: «В то время, когда современные ему магнаты отдавали, из корыстных видов, своих бедных холопов в аренду жадным арендаторам, Карл Радзивилл постоянно думал о благе подвластных ему крестьян, и малейшую обиду, малейшее притеснение, оказанные кому-нибудь из них, он уже считал лично сделанным ему оскорблением» [16, с. 182–183].

Необычность князя Коханку в белорусской сказке усиливается присутствием «царыцы Кацярыны», для которой магнат посыпает поля сахаром и дарит медведей: «Дак от які то быў князь Коханко гучны да штучны. Дачуласа аб ём царыца Кацярына. Чна аб'езджала свае царство да й захацела пабачыць яго. Паслала яна к яму сваіх янаралаў сказаць, што заедзе к яму да толькі чакае, пакуль паправяць дарогі, бо яны вельмі трасуць. А гэта было па лету. От князь Коханка вялеў высыпаць дарогу цукрам да й паслаў па царыцу свой шасцярык мядзведзеи, каторыя былі запрэжаны ў сані. Пабаялася царыца Кацярына ехаць на мядзведзях. От тагды князь Коханка прыехаў к ей на сустрэч вярхом на ласю. Як пабачыла тое царыца Кацярына, дак і села на сані да й паехала на мядзведзях па цукру, бы па снегу, аж да самых палацаў. Бачыць ён, што царыцы спадабаліся тыя мядзведзі, от ён і падараваў іх ей. За тое яна даравала яму залатую табакерку з д'ямантам. Свеціць ён уіочы, бы агонь гарыць. Носіць князь Коханка тую табакерку заўжды пры сабе ў кішэні, а як выме яе поўначы, дак яна й свеціць замест ліхтарні» [37, с. 172].

Ответный подарок Екатерины в народных представлениях белорусов несет свет среди «поўначы», что отнюдь не говорит о негативном восприятии образа императрицы народом. Скорее всего здесь в сказочной форме нашел отражение факт прощения Екатериной II участия Радзивилла в смутах Речи Посполитой. Выступив против избрания польским королем Станислава Понятовского, «пане Коханку» был разбит русскими войсками под Слонимом в 1764 г. и скрылся за границу. Но вскоре в своих письмах он стал уверять в своей лояльности российской императрице, добился прощения, вернулся на Родину и даже стал оказывать содействие царской администрации в Речи Посполитой [21, с. 79–80].

Определенные размышления вызывает и присутствие Екатерины в белорусской сказке «Свиное рыло». Героем здесь является красивый юноша, слухи о необычной красоте которого доходят «аж да царыцы, матулькі Кацярыны. Хочэцца ёй убачыць таго харошаго хлопца, але не можна яго патрэбуваць к сабе, бо ён у другом царстве» [37, с. 241]. Царица Катерина посылает соседнему монарху богатые дары и требует отдать ей красавчика. Юноша поехал к царскому двору, но «куды он ні прыедзе, дак зараз жанчыны адна перад другою акружаць яго атсюль да так прыстаюць, што й дыхаць не можна. Замучылі яго бабы пакуль ён дабраўся да цара» [37, с. 242]. Царь хотел отправить хлопца Катерине, но его супруга влюбилась в пригожего парня и не захотела его отдавать. Боясь гнева могущественной соседки, царь отправился со своими «панамі да ба ярамі» рассказать о возникших трудностях. «Пакуль ён ехаў, тым часом царыца начала прыставаць

к таму харошаму хлопцу. Уцёк он ат цырыцы да праклінае сваю долю, да цуць не нарекае на Бога, што даў яму такое хараство. І начаў ён плацаць да ўбівацца. Але чым боль плачэ, тым харашэйшы робіцца. Лезуць к яму жанчыны бы мухі на мёд. І пачаў ён прасіць Бога, каб узаў у яго хараство» [37, с. 242]. Тогда Бог обратил лицо юноши в свиное рыло. «Тым часам цырыца Кацярына выслухала цара да й дагадаласа, што тая цырыца прцівіцца, от яна затрымала цара ў себе, нібыто ён ёй вельмі спадабаўся, а тым часам велела свайму войську забраць тое царство, а таго, гожаго хлопца прывезці к ёй. Пашлі людзі ваяваць, людзей забівалі, только нарашчэ тое царство забралі» [37, с. 242]. Юноша, потеряв свою красоту поселился в землянке в лесу, где посвятил себя Богу, учил и лечил людей.

Сюжет сказки наводит на некоторые исторические аналогии. Во-первых, будущий король появился на свет в белорусской земле – в местечке Волчин (ныне деревня Каменецкого района Брестской области), провел здесь свое детство [16, с. 201], импонировал полещукам знанием их диалекта, о чем свидетельствует в своем дневнике уроженец Пинщины епископ Адам Нарушевич [23]. Необычайный взлет Понятовского, который в отличие от Радзивиллов, принадлежал к третьей степенной шляхте и не имел прав на королевский престол, не мог не будоражить воображение земляков Станислава, отслеживавших связанные с ним слухи.

Во-вторых, о любвеобильности последнего польского короля ходили легенды. Дореволюционный исследователь «старинного быта Польши» Е.П. Карнович отмечал: «С первого вступления своего в свет, красивый, ловкий и остроумный Понятовский нашёл счастье у женщин; а известно, что кого полюбят женщины, того полюбит и судьба. <...>. Завоевание женских сердец было едва ли не главной деятельностью этого миролюбивого государя. У одних магнатов он соблазнял хорошеньких молодых жён, у других сманивал и увозил любовниц» [16, с. 201, 209]. Н.И. Костомаров писал о Понятовском: «Он был любитель и ценитель прекрасного пола и в отношении к нему отличался чрезмерным непостоянством и ветренностью» [19, с. 76]. Были известны отношения Станислава Понятовского с представительницами низших сословий, что не могло не распространяться в народе. Даже уезжая под конвоем драгун Суворова в Гродно на акт отречения, первое, что король прихватил с собой, была его удобная кровать для любовных утех.

В-третьих, громкую известность Понятовскому принесла любовная связь с великой княгиней Екатериной Алексеевной, будущей российской императрицей Екатериной II. Царственная возлюбленная помогла ему стать королем Речи Посполитой, которым Понятовский оставался вплоть

до утраты независимости Польшей в 1795 г. Приключения короля находили отклик в фольклоре европейских стран, в том числе в Польско-Литовском государстве. Так, Е. П. Карнович как раз использовал народные сказания о Понятовском в своей работе о польском быте [16, с. 215; 29, с. 201–202].

В-четвертых, сюжет в белорусской сказке о свином рыле, которое в европейской фольклорной традиции обреталось посредством проклятия, заставляет вспомнить о том, что Станислав Понятовский нарушил традицию польских королей короноваться в Кракове, которая была связана с проклятием короля Болеслава. Одним из небесных покровителей Польши являлся Св. Станислав. Будучи в XI в. Краковским епископом, он отлучил короля Болеслава II Храброго от церкви за то, что монарх, отличавшийся буйным и развратным поведением, изнасиловал в 1079 г. знатную пани. В ярости король ворвался в краковский костел Св. Михаила и убил епископа прямо во время службы у алтаря. После наложения папой Григорием VII на Польшу интердикта (запрета на церковные службы) в средневековые сложилась традиция, когда каждый новый король перед коронацией обязательно проходил пешком путь от краковского замка Вавель к собору Святого Михаила и у алтаря на коленях просил прощения за «грех предка своего Болеслава» [26, с. 50]. Понятовский нарушил эту традицию, короновался в Варшаве, за что в народных представлениях был наказан: он стал последним королем Польши, и вместе с ним исчезла Речь Посполитая [34].

В-пятых, смуты в польско-литовском государстве на закате его существования с активным вмешательством войск Екатерины II хорошо вписываются в сюжет сказки, где «царыца Кацярына <...> велела свайму войську забраць тое царство» [37, с. 242].

Наконец, завершение жизненного пути С. Понятовского (согласно Е.П. Карновичу, после отречения бывший король «жил уединенно» [16, с. 217]) согласуется с эпилогом сказки об уединенной жизни бывшего любимца цариц в лесу.

Личная жизнь Екатерины Великой, привлекающая внимание всех русских людей, была окружена множеством слухов [6, с. 218]. Последние нередко находили отражение в народном творчестве. Так в песне из записей А.Н. Пыпина Екатерина жалуется на то, что Пётр III с фавориткой Елизаветой Воронцовой хотят её погубить: «Со любимой своей фрейлиной с Лизаветкою Воронцовой. / Он и водит за праву руку, / Они думают крепку думушку, / Крепку думушку за единае. / Они думают крепку думушку, / Крепку думушку за единае. / Что не так у них дума сделалась, / Что хотят они меня срубить-сгубить» [14, с. 241].

В народных представлениях уральских казаков Екатерина свергла мужа с престола из-за его ревности и своего непокорного характера: «У Петра

Федоровича, между нами будь сказано, вышло несугласье с супружницей его, матушкой царицей Катериной Лексевной. Господь их ведает, из-за чего у них там стало, не наше дело, суди их царь небесный, а нам не подобает разузнавать и допытываться, что как было. Поговаривали только, что он, батюшка наш, был ревнивый, ревнивый такой, а она, матушка наша, супротив него была непокорлива такая. И пробежала, знать, между ними черная кошка. Женщина она, а лютая была. Чрез сколько-то времени, – продолжала рассказчица, – в ночную пору царь пошел во дворец понаведаться, что там такое деется, подошел к воротам, а они на запоре. Вот тебе и не посмеет! Часовой, что у ворот стоял, окликает: – Кто идет? – Царь! – говорит Петр Федорович. – Нет у нас царя! У нас царица! – говорит часовой дерзким манером» [30, с. 229–230].

В народных представлениях общение монарха с выходцем из простого народа часто происходит за счет уравнивания их сословного статуса, они вступают в диалог не согласно социальной вертикали, а на равных [33, с. 125]. В одной из русских сказок солдат на время подменяет императрицу на жену сапожника. Испытав на себе нелегкую жизнь мастеровых, «Екатерина добре́ стала», по-царски наградила солдата и семью сапожника [38, с. 107].

В сказках и преданиях некрасовских казаков Екатерина предлагает Игнату Некрасову взять её замуж. Драматические реалии, связанные с неудачной попыткой правительства Екатерины II вернуть некрасовцев в Россию, в народных представлениях оформляются в предложение брачного союза со стороны императрицы, при этом искушения Игната во многом похожи на соблазны дьявола в христианской литературной традиции [33, с. 125]. «Видит Игнат, что воевать трудно, и решил утить в чужое государство, – говорится в тексте. – А войско царицы за ним. Узнала об этом деле Катярина, приехала к Некрасу с убеждением. Пришла она к нему в бел-тонкий шатер да один на один просила:

– Не ходи Игнат-сударь, в чужую землю, а лучше возьми меня замуж. Соединим казаков с моим войском, сильнее нас во всем свете найтить нельзя будет» [36, с. 190].

Преодолев искушение, Игнат заявляет: «Веру не могу изменить и жениться не могу на тебе» [36, с. 190]. В ответ Екатерина проклинает некрасовцев: «Идите в чужую землю, и чтоб вы там не прибавлялись, а убавлялись. Будьте вы прокляты – так и сказала царица» [36, с. 191].

Внутренняя политика Екатерины II в народных исторических представлениях оценивается неоднозначно. По отзывам крестьян с. Знаменского Болховского уезда Орловской губернии императрица раздаривала жителей придворным, и с этих времен пошли крепостные [5, с. 110]. Антиекатерининский

характер носят легенды о Петре III – «избавителе», которые в сознании уральских рабочих людей, крестьян и казаков вылились в персонафикацию антикрепостнических идей [40, с. 137].

Однако в народной памяти русских нашла отражение и попытка Екатерины Великой ограничить крепостнические устремления монастырей. В предании «Мать Катерина отпустила на волю» рассказывается, как императрица увидела запряженных в соху мужиков, которыми погоняли монахи. После этого «Катерина-мать сейчас же указ написала и свою царскую печать приложила, чтобы, значит, от монастырей всех крестьян освободить» [27, с. 227].

Откликом на указ Екатерины II от 20 июля 1782 г. об отмене двойного подушного оклада со старообрядцев и терпимую конфессиональную политику, проводимую императрицей по отношению к ревнителям «древлего благочестия», стало предание о беседе старообрядческого митрополита с государыней. Царица и митрополит сошлись во мнении, что в России «вера неправая». Но на желание императрицы «исправить» веру, вернуться к дониконовским обрядам, владыко ответил: «Ежели мы будем исправлять, то нам и живым не быть. <...> во-первых, народу от табаку не отучить, а второе дело, что благословения на священническое поставление взять негде, потому что священническая рука благочестивая истребилась. Надоть разве нерушимую священническую руку из мертвых воскресить или с небеси свести, а больше негде взять». Тогда «царица Екатерина Алексеевна сняла с христиан двойную дань во всей России и дала волю христианину, кто как хочет, так и живи и держи свою веру» [31, с. 97–98]. А. В. Пигин справедливо отмечает: это предание о Екатерине II является «дополнительным свидетельством того, что взаимоотношения старообрядцев с властью не сводились к протесту и социальной борьбе, на чем акцентировала внимание отечественная историография XX в. Старообрядцы умели быть благодарны власти за ее милости и щедроты, порой зачисляя ее представителей в единомышленники и одноверцы» [31, с. 100].

В одной из песен Екатерина II прощает яицких казаков и отменяет их обременительные повинности: «Принимала государыня просьбу слезну от войска яицкого / И простила во всех винах, / И отменила войску яицкому службу лициюну» [14, с. 242]. В песне, записанной в с. Слобода Боровского уезда Калужской губернии, говорится, что при царице Екатерине Алексеевне народ жил «в счастьеце», как «появился вор-собака, проклятый человек – Пугачёв, казацкий сын» [5, с. 250].

Смерть Екатерины II оплакивали русские солдаты: «Дожди частые, непроходные, / Вы размойте-ко мать сыру землю / До самой ли гробовой доски. / Разбудите-ко нашу родиму матушку, / Родиму матушку / Катерину Алексеевну. / «Ты восстань, восстань, наша матушка, / Катерина Алексеевна, благоверная государыня. / Погляди-ко на

нас, солдатешек, / На свой полк на Семеновский.
/ Что у нас в полку не по-старому, / Не по-старому,
не по-прежнему, / Что разбили-то нас, гусариков,
/ По разным по полкам, / И нету-то нам, братцы,
свиданьца» [14, с. 289].

Осуждение крепостничества больше связывается с конкретными помещиками, нежели с самой императрицей. Правда, Ю. В. Чернявская пытается увязать негативные последствия вхождения белорусских земель в состав России с появлением в местном фольклоре горестных рекрутских песен. Однако сама же исследовательница отмечает, что рекрутство в народной картине мира белорусов «понимается не в связи с государственным указом (о котором крестьяне, вероятно, и не знали), а как очередная инициатива ненавистного пана: отсюда мотив страшных кар, посылаемых на его голову («штоб сабакі разарвалі», «штоб па пану ваўкі вылі, бадай пана громы ўбілі»)» [39, с. 47].

Призывов против «Кацярыны» в рекрутских песнях нет, главными сюжетами являются снаряжение новобранца, сопровождающееся плачем матери и сестры, тяготы воинской службы: «Стали грамама-ту пісаць, каго ў саладаты аддаць: / Аддалі б мы старыка – старык не гадзіцца, / Аддалі б мы багача – багач выкупіцца, / Аддамо мы малайца, што без маткі, без айца. / А ў нядзелю на ранку заказалі хурманку, / Пасадзілі на вазок ды павезлі ў Беласток. / Увялі яго ў прыём, стала сэрца крамянем, / Паставілі ў куточку: – Скідай штаны, сарочку! / Узялі яго пад меру – рукі, ногі памлелі, / Пасадзілі на столку ды абрылі галоўку. / Далі яму мундзірэц ды чырвоны каўнярэц, / Далі шашку і палаш: / – Цяпер, братцы, я не ваш! / А ні сястры, ні брата – / Толькі служба праклята» [1, с. 253].

Воспринимать рекрутские песни как осуждение государства бессмысленно. Как справедливо отмечает ведущий специалист в области фольклора и ритуальных практик, связанных с проводами на военную службу в русской деревне, здесь мы имеем дело «не с механическим отображением ситуации, а с результатом осмысления социально-исторических реалий, которые вписываются в более широкий символический аспект, в частности, уход на службу понимается, как индивидуальная судьба, которую невозможно ни изменить, ни обмануть» [18, с. 59–60].

Служба в екатерининской армии (как и вообще армейская служба) действительно была связана с тяготами и лишениями во все времена. С 1793 г. солдаты служили 25 лет, с 1834 г. – 20 лет, с 1874 г. – 6 лет с различными льготами. На многолетнюю службу мог попасть не только молодой человек, но и взрослый семейный мужчина, поскольку верхний возрастной предел был 35 лет. Однако имелась и другая сторона медали. В Речи Посполитой белорусские крестьяне никогда не имели статуса защитников Отечества, поскольку защита Родины являлась привилегией шляхты. А. Д. Гронский спра-

ведливо указывает: «Белорусские крестьяне, отслужившие в императорской армии, возвращались к себе в деревни и, рассказывая о боевых действиях против других государств, подспудно формировали у крестьянской молодежи уверенность в том, что крестьяне также причастны к защите Родины, которая в этом случае начинала представляться не как небольшой регион, а как большая страна» [10, с. 191]. В белорусскую деревню активно проникали в последующем исторические песни о русско-турецких войнах, Отечественной войне 1812 г., обороне Севастополя и Шипкинского перевала и др. [1, с. 188–189, 190–192, 195–197, 205–208, 210 и др.]. Расширение пространства в исторической картине мира белорусов говорит о том, что с вхождением в состав России они вовсе не замыкались в себе, в своей «тутэйшности», а напротив ощущали свою причастность к великой стране, общей Родине.

Против идентичностной замкнутости свидетельствует и наличие немалого корпуса текстов топонимических преданий, в которых Екатерина Великая выполняет роль «культурного героя». Так, в Верхнедвинском районе Беларуси «кажуць, што Урагаўскі Гарадок утварыўся ў выніку бойкі Кацярынінскага войска з полякамі, і ў Кіраўскім раёне на Магілёўшчыне: там паходжанне гарадзішча прыпісывецца «воінству царыцы Кацярыны». У вёсцы Славечна Ельскага раёна ў 20-я гады XX ст. казалі, што «гарадзішча насыпана з прычыны нараджэння ў Кацярыны II сына»» [12, с. 319]. Параллели подобным текстам находим в русских преданиях о «путешествующей» императрицы. Обычно в этих текстах объясняется происхождение названия того или иного поселения, где проезжала Екатерина Великая. В Яхроме императрица ушиблась о камень и якобы воскликнула: «Я хрома!». Херсон получил такое наименование, поскольку Екатерине II здесь плохо спалось. Там, где «утоп» конь императрицы, возник впоследствии город Конотоп [31, с. 96].

В кубанской станице Новопокровской рассказывают, что во время путешествия Екатерины II на её пути «оказалась степная река.

– Как называют эту реку? – спрашивает русская царица свою свиту.

Они чешут свои затылки, не знают, что и сказать, как выпутаться из затруднительного положения.

Но один находчивый подхалим возьми и скажи наобум:

– Это река Ея Величества (т. е. Вашего Величества). Царица осталась довольна ответом, свита свободно вздохнула. После этого случая, как говорят в народе, и появилось название нашей реки (Ея. – О. М.)» [24, с. 3].

Подмосковный город Люберцы был назван так потому, что как-то Екатерина была вынуждена заночевать в возке. За ночь местные жители устроили для отдыха императрицы павильон. Утром восхищенная Екатерина назвала полюбившееся ей место Люберцами [7, с. 4].

По одной из русских версий само название «Беларусь» дала Екатерина II после того, как очистила страну от поляков: Белая Русь означает Чистая Русь [7, с. 4]. В действительности название Белая Русь известно с XIV в

Как и в русских народных представлениях, белорусы запечатали в своей исторической памяти образ путешествующей императрицы, который является неотъемлемой частью ландшафта, накладывает отпечаток на уклад жизни и характер местных жителей [7, с. 4]. Ряд дорог в Белоруссии называют екатерининскими. Белорусские исследователи отмечают: «Кацярынінскія шляхі або Кацярынінскія тракты, можна стрэць амаль па ўсёй Беларусі. Гэта і каля вёсак на Бабруцшчыне, Спярыжжы Брагінскага раёна, каля Мазыра і г. д. У Спярыжжы Кацярына нібыта ехала ў залатой карэце, а потым закапала яе на Лысай Гары. У былым фальварку Гарадзец Верхнядзвінскага раёна Кацярына, паводле падання, таксама ехала на залатой карэце, але згубіла па дарозе залатое кола, і яно пакацілася проста ў крыніцу» [12, с. 319].

Немало подобных текстов зафиксировано в России: «Ехала Екатерина Вторая по Сибирскому тракту. Стало ломаться колесо у кареты. Остановились починить в деревне. Потом эту деревню назвали Малый Поллом. Проехала километров двенадцать, и колесо совсем отвалилось. Пришлось, как следует, чинить. И эту вторую деревню, где колесо отвалилось, назвали Большой Поллом» [32, с. 72].

В описаниях «екатерининских» дорог присутствует важная деталь: деревья, высаженные вдоль обочины по приказу императрицы. В русских текстах «екатерининские березы» известны в преданиях о крестьянской повинности по обустройству дороги, причем эта повинность рассматривается местными жителями как весьма ответственная миссия и причастность к важному государственному делу [32, с. 74]. «Екатерининские» деревья определяют ландшафтные особенности дороги, выступают для окрестных белорусских сёл своеобразным символом: «Недалёка ад вёскі Валова Гара каля Бярэзіўскага канала на Лепельшчыне вялікія дрэвы ў народзе называюць «кацярынінскі» і лічаць, што іх пасадзілі на загад Кацярыны II» [12, с. 319].

На возникновение подобных нарративов оказали влияние как масштабная дорожностроительная деятельность правительства Екатерины Великой, так и события, связанные с посещением императрицей белорусских земель. Пышные встречи в

городах, возведение арок, сопровождавшиеся балами, посещением храмов, принятием делегаций от различных сословий, устройством развлечений для народа были масштабными и надолго запоминающимися событиями [7, с. 6]. Так, в дневнике путешествия императрицы в белорусские земли в 1780 г. говорилось о прибытии императрицы 22 мая в г. Сенное: «При въезде в сие местечко встретили Ея Императорское Величество Сеннинские обер-комендант с штаб- и обер-офицерами, а пред присутственными местами – присутствующие с канцелярскими служителями; по обеим сторонам улицы ко двору стояли евреи, тутошние жители и гарнизонный батальон» [11, с. 404]. По прибытии в Шклов 30 мая «30 мая. После огромного ужина зажжен был фейерверк. Дом помещичий, гостинный двор, площади, иллюминированы были. Для простого народа поставлены были качели и иные забавы и, сверх того, бык, хлебы и разные питья» [11, с. 409].

Таким образом, в народных исторических представлениях русских и белорусов образы эпохи Екатерины Великой во многом схожи. В мифологической картине мира царица олицетворяет переход к новой эпохе в жизни народа, как demiurge, «культурный герой» осваивает окраины империи: кавказские, белорусские ландшафты (горы, реки, местечки), воздвигает крепости и города, прокладывает и обустроивает дороги в Сибири и на Урале, в западных и южных губерниях. Русская историческая память пропитана мощной инерцией национального подъема, обусловленного военными успехами екатерининской эпохи, позволившим России в успешном соперничестве с сильнейшими государствами того времени прочно утвердиться на Черном море, на западных и восточных стратегических рубежах. Для белорусов более актуальным было западное направление внешней политики Екатерины II, участие России в разделах Речи Посполитой. В характерной для белорусов иносказательной традиционной сказочной форме историзма присутствие императрицы усиливает драматизм и необычность образов последнего польского короля и популярного Пяна Каханку, ставит крест на прежней жизни в польско-литовском государстве, помогает выделить ценностные идеалы. Включение в состав империи Екатерины Великой в народных представлениях расширяет историческое духовное пространство, усиливает сопричастность к созидательной деятельности в рамках единого Отечества.

Источники и литература

1. Беларускі эпас / под ред. П. Ф. Глебка, І. В. Гутарау. Мінск: Выдавецтва Акадэміі навук БССР, 1959. 318 с.
2. Белова О. В., Петрухин В. Я. Фольклор и книжность: миф и исторические реалии / Отв. ред. С. М. Толстая. М.: Наука, 2008. 263 с.
3. Белоруссия в эпоху феодализма. Сборник документов и материалов / Сост. В. В. Чепко, В. В. Шатилло. Том третий. Воссоединение Белоруссии с Россией и её экономическое развитие в конце XVIII – первой половине XIX века (1772–1860). Минск: АН БССР, 1961. 624 с.

4. Бигдай А. Д. Песни кубанских казаков / сост., предисл., коммент и примеч. В. Г. Захарченко: для пения (соло, ансамбль, хор) без сопровожд. и с сопровожд. ф.-п. / в ред. В.Г. Захарченко. Краснодар: Кн. изд-во, 1992. – Т. I. Песни черноморских казаков. 445 с.
5. Буганов А. В. Личности и события истории в массовом сознании русских крестьян XIX – начала XX вв.: Историко-этнографическое исследование. М.: Принципиум, 2013. 296 с.
6. Верещацкая И. А. Образ Екатерины II в городском фольклоре XVIII – первой половины XIX века (на примере исторических анекдотов и слухов) // Европа в Средние века и Новое время: Общество. Власть. Культура: материалы VI Всероссийской с международным участием научной конференции молодых ученых. Ижевск, 4–5 декабря 2018 г. Ижевск: Инст. компьют. иссл-й, 2019. С. 215–220.
7. Виноградов В. В., Громов Д. В. Легенды о путешествующей императрице // Живая старина. 2007. № 3. С. 4–7.
8. Гигин В. Суворов vs Костюшко. Забытые факты из истории восстания 1794 года в Беларуси // Беларуская думка. 2009. №10. С. 86–95.
9. Гронский А. Д. А. В. Суворов и формирование образа врага в современной Беларуси // Военная история России XIX–XX веков. Материалы IX Международной военно-исторической конференции / под. ред. Д. Ю. Алексеева, А. В. Арановича. Санкт-Петербург, 25–26 ноября 2016 г. Сб. научных статей. СПб.: СПбГУПТД, 2016. С. 13–27.
10. Гронский А. Д. Конструирование образа белорусского национального героя из участника польского восстания 1863–1864 гг. Викентия Константина Калиновского // Русский Сборник: исследования по истории России / ред.-сост. О. Р. Айрапетов, М. Йованович, М. А. Колеров, Б. Меннинг, П. Чейсти. М., 2013. Т. XV. С. 189–208.
11. Дневная записка путешествия императрицы Екатерины II в Могилев и обратно через Смоленск и Новгород // Сборник Русского исторического общества. Т. I. СПб.: Типогр. А. Таншеля, 1867. С. 384–420.
12. Дучыц Л. У., Клімковіч І. Я. Сакральная географія Беларусі. Мінск: Літаратура і Мастацтва, 2011. 384 с.
13. Игнатенко А. П. Борьба белорусского народа за воссоединение с Россией (вторая половина XVII–XVIII в.). Минск: БГУ им. В.И. Ленина, 1974. 192 с.
14. Исторические песни XVIII века / изд. подг. О. Б. Алексеева, Л. И. Емельянов. Л.: Наука, 1971. 356 с.
15. Казачество: образы культурной идентичности: сборник фольклорно-этнографических материалов / сост. И. А. Филлипова, Т. И. Рожкова, С. А. Моисеева. Магнитогорск: Изд-во Магнит. гос. ун-та, 2010. 202 с.
16. Карнович Е. П. Черки и рассказы из старинного быта Польши. СПб.: Типогр. Ф.С. Сушинского, 1873. 352 с.
17. Козлов С. А. Екатерина II и казачество // Reflections on Russia in the Eighteenth Century. Köln, 2001. С. 67–72.
18. Кормина Ж. В. Проводы в армию в пореформенной России. Опыт этнографического анализа. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 376 с.
19. Костомаров Н. И. Последние годы Речи Посполитой. Историческая монография. Изд-е 2-е. СПб., 1870. 870, IV с.
20. Костомаров Н. И. История казачества в памятниках южнорусского народного песенного творчества // Костомаров Н. И. Славянская мифология. Исторические монографии и исследования. М.: Фирма «Чарли», 1994. 683 с.
21. Курукин И. В. Княжна Тараканова. М.: Молодая Гвардия, 2011. – 262 с.
22. Легенды і паданні / [Склад. М. Я. Грынблат і А. І. Гурскі; Рэд. тома А. С. Фядосік]. Мінск: Навука і тэхніка, 1983. 544 с.
23. Мальдис А. Странный король Станислав Август / Мальдис А. // URL: <https://www.kurier.lt/strannyj-korol-stanislav-avgust/> (дата обращения 12.03.2022).
24. Маслов А. В. Станица Новопокровская. К 170-летию со дня основания станицы. Ст. Новопокровская, 1997. 65 с.
25. Матвеев О. В. Народная топонимия в организации пространства исторической памяти кубанского казачества // Славяно-адыгские культурные связи: история и современность. Материалы Пярых научных чтений, посвященных Дню славянской письменности и культуры и Году российской истории (Майкоп, 2012). Майкоп: Изд-во Магарин О. Г., 2012. С. 111–124.
26. Мельников Г. Небесные заступники. Святыни славянского мира // Родина. 2006. № 4. С. 49–53.
27. Народная проза / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. С. Н. Азбелева. М.: Русская книга, 1992. 608 с.
28. Народная проза Кубани / авт.-сост. Л. Б. Мартыненко, И. В. Уварова. Краснодар: КубГУ, 2003. 240 с.
29. Оцхели В. И. Польский «аналог» грузинского средневекового эпоса «Этериани» // Studia polonoslavica. К 90-летию со дня рождения Е.З. Цыбенко. М.: Изд-во МГУ, 2014. С. 196–203.
30. Песни и сказания о Разине и Пугачеве / Вст. ст., ред. и прим. А.Н. Лозановой. М.-Л.: Akademia, 1935. 423 с.
31. Пигин А.В. Как Екатерина II в старую веру перешла // Commentarii litterarum. Ad honorem viri doctissimi Valentini Golovin / отв. ред. М.Л. Лурье. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2020. С. 96–103.
32. Попова Е. В. Предания о путешествии императрицы Екатерины II в контексте исторической прозы в селениях на Сибирском тракте // Традиционная культура. 2013. № 4. С. 70–77.
33. Пригарин А. А. «Народные предания» и «историография»: уровни исторического (со)знания липован // Шаги-Steps. 2016. Т. 2. № 4. С. 114–149.
34. Проклятие Понятовского: любовника Екатерины II и последнего короля Польши // URL: <https://newsroyal.ru/proklyatie-ponyatovskogo-liubovnika-ek/> (дата обращения 10.03.2022).
35. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 643. Оп. 1. Д. 4.
36. Русские народные сказки казаков-некрасовцев / Собр. Ф.В. Тумилевичем. Ростов-на-Дону, Рост. Книжн изд-во, 1958. 269 с.
37. Сержпатовскі А. К. Казкі і апавяданні беларусаў Слуцкага апавета / Маст. В. Р. Мішчанка. Мн.: Універсітэцкае, 2000. 270 с.
38. Сказки: Книга 3 / Сост., подгот. текстов и коммент. Ю.Г. Круглова. М.: Сов. Россия, 1989. 624 с.
39. Чернявская Ю.В. Белорусы. От «тутэйшых» к нации. Минск: ФУАинформ, 2010. 512 с.
40. Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII – XIX вв. М.: Наука, 1967. 342 с.

References

1. Belaruski epas (Belarusian Epos) / ed. P.F. Glebka, I.V. Gutarau. Minsk: Orthodox Academi Navuk BSSR, 1959. 318 p. (In Belorussian).
2. Belova O. V., Petrukhin V. Ya. Folklor i knignost: mif i istoricheskiye relii (Folklore and books: myth and historical realities) / ed. S. M. Tolstaya. Moscow: Science, 2008. 263 p. (In Russian).

3. Belarus v epohu feodalizma. Sbornik dokumentov i materialov (Belarus in the era of feudalism. Collection of documents and materials) / comp. V.V. Chepko, V.V. Shatello. Tom Third. The reunification of Belarus with Russia and its economic development at the end of the 18th – first half of the XIX century (1772–1860). Minsk: from the Academy of Sciences of the BSSR, 1961. 624 p. (In Russian).
4. Bigday A.D. Pesni Kubanskih kazakov (Songs of the Kuban Cossacks) / comp., predight., comment and note. V. G. Zakharchenko: For singing (solo, ensemble, choir) without accompanying. And with the accompany. F.-P. / In the ed. V. G. Zakharchenko. Krasnodar: Prince. Publishing House, 1992. T. I. Songs of the Black Sea Cossacks. 445 p. (In Russian).
5. Buganov A.V. Lichnosti i sobitiya v massovom soznanii russkikh krestyan XIX – nachala XX vv.: istoriko-etnograficheskoe issledovanie (The individuals and events of history in the mass consciousness of the Russian peasants of the XIX th – early XX centuries: historical and ethnographic research). Moscow: Principle, 2013.296 p. (In Russian).
6. Vereshackaya I.A. Верещацкая И.А. Образ Ekaterini II v gorodskom folklore XVIII – pervoy polovini XIX veka (na primere istoricheskikh anekdotov i sluhov) (The image of Catherine II in urban folklore of the XVIII – the first half of the XIX century (for example, historical jokes and rumors) // Europe in the Middle Ages and New Time: Society. Power. Culture: Materials of the VI All-Russian with the international participation of a scientific conference of young scientists. Izhevsk, December 4–5, 2018. Izhevsk: Inst. Compiled. Issl-J, 2019. P. 215–220. (In Russian).
7. Vinogradov V.V., Gromov D.V. Legendi o putestvuyushey imperatrice (Legends about the traveling empress) // Living old. 2007. No. 3. P. 4–7. (In Russian).
8. Gigin V. Suvorov vs Kostyushko. Zabitiye fakti iz istorii vosstaniya 1794 goda v Belarusi (Suvorov vs Kostyushko. Forgotten facts from the history of the uprising of 1794 in Belarus) // Belarusian Dumka. 2009. No. 10. P. 86–95. (In Russian).
9. Gronsky A.D. A.V. Suvorov I formirovanie obraza vruga v sovremennoy Belarusi (Suvorov and the formation of the image of the enemy in modern Belarus) // Voennaya istoriya Rossii XIX–XX vekov. Materialy IX Mezhdunarodnoy voenno-istoricheskoy konferentsii / Ed. D.Yu. Alekseeva, A.V. Aranovich. St.Petersburg, November 25–26, 2016. St.Petersburg: SPb.GUPTD, 2016. P. 13–27. (In Russian).
10. Gronsky A.D. Konstruirovaniye obraza belorusskogo nacionalnogo geroya iz uchastnika polskogo vosstaniya 1863–1864 gg. Vikentiy Konstantina kalinovskogo (The design of the image of the Belarusian national hero from a participant in the Polish uprising of 1863–1864 Vikenty Konstantin Kalinovsky) // Russkij Sbornik: issledovaniya po istorii Rossii / ed. O. R. Ayrapetov, M. Yovanovich, M.A. Kolrov, B. Menning, P. Chesti. Vol. XV. Moscow, 2013. P. 189–208. (In Russian).
11. Dnevnyaya zapiska puteshestviya imperatricy Ekaterini II v Mogilev i obratno cherez Smolensk i Novgorod (A daily note of the journey of Empress Catherine II to Mogilev and back through Smolensk and Novgorod) // Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva. Vol. I. St. Petersburg: Print. A. Tanschelya, 1867. P. 384–420. (In Russian).
12. Duchyts L.U., Klimkovich I.Ya. Sakralnaya geografiya Belarusi (Sacred geographer Belarus). Minsk: Literature i mastactvo, 2011. 384 p. (In Belorussian).
13. Ignatenko A.P. Borba belarusskogo naroda za vossoedinenie s Rossiey (vtoraya polovina XVII – XVIII v.) (The struggle of the Belarusian people for reunification with Russia (second half of the XVII – XVIII century). Minsk: Publishing House of BSU named after IN AND. Lenin, 1974. 192 p. (In Russian).
14. Istoricheskiye pesni XVIII veka (Historical songs of the XVIII century) / ed. sub. about O.B. Alekseyeva, L.I. Emelyanov. L.: Nauka, 1971. 356 p. (In Russian).
15. Kazachestvo: obrazi kulturnoy identichnosti: sbornik folklorno-etnograficheskikh materialov (Cossacks: images of cultural identity: a collection of folklore-ethnographic materials) / comp. I.A. Filippova, T.I. Rozhkova, S.A. Moiseeva. Magnitogorsk: Magnet Publishing House. State University, 2010. 202 p. (In Russian).
16. Karnovich E. P. Ocherki i rasskazi iz starinnogo bita Polshi (Essays and stories from the old life of Poland). St.Petersburg: Tipogr. F.S. Sushchinsky, 1873. 352 p. (In Russian).
17. Kozlov S.A. Ekaterina II i kazachestvo (Catherine II and Cossacks) // Reflections on Russia in the Eighteenth Ctury. Köln, 2001. P. 67–72. (In Russian).
18. Cormina Z. V. Provodi v armiyu v poreformennoy Rossii. Opit etnograficheskogo analiza (Seeing off in the army in the current Russia. Experience of ethnographic analysis). Moscow: New Literary Review, 2005. 376 p. (In Russian).
19. Kostomarov N. I. Poslednie godi Rechi Pospolitoy. Istoricheskaya monografiya (Recent years of Polish-Lithuanian Commonwealth). Historical monograph. Ed, 2nd. St. Petersburg, 1870. 870, IV p. (In Russian).
20. Kostomarov N.I. Istoriya kazachestva v pamyatnikah yugnorusskogo narodnogo pesennogo tvorchestva (The history of the Cossacks in the monuments of South Russian People's Song Creativity) // Kostomarov N.I. Slavyanskaya mifologiya. Istoricheskie monografii i statyi. Moscow: Firm «Charlie», 1994. 683 p. (In Russian).
21. Kurukin I.V. Knyagyna Tarakanova (Princess Tarakanova). Moscow: Young Guard, 2011. 262 p. (In Russian).
22. Legendi i Padanni (Legends and traditions) / [Warehouse. M. Ya. Grynblat I A. I. Gurski; red. Toma A. S. Freyonik]. Minsk: Woven I Tahnik, 1983. 544 p. (In Belorussian).
23. Maldis A. Strannyi korol Stanislav August (Strange King Stanislav August) / Maldis A. // URL: <https://www.kurier.lt/strannyj-korol-stanislav-avgust/> (back date 12.03.2022). (In Russian).
24. Maslov A. V. Stanica Novopokrovskaya. K 170-letiyu so dnya osnovaniya stanicy (Village Novopokrovskaya. To the 170th anniversary of the founding of the village). St. Novopokrovskaya, 1997. 65 p. (In Russian).
25. Matveyev O. V. Narodnaya toponimiya v organizatsii prostranstva istoricheskoy pamyati kubanskih kazakov (People's toponymy in organizing the space of the historical memory of the Kuban Cossacks) // Slavjano-adygskie kul'turnye svyazi: istoriya i sovremennost'. Materialy Pjatyh nauchnyh chtenij, posvjashhenykh Dnju slavjanskoj pis'mennosti i kul'tury i Godu rossijskoj istorii (Majkop, 2012). Maykop: Publishing House Magarin O.G., 2012. P. 111–124.
26. Melnikov G. Nebesnie zastupniki. Svyatini slavjanskogo mira (Heavenly Intercessors. Shrines of the Slavic world) // Rodina. 2006. No. 4. P. 49–53. (In Russian).
27. Narodnaya proza (People's Prose) / comp., intr. art., selection texts and comments. S.N. Azbelian. Moscow: Russian book, 1992. 608 p. (In Russian).

28. Narodnaya proza Kubani (People's Prose of Kuban) / compiler LB Martynenko, I.V. Uvarova. Krasnodar: KubSU, 2003. 240 p. (In Russian).
29. Ocheli V.I. Polsky «analog» gruzinskogo srednevekovogo eposa «Eteriani» (Polish «analogue» of the Georgian medieval epic «Eteria») // Studia Polonoslavica. Moscow: Publishing House of Moscow State University, 2014. P. 196–203. (In Russian).
30. Pesni i predaniya o Razint i Pugacheve (Songs and legends about Razin and Pugachev) / ed. A.N. Lozanova. Moscow.-Leningrad: Akademia, 1935. 423 p. (In Russian).
31. Pigin A. V. Kak Ekaterina II v staruyu veru pereshla (As Catherine II converted to the old faith) // Commentarii litterarum. Ad honorem viri doctissimi Valentini Golovin / Ed. M. L. Lurie. St. Petersburg: Publishing House «Pushkin House», 2020. P. 96–03. (In Russian).
32. Popova E. V. Predaniya o puteshestvii imperatrici Ekaterini II v kontekste istoricheskoy prozi v seleniyah na Sibirskom trakte (Traditions about the journey of Empress Catherine II in the context of historical prose in villages in the Siberian tract) // Tradicionnaja kul'tura. 2013. No. 4. P. 70–77. (In Russian).
33. Prigarin A. A. «Narodnie predaniya» i «istoriografiya»: urovni istoricheskogo (so)znaniya lipovan («Folk legends» and «historiography»: levels of historical consciousness / knowledge of Lipovans) // Шаги-Steps. 2016. Vol. 2. No. 4. P. 114–149. (In Russian).
34. Proklyatie Ponyatovskogo: ljubnika Ekaterini II i poslednego korolya Polsi (Curse of Ponyatovskiy, the lover of Catherine II and the last King of Poland) // URL: <https://newsroyal.ru/proklyatie-ponyatovskogo-liubovnika-ek/> (Accessed: 10.03.2022). (In Russian).
35. Russian State Military Historical Archive (RGVIA). F. 643. Inv. 1. D. 4. (In Russian).
36. Russkie narodnie skazki kazakov-nekrasovcev (Russian folk fairy tales of Nekrasovsky Cossacks) / comp. by F. V. Tumilevich. Rostov-on-Don: Publishing House, 1958. 269 p. (In Russian).
37. Serzhputovski A.K. Kazki i Apavdanni Belarusy Slutskaga Apaveta (Tales and traditions of the Belarusians of the Slutsk region). Minsk: UniVversiTeckai, 2000. 270 p. (In Belorussian).
38. Skazki (Fairy tales): Book 3 / comp. by U.G. Kruglov. Moscow: Sow. Russia, 1989. 624 p. (In Russian).
39. Chernyavskaya Yu.V. Belorusi. Ot «tuteysih» k nacji (Belarusians. From the «Tirstiest» to the nation). Minsk: Fuanform, 2010. 512 p. (In Russian).
40. Chistov K. V. Russkie narodnie socialno-utopicheskie legendi XVII – XIX vv. (Russian folk social and utopian legends of the XVII – XIX centuries). Moscow: Science, 1967. 342 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Матвеев Олег Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кубанского Государственного университета / vim12@rambler.ru
Адрес: д. 149, ул. Ставропольская, 350040, Краснодар, Российская Федерация.

Information about the author

Matveyev Oleg V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Chair of Russian History, Kuban State University (Krasnodar) / vim12@rambler.ru
The address: 149, st. Stavropolskaya, 350040, Krasnodar, Russian Federation.

УДК 94/47; 711.424.2

<http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.3.7>

М. Ю. Махота

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА В СТАВРОПОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В ЭПОХУ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Автор статьи считает, что городское строительство в российских регионах, в том числе и в Ставропольской губернии, было тесно связано с необходимостью коренной модернизации экономической системы, основанной на феодальных порядках, и ускоренным переходом на путь капиталистического развития. При этом городам отводится ведущая роль в развитии производственного потенциала на подконтрольных им территориях и в управленческом обеспечении производственного процесса на рыночной основе. На Ставрополье функции городов в этом направлении выполняли крупные села – уездные центры. Процент сельских жителей в губернии был выше, чем в среднем по России. При этом прирост городского населения опережал рост численности сельских жителей. Повышению уровня социально-экономического развития Ставрополья способствовала реализация переселенческой политики. На развитие городов в Ставропольской губернии существенное влияние оказывала заинтересованность представителей центральной власти в социально-экономическом и культурном развитии региона, а также в создании привлекательного облика курортов Кавказских Минеральных Вод, активное участие в этом процессе частного капитала. Немаловажную роль в благоустройстве и создании эстетичного архитектурного вида курортной инфраструктуры на КМВ сыграл ресурсный фактор, благодаря которому бальнеологический потенциал региона получил широкое признание в стране. Как следствие, с конца XIX века городские

власти получили возможность согласовывать планы застройки городских территорий, выбор архитектурного облика объектов инфраструктуры с уровнем социально-экономического развития и позицией городской и сельской общественности. Автор выражает мнение, что, благодаря своевременно принятым мерам со стороны центральных и местных властей со своей задачей они успешно справились и во многом способствовали созданию социально-экономической основы для становления в регионе аграрно-индустриального капитализма. Выделены особенности формирования материальной культуры и архитектурного облика губернской столицы, городов-курортов, заштатных городов и сел уездных центров во время распространения модернистских тенденций в архитектуре, благодаря которым к концу исследуемого периода они приобрели удобную планировку городского пространства и эстетический внешний облик.

Ключевые слова: городское строительство, Городовое положение, капиталистические отношения, местное самоуправление, провинциальные города, уездные центры.

Для цитирования: Махота М. Ю. Социально-экономические факторы развития градостроительства в Ставропольской губернии в эпоху капиталистической модернизации // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (3). С. 423–429. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.3.7

Marina Yu. Makhota

SOCIO-ECONOMIC FACTORS OF URBAN PLANNING DEVELOPMENT IN THE STAVROPOL PROVINCE IN THE EPOCH OF CAPITALIST MODERNIZATION

The author believes that urban construction in Russian regions, including in the Stavropol province, was closely related to the need for a fundamental modernization of an economic system based on feudal order and an accelerated transition to the path of capitalist development. The cities have a leading role in the development of production potential on the territories and in the managerial provision of the production process on a market basis. In the Stavropol region large villages, the county centers, performed the functions of cities. The percentage of rural residents in the province was higher than the average for Russia. At the same time, the increase in the urban population outstripped the increase in the number of rural residents. An increase in the level of socio-economic development of the Stavropol region was facilitated by the implementation of the resettlement policy. The development of cities in the Stavropol province

was significantly influenced by the interest of representatives of the central government in the socio-economic and cultural development of the region, as well as in creating an attractive image of the resorts of the Caucasian Mineral Waters, and the active participation of private capital in this process. An important role in the improvement and creation of an aesthetic architectural form of the resort infrastructure on the CMS was played by the resource factor, thanks to which the balneological potential of the region was widely recognized in the country. As a result, since the end of the 19th century, city authorities have been able to coordinate urban development plans, the choice of the architectural appearance of infrastructure facilities with the level of socio-economic development and the position of urban and rural communities. The author expresses the opinion that due to the timely adopted measures from the central and local

authorities they successfully coped with the task and largely contributed to the creation of a socio-economic basis for the formation in the region of agrarian-industrial capitalism. The study highlights the features of the formation of material culture and the architectural appearance of the provincial capital, resort towns, provincial towns and villages of county centers during the spread of modernist trends in architecture, due to which by the end of the study period they acquired a convenient layout of urban space and aesthetic appearance.

Выделенный для анализа период отличается повышенной динамикой городского строительства на всей территории Российской империи, в том числе на ее южных окраинах. Этот процесс был обусловлен исторической необходимостью отказа от господства правовых и социально-экономических отношений и перехода в русло капиталистической модернизации с акцентом на индустриальное развитие. Сохранение феодальной экономической системы, основанной на подневольном крестьянском труде, было чревато пагубными последствиями для устоев самодержавной власти и перспектив цивилизационного развития страны. Еще в конце XVIII столетия Екатерина II, высоко оценивая экономический потенциал российских территорий, даровала своим подданным право открывать кустарные и ремесленные мастерские по производству промышленных товаров и заниматься предпринимательской деятельностью с использованием наемных работников. Это был первый шаг в направлении утверждения капиталистических отношений, в которые вовлеклось, в том числе и зависимое крестьянское население [14, с. 313].

По мнению известного российского и советского историка В.Н. Бернадского, рассматриваемый императорский манифест стимулировал быстрый рост численности наемных рабочих, главным образом, на предприятиях пищевой, легкой и перерабатывающей промышленности, производивших продукцию не по государственному заказу, а для реализации на рынке. При этом он же отмечает значительное расширение доли представителей крестьянства не только среди наемных рабочих, но и в предпринимательских кругах. С одной стороны, манифест давал возможность без каких-либо последствий освободиться от крепостной зависимости, с другой стороны, позволял проявлять инициативу в плане расширения производственного сектора. Достаточно отметить, что к началу XIX в. крестьянские предприятия в текстильной отрасли твердо занимали ведущие позиции в общем объеме производства, уступая по этому показателю, а также по масштабам распространения производственных мощностей лишь представителям купечества [2, с. 110–119].

Очевидно, что со стороны самодержавной власти принимаемые меры носили вынужденный характер, с их помощью предпринимались попытки ослабить социальное напряжение в стране и вы-

Key words: city construction, city status, capitalist relations, local government, provincial cities, county centers.

For citation: Makhota M. Yu. Socio-economic factors of urban planning development in the Stavropol province in the epoch of capitalist modernization // Humanities and law research. 2022. V. 9 (3). P. 423–429. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.3.7

вести экономику из застойного состояния. Основная ставка делалась на купечество, которое, по замыслу правительства, должно было создать основу для дальнейшего экономического прогресса [21, с. 167]. Однако феодальное законодательство, архаичные порядки и ценности тормозили благие начинания и препятствовали распространению рыночных отношений. Это послужило основной причиной углубления кризисных тенденций во всех сферах жизни российского общества.

Сложившаяся в России социально-экономическая система остро нуждалась в кардинальных изменениях. Прежде всего, требовалась серьезная корректировка структуры и системы управления индустриальным и аграрным развитием российских регионов, поэтому, наряду с отменой крепостного права и упорядочением земельных отношений, в правительственных инстанциях много внимания уделялось проектам городской реформы.

Вопросы городского строительства в условиях капиталистической модернизации приобрели особое значение, поскольку именно городам предстояло взять на себя функции расширения и развития производственных потенциалов отдельных территорий и включения их в сферу рыночных отношений. Решать поставленные задачи в условиях централизованного управления огромными территориями империи было невозможно. В этой связи на всех уровнях власти развернулись острые дискуссии по вопросам разграничения полномочий между центром и регионами, предоставления городам и приравненным к ним населенным пунктам больше свободы и самостоятельности, главным образом, в решении вопросов социально-экономического характера.

Реализации планов городской реформы препятствовала закостенелая преданность представителей высших аристократических кругов нормам феодального права, которые предусматривали для них ряд привилегий, в том числе в вопросах представительства в органах местной власти и управления. Кроме того, их не устраивали намерения и планы предоставления избирательных прав низшим сословиям. Вследствие такого противодействия реализация городской реформы, которая была нацелена в первую очередь на трансформацию городского управления в стране и в регионах растянулась на долгие

восемь лет, но все же в июне 1870 г. Городовое положение было принято на правительственном уровне и утверждено императором [8].

Но даже после этого потребовалось время для введения в действие его положений в конкретных регионах. Например, на Ставропольскую губернию Городовое положение было распространено только в 1875 г. К этому времени в результате череды административно-территориальных реформ на ее территории осталось всего два города: Ставрополь и заштатный город Святой Крест [4]. В общей сложности городское население Ставрополя в то время составляло порядка 48 тысяч человек [1].

Вплоть до середины 1860-х гг. на Северном Кавказе сохранялась напряженная обстановка. Растянувшаяся на десятилетия Кавказская война существенно осложняла процесс интеграции региона в российское социально-экономическое пространство. За долгие годы противостояния на Ставрополье и других территориях Предкавказья создавалась целая сеть укреплений и сооружений военного назначения, которым предстояло в мирное время выполнять созидательные функции. Речь идет, в первую очередь, о формировании поселенческой инфраструктуры, призванной не просто обеспечивать экономическое освоение новых территорий на южных рубежах, строить города и села, но и сразу же создавать условия для внедрения в сознание людей и в практику их жизнедеятельности принципов капиталистического хозяйствования.

Ставрополь даже после окончания войны некоторое время сохранял свой военно-административный статус, о чем свидетельствовал целый ряд зданий и сооружений, планировка городского пространства. Однако город достаточно быстро менял свой облик, приобретал цивилизационные характеристики и черты, отвечавшие духу времени. По благоустройству и масштабам социально-экономического и культурного развития он уступал лишь Тифлису. Еще в начале 1840-х гг. здесь начал работать первый в регионе драмтеатр, который по оснащению и внешнему виду, благодаря попечительству ставропольского купечества, отвечал всем требованиям, предъявлявшимся к зданиям данного вида [10, с. 524].

Согласно переписи 1897 г. в России насчитывалось более 930 городов, в которых постоянно проживало свыше 13% всего населения. Для сравнения приведем данные Г.И. Шрейдера, который указывает, что к началу реформ в стране насчитывалось 738 поселений городского типа, жителями которых являлись почти 6 млн. человек [23, с. 1–29]. Из этого следует, что за тридцать лет в стране появилось порядка двухсот новых городов. На Кавказе в конце XIX столетия имелось 46 городов, горожанами считалось 11 % жителей региона. Ставрополь в начале XX в. с населени-

ем около 45 тысяч человек относился к среднему типу городов, которые составляли примерно пятую часть от всего количества городских поселений в России. К малым городам (города-села) официально причислялись сельские населенные пункты с населением от пяти до двадцати тысяч человек, поскольку они являлись уездными административными центрами и выполняли городские функции [9, с. 440].

К городам относились населенные пункты с населением, превышающим пять тысяч человек, а к малым городам (городам-селам) официально причислялись сельские населенные пункты с населением от двух до пяти тысяч человек [22, с. 4–5], поскольку они являлись уездными административными центрами и выполняли городские функции [7, с. 440].

Признак численности населения не всегда и не везде соответствовал статусу населенного пункта. В целом по стране такие села составляли третью часть от всех поселений городского типа. В Ставропольской губернии функции уездных центров выполняли села Александровское (10257 жителей), Благодарное (12212 человек) и Медвежье (12383 человек), позже к этим населенным пунктам добавилось село Прасковейское. Для сравнения приведем данные о количестве жителей в городах Терской области, ранее входивших в состав Ставропольской губернии: Георгиевск – 12115 человек; Кизляр – 7282 человек; Моздок – 9330 человек; Пятигорск – 18440 человек [13].

Села Ставропольской губернии, которые по своим размерам, численности населения, а порой и социально-экономической инфраструктуре, практически ничем не отличались от провинциальных городов центральной России. Многие из них в исследуемый период выполняли ряд городских функций, в частности, по организации ярмарок, созданию зон промышленного производства [6]. Иными словами, в сельской местности Ставропольской губернии складывалась специфическая социальная и хозяйственная инфраструктура, характерная для аграрного капитализма. Одним из таких признаков являлось появление и постоянное увеличение численности наемных рабочих в аграрном секторе. Примечательно, что многие из них продолжали заниматься сельскохозяйственным трудом независимо от вида основной деятельности.

В. П. Семенов-Тянь-Шанский относил уездные села к экономическим городам переходного типа, полагая, что со временем их административные функции ослабнут, и наступит новый этап их торгово-экономического развития [20, с. 45,75].

Оживление городского строительства в Российской империи пришлось на начало XX в. В течение первых пятнадцати лет численность городских жителей в стране увеличилась почти на два процента, прежде всего, за счет прироста населения крупных

индустриальных центров [17, л. 394]. Что касается аграрных регионов, то в них также наблюдался рост численности горожан, но не такими быстрыми темпами. В силу отсутствия сети транспортных коммуникаций на Ставрополье не получило развития промышленное производство, часть городских жителей продолжала заниматься сельским хозяйством, другую часть составляли купцы, торговцы и ремесленники, которые кустарным способом производили товары широкого потребления, в том числе для нужд аграрного сектора.

После распространения Городового положения на территорию Ставропольской губернии в городах были учреждены всеобщие избирательные собрания и городские думы. На руководящие должности в органы городского самоуправления чаще всего избирались представители купечества. Следует заметить, что в условиях аграрного Ставрополья городская реформа сыграла заметную роль в социально-экономическом развитии региона, так как многие ее положения были тесно взаимосвязаны с земской реформой. Основная заслуга Городового положения видится в том, что оно кардинально изменило вектор развития хозяйственных и общественных отношений, способствовало внедрению в сознание локального общества принципов новой эпохи, основанных на рыночных ценностях. В этом отношении большим и малым городам предстояло решение сложной задачи по материально-техническому, ресурсному, транспортному и другим видам обеспечения капиталистической модернизации региона.

Кроме того, на них возлагалась ответственность за формирование, рациональное и равномерное распределение на подконтрольной им территории производительных сил и средств в соответствии с ее экономической специализацией. Сложности в решении этих и других задач заключались, прежде всего, в отсутствии опыта проведения подобных мероприятий и недостатке финансовых средств. Совокупный бюджет всех российских городов в европейской части страны на рубеже XIX–XX столетий составлял свыше 90 млн рублей. Эти средства распределялись между городами с учетом их социально-экономического статуса. На территории Предкавказья среднегодовой размер государственных инвестиций в развитие городов составлял порядка 10 тысяч рублей. Основная часть этих средств, около 8,7 тысяч рублей, шли на содержание чиновничьего аппарата в органах самоуправления, полиции, медицинских и образовательных учреждений, остальные финансы расходовались на нужды благоустройства городской территории и развитие инфраструктуры [12, с. 53, 59].

Несмотря на недостаточное финансовое обеспечение городского строительства со стороны государства, на территории Предкавказья города, благодаря купечеству, выгодно отличались от го-

родов Центральной России состоянием городского хозяйства и внешним обликом. По состоянию на 1910 г. каменных домов в регионе было на 14 % больше, чем в среднем по стране, а деревянных, напротив, – меньше на 26% [19, с. 1–6; 5]. Эти данные наглядно свидетельствуют о достаточно высоком уровне социально-экономического развития городов Предкавказья и материального благополучия населения в выделенный для анализа период. Достижение такого уровня стало возможно после введения в эксплуатацию сети железнодорожных линий и других транспортных коммуникаций, благодаря которым правительству удалось не только решить ряд проблем, связанных с вопросами экономического освоения региона, но и ускорить реализацию переселенческой политики, сбалансировать распределение трудовых ресурсов между отдельными территориями и отраслями.

Как уже отмечалось, из-за недостатка городов в Ставропольской губернии, их социально-экономические функции выполняли села, в том числе в направлении утверждения в регионе основ аграрного капитализма. Они быстро превращались не только в крупные торговые центры, но и становились местами сосредоточения предприятий промышленного производства с соответствующей инфраструктурой. Согласно сведениям, найденным в Государственном архиве Ставропольского края (ГАСК). Ф. 133. – старший фабричный инспектор Ставропольской губернии. К началу XX столетия в сельской местности Ставрополья функционировало более 5,5 тысяч торговых учреждений различного назначения, ремесленных мастерских и предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции, на которых активно использовался наемный труд [3, л. 4]. Например, в целом ряде животноводческих хозяйств Новогригорьевского уезда работали кожевенные заводы, на которых производилось сырье для обувной и легкой промышленности. Сельские умельцы при содействии торгово-производственных предприятий губернского центра довольно быстро освоили технологии пошива одежды и обуви и приступили к выпуску собственной готовой продукции из кожи, в том числе для нужд армии и сельского хозяйства [4, с. 2–4].

Во многом благодаря успехам в социально-экономической сфере, численность населения на Ставрополье практически утроилась по сравнению с началом реформ. При этом важно заметить, что почти 50 % составил естественный прирост. Эта тенденция коренным образом повлияла на трансформацию традиционной для региона социально-классовой структуры населения и состояние рынка рабочей силы. С учетом специфики геополитического положения и экономического развития губернии на ее территории начал формироваться полиэтничный

общественный организм, объединенный единством целей дальнейшей эволюции. Несмотря на слабую обеспеченность городами, рост количества горожан превышал увеличение численности жителей в сельской местности. Численность населения Ставрополя после образования губернии и до конца XIX в. увеличилась практически втрое. Это не самый высокий показатель на территории Предкавказья, однако, для аграрного региона он свидетельствовал о значительных успехах в решении вопросов городского строительства. За этот же период существенно изменилась и структура городского населения, больше половины жителей губернского центра на рубеже веков составляли купцы и мещане. Примечательно также, что практически в двадцать раз в городах выросло число жителей – выходцев из крестьянской среды, в Ставрополе крестьяне составляли около 25% городского населения, а в Святом Кресте – свыше 70%. Такая же ситуация складывалась не только на Ставрополье, но и в соседней Терской области [9, с. 17].

Самодержавные власти были серьезно озабочены углублявшимся процессом раскрестьянивания, поскольку его последствия пагубно отражались на состоянии производства в аграрном секторе. В течение первого десятилетия XX века связанные с этим процессом вопросы неоднократно выносились на обсуждение Государственного совета, но полностью решить проблему так и не удалось [15]. В то же время отказ крестьян от занятий сельскохозяйственным трудом в Ставропольской губернии имел и позитивные последствия в части становления и развития в регионе предприятий пищевой и перерабатывающей промышленности. В кризисные годы они показали высокий уровень выживаемости, сохранили производственную рентабельность и способствовали повышению вклада экономически осваиваемых территорий в общий объем промышленного производства Российской империи [18, с. 48]. Кроме того, сам факт наличия в регионе предприятий, работающих на аграрном сырье, стимулировал

интенсивное развитие структуры сельскохозяйственного производства, доходность которого в начале XX столетия, по подсчетам Б.Н. Миронова, увеличилась на треть [11, с.149–153]. Только ставропольские полеводы повысили производительность аграрного труда по различным зерновым культурам в три и более раз и довели тем самым объемы поставок товарного хлеба на внутренние и внешние рынки до 60-ти млн. пудов [16, л. 8–10].

Впервые в региональной исследовательской практике предложен комплексный анализ влияния социально-экономических процессов в Ставропольской губернии в конце XIX – начале XX в. на развитие градостроительства, прослежена динамика изменений градостроительных процессов в контексте трансформации социально-экономической жизни региона. На этом основании расширены представления о городских населенных пунктах Ставропольской губернии, выявлена и исследована архитектурно-пространственная организация их территории, что способствовало определению специфики формирования архитектурной инфраструктуры провинциальных городов Ставрополя.

Приведенные выше данные показывают, что в выделенный для анализа период Ставропольская губерния стремилась максимально повысить свой вклад в формирование национального валового продукта, в том числе за счет интенсификации и повышения рентабельности аграрного производства и расширения сети перерабатывающих и других промышленных предприятий, использующих в своей деятельности сельскохозяйственное сырье. В результате в регионе создавалась основа для агропромышленного капитализма. Избранный путь требовал интенсивного развития поселенческой инфраструктуры, прежде всего, городов и уездных центров, которые были призваны не только сохранить достигнутые результаты, но и направить процесс капиталистической модернизации в русло дальнейшей социально-экономической эволюции губернии.

Источники и литература

1. Административно-территориальное устройство Ставрополя с конца XVIII века по 1920 год: справочник / Гос. архив Ставропольского края; сост. Г. А. Никитенко, Е. Б. Громова, М. И. Кривнева. Ставрополь: Комитет Ставропольского края по делам архивов, 2008. 398 с.
2. Бернадский В. Н. Крепостническое и капиталистическое предпринимательство в третьей четверти XVIII в. // Вопросы генезиса капитализма в России: сборник статей / отв. ред. В.В. Мавродин. Л.: Изд-во ЛГУ, 1960. С. 110–119.
3. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 133. Старший фабричный инспектор Ставропольской губернии. Оп. 1. Д. 7.
4. ГАСК. Ф. 68. Ставропольское губернское правление. 1847–1920. Оп. 2: 1889–1920. Д. 341.
5. ГАСК. Ф. 80. – Ставропольский губернский статистический комитет. 1835–1917. Оп. 1: 1835–1917. Д. 150–157.
6. ГАСК. Ф. 100. – Ставропольская уездная землеустроительная комиссия. 1908–1917. Оп. 1: 1908–1915. Д. 1.
7. Города России в 1904 году. СПб.: Паровая типо-литография Н. Л. Ныркина, 1906. 907 с.
8. Городовое положение, 1870 год URL: <https://diletant.media/articles/38496989/> (Дата обращения: 21.09.2022).
9. Дмитриев Е.В. Экономическое и социальное развитие Ставрополя в середине XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск: ПГЛУ, 2006. 27 с.
10. Кавказский календарь на 1865 год. Тифлис: Канцелярия Кавказского наместника, 1864. 667 с.
11. Миронов БН. Благополучие российского крестьянства после великих реформ 1860–1870-х годов // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2005. Серия 2. Вып. 4.

12. Нардова В.А. Самодержавие и городские думы в России в конце XIX – начале XX века. СПб.: Наука, 1994. 157 с.
13. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года / под ред. Н.А. Тройницкого. Вып. 2: Население городов по переписи 28 января 1897 года. СПб.: Изд-во Центр. стат. комитета МВД, 1897. С. 29.
14. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. 1649-1825 / под редакцией М.М. Сперанского. Т. XVI. СПб.: Тип. 2-го отделения собственной ЕИВ канцелярии, 1830. 1135 с.
15. Приложения к стенографическим отчетам Государственного Совета: сессия 5. Заседания 1-64 (10 октября 1909 г. – 17 июня 1910 г.). СПб.: Государственная типография, 1910. 481 с. Стб. № 1275.
16. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1286. Департамент полиции исполнительной МВД. Оп. 2. Д. 383.
17. РГИА. Ф. 1288. Главное управление по делам местного хозяйства МВД. Оп. 25. Д. 85а.
18. Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник / ред. и сост. А. М. Анфимов; отв. ред. А. П. Корелин. СПб.: Блиц, 1995. 415 с.
19. Сведения о городских поселениях за 1910 г. // Статистический ежегодник России. 1914 г. (Год одиннадцатый); Издание Центрального статистического комитета МВД. Петроград: Типография Штаба Петроградского военного округа, 1915. Отд. 5. 676 с.
20. Семенов-Тянь-Шанский В. П. Город и деревня в Европейской России: очерк по экономической географии с 16 картами и картограммами. М.: Книга по требованию, 2013. 216 с.
21. Струмилин С. Г. Очерки экономической истории России и СССР. М.: Наука, 1966. 514 с.
22. Число наличного населения в городах // Общий свод по Империи результатов разработки данных первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. В 2-х т. Т. 1.: предисл. Н.А. Тройницкого. СПб.: Паровая типо-литография Н.Л. Ныркина, 1905.
23. Шрейдер Г. И. Город и Городовое положение 1870 года // История России в XIX веке. Т. 4: Эпоха реформ (1840-1866). СПб.: А. и И. Гранат, 1908-1909. 386 с.

References

1. Administrativno-territorial'noe ustrojstvo Stavropol'ya s konca XVIII veka po 1920 god: spravochnik (Administrative-territorial arrangement of Stavropol from the end of the XVIII century to 1920: Directory) / compilers – G. A. Nikitenko, E. B. Gromova, M.I. Krivneva. Stavropol': Archival Stavropol Commetti publ., 2008. 398 p. (In Russian).
2. Bernadskij V.N. Krepostnicheskoe i kapitalisticheskoe predprinimatel'stvo v tret'ej chetverti XVIII v. (Serf and capitalist entrepreneurship in the third quarter of the XVIII century) // Voprosy genezisa kapitalizma v Rossii: sbornik statej / ed by V.V. Mavrodin. Leningrad: LSU publ., 1960. P.110 – 119. (In Russian).
3. Stavropol Territory State Archive. (GASK). F. 133. Starshij fabrichnyj inspektor Stavropol'skoj gubernii (Senior factory inspector of Stavropol province). Inv. 1. D. 7. (In Russian).
4. GASK. F. 68. Stavropol'skoe gubernskoe pravlenie (Stavropol provincial board). 1847-1920. Inv. 2: 1889-1920. D. 341. (In Russian).
5. GASK. F. 80. – Stavropol Provincial Statistical Committee. 1835 – 1917. Inv. 1: 1915. D. 150–157. (In Russian).
6. GASK. F. 100. – Stavropol County Land Management Commission. 1908-1917. Inv. 1: 1908–1915. D. 1. (In Russian).
7. Goroda Rossii v 1904 godu (Cities of Russia in 1904). St. Petersburg: Parovaya tipo-litografiya N.L. Nyrkina, 1906. 907 p. (In Russian).
8. Gorodovoe polozhenie, 1870 god (Country state) URL <https://diletant.media/articles/38496989/> (Accessed: 21.09.2022). (In Russian).
9. Dmitriev E.V. Ekonomicheskoe i social'noe razvitie Stavropol'ya v seredine XIX – nachale XX v. (Economic and social development of Stavropol in the middle of the XIX – early XX century): abstract of thesis. Pyatigorsk: PSLU publ, 2006. 27 p. (In Russian).
10. Kavkazskij kalendar' na 1865 god (Caucasian calendar for 1865). Tiflis: Office of the Caucasian Governor publ., 1864. 667 p. (In Russian).
11. Mironov BN. Blagosostoyanie rossijskogo krest'yanstva posle velikih reform 1860-1870-h godov (The welfare of the Russian peasantry after the great reforms of the 1860-1870s) // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2005. Seria 2. Issue. 4. (In Russian).
12. Narodova V.A. Samoderzhavie i gorodskie dumy v Rossii v konce XIX – nachale XX veka (Autocracy and city dumas in Russia at the end of the XIX - early XX century). St. Petersburg: Nauka, 1994. 157 p. (In Russian).
13. Pervaja vseobshhaja perepis' naselenija Rossijskoj imperii 1897 goda (The first general population census of the Russian Empire in 1897) / ed. by N.A. Troynitsky. Vol. 2: Naselenie gorodov po perepisi 28 janvarja 1897 goda (The population of cities according to the census of January 28, 1897). St. Petersburg: Publishing House Center. stat. Committee of the Ministry of Internal Affairs publ., 1897. p. 29. (In Russian).
14. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (Complete meeting of the laws of the Russian Empire). Collection. 1. 1649-1825 / ed by M.M. Speranskogo. Vol. XVI. St. Petersburg, 1830. 1135 p. (In Russian).
15. Prilozheniya k stenograficheskim otchetam Gosudarstvennogo Soveta: sessiya 5. Zasedaniya 1-64 (10 oktyabrya 1909 g. – 17 iyunya 1910 g.) (Annexes to Stenographic Reports of the State Council: Session 5. Meetings 1-64 (October 10, 1909 – June 17, 1910). St. Petersburg: State printing house publ., 1910. 481 p. (In Russian).
16. Russian State Historical Archive (RGIA). F. 1286. Departament policii ispolnitel'noj MVD (Police Department of the Executive MIA). Inv. 2. D. 383. (In Russian).
17. RGIA. F. 1288. Glavnoe upravlenie po delam mestnogo hozyajstva MVD (Main Directorate of Local Municipality). Inv. 25. D. 85a. (In Russian).
18. Rossiya. 1913 god. Statistiko-dokumental'nyj spravochnik (Russia. 1913. Statistics and Documentary Directory) / editor and compiler A.M. Anfimov; chief editor A.P. Korelin. St. Petersburg: Blic, 1995. 415 p. (In Russian).

19. Svedeniya o gorodskih poseleniyah za 1910 g. (Information about urban settlements in 1910) // Statisticheskij ezhegodnik Rossii. 1914 g. (God odinnadcaty); Izdanie Central'nogo statisticheskogo komiteta MVD. Petrograd: Printing house of the Headquarters of the Petrograd Military District, 1915. Otd. 5. 676 p. (In Russian).
20. Semenov-Tyan'-Shanskij V.P. Gorod i derevnya v Evropejskoj Rossii: ocherk po ekonomicheskoj geografii s 16 kartami i kartogrammami (City and village in European Russia: Essay on economic geography with 16 cards and cartograms). Moscow: Kniga po trebovaniyu, 2013. 216 p. (In Russian).
21. Strumilin S.G. Ocherki ekonomicheskoj istorii Rossii i SSSR (Essays of the economic history of Russia and the USSR). Moscow: Nauka, 1966. 514 p. (In Russian).
22. Chislo nalichnogo naselenija v gorodah (The number of available population in cities) // Obshhij svod po Imperii rezul'tatov razrabotki dannyh pervoj Vseobshhej perepisi naselenija, proizvedennoj 28 janvarja 1897 goda. In 2 vols. Vol. 1.: preface by N.A. Troynitsky. St. Petersburg: N.L. Nyrkin publ., 1905. (In Russian).
23. Shrejder G.I. Gorod i Gorodovoe polozhenie 1870 goda (City and city status of 1870) // Istoriya Rossii v XIX veke. Vol. 4: Epoha reform (1840-1866). St. Petersburg: A. And I. Granat publ., 1908-1909. 386 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Махота Марина Юрьевна – доцент кафедры дизайна Пятигорского института (филиала) Северо-Кавказского федерального университета, аспирант кафедры Истории России Северо-Кавказского федерального университета / makhota-ma@mail.ru

Адрес: д.1, ул. Пушкина, 355017, Ставрополь, Российская Федерация.

Information about the author

Makhota Marina Yu. – Associate Professor, Chair of Design, Pyatigorsk Institute (branch) of the North-Caucasus Federal University, postgraduate student, Chair Russian History, North-Caucasus Federal University / makhota-ma@mail.ru

The address: 1, Pushkin st., 355017, Stavropol, Russian Federation.

УДК 94(47):371(470.62)

<http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.3.8>

А. В. Политова

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ (1861–1917 ГГ.)

В представленной статье рассматриваются отдельные стороны истории отечественной благотворительности в Терской области. Автор анализирует источники по указанной тематике, предлагает обширный историографический обзор и монографическую литературу.

В статье исследовательница обращается к истории благотворительности в южной российской провинции. Период с момент отмены крепостного права и до российской революции 1917 г. один из самых динамичных в отечественной истории, что не могло не повлиять на развитие благотворительности. Данный период стал историческим вызовом для полиэтничной Терской области, которая оказалась одной из самых экономически отсталых территорий. Интеграция кавказских территорий в социокультурное пространство России неизбежно сопровождалось необходимостью подтягивания окраины к социально-экономическому и культурному уровню центральных территорий. Благотворительность стала одной из социальных практик, которая стала развиваться в указанный период на территории Терской области.

Автор привлекла архивные материалы для изучения благотворительной активности как славянского, так и горского населения Терской области. Впервые вводятся

в научный оборот неопубликованные документы, которые помогают реконструировать историю деятельности отдельных обществ. В статье исследована частная финансовая составляющая благотворительной деятельности, изучена институциональная составляющая. В частности, показано как информационную поддержку оказывала газета «Терские ведомости». Учитывая многонациональный состав исследуемой территории, отдельным аспектом исследования автор сделала усилия местных этнических элит по повышению уровня грамотности своих народов.

Ключевые слова: Благотворительность, региональная история, благотворительные практики, общественное призрение, образовательно-просветительные системы, благотворительные объединения региона, частная благотворительность.

Для цитирования: Политова А. В. Благотворительность в становлении и развитии системы образования в Терской области (1861–1917 гг.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (3). С. 430–436. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.3.8

Alexandra V. Politova

CHARITY IN THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE EDUCATION SYSTEM IN THE TEREK REGION (1861–1917)

The article discusses certain aspects of the history of Russian charity in the Terek region. The author analyzes the sources on this topic and offers an extensive historiographic review and monographic literature.

The researcher refers to the history of charity in the southern Russian province. The period from the moment of the abolition of serfdom to the Russian revolution of 1917 is one of the most dynamic in Russian history, which could not but affect the development of charity. This period became a historical challenge for the multi-ethnic Terek region, which turned out to be one of the most economically backward territories. The integration of the Caucasian territories into the socio-cultural space of Russia was inevitably accompanied by the need to pull up the outskirts to the socio-economic and cultural level of the central territories. Charity has become one of the social practices that began to develop during this period in the territory of the Terek region.

The author used archival documents to study the charitable activities of both the Slavic and the mountain population of the Terek region. For the first time, unpu-

blished documents are introduced into scientific circulation, which help to reconstruct the history of the activities of individual societies. The article explored the private financial component of charitable activities, studied the institutional component. In particular, it is shown how informational support was provided by the newspaper «Terskiye Vedomosti». Given the multinational composition of the study area, the author made the efforts of local ethnic elites to increase the literacy level of their peoples a separate aspect of the study.

Key words: charity, regional history, charitable practices, public charity, educational systems, charitable associations of the region, private charity.

For citation: Politova A. V. Charity in the formation and development of the education system in the Terek region (1861 – 1917) // Humanities and law research. 2022. V. 9 (3). P. 430–436. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.3.8

Благотворительность в дореволюционной России, развивавшаяся как социокультурный феномен на протяжении столетий и приросшая многими традициями, стала не только неотъемлемой и

значимой частью отечественной культуры XIX – начала XX вв., но и приобрела к этому времени устойчивые черты образа жизни значительной части населения страны [10]. Во многом и поэто-

му современная отечественная историография истории российской благотворительности указанного периода достаточно обширна и многообразна. Современный научный интерес к последней возник буквально с началом перестроечных процессов, ведь в рамках советской идеологии все, что связано с благотворительностью, не могло быть предметом изучения в силу представлений о ее т.н. «фасадности», маскировавшей «ужасы царского режима», а также объявленным курсом советского государства на достижение всеобщего благосостояния.

Начавшись с отдельных статей в научно-публицистических и научных сборниках в 90-е гг. XX в., историография истории отечественной благотворительности выросла в отдельный весомый научный пласт, представленный как научными изданиями в виде статей и монографий, так и большим количеством диссертационных исследований, посвященных изучению содержания и особенностей благотворительного процесса в стране в целом; истории благотворительности в отдельных регионах; истории реализации отдельных направлений благотворительной практики; истории благотворительного движения в качестве истории действий его отдельных субъектов и др.

Определенная часть исследований, увидевших свет, в основном, уже в веке нынешнем, посвящена изучению и освещению исторического опыта благотворительной деятельности в отечественном образовании, воспитании и просвещении [5]. При этом наиболее полным и комплексным научным трудом, освещающим на широком круге источников и научной литературы общероссийский опыт благотворительной практики, стала монография А.Р. Соколова «Благотворительность в народном образовании и ее роль в трансформации российского общества» [12].

Что касается истории названного выше процесса в Терской области, то один из ее многочисленных аспектов исследован в диссертации Бесоловой А. А. «Становление и развитие благотворительности и общественного призрения Терского казачьего войска» [3]. Работа содержит отдельный материал, иллюстрирующий вклад казаков - терцев в развитие образования и просвещения на территории Терской области. Это - строительство и создание на средства казачества материально-технической базы учебных заведений, принадлежавших Терскому войску; факты опеки и помощи казачьим сиротам, финансовой поддержки учащихся образовательных заведений различного уровня из казачьих семей.

Отдельные события из интересующей нас исторической картины благотворительного вклада в становление и развитие системы образования на Терке представлены в диссертационной работе Нагорной Ю. В. «Российские женщины в благотворительном процессе второй половины

XIX – начала XX веков (на материалах Терской области и Ставропольской губернии)» [8]; работе Игнатъевой М. И. «История благотворительности на Кавказских Минеральных Водах в XIX – начале XX вв. : содержание и особенности» [7] ; диссертации Аппоевой Л. М. «Становление и развитие женского образования в Терской области (вторая половина XIX – начало XX вв.)» [2], исследовании Туаевой Б. В. « Общественно-культурные организации в городах Северного Кавказа (вторая половина XIX – начало XX вв.)» [17].

При этом за рамками исследовательского внимания остаются такие базовые для работающих в названном направлении аспекты, как деятельность российского государства по стимулированию и развитию благотворительности в образовании в контексте истории развития самой образовательно-воспитательной системы в Терской области; благотворительная практика в образовании всех сословий, представлявших население области; содержание и особенности исторической практики отдельных лиц, церковных структур, обществ частного-правового характера и отделений российских благотворительных ведомств по предоставлению помощи учащимся, учителям, учебным учреждениям и населению области в образовательно-просветительной и воспитательной сферах; деятельность местных властей по регуляции, стимулированию и оказанию конкретной помощи предпринимавшим благотворительные усилия в названной сфере и т. д.

Как новая российская административная единица, Терская область с центром во Владикавказе была оформлена к 1860 году и представляла собой регион с многонациональным населением и отсталой экономикой, имевший при этом важнейшее геополитическое значение и переживавший завершающий этап Кавказской войны. Для самой Российской империи вторая половина XIX в. стала временем модернизационных реформ и перемен, ориентированных на капиталистическое развитие народного хозяйства и соответствующие социокультурные изменения. Очевидно, что область принимала на себя в этих условиях двойной груз проблем, а становление и развитие в ней современной образовательно-просветительной системы становилось одним из важнейших залогов успешности вхождения населения региона в российскую социокультурную сферу, формирования и эффективного функционирования конкурентно - способной экономики области, необратимости процессов вхождения региона в состав России.

К изучаемому времени в отечественной культуре сложилась и достаточно масштабно и успешно реализовалась традиция по участию общества в лице отдельных граждан, сословных и общественных организаций, российских благотворительных ведомств в оказании различных видов

помощи учебным заведениям, учащимся и «учащим» в предоставлении и получении образования. Просветительская работа, в значительной мере дополнявшая деятельность образовательных структур в провинции, выстраиваясь, в большинстве своем, на бескорыстной основе, была также, зачастую, немаловажной составляющей в деятельности многих благотворительных организаций. Общественное призрение сирот и детей «недостаточных» родителей, не менее масштабно практиковавшееся в стране неравнодушной общественностью, в большинстве своем, сопровождалось образовательно-воспитательной практикой, осуществлявшейся в рамках официальной образовательно-воспитательной политики.

Источники, представленные материалами архивных фондов Центрального государственного архива Республики Северная Осетия–Алания, публикациями периодических изданий, изданиями информационно-статистического характера, показывают, что инициатива в развитии благотворительной, особенно организованной, активности в регионе принадлежала, в большинстве своем, представителям православной церкви, интеллигенции, в том числе национальной, военным. При этом доля женщин, как правило, жен представителей власти и офицерского состава, среди них была достаточно высока. К примеру, одно из старейших в регионе, – Владикавказское благотворительное общество, существовавшее с 1871 г., даже возглавлялось, практически на всем протяжении его деятельности женщинами: Е. Юрковской [19, л. 55], А. Полковниковой [23, л. 5], Н. Флейшер [20, л. 83].

Представители славянских этносов реализовывали при этом традиции благотворения, прочно укоренившиеся в православной культуре «добротолюбия» и переживавшие ренессанс в связи с ростом гражданского самосознания в стране в целом. Передовые представители культур горских народов, проживавших на территории Терской области, втягивались в современное благотворительное движение на волне процессов приобщения к российской культуре и ее традициям, имея привычку к благотворению и в рамках традиционной мусульманской практики: по словам специалиста, – «...Как и мектебы, медресе содержались на средства жителей, на пожертвования, вакуфные земли и закяты» [11, с. 144].

Благотворительные устремления отдельных граждан, общественных организаций, сословных обществ, церковных структур по активизации процессов в образовательно-воспитательной и просветительской сферах жизнедеятельности Терской губернии были востребованы всем ходом развития нового административного субъекта Российской империи: динамика государственного субсидирования деятельности Терской Дирекции народных училищ за три года с момента ее соз-

дания хотя и показывает рост в разы (с 3 375 руб. в 1861 г. до 22 758 руб. в 1864 г.) [24, л. 81 об], но среди семи Дирекций училищ на Кавказе Терская в 1864 г. находилась по финансированию лишь на предпоследнем месте [24, л. 80–81 об].

Своего рода примером и образцом в деле общественного попечения о нуждах образования в регионе стала деятельность Общества восстановления православного христианства на Кавказе, начавшего свою работу в 1860 г. [6]. Всего за три, с небольшим, года члены Общества провели большую подготовительную работу в виде разработки учебных программ и учебных пособий для того, чтобы открыть на средства Общества начальные школы в приходах области. И к 1865 году таких школ насчитывалось уже 75 [9, с. 12]. Процесс открытия начальных школ сопровождался различными трудностями. Многие в их преодолении зависело от энергии и возможностей таких членов Общества, как, например, священник А. Колиев, на начальном этапе расположивший школу для девочек-осетинки в своем доме, сам преподававший в ней и приобретающий учебные пособия для учениц. Благотворительная деятельность А. Колиева в дальнейшем сопровождалась активной помощью членов Общества, благодаря чему школа превратилась со временем сначала в трехклассную с пансионом, а затем – в Ольгинскую женскую гимназию и учительский институт. Важно, что благотворительность при этом не замыкалась на образовании, а сопровождалась просветительскими акциями в форме разработки азбук, букварей и словарей для горских народов. Еще одной, не менее значимой особенностью в деятельности Общества восстановления православного христианства на Кавказе на территории Терской области стало участие в ней жителей многих других регионов Российской империи и даже зарубежья, что было позже востребовано в организации работы других благотворительных объединений региона.

Отчет начальника Терской области за 1897 год, кроме «местных отделений общих по Империи благотворительных учреждений, каковы Российское Общество Красного Креста, Попечительство Императрицы Марии о слепых, и помимо церковно-приходских попечительств» перечисляет «... следующие частные благотворительные учреждения: 1) местные благотворительные общества в городах Владикавказе, Пятигорске, Грозном, Кизляре и Моздоке и слободе Нальчике, 2) Владикавказское общество вспомоществования учащимся, 3) Владикавказское общество распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области, 4) Общество попечения о сиротах и бедных детях г. Владикавказа и 5) Пятигорское Мефодиевское общество вспомоществования беднейшим ученикам Пятигорского 3-х классного городского училища» [4, с. 83]. Все

перечисленные благотворительные общества частного-правового характера, в разной мере, но принимали участие в содержании школ и их отдельных, наиболее нуждающихся, учащихся; содержании определенного числа стипендиатов в различных учебных заведениях области и за ее пределами. Например, §1. Устава Нальчикского благотворительного общества, представленного к утверждению 25 августа 1881г., гласил: «... Общество имеет главной целью доставление средств к поддержанию существования Нальчикской Михайловской женской бесплатной школы и, по возможности, к улучшению материального состояния бедных и неимущих в пределах Нальчика» [21, л. 41].

К этому времени в области действовало 301 «низшее учебное заведение», а именно: 91 школа грамоты, 80 церковно-приходских школ, 124 начальных училища Министерства народного просвещения и 6 частных школ. Средних учебных заведений было 7: 1 мужская и 1 женская гимназия, 1 мужская и 1 женская прогимназии, 1 реальное училище, 1 духовная семинария и 1 епархиальное женское училище. Кроме них обучением детей в области занимались 6 городских училищ, ремесленное училище, лесная школа, духовное училище и 3 горские школы. Во всех выше названных заведениях обучались 22. 417 человек: 2.011 – в средних образовательных учреждениях, 20.406 – в низших [4, с. 57–58].

Учебные заведения содержались «частью на средства, отпускаемые из казны и из войскового капитала, частью же на средства городских, станичных и сельских обществ, духовенства, благотворительных учреждений, специальных средств учебных заведений и проч.». При этом на средства государственного казначейства приходилось 31,1% расходов, войсковые суммы составляли 7,5%, а все остальные источники давали сумму в размере 61,4% от всех расходов на нужды образования в области [4, с. 59]. «Остальные источники» выражались в сумме 365.399 руб., в рамках которой благотворительные средства в общей сумме составляли примерно 41.614 руб. [4, с. 60].

Но здесь учитывались только те деньги, что жертвовались непосредственно на создание, обеспечение деятельности отдельных учебных заведений и на выплату стипендий отдельным учащимся. Благотворительная практика же была значительно разнообразней и зависела в своих видах и объемах не только и столько от потребностей образовательного процесса и его участников, сколько от возможностей благотворителей.

Если, например, обратиться к деятельности обществ вспомоществования учащимся и «учащим» отдельных учебных заведений, возникших в области ближе к концу XIX века, то помимо создания и содержания отдельных образовательных заведений, они практиковали обеспечение наи-

более нуждающихся учеников учебниками, одеждой, обувью, продовольствием, лекарствами; оплачивали их обучение, лечение и проживание на квартирах. Материальная поддержка учителей также практиковалась как одна их форм благотворительной практики в деятельности названных организаций.

Общества «общественно-благотворительного характера», работавшие во всех городах Терской области и имевшие более длительную на фоне других благотворительных объединений историю, традиционную выдачу денежных пособий на обучение детей, обращавшихся к ним за помощью отдельных социально недостаточных граждан, дополняли рядом иных форм работы, ориентированных на отдельные образовательно-воспитательные аспекты. К примеру, одно из старейших в области, Владикавказское благотворительное общество, на протяжении своей истории практиковало оплату обучения и «экипировки» семи учениц Ольгинской гимназии, учащейся Осетинской девичьей школы, двух пансионеров Лорис-Меликовского ремесленного училища [19, л. 54–55]. Создан в 1892 г. т. н. Дневное Убежище для сорока детей-сирот и детей из бедных семей Владикавказа, члены Общества озаботились элементарным образованием старших из них, дополнив его обучением детей таким ремеслом, как вязание, шитье, сапожное дело.

Источниками средств на подобного рода деятельность были не только доходы от членских взносов и обязательного по уставу неприкосновенного капитала, но и поступавшие от граждан различных сословий финансовые и материальные пожертвования, доходы от проводимых благотворительных акций в виде спектаклей, концертов, ярмарок, лотерей, гуляний.

Жертвователями предоставлялись в пользу благотворительных обществ деньги (сразу либо по завещанию), недвижимость, продукты, топливо, одежда и др. Часто желавшие помочь представляли бесплатные медицинские, юридические, педагогические и иные профессиональные услуги для целей Обществ.

В истории благотворительности в образовательно-воспитательной сфере Терской области присутствовала и серьезная частная составляющая. Десятки людей ежегодно помогали нуждающимся в помощи со стороны учащимся, педагогам и даже отдельным учебным заведениям, лично. С момента создания в 1861 г. Дирекции народных училищ Терской области частные благотворители передавали целевым образом средства через счета этого ведомства, кроме того пожертвования делались через войсковую администрацию и городские управления.

Благодаря местной прессе, в особенности газете Терские ведомости, исследователю доступны сведения, позволяющие смоделировать

достаточно полную историческую картину частной благотворительности в образовании региона: о любом пожертвовании становилось известно благодаря регулярно публиковавшейся информации о нем, как правило, с подачи перечисленных выше структур. Сообщения были краткими, но достаточно информативными. К примеру, «Терские ведомости за 01.07.1897 г. сообщили о том, что жительница Тифлиса М.М. Бадина и полковник Н. С. Суворецкий сделали пожертвования в пользу Луковского станичного училища; газета за 19.12.1897 г. сообщила о пожертвовании линзы для микроскопа городскому училищу Пятигорска со стороны его Почетного смотрителя И. Н. Рыбинцева [13; 14] и др.

Также активно пресса публиковала сообщения о предстоящих благотворительных акциях: «Терские ведомости» за 17.08.1906 г. сообщали, что Н. Е. Калоева планирует проведение благотворительного спектакля на осетинском языке, доходы от которого пойдут в пользу нуждающихся учеников-осетин, в коммерческой ротонде г. Владикавказ. 09.02.1910 г. газета информировала читателей о предстоящем 12 февраля во Владикавказе спектакле в пользу нуждающихся учениц Ольгинской гимназии [15; 16] и т. д.

Благотворительные акции в пользу учебных заведений и учащихся со стороны отдельных представителей войскового сословия отражались и в ежегодных Отчетах Начальника Терской области и Наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска, подававшихся императору. Э. Агабекян в своей статье «Благотворительность в Терском казачьем войске», изучив эти отчеты, не только перечисляет фамилии благотворителей, но и указывает формы и размеры пожертвований [1].

Многонациональный состав населения области и необразованность подавляющего большинства коренного населения ожидаемо определили появление в регионе определенного числа неравнодушных образованных представителей этих этносов, стремившихся ускорить приобщение как можно большего числа соплеменников хотя бы к элементарным знаниям. При этом именно форма благотворительного объединения позволяла делать это с официального одобрения властей, используя весь уже имеющийся российский опыт.

Одним из самых известных и успешных в своих действиях в этой сфере стало созданное в 1883 году во Владикавказе Общество по распространению образования и технических сведений среди горцев Терской области [19, л. 82]. Среди его учредителей и активных членов – А. А.-Г. Кануков (частный поверенный), Т. Д. Шанаев (адвокат), Л.Б. Газданов (хирург), И.Б. Шанаев (титularный советник), И. Г. Тхостов (чиновник особых поручений) и др. – люди, известные как лучшие представители своего народа, – разра-

ботчики национальных букварей, первые из народа в профессии, заслуженные военные. Главной целью организации стало оказание помощи горцам в получении образования и приобщении их к современным техническим знаниям. Не имея достаточной финансовой возможности сразу открывать школы для детей горцев, как об этом было заявлено в уставе, члены Общества начали проведение различного рода благотворительных мероприятий с целью сбора денег, прежде всего, для оплаты обучения детей горцев во Владикавказском ремесленном училище, Тифлисской фельдшерской школе, а также тех, кто просил финансовой помощи в получении высшего образования. Заинтересованные в получении детьми начального образования, сельские общины Кокшельды, Цонтороя, Исти-Су, Аллероя, Гудермеса, Бачи-Юрта, Кади-Юрта, Ишхоя осуществляют целевые взносы на счета Общества [18]. Первой школой, созданной и опекаемой Обществом, стала Владикавказская грузинская школа Общества распространения грамотности среди горцев, начавшая работу в 1894 г. Расцвет деятельности Общества пришелся на начало XX в., когда его возглавил Г.В. Баев [25, л.11 об], ставший впоследствии главой управы г. Владикавказ. Успехам Общества способствовал не только огромный авторитет его руководства и членов, но и привлекательность и, в тоже время, достижимость уставных приоритетов благотворительной организации. К примеру, 4 глава Устава Общества констатировала: «§32. Общество, с разрешения учебного начальства, открывает училища по мере средств и предположительно в таких местностях, которые в них особенно нуждаются... §34. ... Дети несостоятельных родителей обучаются и снабжаются учебными пособиями на средства Общества, а дети достаточных родителей вносят за право учения определенную Правлением плату. §35. Учителя и учительницы назначаются в школы Общества... из лиц, имеющих на то законное право и знающих туземные языки. ... §36. В тех школах, в которых большинство учащихся исповедует мусульманскую веру, для обучения религии и преподавания мусульманского вероучения, принимаются, по возможности, такие лица, которые наряду со знанием мусульманской веры имели бы общеобразовательное развитие.... §38. Рядом с элементарным образованием в школах Общества обязательно обучение ремеслам» [22, л. 51–55].

Итак, образованная в качестве субъекта Российской империи в начале второй половины XIX века, многонациональная Терская область оказалась перед необходимостью включения в происходившие в этот период в самой России масштабные модернизационные преобразования. При этом изучаемая территория отличалась серьезной отсталостью в развитии экономики, а населявшие ее народы, в подавляющем своем

большинстве, – неграмотностью. Закономерно, что их успешное и необратимое включение в политическое, социокультурное и экономическое пространство реформируемой России должно было сопровождаться становлением и развитием современной системы образования и просвещения. В этих условиях имевшийся в отечественной

культуре исторический опыт серьезного благотворительного участия в данном процессе на фоне одновременного роста общественного самосознания был не только востребован в рамках Терской области, но и получил серьезное развитие, обогатив российскую культуру благотворения рядом особенностей.

Источники и литература

1. Агабекян Э. Благотворительность в Терском казачьем войске URL: <http://dobro26.ru/stati/80-blagotvoritelnost-v-teskom-kazachem-vojske> (Дата обращения: 21.09.2022).
2. Аппоева Л. М. Становление и развитие женского образования в Терской области (вторая половина XIX – начало XX вв.): дисс. ... канд. ист. наук, Владикавказ, 2008. 202 с.
3. Бесолова А. А. Становление и развитие благотворительности и общественного призрения Терского казачьего войска: дисс. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2008. 174 с.
4. Всеподданнейший отчет начальника Терской области и Наказного Атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1897 год. Владикавказ: Тип. обл. правления Терск. обл., 1898. 120 с.
5. Гузенко Е. С. Благотворительность в системе образования конца XIX – начала XX века (на материалах Казанской, Симбирской и Саратовской губерний): дисс. ... канд. ист. наук. М., 2001. 209 с.
6. Заметки // Православное обозрение. 1862. №11. С.97.
7. Игнатьева М. И. История благотворительности на Кавказских Минеральных Водах в XIX – начале XX вв.: содержание и особенности: дисс. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2005. 275 с.
8. Нагорная Ю. В. Российские женщины в благотворительном процессе второй половины XIX – начала XX веков (на материалах Терской области и Ставропольской губернии): дисс. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2006. 277 с.
9. Отчет Общества восстановления православного христианства на Кавказе за 1890 год. Тифлис: б.и., 1891. Б.п.
10. Покотилова Т. Е. Благотворительность в социальной истории дореволюционной России: мировоззрение и исторический опыт: дисс. ... докт. ист. наук. М., 1998. 443 с.
11. Селимханов А. К. Из истории просвещения в Дагестане в XIX веке // Ученые записки Дагестанского государственного университета. Т. 1. Махачкала: б.и., 1957. С. 137–156.
12. Соколов А. Р. Благотворительность в народном образовании и ее роль в трансформации российского общества. СПб.: Лики России, 2005. 254 с.
13. Терские ведомости. 1897. 1 июля.
14. Терские ведомости. 1897. 19 декабря.
15. Терские ведомости. 1906. 17 августа.
16. Терские ведомости. 1910. 9 февраля.
17. Туаева Б. В. Общественно-культурные организации в городах Северного Кавказа (вторая половина XIX – начало XX вв.): дисс. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2004. 177 с.
18. Функционирование учебных заведений Терской области в послевоенный период URL: <http://checheninfo.ru/print:page,1,19344-funkcionirovanie-uchebnyh-zavedeniy-terskoj-oblasti-v-poslevoenny-period.html> (Дата обращения: 16.03.2022).
19. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания (далее – ЦГА РСО-Алания). Ф.12. Оп.2. Д.82.
20. ЦГА РСО-Алания. Ф.11. Оп.11. Д.295.
21. ЦГА РСО-Алания. Ф.12. Оп.2. Д.179.
22. ЦГА РСО-Алания. Ф.12. Оп.2. Д.182.
23. ЦГА РСО-Алания. Ф.12. Оп.2. Д.921.
24. ЦГА РСО-Алания. Ф.123. Оп.1. Д.5.
25. ЦГА РСО-Алания. Ф.224. Оп.1. Д.1.

References

1. Agabekyan E. Blagotvoritel'nost' v Terskom kazach'em voyske (Charity in the Tersk Cossack army) URL: <http://dobro26.ru/stati/80-blagotvoritelnost-v-teskom-kazachem-vojske> (Accessed: 21.09.2022). (In Russian).
2. Appoeva L. M. Stanovlenie i razvitie zhenskogo obrazovaniya v Terskoj oblasti (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.) (Formation and development of women's education in the Tersk region (the second half of the XIX – early XX centuries): thesis. Vladikavkaz, 2008. 202 p. (In Russian).
3. Besolova A. A. Stanovlenie i razvitie blagotvoritel'nosti i obshchestvennogo prizreniya Terskogo kazach'ego voyska (Formation and development of charity and public charity of the Terek Cossack army): thesis. Vladikavkaz, 2008. 174 p. (In Russian).
4. Vsepoddanneysiy otchet nachal'nika Terskoj oblasti i Nakaznogo Atamana Terskogo kazach'ego voyska o sostoyanii oblasti i voyska za 1897 god (The most comprehensive report of the chief of the Terek region and the Ataman of the Terek Cossack army on the state of the region and the army for 1897). Vladikavkaz, 1898. 120 p. (In Russian).
5. Guzenko E. S. Blagotvoritel'nost' v sisteme obrazovaniya kontsa XIX – nachala XX veka (na materialakh Kazanskoj, Simbirskoy i Saratovskoy guberniy) (Charity in the education system of the late XIX – early XX century (based on the materials of the Kazan, Simbirsk and Saratov provinces): thesis. Moscow, 2001. 209 p. (In Russian).
6. Zametki (Notes) // Pravoslavnoe obozrenie. 1862. №11. P.97. (In Russian).

7. Ignat'eva M.I. Istoriya blagotvoritel'nosti na Kavkazskikh Mineral'nykh Vodakh v XIX- nachale XX vv. (The history of charity in the Caucasian Mineral Waters in the XIX – early XX centuries: content and features): sodержanie i osobennosti: thesis. Stavropol', 2005. 275 p. (In Russian).
8. Nagornaya Yu. V. Rossiyskie zhenshchiny v blagotvoritel'nom protsesse vtoroy poloviny XIX – nachala XX vekov (na materialakh Terskoy oblasti i Stavropol'skoy gubernii) (Russian women in the charitable process of the second half of the XIX – early XX centuries (based on the materials of the Tersk region and Stavropol province): thesis. Stavropol', 2006. 277 p. (In Russian).
9. Otchet Obshchestva vosstanovleniya pravoslavnogo khristianstva na Kavkaze za 1890 god (Report of the Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus for 1890). Tiflis: 1891. (In Russian).
10. Pokotilova T. E. Blagotvoritel'nost' v sotsial'noy istorii dorevolutsionnoy Rossii: mirovozzrenie i istoricheskiy opyt (Charity in the social history of pre-revolutionary Russia: worldview and historical experience): thesis. Moscow, 1998. 443 p. (In Russian).
11. Selimkhanov A. K. Iz istorii prosveshcheniya v Dagestane v XIX veke (From the history of education in Dagestan in the XIX century) // Uchenye zapiski Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Vol. 1. Makhachkala, 1957. P. 137–156. (In Russian).
12. Sokolov A. R. Blagotvoritel'nost' v narodnom obrazovanii i ee rol' v transformatsii rossiyskogo obshchestva (Charity in public education and its role in the transformation of Russian society). St.Petersburg: Liki Rossii, 2005. 254 p. (In Russian).
13. Terskie vedomosti. 1897. July 1. (In Russian).
14. Terskie vedomosti. 1897. December 19. (In Russian).
15. Terskie vedomosti. 1906. August 17. (In Russian).
16. Terskie vedomosti. 1910. February 9. (In Russian).
17. Tuaeва B. V. Obshchestvenno-kul'turnye organizatsii v gorodakh Severnogo Kavkaza (vtoraya polovina XIX- nachalo XX vv.) (Socio-cultural organizations in the cities of the North Caucasus (the second half of the XIX- early XX centuries): thesis. Vladikavkaz, 2004. 177 p. (In Russian).
18. Funktsionirovanie uchebnykh zavedeniy Terskoy oblasti v poslevoenny period (Functioning of educational institutions of the Tersk region in the post-war period) URL: <http://checheninfo.ru/print:page,1,19344-funkcionirovanie-uchebnyh-zavedeniy-terskoy-oblasti-v-poslevoenny-period.html> (Accessed: 16.03.2022). (In Russian).
19. Central State Archive of the Republic of North Ossetia-Alania (TsGA RSO-Alaniya). F.12. Inv.2. D.82. (In Russian).
20. TsGA RSO-Alaniya. F.11. Inv.11. D.295. (In Russian).
21. TsGA RSO-Alaniya. F.12. Inv.2. D.179. (In Russian).
22. TsGA RSO-Alaniya. F.12. Inv.2. D.182. (In Russian).
23. TsGA RSO-Alaniya. F.12. Inv.2. D.921. (In Russian).
24. TsGA RSO-Alaniya. F.123. Inv.1. D.5. (In Russian).
25. TsGA RSO-Alaniya. F.224. Inv.1. D.1. (In Russian).

Сведения об авторе

Политова Александра Витальевна – аспирант кафедры истории России Северо-Кавказского федерального университета / sasha.politova@bk.ru

Адрес: 355017, д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, Российская Федерация.

Information about the author

Politova Alexandra V. – postgraduate student, Chair of Russian History, North-Caucasus Federal University / sasha.politova@bk.ru

The address: 355017, 1, Pushkina st., Stavropol, Russian Federation.

УДК 94(470.6) «1920»

<http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.3.9>

А. П. Скорик

РАСКАЗАЧИВАНИЕ: КАТЕГОРИАЛЬНО-ПОНЯТИЙНЫЙ И ПЕРСониФИЦИРОВАННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Слово «расказачивание» последние десятилетия вошло в свободный и привычный разговор об отдельных казаках и о казачестве в целом, что, казалось бы, не имеет смысла разъяснять его смысловое содержание, ибо оно и так понятно из самого своего произношения. Подразумевается, что речь идёт об уничтожении очень большого количества казаков. При естественно возникающем вопросе, кто же совершил такое ужасное деяние, тут же без раздумий следует ответ: «Казаков убивала советская власть!». Думать здесь получается нечего, ведь большевики уничтожили почти всё казачество. Мелькают в публицистике ужасающие цифры: от 2 до 10 млн человек. Далее следуют суждения в том духе, что не стоит ничего анализировать, поскольку совершённое преступление никогда не будет никакого оправдания. Да и вообще была одна большая эпоха советского расказачивания. Однако это будет лишь частью исторической правды!

В статье предпринимается попытка детально разобраться и отделить зёрна от плевел. Во-первых, определить исторические смысловые пределы понятия «расказачивание». Во-вторых, привести реальные исторические факты о трагических для казаков событиях. В-третьих, выяснить временные исторические границы осуществления политики расказачивания. В-четвёртых, отграничить подлинную историю казачества от политической конъюнктуры «радетелей за казачество». В-пятых, дать авторский ответ на классические русские вопросы: кто виноват, и что делать?!

Ключевые слова: большевики, геноцид, дискуссии, исторический процесс, казаки, репрессии, станица.

Для цитирования: Скорик А. П. Расказачивание: категориально-понятийный и персонифицированный исторический дискурс // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (3). С. 437–447. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.3.9

Aleksandr P. Skorik

DECOSSACKIZATION: CATEGORIAL-CONCEPTUAL AND PERSONALIZED HISTORICAL DISCOURSE

The word “decossackization” in recent decades has entered into a free and familiar conversation about individual Cossacks and about the Cossacks as a whole, which, it would seem, does not make sense to explain its semantic content, because it is already clear from its very spelling. It is understood that we are talking about the destruction of a very large number of Cossacks. When the question naturally arises, who committed such a terrible act, the answer immediately follows without hesitation: «The Cossacks were killed by the Soviet authorities!». There is nothing to think about here, because the Bolsheviks destroyed almost all the Cossacks. Terrifying figures flicker in the press: from 2 to 10 million people. Further judgments follow in the spirit that it is not worth analyzing anything, since there will never be any justification for the committed crime. And in general, there was one big era of Soviet decossackization. However, this will be only part of the historical truth!

The article attempts to understand in detail and separate the wheat from the chaff. First, to determine the historical semantic limits of the concept of «decossackization». Secondly, to bring real historical facts about tragic events for the Cossacks. Thirdly, to find out the temporal historical boundaries of the implementation of the decossackization policy. Fourthly, to delimit the true history of the Cossacks from the political situation of the «guardians for the Cossacks». Fifth, to give the author’s answer to the classic Russian questions: who is to blame, and what to do?!

Key words: Bolsheviks, genocide, discussions, historical process, Cossacks, repressions, village.

For citation: Skorik A. P. Decossackization: categorial-conceptual and personalized historical discourse // Humanities and law research. 2022. V. 9 (3). P. 437–447. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.3.9

Прежде всего, расказачивание – это достаточно сложный и многослойный исторический процесс, а уничтожение части казаков – это лишь видимая верхушка айсберга. И здесь правомерно будет прибегнуть к идее «тотальных социальных фактов», которую высказал французский этнограф и социолог Марсель Мосс (хотя концептуально так её и не оформил в какой-либо из своих работ). И тогда понятие «расказачивание» следует считать онтологическим образованием,

обеспечивающим должную глубину научного познания определённого исторического периода. Но расказачивание – это одновременно реальное историческое явление, буквально пронизывающее все стороны советской социальной системы, фокусирующее и сосредоточивающее одну из её генерализующих сторон, репрессальную сущность именно в себе. Такова социальная тотальность расказачивания. А теперь обо всём по порядку.

Расказачивание означает, если исходить из самой сути исторического представления о казачестве, лишение казаков наиболее существенных черт как социальной группы. К числу генерализующих признаков понятия относятся две характеристики казачества: сословный статус и этническое самосознание. Что же из них можно было ликвидировать очень быстро и радикальным образом?! Прежде всего, сословные права и привилегии. Они предоставлялись казачеству нормами действующего законодательства Российской империи. Эту очевидную реальность большевики громят в первую очередь. 24 ноября 1917 г. принимается декрет СНК РСФСР и ВЦИК «Об уничтожении сословий и гражданских чинов». Хотя непосредственно в тексте Декрета казаки не упоминались, но для казаков сословный статус являлся той правовой средой, без которой сложно представить казачество как таковое. Сословный статус составлял то историческое пространство, без которого характерный образ казачества теряет свой подлинный смысл, его социальная психология становится не понятна.

Если сегодня мы считаем этническое самосознание важнейшей характеристикой казачества, то большевики, придя к власти в октябре 1917 г., думали совершенно иначе. Для них всё казачество представляло собой неотъемлемую часть российского крестьянства, хотя и с некоторыми региональными особенностями, но не столь существенными, чтобы обращать на такие мелочи особое внимание. Эта теоретическая ошибка лидеров компартии лежала в основе проводимой политики большевиков, ибо, с их точки зрения, достаточно надавить на крестьянскую массу, пообещать ей желаемые блага и получится заставить её подчиниться. А ещё надо обязательно применить древнеримское правило (максиму римского сената) «разделяй и властвуй», тогда всё сбудется. Однако расколоть казачество на известную большевистскую триаду (бедняков, середняков и кулаков) не очень-то у практиков большевизма выходило, и здесь мешало этническое самосознание, заставлявшее казаков консолидироваться. Посулы на казаков долговременно не действовали. Попытки давления вызывали ожесточённое сопротивление. В практике советского расказачивания широко применялось поражение в правах, но и оно не приносило ощутимого результата. «Лишенцы», «кулаки», «репатрианты», иные социальные категории казачества стойко переносили сваливавшиеся на их голову многочисленные несчастья.

Характерной чертой расказачивания являлись многочисленные акции представителей советской власти по дискредитации в глазах казаков православной веры, уничтожению церковного имущества, преследованию православных священников, и это отдельная тема для исследова-

ний, которые, в частности, успешно ведёт старший научный сотрудник ЮИЦ РАН А. В. Шадрин [26], причём, здесь мы вместе находим пересекающиеся сюжеты с другими направлениями научных изысканий, скажем, с проблемой голода в казачьих областях [28]. И всё же, приведём пример станицы Каменской, где в ходе расказачивания в 1919 г. пять станичных церквей оказались полностью разграблены и исковерканы новыми «властителями дум», а в домах многих станичных жителей православные иконы варварски срывались со стен и безжалостно выбрасывались на улицу.

В атеистическом угаре большевистские безбожники устраивали в станице Каменской целые театрализованные представления: одевались в вывернутые наизнанку похищенные облачения священнослужителей, брали в руки церковное кадило, наполняли его крепким табаком, зажигали и кощунственно изображали на глупую потеху своих товарищей псевдоправославное богослужение. Для торжественного празднования советской даты 1 мая беспардонно оборвали бахрому и кисти у церковных хоругвей и тут же украсили ими свои красные флаги. Атеистическими псевдодоподвигами красноармейцев руководил некто Романовский. Именно он публично сорвал во внутренней церкви реального училища завесу с царских врат, изодрал покров престола в алтаре, швырнул на пол Евангелие и антиминс. Примечательно, что на другой день после этого откровенного акта атеистического вандализма Романовский неожиданно заболел сыпным тифом и через шесть дней скорострительно умер. Эта мгновенная смерть произвела на местное население станицы Каменской неизгладимое впечатление, ибо в ней оно увидело признак Божьей кары за содеянное [21, с. 80].

Ещё раз подчеркнём, казачество как историческое явление нельзя понять вне контекста религиозного вероисповедания. С верой в Бога казак жил, творил, воевал, большая часть истории казачества освящена Божьим знаменем, и, хотя, безусловно, православие являлось основной религией казаков, но также иноверческие группы казачества по-своему молились и оставались в лоне своей церкви. Причём, такое богослужение не обходилось без исторических казусов. Когда император Александр III со своей супругой посетили походный хурул (малый буддистский храм) казаков-калмыков, прибывший в столичный Новочеркасск их встречать в мае 1887 г., то гелюнг (калмыцкий священник) передал в руки императрицы Марии Фёдоровны для осмотра один из священных обрядовых предметов. Поскольку государыня не знала, как с ним поступить, то она всю начавшуюся службу продержала его в руках, а гелюнг, естественно, не решился взять его у неё [9, с. 608]. Так вот православная российская императрица приняла участие в буддистском бо-

гослужении. Заметим, достаточно сильны были в казачьей среде, особенно донского казачества, старообрядческие традиции, скажем, тот же известный атаман М. И. Платов являлся старообрядцем поповского толка, что не мешало ему посещать храмы Русской православной церкви.

Гораздо сложнее оказалось сломать хозяйственно-культурный уклад казачества, даже в архитязёлых условиях, когда хозяйство местного казачье-крестьянского населения, как гласят документы того времени, не единожды «зглталывалось набегавшей волной Гражданской войны». Казачий хозяйственно-культурный уклад частично сохранился и после осуществления коллективизации и перекочевал в личные подсобные хозяйства казаков, где проявился во внутреннем устройстве казачьего подворья, в трогательном отношении к лошадям, в сбережении виноградной лозы, в разведении голубей, в пользовании ледником и многим другом, без чего и сегодня не обходится ни один двор в казачьем хуторе или станице, и что греет душу родового казака: отцовский, а то и дедовский верстачок, старый плащ и к нему башлычок, подкова на счастье, укрепленная на видном месте, и прочие хозяйственные и личные мелочи.

Расказачивание – это не только применение репрессивных мер, о которых твердят многочисленные публицисты, да и часть казаков, кругозор которых только этим и ограничивается. Расказачивание, не менее значимое по последствиям, проявлялось в многократных попытках государства провести окрестьянивание казачества, в том числе, путём показачивания населения казённых поселений, проще говоря, превращения государственных крестьян в казаки. Этим, в частности, характеризуется в XIX в. процесс заселения исторического региона Кубани. Например, по Высочайшему указу от 2 декабря 1832 г. [15] ряд крестьянских селений преобразуются в станицы, и к Кубанскому казачьему полку причисляются: Дмитриевское (ныне это станица Дмитриевская в Кавказском районе Краснодарского края), Новоалександровское (вначале станица; ныне город Новоалександровск в Ставропольском крае), Новотроицкое (ныне станица Новотроицкая в Изобильненском районе (городском округе) Ставропольского края), Расшеватское (ныне станица Расшеватская в Новоалександровском районе (городском округе) Ставропольского края), Успенское (ныне станица Успенская в Белоглинском районе Краснодарского края, расположенная на реке Калалы; но есть ещё село Успенское, находящееся на реке Кубани). К числу поселений Старой кордонной линии на Кубани также прикрепляются образовавшиеся из крестьянских селений станицы: Архангельская (ныне станица в Тихорецком районе Краснодарского края), Ильинская (ныне станица в Новопокровском районе Красно-

дарского края), Каменнобродская (ныне станица в Изобильненском районе (городском округе) Ставропольского края), Новодонецкая (ныне станица в Выселковском районе Краснодарского края), Новомалороссийская (ныне станица в Выселковском районе Краснодарского края), Новомарьевская (ныне станица в составе Шпаковского района (муниципального округа) Ставропольского края), Рождественская (ныне станица в Изобильненском районе (городском округе) Ставропольского края), Сенгилеевская (вначале станица; ныне село в Шпаковском районе (муниципальном округе) Ставропольского края) и Старомарьевская (вначале станица; ныне село в Грачёвском районе (муниципальном округе) Ставропольского края). Как видим, далеко не все крестьянские селения сохранили статус казачьей станицы.

Тенденции показачивания отчётливо наблюдаются и в ходе кампании «за советское казачество». Так, во второй половине мая 1936 г. конный отряд северо-донских казаков прибыл в Новочеркасск, причём, среди них были и вчерашние «иногородние», а некоторые новоприборные казаки происходили даже из числа немецких колонистов. В частности, «в полной казачьей форме прибыли [в Новочеркасск] Петер Богер и Фридрих Копф, колхозники немецких артелей «Сталинфельд» (Волошинский район) и «Ленинфельд» (Мальчевский район)» [19, с. 324–325].

В процессе расказачивания, пожалуй, самыми крепкими бастионами для противников казачества оказались славная история казачества и его социальная память. Именно этот кладезь народного духа, несмотря на многочисленные и продолжающиеся поныне попытки перекроить казачью историю, стереть в социальной памяти неразрывную связь с историческим прошлым, сузить историческое поле казачьей культуры, принизить истинные роль и значение казачества в истории России, позволяет реально отстоять фундаментальный вклад казачества и определить его достойное место на общероссийских скрижалях. Как красноречиво записал великий русский писатель Л. Н. Толстой при въездливом чтении XIII тома «Истории России» С. М. Соловьева: «Вся история России сделана казаками. Недаром нас зовут европ[ейцы] казаками. Народ казаками желает быть» [24, с. 123].

И наконец, расказачивание подразумевает массовые репрессии в отношении казачества, хотя зачастую в обиходе всё, как раз и сводится исключительно к репрессиям. Действительно, известные современные российские политики публично, неоднократно и категорично заявляли о широкомасштабных репрессиях: в советские времена казачество подверглось «геноциду» (президент В. В. Путин, февраль 2012 г.) и даже «было практически ликвидировано» (президент Д. А. Медведев, октябрь 2009 г.). После таких

констатаций хочется разобраться в вопросе, а откуда тогда берутся современные казаки?! Ответ тех же авторов: «Мне очень приятно, что происходит возрождение казачества, возрождение уникальной и самобытной культуры казаков, повышается их роль в жизни государства российского и, что, может быть, самое главное – растёт чувство патриотизма, которое всегда было присуще казачеству» (президент В. В. Путин, май 2007 г.); «Исторически казаки находились на службе у Российского государства, защищали его границы, участвовали в боевых походах Русской Армии. После революции 1917 г. казачество было подвергнуто жесточайшим репрессиям, по сути – геноциду. Однако казачество выжило, сохранив свою культуру и традиции. И задача государства – всячески помогать казакам, привлекать их к несению военной службы и военно-патриотическому воспитанию молодёжи» (премьер-министр В. В. Путин, февраль 2012 г.); «Сегодня благодаря инициативной, деятельной позиции общественных организаций, волонтеров и неравнодушных граждан, поддержке органов власти и Русской православной церкви казачество не только возрождается, но и становится более значимой конструктивной и созидательной силой» (президент В. В. Путин, ноябрь 2018 г.); «Казаки всегда играли важную роль в становлении нашей государственности: служили государству верой и правдой, открывали Сибирь, Дальний Восток, закладывали новые города, развивали экономику нашей большой страны. В наши дни традиции казачества возрождаются. Думаю, что нет смысла говорить о том, что государство заинтересовано в реализации потенциала казачества в нашей стране, в решении тех совместных задач, которые традиционно решались государством вместе с казачеством: естественно, в укреплении нашей страны в целом, в воспитании молодёжи, укреплении военно-патриотических традиций. Всё это важно в любой ситуации, но, наверное, особое значение это имеет в период, когда страна подвергается тем или иным испытаниям. И такие испытания, к сожалению, как были, так и продолжаются...» (президент Д. А. Медведев, март 2009 г.). Иначе говоря, казаки никуда не делись: они выжили, преодолели тяжелейшие испытания в своей исторической судьбе, и сегодня в них очень нуждается российское государство.

Тем самым, факт признания массовых репрессий в отношении казачества очевиден. Эти репрессии проводила советская власть, но они оказались не настолько катастрофичны, поэтому казачество сохранилось, о его исторических заслугах помнят, в его активной созидательной роли по-прежнему имеется заинтересованность. Кто же персонально виноват в репрессивном расказачивании на заре советской власти?! Насколько широк круг этих лиц?! Ведь, обычно ищут одного-двух главных виновников.

Одни однозначно винят «американского эмиссара», Председателя Реввоенсовета Республики Л. Д. Троцкого, поскольку под его руководством большевики провели «кровавое расказачивание». При этом очень часто цитируется следующий его изуверский призыв: «Очистительное пламя должно пройти по всему Дону и на всех них навести страх и почти религиозный ужас. Старое казачество должно быть сожжено в пламени социальной революции... Пусть последние их остатки, словно евангельские свиньи, будут сброшены в Чёрное море» [27, с. 236].

Другие указывают на причастность Я. М. Свердлова к появлению циркулярного письма (директивы) Оргбюро ЦК РКП(б) от 24 января 1919 г. «Об отношении к казакам» [25], ставшего отправной точкой политики расказачивания. Председатель ВЦИК (формальный глава РСФСР), председатель Секретариата ЦК РКП(б), член Оргбюро ЦК РКП(б) Я. М. Свердлов не подписывал (нет таких письменных свидетельств!), но имел отношение к этому документу, равно как и ряд других высших лиц из числа большевистского руководства, среди которых нередко называют также члена Реввоенсовета Республики, наркома по делам национальностей РСФСР, члена Оргбюро ЦК РКП(б) И. В. Сталина.

Среди организаторов политики расказачивания, проводившейся большевиками, фигурируют (перечислим по алфавиту с указанием занимаемых должностей): уполномоченный Совета труда и обороны (СТО) РСФСР по подавлению мятежа на Дону (с апреля 1919 г.), заместитель начальника Политуправления Реввоенсовета Республики, член Оргбюро ЦК РКП (б) А.Г. Белобородов; уполномоченный по снабжению Южного, Юго-Восточного фронта (продовольственный комиссар) Я. Г. Гольдин; командующий 9-й армией Южного фронта П. Е. Княгиницкий; командующий 8-й Кавказской армией труда («Кавтрудоармией») И. В. Кошиор (не надо путать его с родным братом С. В. Кошиором, сделавшим более успешную советскую карьеру), руководивший выселением терских казаков из Горской АССР; член (секретарь) Донского бюро РКП (б), заместитель председателя Донисполкома С. Л. Лукашин (Саркис Лусенгенович Срапионян); ответственный работник ВЧК И. П. Малкин, участвовавший в подавлении Вёшенского восстания и проявивший при этом невиданную жестокость, что описано М. А. Шолоховым в романе «Тихий Дон»; представитель большевистской партии на Северном Кавказе, председатель Комитета обороны Терской Советской Республики Г. К. (Серго) Орджоникидзе, организатор двойного выселения (1918 и 1920 гг.) терских казаков Сунженской линии, с его известной фразой: «Если поднимется против Советской власти хотя бы один казак в одной станице, вся станица будет в ответе: вплоть до расстрела, до уничтожения»;

член Донского областного ревкома, управделами РВС Южного фронта В. И. Плятт; член Донского областного ревкома, член Донисполкома (с 1 сентября 1919 г.), помощник начальника политотдела Южного фронта И. И. Рейнгольд, чьему перу принадлежит докладная записка в ЦК РКП(б) о необходимости физического уничтожения всех казаков; член (секретарь) Донского бюро РКП(б) Григорий (Гири-Есель-Нахек) Иосифович Свердлов (Пётр Григорьевич Блохин); ближайший сотрудник Л. Д. Троцкого, заместитель председателя РВС Республики, член ВЦИК и СТО РСФСР Э. М. Склянский; ответственный работник ВЧК И. И. Скрамэ; член РВС ряда фронтов, начальник Политуправления РВС Республики (с 31 мая 1919 г.) И. Т. Смилга, участвовавший в подавлении Вёшенского восстания, судивший штаб конно-сводного корпуса во главе с Б. М. Думенко; ведущий член Донского бюро ЦК РКП(б), начальник отдела гражданского управления при Реввоенсовете Южного фронта (в январе–апреле 1919 г.) С. И. Сырцов; секретарь Донского бюро ЦК РКП(б) в течение сентября 1918 г. – октября 1919 г. А. А. Френкель, удивительным образом сумевший бежать из известной подтёлковской экспедиции в момент её полного окружения белыми казаками; командующий 8-й армией Южного фронта (в марте–мае 1919 г.), глава Экспедиционной группы (в мае–июне 1919 г.) по подавлению казачьего восстания на Верхнем Дону Т. С. Хвесин; начальник политотдела и член РВС Южного фронта И. И. Ходоровский; председатель Ревтрибунала Южного фронта С. В. Чикколини (Шиколини), который, как отмечается в материалах ревтрибунала против него самого, «довёл идею Красного террора до абсурда»; комиссар и член Реввоенсовета (РВС) 8-й армии Южного фронта И. Э. Якир, кому собственно принадлежит авторство приснопамятной директивы о так называемом «процентном уничтожении мужского населения» на Дону.

И это отнюдь далеко не полный перечень ответственных лиц среди большевистского партийного, государственного и военного руководства, которым в вину можно поставить разработку и осуществление политики расказачивания в начальный период советской истории. Поэтому было бы не верно говорить о ком-то одном, двух или трёх деятелях, чьи преступные в отношении казачества акции стали источником трагической страницы в истории российских казаков.

Итак, расказачивание – это, прежде всего, комплекс мероприятий государственной власти, направленных на размывание и использование социальных качеств казачества в государственных целях; на искоренение казачьего сословия в структуре общества; на физическое устранение казаков. Одновременно расказачивание также выступает естественноисторическим процессом

утраты казачеством его изначальных свойств. Расказачивание является исторической научной категорией, позволяющей характеризовать и описывать исторический процесс на определённом этапе существования казачества в историческом пространстве России.

При общей оценке политики расказачивания сегодня нередко можно встретить термин «геноцид», явно привнесённый в науку и публицистику в политически конъюнктурных соображениях, имплементированный целевым образом в историю казачества уже в наши дни. Это было объяснимо в определённом контексте в 1990-е гг., когда требовалось привлечь внимание к действительно острой и затушированной ранее социально-исторической проблеме. Тогда полемический публицистический запал имел безусловное оправдание. Сегодня некоторые исследователи это делают явно в угоду политической конъюнктуре и личному пиару, например, Н. Н. Лысенко в книге «Геноцид казаков в Советской России и СССР. 1918–1933 гг. Опыт этнополитического исследования». Профессиональная оценка этого издания дана в развёрнутой научной рецензии профессора А. В. Венкова [2].

Ведь есть историческое понятие «расказачивание», соответствующее историческому времени и принятое самими казаками. Термин «геноцид» только разогревает политические страсти, тем более что «концепция геноцида» трещит по швам, когда ставятся хронологические рамки 1918–1933 гг., ибо большую часть 1920-х гг. и к расказачиванию отнести нельзя, а проводившаяся реальная политика «лицом к казачеству» (с 1925 г.) свидетельствует как раз об обратном. Отсутствие массовых репрессий на Дону во второй половине 1920-х гг. нами уже доказывалось на поселенческих статистических материалах бывшего Черкасского округа [20]. Означает ли это полное отсутствие массовых репрессий в начальный период советской истории?! Нет, и ещё раз нет! Разберёмся в остром вопросе с холодной головой и горячим сердцем.

Действительно, расказачивание осуществлялось как репрессивная политика одновременно в четырёх направлениях. Во-первых, речь шла о ликвидации казачьего сословия. Заметим, об упразднении казачьего сословия первые заговорили либералы после Февральской революции 1917 г., предлагавшие аннулировать права и отменить обязанности казаков. О ликвидации сословных уз говорили тогда же сами казаки, но только в плане отказа от тяготивших немалую часть казачества обязанностей военной службы на фоне затянувшейся Первой мировой войны, хотя подобные настроения среди казачества фиксировались и в более ранний период (историческая тенденция саморасказачивания). Во-вторых, это была социально-классовая политика

большевиков, направленная на поиск прозелитов в казачьей среде, поэтому правящая партия изначально обращала свои взоры на трудовое (беднейшее) казачество, стремясь расколоть казачье внутрисословное единство, навязать казачеству триаду жёсткой социальной дифференциации на бедняков, середняков и кулаков (историческая тенденция социальной дискретности). Но сами большевики пришли к этому не сразу, а только к концу 1920-х гг. Они реально допускали существование более реалистичной и вполне официальной шестислойной, деятельностно-структурной классификации социального расслоения крестьянства и казачества в 1920-х гг.: батраки, бедняки, маломощные середняки (или сокращённо: м-средняки), середняки, зажиточные (средняки), кулаки. Соответственно, жёсткое административно-политическое давление, включая собственно репрессии, направлялось, прежде всего, против кулаков. В-третьих, рассказывание связано с отказом большевиков признавать базисную этническую характеристику казачества (историческая тенденция этнотрансформации). Не случайно I-й Всероссийский съезд трудовых казаков в феврале 1920 г. констатировал, что «казачество отнюдь не является особой народностью или нацией, а составляет неотъемлемую часть русского народа, поэтому ни о каком отделении казачьих областей от остальной Советской России, к чему стремятся казачьи верхи, тесно спаянные с помещиками и буржуазией, не может быть и речи» [8, с. 244–245]. Несомненно, социальное расслоение уже достаточно глубоко проникло в казачью среду, но всё же идея казачьего этнического единства была гораздо сильнее, она по-прежнему оставалась цементирующим началом для казачьей общности. Кроме того, политика рассказывания после резкого начала в январе 1919 г. по борьбе со всем казачеством корректируется и направляется против «казачьих верхов». В-четвёртых, рассказывание, как мы писали в начале данной статьи, имело достаточно выраженный атеистический подтекст (историческая тенденция принудительного атеизма).

Политика рассказывания в причинно-следственном отношении позволяет говорить о следующих социально-политических истоках. Правящая партия большевиков стремилась к укреплению своих позиций путём преодоления в России сопротивления прежних господствовавших классов и привилегированных социальных групп, к числу которых относилось казачество, в представлениях коммунистов изначально отождествлявшееся с имперским политическим режимом. Иначе говоря, поскольку казаки служили царю верой и правдой, то они будут мешать большевикам при построении социалистического светлого будущего, ведь казаки – это «опора трона и реакции». Отсюда делался вывод

о необходимости уничтожения казачества как полуфеодального пережитка бывшей России, и более того, ликвидация казачества даже пойдёт на пользу всей мировой цивилизации. Лучшие воинские черты, верность данной присяге стали исходной причиной трагедии казачьего народа. Из людей пытались напрочь выбить казачий дух, казачье самосознание и казачьи традиции.

В рассказывании проявились накопившиеся за многие годы обиды «старых большевиков» с большим партийным стажем, пришедших к власти в 1917 г., за подавление революционных волнений 1905–1907 гг. и других восстаний. В редакционной статье «Борьба с Доном» в газете «Известия Народного комиссариата по военным делам» Л. Д. Троцкий огульно заявлял: «Казачество для России всегда играло роль палача, усмирителя и прислужника императорского дома... По своей боевой подготовке казачество не отличалось способностью к полевым боевым действиям. Казаки по своей природе ленивы и неряшливы, предрасположены к разгулу, к лени и ничегонеделанию... Казак как малоинтеллигентный человек, лгун, и доверять ему нельзя...» [10, с. 175].

Тем самым, идеологические корни массового террора против российского казачества были рождены в ходе всего предшествующего периода борьбы революционеров с царским самодержавием. Естественно, в современной российской историографии роль казачества в дореволюционные времена оценивается совершенно иначе, более того, акцентируется внимание на военно-патриотических традициях казачества [4; 11].

Казачьи регионы, прежде всего Дон, рассматривались руководством большевистской партии как базисный источник контрреволюции в России. Великая русская поэтесса М. И. Цветаева в диаметрально противоположном контексте, образно и в стихотворной форме 24 марта 1918 г. передала этот коммунистический постулат: «Старого мира – последний сон: // Молодость – Доблесть – Вандея – Дон». Здесь проводится историческая параллель между сражением «святой белогвардейской рати» на Дону с красновардейцами и Вандеей – последним оплотом королевской власти в борьбе против революционных войск в годы Великой Французской революции 1789–1794 гг. Кстати, эти проникновенные стихи М. И. Цветаевой, положенные на характерную маршевую музыку, исполняются хором белогвардейцев (sic!) в советском двухсерийном цветном телевизионном художественном фильме «Государственная граница. Восточный рубеж», поставленном на киностудии «Беларусьфильм» в 1982 г. режиссёром Борисом Степановым.

Политико-административная автономия казачьего региона, стремление к самостоятельной республике делали казаков неугодными советской власти, но согласие на казачью автономию

являлось достаточно важным и крайне болезненным вопросом для казачества. Действительно, 28 февраля 1918 г. в направленной правительственной телеграмме императивного характера главнокомандующему войсками Южного революционного фронта по борьбе с контрреволюцией В. А. Антонову-Овсееву председатель СНК В. И. Ленин подчёркивал: «Против автономии Донской области ничего не имеем; географические границы этой автономии должны быть определены по соглашению с населением смежной полосы и с автономной Республикой Донецкого бассейна» [12, с. 365–366].

III Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, проходивший 10–18 (23–31) января 1918 г. в Таврическом дворце Петрограда, провозгласил Россию федеративной республикой с полным названием «Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика» (сокращённо: РСФСР). С IV съезда высший орган советской власти назывался съезд советов рабочих, солдатских, крестьянских и **казачьих** депутатов (выделено нами. – авт.). 31 мая 1918 г. СНК издал декрет № 503 «Об организации управления казачьими областями», где в первом пункте, поправленном лично В.И. Лениным, однозначно фиксировалось «Все казачьи области и войска рассматриваются, как отдельные административные единицы местных советских объединений (т.е. как губернии)» [6, с. 375]. В период с марта по апрель 1918 г. реально существовали Донская, Терская, Кубано-Черноморская республики. 3 мая 1919 г. была образована комиссия ВЦИК по отмене декрета «Об управлении казачьих областей». Окончательной точкой в вопросе о казачьей автономии можно считать декрет СНК № 117 от 25 марта 1920 г. «О строительстве Советской власти в казачьих областях», который предметно ставил задачу: «Учредить в казачьих областях общие органы Советской власти, предусмотренные Конституцией РСФСР и положением Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета о сельских советах... и волостных исполнительных комитетах» [23, с. 175]. Здесь же следовало симптоматичное примечание № 1: «Отдельных Советов Казачьих Депутатов не должно быть создаваемо». Вскоре на бывшие казачьи области специальным постановлением ВЦИК распространили все общие советские законоположения о землеустройстве, землепользовании, лесах. Вот так осуществление политики расказачивания привело к полной ликвидации политико-административной автономии казачьих регионов.

При проведении политики расказачивания выделяют два основных репрессивных цикла (рубежа и начала 1920-х гг.; рубежа и начала 1930-х гг.). Первый вал прямых репрессий обрушился на донских казаков в годы Гражданской войны 1918–

1920 гг., причём, существовали две социальные практики: политика «красного террора» и политика «белого террора». Спорить о том, какая именно из сторон нанесла бóльший урон в физическом уничтожении казаков можно бесконечно, хотя расказачивание в постсоветский период априори интерпретировалось как репрессивная политика большевиков. Кстати, постановление СНК от 5 сентября 1918 г. о красном терроре, авторство которого приписывают опять же лично Я. М. Свердлову, реально подписано двумя наркомками: народным комиссаром юстиции Д. И. Курским и народным комиссаром внутренних дел Г. И. Петровским (он обозначен при публикации, но, согласно подлинному архивному документу, подписал управляющий делами СНК В. Д. Бонч-Бруевич), а также секретарем СНК Л. А. Фотиевой [7, с. 292]. Цель этого акта заключалась в том, чтобы «обеспечить Советскую Республику от классовых врагов путём изолирования их концентрационных лагерях; что подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам; что необходимо опубликовать имена всех расстрелянных, а также основания применения к ним этой меры» [7, с. 291–292]. Собственно говоря, императивные пункты циркулярного письма ЦК РКП(б) от 24 января 1919 г. об отношении к казачеству [25] развивали вышеизложенные положения. Однако практическая реализация мероприятий репрессивного «расказачивания», осуществлявшегося красными на Дону (остальные казачьи регионы тогда в основном занимали белые) имела всё же кратковременный характер, и была сорвана Вёшенским восстанием. По подсчётам А. В. Венкова, «в начале 1919 г. в результате массовых расстрелов в Верхне-Донском округе погибло 600 человек» [2, с. 285]. Да, это жестокая практика, но речи не идёт о многосоттысячных, миллионных жертвах, как пишут некоторые авторы [18, с. 119]. Основные человеческие потери связаны с эпидемиологической обстановкой, прежде всего, с заболеваниями сыпным тифом и гибелью людей в ходе боевых действий. К примеру, в результате Вёшенского восстания казаки убили 7 тыс. красноармейцев, и при этом сами потеряли 6 тыс. человек [2, с. 285].

Надо учитывать и второй вал репрессий, пик которого приходится на 1932 г., когда развернулась узаконенная борьба с «кулацким саботажем», и великой трагедией стала история 15 «чернодосочных» станиц, о которой написано немало, в том числе и нами [19, с. 180–184]. Хотя эта история произошла позже, но она также относится к актам расказачивания.

С другой стороны, нельзя закрывать глаза на узаконение практики белого террора. Приказом по Всевеликому войску Донскому № 73 от 25 мая 1918 г. учреждаются военно-полевые суды,

назначаемые распоряжением командиров полков и окружных атаманов. Прочитаем третий пункт этого приказа: «Лиц, в отношении которых была установлена служба на руководящих и ответственных должностях в органах советской власти, участие в вооружённых организациях, преследующих задачи подчинения Родины большевикам – приговаривать к лишению всех прав состояния и смертной казни через расстрел. Приговор обращается к исполнению в течение суток» [22, с. 39]. А вот согласно второму пункту приказа № 228 по Всевеликому Войску Донскому от 28 января 1919 г. разрабатывается чёткая инструкция по рассортировке и препровождению военнопленных. Названный документ обнаружен в архивных фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 13. Л. 6 об) и фрагментарно опубликован заведующей отделом новейшей истории Азовского историко-археологического и палеонтологического музей-заповедника (г. Азов Ростовской области) Г. Н. Борановой.

Согласно вышеназванной инструкции белыми казаками выделялись три категории захваченных военнопленных. К первой категории относились «лица «интеллигентных профессий» и **казаки** (выделено нами. – авт.), добровольно вступившие в ряды красных; комиссары, агитаторы, матросы, командиры частей; лица, совершившие уголовные преступления и иногородцы (евреи, латыши и прочие)». Эта группа подлежала военно-полевому суду и расстрелу на месте. Во вторую категорию включались «шахтёры, рабочие, бывшие воинские чины, «забывшие присягу» (очевидно, здесь подразумевались и казаки, ранее заслужившие разные чины в годы Первой мировой войны. – авт.)». Эти лица отправлялись для отбывания наказания в концентрационный лагерь. Третья категория, обозначенная как «насиленно мобилизованные и не проявившие активной деятельности» делилась, в свою очередь, на три группы. Изъявившие желание вести энергичную борьбу с большевиками направлялись на фронт с оружием в руках воевать в составе казачьих частей. Другая группа (лица из числа третьей категории) оставлялась для несения тыловой службы в станицах, располагавшихся в прифронтовой полосе. И уже третью группу «пассивных военнопленных» задействовали для выполнения различных принудительных работ, но исключительно под надёжной охраной [1, с. 84].

Как установила Г. Н. Боранова, в Азовский концентрационный лагерь Всевеликого Войска Донского, размещённый в деревянных бараках бывшего 235-го пехотного запасного полка, отправлялись, согласно вышеназванной инструкции, заключённые второй и третьей категории. В этом концлагере, окружённом высоким деревянным забором, обнесённом по закону жанра

двумя рядами колючей проволоки и дополнительно по периметру окопанном широкой канавой, «погибло более двадцати тысяч человек» [1, с. 84].

Следует обратить внимание и на внутрисловное рассказывание времён Гражданской войны. По подсчётам профессора П. А. Голуба, только во Всевеликом Войске Донском разные казачьи институции утвердили до 1400 приговоров о принудительном исключении казаков из числа казачьего сословия за проявление сочувствия советской власти. Такие внутрисловные приговоры имели для казаков не только морально-психологическое воздействие, но и сопровождалось лишением их казачьих привилегий (исключительных прав и материальных льгот), дополнялись конфискацией хозяйственного имущества и принадлежащих земельных паевых участков, предполагали административную высылку за территориальные пределы Донской области или же её замену отправкой на принудительные и каторжные работы. В общей сложности рестрикциям подверглось 30 тыс. семей красных казаков [3].

Что же происходит после окончания Гражданской войны?! Казачество Дона, в массе своей поддерживавшее Белое движение (до 85 %), как и другие группы казаков России, потерпели военное поражение, поэтому, естественно, казачество испытывало колоссальное морально-психологическое давление от сложившихся на тот исторический момент обстоятельств (от победы «чумацкого иногороднего», как говорили казаки, причём, как на самом Дону, так и в эмигрантских общинах за границей. Это выражается, с одной стороны, в повстанческом движении, особенно активном в период 1921–1922 гг. [5], и затухающем только лишь к 1925 г. С другой стороны, разворачивается противоречивая реэмиграция, и казаки, прежде всего, рядовые участники Белого движения в массовом порядке возвращаются на историческую Родину, и этот процесс постепенно угасает к концу 1920-х гг. В общей сложности в историческую Россию до конца 1920-х гг. вернулось из западных стран около 30 тыс. из примерно 55 тыс. эмигрировавших казаков, и ещё около 30 тыс. из более чем 50 тыс. эмигрировавших казаков, правда, до конца 1930-х гг. прибыло из восточных государств (преимущественно из Китая) [17, с. 231].

Рассуждения о каком-то латентном, скрытом рассказывании с привлечением казаков к социалистическому строительству в 1925–1928 гг. давно уже опровергнуты исследованиями подающего большинства специалистов, начиная с известных работ Я. А. Перехова [16]. Заметим, в 1928 г. на территории, которая сегодня отнесена к современной Ростовской области, органы ОГПУ не расстреляли ни одного человека [14, с. 80].

Реальностью стала политика «лицом к казачеству», сформировавшаяся в конце 1924 г. – начале 1925 г. на социальном фоне недовольства

казаков советской властью и не прекращающихся точечных и ощутимых актов антибольшевистского и антисоветского террора со стороны, хотя и небольших партизанских, повстанческих групп донских казаков. Власти требовалось замирение для хозяйственного восстановления и стабилизации политической обстановки, в том числе, и для массового возвращения репатриантов. И здесь нельзя не учитывать внешнее давление на страну, вспомним, хотя бы опасную «военную тревогу 1927 г.», когда едва не разразилась война с Англией.

К концу 1920-х гг. после достижения в Советской России относительной политической и экономической стабилизации И. В. Сталин формулирует леворадикальную концепцию «великого перелома», изложенную в практически одноименной статье «Год великого перелома. К XII годовщине Октября», опубликованной в газете «Правда» (№ 259 от 7 ноября 1929 г.). В ней нет ни одного упоминания о казачестве, если не считать общей фразы «все силы старого мира», но для казачества это означало развёртывание нового вала массовых репрессий, хотя, подчеркнём, они осуществлялись в рамках общего административно-политического наступления партии большевиков на доколхозную деревню. Начинается «подавление оппозиции среди казачества путём раскулачивания и борьбы с «вредителями», саботажниками хлебозаготовок в 1929–1936 гг.» [13, с. 283]. Хотя, если быть объективным исследователем, то до 1931 г. советская власть не прекращала попыток вовлечь казаков в органы местного управления, но это не мешало ей осуществлять репрессивные акты [19, с. 267–269].

Итак, рассказывание в историческом отношении представляет собой длительный процесс, истоки которого можно искать в переселенческой

политике Российского государства, в его борьбе с казачьей самостоятельностью (например, при подавлении восстания К. А. Булавина) и во многих других исторических сюжетах. Причём, основной формой рассказывания выступает ликвидация сословных черт, прав и привилегий, ибо в России казачество сложилось в качестве одного из ключевых неподатных сословий. Наименее мягкой и не особо отторгаемой формой рассказывания в России являлось показывание части других групп населения в разные периоды истории. Не следует забывать о постоянном процессе внутрисословного рассказывания, обострявшегося в кризисных ситуациях. Не избежала казачья общность и саморассказывания, когда добровольно часть казаков разрывала свои сословные узы и вливалась в иные социальные группы. Наиболее сложной, дискуссионной формой сегодня остаётся репрессивное рассказывание, но оно не сводится исключительно к советским репрессивным практикам, и это не умаляет трагизма даты 24 января 1919 г. Поэтому мы стремились привести максимально возможный перечень конкретных имён, лично причастных к проведению репрессий. С другой стороны, подсчёт количества жертв репрессий не имеет однозначных итогов и подвержен значительному влиянию политической конъюнктуры. Однако наиболее болезненно самими казаками воспринимается этническое рассказывание, когда отрицаются их этнические корни, что подстёгивает эмоциональный публичный акционизм. Призывая к архивзвешенным подходам в категориально-понятийном осмыслении рассказывания, отстаивая концепт казачества как субэтнической группы русского народа, мы рассчитываем на продолжение открытой научной дискуссии по одной из наиболее коллизийных исторических проблем.

Источники и литература

1. Боранова Г. Н. Лагерь смерти. Азов в годы Гражданской войны // Донской временник. Год 2009-й. Ростов-на-Дону, 2008. Вып. 18. С. 84–86.
2. Венков А. В. Геноцид, голодомор и другие ужасы в истории «казацкого народа» // Новое прошлое. 2018. № 1. С. 275–290.
3. Голуб П. А. Правда и ложь о «рассказывании»: Беседа с обозревателем газеты «Правда» В. Кожемяко // Правда. 2009. 18–21 сентября, № 105 (29447); 25–28 сентября, № 106 (29448).
4. Гомзякова Н. Н. Традиции кубанского казачества в военно-патриотическом воспитании защитников Отечества: середина XIX – начало XX века: дис. ... канд. педагогич. наук. Воронеж, 2006. 186 с.
5. Грищенко А. Н. Антибольшевистское повстанческое движение в Донской области в 1920–1922 годах: дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2009. 229 с.
6. Декреты советской власти. Том 2: 17 марта – 10 июля 1918 г. М.: Политиздат, 1959. 698 с.
7. Декреты Советской власти. Том 3: 11 июля – 9 ноября 1918 г. М.: Политиздат, 1964. 676 с.
8. Казачество России: историко-правовой аспект: документы, факты, комментарии 1917–1940 гг. / [Сост., вступ. ст., предисл., примеч. Н.Ф. Бугая, А.М. Гонова]. Нальчик: Эль-Фа, 1999. 327 с.
9. Кирсанов Е. И. Слава и трагедия Новочеркасска (История казачьей столицы). Т. I. Каменоломни: Сервис-связь, 2005. 736 с.
10. Кобзов В. С. Революция и гражданская война на Южном Урале глазами казачества // Урал в событиях 1917–1921 гг. Актуальные проблемы изучения (к 80-летию прекращения активных боевых действий на Урале): Материалы регион. науч. семинара 24–25 апреля 1999 г. Челябинск, 1999. С. 162–177.
11. Кузнецов В. А. Военно-патриотическое воспитание в Оренбургском казачьем войске: дис. ... канд. ист. наук. Челябинск. 2000. 202 с.
12. Ленин В. И. Письма. Октябрь 1917 – июнь 1919 // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Политиздат, 1970. Т. 50. 623 с.

13. Матишов Г. Г. Донские казаки: от опоры самодержавия до жертв большевизма. На пути к возрождению. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2022. 528 с.
14. На страже Отечества: документы, воспоминания, очерки, посвященные 80-летию управления Федеральной службы безопасности России по Ростовской области. Ростов-на-Дону: Юг, 1998. 284 с.
15. Об усилении обороны Кавказской линии посредством обращения в сословие линейных казаков жителей некоторых ближайших казённых селений // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. 7. 1832. СПб.: Типография II Отделения Собственной его Императорского Величества Канцелярии, 1835. Ст. 5796.
16. Перехов Я. А. Власть и казачество: поиск согласия (1920–1926 гг.). Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1997. 178 с.
17. Ратушняк О. В. Казачье зарубежье как социально-исторический феномен: образование, структура, проблемы общественно-политической социально-экономической и культурной жизни (1920–1960-е гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Краснодар, 2017. 533 с.
18. Решетников Л. П. Вернуться в Россию. Третий путь, или тупики безнадёжности. М.: ФИВ, 2014. 232 с.
19. Скорик А. П. Казачество Юга России в 30-е годы XX века: исторические коллизии и опыт преобразований: дис. ... д-ра ист. наук. Ставрополь, 2009. 540 с.
20. Скорик А. П. Расказачивание как политика и социальный процесс на Дону в 1920-е годы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24, № 4. С. 102–113.
21. Скорик А. П., Ревин И. А. Православный храм в исторической событийности донской станицы Каменской // История в подробностях. 2011. № 6 (12) (июнь). С. 76–81.
22. Сборник узаконений и распоряжений Правительства Всевеликого Войска Донского. Хронологический указатель. Текст законов Российского Временного Правительства, восстановленных Правительством Донским. Вып. 1-й, разрешённый Донским Атаманом / Сост.: В. Альбов и В. Никитин. Новочеркасск: Типография издательства «Время», 1918. 52 с.
23. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. № 24. 6 апреля 1920 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. М.: б.и., 1943. 818 с.
24. Толстой Л. Н. Записная книжка № 4, 1865–1872 гг. Запись от 2 апреля 1870 г. // Полн. собр. соч. в 90 т. Т. 48. М.: Гослитиздат, 1952. С. 123–124.
25. Циркулярное письмо Оргбюро ЦК РКП (б) «Об отношении к казакам» 24 января 1919 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 176–178.
26. Шадрин А. В. Репрессии против православного духовенства в период коллективизации на территории современной Ростовской области // Научная мысль Кавказа. 2020. № 1 (101). С. 64–71.
27. Шамбаров В. Е. Белогвардейщина. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. 640 с.
28. Krinko E., Skorik A., Shadrina A. The Don and Kuban Regions during Famine: The Authorities, the Cossacks, and the Church in the 1921–1922 and 1932–1933 // Nationalities Papers (Edition of the University of Cambridge). 2020. Т. 48. № 3. С. 569–584. (На английском языке).

References

1. Boranova G. N. Lager' smerti. Azov v gody Grazhdanskoy voyny (Death camp. Azov during the Civil War) // Donskoy Vremennik. Year 2009. Rostov-on-Don, 2008. Issue. 18. P. 84–86. (In Russian).
2. Venkov A. V. Genotsid, golodomor i drugie uzhasy v istorii «kazatskogo naroda» (Genocide, famine and other horrors in the history of the «Cossack people») // Novoye proshloye (New past). 2018. No. 1. P. 275–290. (In Russian).
3. Golub P. A. Pravda i lozh' o «raskazachivanii»: Beseda s obozrevatelem gazety «Pravda» V. Kozhemyako (Truth and Lies about «Decossacking»: A Conversation with a Pravda Columnist V. Kozhemyako) // Pravda. 2009. September 18–21, No. 105 (29447); September 25–28, No. 106 (29448). (In Russian).
4. Gomzyakova N. N. Traditsii kubanskogo kazachestva v voyenno-patrioticheskom vospitanii zashchitnikov Otechestva: seredina XIX – nachalo XX veka (Traditions of the Kuban Cossacks in the military-patriotic education of the defenders of the Fatherland: the middle of the 19th – the beginning of the 20th century): thesis. Voronezh, 2006. 186 p. (In Russian).
5. Grishchenko A. N. Antibol'shevistskoye povstancheskoye dvizheniye v Donskoy oblasti v 1920–1922 godakh (Anti-Bolshevik insurrectionary movement in the Don region in 1920–1922): thesis. Rostov-on-Don, 2009. 229 p. (In Russian).
6. Dekrety sovetskoj vlasti (Decrees of the Soviet power). Volume 2: March 17 – July 10, 1918. Moscow: Politizdat, 1959. 698 p. (In Russian).
7. Dekrety sovetskoj vlasti (Decrees of the Soviet power). Volume 3: July 11 – November 9, 1918. Moscow: Politizdat, 1964. 676 p. (In Russian).
8. Kazachestvo Rossii: istoriko-pravovoy aspekt: dokumenty, fakty, kommentarii 1917–1940 gg. (Cossacks of Russia: historical and legal aspect: documents, facts, comments 1917–1940) / [Compilation, introductory article, preface, notes N.F. Bugai, A.M. Gonov]. Nalchik: El-Fa, 1999. 327 p. (In Russian).
9. Kirsanov Ye. I. Slava i tragediya Novocheerkasska (Istoriya kazach'ey stolitsy). (Glory and tragedy of Novocheerkassk (History of the Cossack capital). T. I. Kamenolomni: Service Communication, 2005. 736 p. (In Russian).
10. Kobzov V. S. Revolyutsiya i grazhdanskaya voyna na Yuzhnom Urale glazami kazachestva (Revolution and civil war in the Southern Urals through the eyes of the Cossacks) // Ural in the events of 1917–1921. Actual problems of study (on the 80th anniversary of the cessation of active hostilities in the Urals): Materials of the regional scientific seminar. April 24–25, 1999. Chelyabinsk, 1999. P. 162–177. (In Russian).
11. Kuznetsov V. A. Voenno-patrioticheskoye vospitaniye v Orenburgskom kazach'yem voyske (Military-patriotic education in the Orenburg Cossack army): thesis. Chelyabinsk. 2000. 202 p. (In Russian).
12. Lenin V. I. Pis'ma. Oktyabr' 1917 – iyun' 1919 (Letters. October 1917 – June 1919) // Full composition of writings. 5th ed. M.: Politizdat, 1970. Т. 50. 623 p. (In Russian).

13. Matishov G. G. Donskiye kazaki: ot opory samoderzhaviya do zhertv bol'shevizma. Na puti k vozrozhdeniyu (Don Cossacks: from the support of the autocracy to the victims of Bolshevism. On the road to revival). Rostov-on-Don: Publishing House of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2022. 528 p. (In Russian).
14. Na strazhe Otechestva: dokumenty, vospominaniya, ocherki, posvyashchennyye 80-letiyu upravleniya Federal'noy sluzhby bezopasnosti Rossii po Rostovskoy oblasti (On guard of the Fatherland: documents, memoirs, essays dedicated to the 80th anniversary of the administration of the Federal Security Service of Russia in the Rostov region). Rostov-on-Don: Yug, 1998. 284 p. (In Russian).
15. Ob usilenii oborony Kavkazskoy linii posredstvom obrashcheniya v sosloviye lineynykh kazakov zhitel'ey nekotorykh blizhayshikh kazonnykh seleniy (On strengthening the defense of the Caucasian line through the conversion of residents of some nearby state-owned villages to the class of linear Cossacks) // Complete collection of laws of the Russian Empire. Sobr. 2nd. T. 7. 1832. St. Petersburg: Printing House of the II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1835. Article 5796. (In Russian).
16. Perekhov YA. A. Vlast' i kazachestvo: poisk soglasiya (1920–1926 gg.) (Power and the Cossacks: the search for consent (1920–1926)). Rostov-on-Don: Rostov State University Press, 1997. 178 p. (In Russian).
17. Ratushnyak O. V. Kazach'ye zarubezh'ye kak sotsial'no-istoricheskiy fenomen: obrazovaniye, struktura, problemy obshchestvenno-politicheskoy sotsial'no-ekonomicheskoy i kul'turnoy zhizni (1920–1960-ye gg.) (Cossack Abroad as a Socio-Historical Phenomenon: Education, Structure, Problems of Socio-Political, Socio-Economic and Cultural Life (1920–1960s): thesis. Krasnodar, 2017. 533 p. (In Russian).
18. Reshetnikov L. P. Vernut'sya v Rossiyu. Tretiy put', ili tupiki beznadozhnosti (Return to Russia. The third way, or dead ends of hopelessness). Moscow: FIV, 2014. 232 p. (In Russian).
19. Skorik A. P. Kazachestvo Yuga Rossii v 30-ye gody XX veka: istoricheskiye kollizii i opyt preobrazovaniya (Cossacks of the South of Russia in the 30s of the XX century: historical collisions and experience of transformations): thesis. Stavropol, 2009. 540 p. (In Russian).
20. Skorik A. P. Raskazachivaniye kak politika i sotsial'nyy protsess na Donu v 1920-ye gody (Decossackization as a policy and social process on the Don in the 1920s) // Bulletin of the Volgograd State University. Series 4. History. Regional studies. International relationships. 2019. Vol. 24, No. 4. P. 102–113. (In Russian).
21. Skorik A. P., Revin I. A. Pravoslavnyy khram v istoricheskoy sobytynosti donskoy stanitsy Kamenskoy (Orthodox Church in the historical eventfulness of the Don village of Kamenskaya) // History in detail. 2011. No. 6 (12) (June). P. 76–81. (In Russian).
22. Sbornik uzakoneniya i rasporyazheniya Pravitel'stva Vsevelikogo Voyska Donskogo. Khronologicheskii ukazatel'. Tekst zakonov Rossiyskogo Vremennogo Pravitel'stva, vosstanovlennykh Pravitel'stvom Donskim. Vyp. 1-y, razreshonny Donskim Atamanom (Collection of legalizations and orders of the Government of the Great Don Army. Chronological index. The text of the laws of the Russian Provisional Government, restored by the Government of the Don. Issue. 1st, permitted by the Don Ataman) / Compilers: V. Albov and V. Nikitin. Novochoerkassk: Printing house of the Vremya publishing house, 1918. 52 p. (In Russian).
23. Sobraniye uzakoneniya i rasporyazheniya rabochego i krest'yanskogo pravitel'stva. № 24. 6 aprelya 1920 g. (Collection of legalizations and orders of the workers' and peasants' government. No. 24. April 6, 1920) // Collection of legalizations and government orders for 1920. Moscow: [Without a publisher], 1943. 818 p. (In Russian).
24. Tolstoy L. N. Zapisnaya knizhka № 4, 1865–1872 gg. Zapis' ot 2 aprelya 1870 g. (Notebook No. 4, 1865–1872. Record dated April 2, 1870) // Complete works in 90 volumes. Moscow: Goslitizdat, 1952. T. 48. P. 123–124. (In Russian).
25. Tsirkulyarnoye pis'mo Orgbyuro TSK RKP (b) «Ob otnoshenii k kazakam» 24 yanvarya 1919 g. (Circular Letter of the Organizing Bureau of the Central Committee of the Russian Communist Party (Bolsheviks) «On the attitude towards the Cossacks» January 24, 1919) // News of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union. 1989. No. 6. P. 176–178. (In Russian).
26. Shadrina A. V. Repressii protiv pravoslavnoy dukhovenstva v period kollektivizatsii na territorii sovremennoy Rostovskoy oblasti (Repressions against the Orthodox clergy during the period of collectivization on the territory of the modern Rostov region) // Scientific Thought of the Caucasus. 2020. No. 1 (101). P. 64–71. (In Russian).
27. Shambarov V. Ye. Belogvardeyshchina (White Guard). Moscow: EKSMO-Press, 2002. 640 p. (In Russian).
28. Krinko Ye. F., Skorik A. P., Shadrina A. V. Donskiy i Kubanskiy regiony vo vremya goloda: vlast', kazaki i tserkov' v 1921–1922 i 1932–1933 godakh (The Don and Kuban Regions during Famine: The Authorities, the Cossacks, and the Church in the 1921–1922 and 1932–1933) // Nationalities Papers (Edition of the University of Cambridge). 2020. T. 48. № 3. C. 569–584. (In English).

Сведения об авторе

Скорик Александр Павлович – доктор исторических наук, доктор философских наук, профессор кафедры социальных и гуманитарных наук, директор научно-исследовательского института истории казачества и развития казачьих регионов Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова / s_a_p@mail.ru
 Адрес: 346428, д. 132, ул. Просвещения, Новочеркасск, Российская Федерация.

Information about the author

Skorik Alexander – Doctor of Science (History), Doctor of Science (Philosophy), Professor of Social and Human Sciences, Director of the Research Institute of the History of the Cossacks and the Development of Cossack Regions, South-Russian State Polytechnic University (Novochoerkassk Polytechnical Institute) (Novochoerkassk) / s_a_p@mail.ru
 The address: 346428, 132, Prosveshenia st., Novochoerkassk, the Russian Federation.

УДК 94(38).09

<http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.3.10>

С. В. Телепень

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ НАМЕСТНИКИ В СИСТЕМЕ ВОЕННОГО КОМАНДОВАНИЯ РАННЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

В статье анализируется положение провинциальных наместников сенатских и императорских провинций в период принципата, выступающих здесь в качестве военачальников высшего ранга. На основании анализа главным образом нарративных и эпиграфических источников делается вывод об определяющем значении аристократических традиций военного лидерства в осуществлении полководческих функций наместниками обеих категорий. Указанные традиции сложились еще в ту эпоху, когда понятие *provincia* имело всеобъемлющий смысл в качестве определения и юридической сферы, и географической зоны, в пределах которых наместник пользовался своим *imperium*'ом. Однако, как показывают источники, полномочия наместников поэтапно ограничивались, а возможности реализации полководческих амбиций попадали под всё больший контроль императора. В этой ситуации только стереотипы коллективного сознания римского нобилитета могли обеспечить сохранение наместниками обоих разрядов полководческой активности, продолжавшей и в период принципата характеризовать цивилизационное своеобразие римского общества и государства. Неотъемлемой частью данного своеобразия была очевидная децентрализация военного командования. Положение военного вождя во все периоды было чрезвычайно значимым в системе римских ценностей. В сочетании с корпоративным духом римской аристократии, сформировавшимся в период Республики, полномочия провинциального наместника не могли быть в одночасье низведены до

уровня исполнителя приказов вышестоящего командира. Источники показывают, что значительную автономию в принятии решений в период принципата сохраняли даже императорские легаты. Их стремление к такой самостоятельности обнаруживается на протяжении всего периода ранней Империи. Объяснять это лишь фактом удаленности провинций и своеобразия местных условий не представляется возможным. Явочным порядком под властью императоров в период ранней Империи продолжали жить республиканские практики, предполагавшие такую систему командования, при которой империй был реальным источником высшей власти, распределявшей относительно равномерно среди всех обладателей империя. Вывод, к которому мы приходим, заключается в том, что провинциальные наместники в системе военного командования ранней Римской империи выступают как фактически автономные военачальники, иногда реализовавшие свои лидерские амбиции вопреки официальному статусу императорских порученцев.

Ключевые слова: принципат, императорская власть, провинции, военное командование, аристократия, прокураторы, легаты.

Для цитирования: Телепень С. В. Провинциальные наместники в системе военного командования ранней Римской империи // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (3). С. 448–454. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.3.10

Sergey V. Telepen

PROVINCIAL GOVERNORS IN THE MILITARY COMMAND SYSTEM OF THE EARLY ROMAN EMPIRE

The article analyzes the position of the provincial governors of the senatorial and imperial provinces during the period of the Principate, acting here as military leaders of the highest rank. Based on the analysis of mainly narrative and epigraphic sources, a conclusion is made about the decisive importance of the aristocratic traditions of military leadership in the performance of military functions by governors of both categories. These traditions developed back in the era when the concept of *provincia* had a comprehensive meaning as a definition of both the legal sphere and the geographical area within which the governor used his *imperium*. However, as sources show, the powers of the governors were gradually limited, and the possibility of realizing military ambitions fell under the increasing control of the emperor. In this situation, only the stereotypes of the collective consciousness of the Roman nobility could ensure the preservation by the governors of both categories of military activity, which continued to

characterize the civilizational originality of Roman society and the state even during the Principate. An integral part of this originality was the obvious decentralization of military command. The position of the military leader in all periods was extremely significant in the system of Roman values. In combination with the corporative spirit of the Roman aristocracy, which was formed during the period of the Republic, the powers of the provincial governor could not be reduced overnight to the level of an executor of orders of a higher commander. Sources show that even the imperial legates retained considerable autonomy in decision-making during the period of the Principate. Their desire for such independence is found throughout the entire period of the early Empire. It is not possible to explain this only by the fact of the remoteness of the provinces and the peculiarity of local conditions. In the period of the early Empire, republican practices continued to live under the authority of the emperors, assuming such a system of command,

in which the empire was a real source of supreme power, distributed relatively evenly among all the owners of the empire. The conclusion we come to is that the provincial governors in the military command system of the early Roman Empire act as virtually autonomous military leaders, sometimes realizing their leadership ambitions in spite of the official status of imperial commissioners.

Полномочия военачальника высшего ранга были важнейшей характеристикой провинциального наместника на протяжении всей истории римской средиземноморской державы вплоть до начала эпохи домината. Тем не менее в 27 г. до н.э. император Цезарь Август, приступив к построению военно-монархической системы, известной как принципат, разделил провинций на сенаторские и императорские. В результате было введено положение, когда большинство провинций оказалось лишено сколько-нибудь значительных воинских контингентов, перейдя в разряд «мирных». Из десяти сенаторских провинций, оставленных Августом под сенатским управлением и управлявшихся проконсулами (Strabo XVII. 3. 25; Dio LIII. 12. 2–9), только в Африке, Иллирике и Македонии вначале имелись военные силы, позволявшие наместникам вести здесь относительно масштабные кампании. Иначе говоря, возможность осуществления проконсулом функций военачальника до поры обеспечивалась наместничеством в одной из трех названных провинций. Большинство же наместников сенаторских провинций отныне были лишены такой возможности, а значит перспектив получить триумф. Говоря о мотивах, которыми руководствовался Август, когда вводил данное положение, М.И. Ростовцев пишет: «О том, чтобы снова отдать войско сенату, не могло быть и речи. Такая попытка привела бы только новой гражданской войне... У Августа не было иного выхода, как только оставить командование за собой, не допуская никого другого к разделению этого права» [3, с. 54].

Для себя император оставил наиболее значимые в военном отношении приграничные провинции, в которых сосредотачивались абсолютное большинство легионов. Страбон и Дион Кассий в вышеуказанных местах своих сочинений отмечают, что Август взял под свое управление именно те части римской державы, которые являлись регионами наибольшей военной активности и служили щитом по отношению ко всей империи. Однако, не имея возможности присутствовать одновременно всюду, император должен был назначать своего рода заместителей – *legati Augusti propraetores*, которые управляли императорскими провинциями и командовали стоявшими здесь войсками от имени самого Августа. Эти легаты могут рассматриваться в качестве настоящих военачальников, командовавших легионами и вспомогательными войсками в масштабных наступательных и оборонительных кампаниях. Многие из наместников,

Key words: Principate, imperial power, provinces, military command, aristocracy, procurators, legates.

For citation: Telepen S. V. Provincial governors in the military command system of the early Roman Empire // Humanities and law research. 2022. V. 9 (3). P. 448–454. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.3.10

являвшихся императорскими легатами, особенно в стратегически наиболее значимых рейнских и дунайских провинциях, как и в весьма удаленных, но опять-таки важных в военном отношении Британии или Сирии, мог ожидать, что ему будет предоставлена возможность проявить себя полководцем, пусть и действующим от имени императора. Данные эпиграфики, т.е. посвященные надписи, оставленные многими из представителей римской знати, дают нам основания предполагать, что наместничество в таких провинциях имело большое значение в качестве сферы приложения полководческих устремлений императорских назначенцев. В надписях такого рода отражено стремление императорских легатов определить себя в качестве успешных военных вождей. Например, Попилий Кар в официальной надписи (около 150 г.) сообщает о себе: «Легат в ранге пропретора Верхней Германии и командующий находящимися там войсками» (ILS 1071), а императорский легат Нумидии в 123 г. просто называет себя командиром III-го Августова легиона (ILS 1053). Тацит, в свою очередь, использует иносказание – он сообщает о командовании Паулином Помпеем и Луцием Ветером стоящими на Рейне легионами, тем самым указывая на то, что они были здесь наместниками императорских провинций (Tac. Ann. XIII. 53). Разумеется, в случае необходимости проведения крупной военной кампании, главным образом наступательного характера, Август обычно направлял кого-либо из членов своей фамилии, тем не менее последующие императоры посылали в таких случаях уже не только кого-либо их императорской семьи, но и своих *legati propraetores* (Dio LXII. 7. 1, 20. 2–4; SHA Ant. Pius V. 4–5, Marc. VIII. 6–10; Joseph. AJ XVIII. 8. 2). Впрочем, для наместников данного ранга существенно более обычными были оборонительные кампании, которые велись по преимуществу по периметру наиболее опасных границ, т.е. на Рейне и Дунае (Tac. Ann. XI. 18, XII. 27, Hist. I. 79, IV. 54; Dio LIV. 20. 3–5; SHA Hadr. III. 9–10, Marc. XII. 13–14, XVII. 1–3, XX. 6, XXI. 7 – XXII. 2). О дунайских провинциях Б. Кэмпбелл пишет, как о наиболее значимых в военном отношении [6, p. 26]. Это, конечно, создавало угрозу узурпации со стороны наместников, командовавших расквартированными на Дунае весьма крупными военными силами. Так, например, в 193 г. Септимий Север, являвшийся здесь наместником и, соответственно, командиром легионов, смог поднять военный мятеж и в итоге стать императором

[8, с. 33–39]. С другой стороны, и в придунайских провинциях императорская власть по крайней мере до конца II в. была достаточно прочной [1, с. 36].

Южные и восточные рубежи империи также предоставляли императорским легатам значительный простор для проявления своих полководческих полномочий и качеств. Находившиеся под верховным командованием императора Нумидия, Египет, Испания Сирия регулярно подвергались вторжениям и набегам (ILS 1194; Strabo XVII; Dio LIX. 27. 2–3, LX. 9. 1; SHA Marc. VIII. 6, IX. 1, XII. 13). Честолюбивые легаты могли использовать эти вторжения в качестве повода для своих ответных экспедиций. Так, префект Египта, формально являвшийся не более чем императорским порученцем всаднического достоинства, контрактавал эфиопов, совершивших набег на эту провинцию (Dio LIV. 5. 4). Также и легат Испании преследовал вторгшихся было на Пиренейский полуостров мавров (Dio LX. 9. 1).

Разумеется, обязанности военачальников, осуществлявшиеся наместниками провинций, не сводились к проведению одних лишь военных кампаний. Помимо командования легионами в наступательных и оборонительных действиях наместники, особенно императорские легаты, которые отвечали за ситуацию в приграничных провинциях, посвящали значительную часть времени наблюдению за строительством военных объектов. Об императорских легатах известно, что те строили или восстанавливали военные лагеря (AE 1905. 212, 1909. 73, 1954. 137, 1999. 1266, 2001. 1689; CIL III. 5727, XIII 8260; ILS 2298, 9179), оборонительные стены и валы (AE 1954. 137, 1937. 152, 246; CIL X. 419; ILS 5337; RIB 1051) [см. также 10], форты (AE 1905. 114, 1906. 106, 1910. 145, 1952. 15, 1957. 279; CIL III. 3385; ILS 395, 5338), предмостные (на реках) укрепления (AE 1940. 170, 1941. 54), сторожевые башни (CIL VIII. 2495, 2495; ILS 2636, 5336), арсеналы (склады оружия) (AE 1901. 46; CIL XIII. 8824; ILS 9178) и тысячи километров дорог, имевших прежде всего военное значение (Tas. Ann. XI. 20; AE 1973. 543, 1997. 1495, 1496; CIL X. 8024; ILS 5828, 5829). Хотя многие из этих сооружений были построены либо отремонтированы формально от имени императора, легаты в своих официальных надписях указывали и свои имена, стремясь таким образом запечатлеть результаты своего пребывания в провинции и свой статус защитника римских границ.

С другой стороны, на наместниках, в частности императорских легатах, лежала обязанность непрерывно тренировать солдат, готовя их таким образом к будущим сражениям. Об этом достаточно красноречиво говорят папирусы, представляющие собой дошедшие до наших дней служебные документы (RMR 29, 98, 99). Более того, примерно с середины II в. наместники все чаще стали коман-

дировать отряды в рейды и дозоры, чтобы те в ходе своего патрулирования наблюдали ситуацию в наиболее значимых областях [5, p.282].

Разумеется, не все императорские легаты вели масштабные военные кампании. Некоторые добивались успеха, сочетая военные и условно дипломатические средства. Так, Тацит сообщает о ситуации на рейнской границе в 58 г.: «До этого времени на германской границе царило ничем не нарушаемое спокойствие, ибо оба полководца (т. е. наместники Верхней и Нижней Германии – С.Т.) надеялись поддержанием мира приобрести большую славу, нежели та, которую им могли бы доставить ставшие столь обыденною наградой триумфальные отличия» (Tas. Ann. XIII. 53 – пер. А. С. Бобовича). Тем не менее у таких, «миролюбивых», наместников были основания ожидать со стороны своих солдат определенного недовольства, так как воины стремились если не к славе и карьерным перспективам, то к добыче (Tas. Hist. I. 56, II. 36, III. 50, IV. 24). Впрочем, следует отметить, что в рассказе Тацита воинственные наместники, активно применявшие военную силу, присутствуют гораздо чаще. Императорские легаты зачастую буквально рвутся к тому, чтобы командовать войском и, соответственно, получать отличия за полководческие успехи (Tas. Agr. XIV, XVI–XVIII; Ann. III. 39, IV. 46, XI. 18, XII. 27–28; Hist. I. 79, IV. 54.), они собирают войска при необходимости подавить восстание в провинции (Tas. Ann. III. 41, 73) и спорят между собой о верховном командовании при проведении совместных кампаний (Tas. Ann. III. 42, 46). Тот факт, что такие полководцы из числа легатов имели только делегированный *imperium* (по этой причине формально они не могли претендовать на триумф и другие традиционные для полководцев республиканского времени отличия), кажется, сдерживал их стремление к командованию войсками лишь в самой малой степени. Все это вполне согласуется с высказываемой А.П. Смышляевым мыслью о сохранении наместниками периода ранней Римской империи самосознания и традиций аристократии времен Республики [4, с. 68, 71].

В ином положении находились наместники, назначавшиеся сенатом. Если императорские провинции являлись наиболее важными в военном отношении, то большинство сенаторских провинций были «мирными» и, соответственно, в большинстве случаев имели мало военных ресурсов и вообще возможностей для обеспечения их главам триумфальных украшений. К. Крист полагает, что общее количество находившихся в сенаторских провинциях легионов не превышало четырех [2, с. 534]. То есть проконсулы в период принципата, хотя и были наделены тем же самым империем, что и республиканские проконсулы, довольно редко имели возможность реализовать в качестве полководца. Но именно потому про-

консулы, в распоряжении которых войско все-таки имелось, стремились к использованию любой возможности для самостоятельного ведения собственной кампании. В своей надписи 19 г. н.э. наместник Иллирии сообщает, что он был первым, кто переправился через Дунай (ILS 8965), а два проконсула Македонии (Лициний Красс и Прим) были столь инициативны в военном отношении, что их действия, как сообщает Дион Кассий, стала основой для беспокойства самого Августа (Dio LI. 23–25, LIV. 3. 2).

Провинция Африка, находившаяся в ведении сената, была значима не только в качестве региона, где находились относительно крупные военные силы, но также являлась последним ресурсом назначения триумфа и провозглашения *imperator*’ом тех военачальников, которые не принадлежали к императорской фамилии. Согласно триумфальным фастам, можно заключить, что Корнелий Бальб, добившийся в качестве проконсула Африки военной победы, стал последним из тех, кто не будучи членом императорской семьи, удостоился в 19 г. до н.э. триумфа [7, p.36]. В свою очередь Юний Блез, последний из сенаторов, кто был провозглашен своими солдатами как *imperator*, добился этого почетного республиканского звания в качестве наместника Африки (Тас. Анн. III. 74). Иначе говоря, те проконсулы, которые в источниках фиксируются в качестве активных военных предводителей, продолжали искать традиционных почестей и отличий, хотя бы таковые в императорское время и стали для большинства аристократов существенно менее достижимыми. И это при том, что подобная полководческая амбициозность перманентным образом проявлялась в условиях, когда претензии такого рода грозили немилостью со стороны императора. Сила аристократических традиций была такова, что искание триумфов, прозвищ и отличий оставались, вероятно, таким же мощным стимулом для любого представителя римской знати, как и во времена Республики.

Вместе с тем, некоторые наместники из числа проконсулов как бы переносили свой полководческий авторитет на императора. Например, согласно Тациту, проконсул Африки Луций Априоний награждал некоего воина «ожерельем и почетным копьем. Цезарь (т.е. император Тиберий – С. Т.) пожаловал ему (этому воину – С.Т.), сверх того, гражданский венец, скорее сетуя на слова, чем на самом деле досадуя, что Априоний не сделал этого своей проконсульской властью» (Тас. Анн. III. 21 – пер. А.С. Бобовича). О подобной практике сообщает и Светоний. Он пишет о Тиберии, что «консулярам-военачальникам он сделал выговор за то, что они не отчитались в своих делах пред сенатом, и за то, что они попросили его распределить награды их воинам, словно сами не имели на это права» (Suet. Tib. XXXII).

Возможности наместников проконсульского ранга к самореализации в качестве военачальников поэтапно уменьшались. К 11 г. до н.э. Иллирик был передан под императорский контроль (Dio LIV. 34. 5), к 6 г. н.э. Македония в качестве пограничной провинции была заменена императорскими Мезией и Фракией (Dio LV. 29. 3; Тас. Анн. IV. 5; Hist. I. 11), а в 39 г. н.э. III-й Августов легион был выведен из Африки, так как Калигула не доверял вновь назначенному наместнику, представителю знаменитого республиканского рода Кальпурний Пизону (Dio LIX.20. 7).

В свое время Р. Шерк доказал, что большинство наместников сенаторских провинций обычно сохраняли при себе несколько когорт солдат [12, p. 52–62; 13, p. 400–413]. Эти силы были совершенно недостаточны для ведения масштабных военных действий, так что любая серьезная внешняя угроза требовала вмешательства императора или его легатов. Так, когда в 10 г. до н.э. со стороны фракийцев возникла угроза для сенаторской провинции Азия, то против этих варваров был направлен Луций Пизон Понтифекс, легат императорской провинции Галатия (Vell. II. 98. 1–3).

Хотя проконсулы потеряли возможность командовать в крупных кампаниях, они тем не менее должны были поддерживать в своих провинциях мир и порядок. Вероятно, угроза таких выступлений в сенаторских провинциях была относительно небольшой, так как эти регионы были в основном замиренены. Подавление волнений лежало в большей мере на императорских легатах, которые часто должны были выполнять трудную задачу управления провинциями, в которых сохранялось недовольство римскими порядками. Восстания и мятежи были здесь чаще и наместники должны были быть готовы выступить против восставших с такой же решимостью, как они это делали против вторжений извне (Тас. Agr. XVI–XVIII; Анн. III.38, 40, VI.41, XIV.34, 39; Hist. V. 9; Dio LVI. 18. 1, LXVII. 4. 6, LXIX. 13. 1, LXXII. 4. 2; SHA Marc. VIII. 8, Comm. XIII. 5). В ходе управления своими провинциями, императорские легаты должны были следить за размещением и перемещением своих солдат и назначать им различные виды военной деятельности, сообразные с близостью их провинций к враждебным внешним силам. Квинтилий Вар, например, до своего трагического похода в Тевтобургский лес (9 г. н.э.) практиковал командирование отрядов своего войска на подавление разбойников, конвоирование обозов, охрану важных объектов (Dio LVI. 19. 1–2). Если же восстание происходило в провинции, в которой не было войск, наместник был обязан произвести набор рекрутов из местных жителей или обратиться за помощью к другому наместнику, располагавшему войсками. В 21 г. н.э. наместник Лугдунской Галлии, императорский легат, воспользовался солдатами своего коллеги

из Нижней Германии (Тас. Анн. III. 41), между тем прокуратор Иудеи часто вынужден был просить военной помощи у наместника Сирии (Joseph. BJ II. 3. 1, 5. 1, 10. 1–9, 18. 9).

Однако проконсулы, даже если исходить из того, что в сенаторских провинциях восстания были менее частыми, судя по всему, предпочитали использовать свои собственные небольшие военные ресурсы и подавлять восстания самостоятельно, но не обращаться за помощью других наместников. Практика императорских порученцев, т.е. легатов, похоже, им претила. Мы можем назвать, пожалуй, лишь одно такое обращение – наместника Британии, столкнувшегося с крупным восстанием в его провинции. Но и в этом случае наместник обратился непосредственно к самому императору, т.е. Септимию Северу (Herod. III. 14. 1). И другой пример – проконсул Ахайи и Македонии Поппей Сабин в 31–32 гг. н.э. без чьей-либо помощи справился с выступлением самозванца, выдававшего себя за Агиппу Постума (Тас. Анн. VI. 10). Таким же образом поступил и проконсул Африки в 44–45 гг., будущий император Гальба, которому пришлось «наводить порядок» в своей провинции, «неспокойной из-за внутренних раздоров и из-за восстания варваров» (Suet. Galb. VII – пер. М. Л. Гаспарова).

Если исходить из того, что и императорские легаты назначались из представителей высшей знати, то вполне объяснимо, что даже они предпочитали использовать местную милицию или заимствовать солдат у наместника соседней провинции, но не делиться полководческим авторитетом. Например, когда в 28 г. крупное восстание в Нижней Германии создало слишком большую опасность для находящегося здесь войска, то местный наместник в ранге императорского легата просто обратился к легату Верхней Германии с просьбой прислать некоторое количество легионеров и ауксилариев, но даже не подумал просить присутствия последнего (Тас. Анн. IV. 73). Такое упрямство в проявлении наместнической самостоятельности выглядит противоречащим задачам военной кооперации, но это демонстрирует то, что даже в критической ситуации наместники продолжали стремиться к самостоятельности в делах командования и нежелание делить свои полководческие полномочия с кем бы то ни было.

Обязанности по поддержанию порядка вооруженной рукой не сводились к борьбе с внешним врагом. Полицейский контроль здесь был частью той работы, которую наместник выполнял в качестве военного лидера провинции. Как проконсулы, так и императорские легаты, должны были контролировать криминогенную обстановку. Эта сфера ответственности наместников восходит ко временам Республики (Cic. Ep. ad. Qui. fr. I. 1. 25), но и позже это положение оставалось актуальным. В III в. н.э. Ульпиан по этому поводу написал сле-

дующее: «Хорошему и достойному президу (т. е. наместнику – С. Т.) надлежит заботиться о том, чтобы провинция, которой он управляет, была мирной и спокойной. Этого нетрудно будет добиться, если он постарается очистить провинцию от злонамеренных лиц и примет меры к их розыску. Ведь он должен отыскивать святотатцев, разбойников, похитителей людей, воров и карать их сообразно с виной каждого» (Dig. I. 18. 13 – пер. А. А. Смышляева и И. С. Перетерского). Вероятно, внимание наместника сосредотачивалось на подобных вопросах, когда речь шла по преимуществу об опасности, исходившей от больших групп *latrones*. Такие масштабные вспышки криминальных угроз, возможно, не были частыми, но регулярное появление указаний на них в источниках, доказывает, что полностью устранить организованный разбой было невозможно. Согласно Плинию Младшему, даже в самой Италии путешествие по удаленным районам было чревато встречей с грабителями и убийцами (Plin. Ep. VI. 25). Ответ наместника на угрозы такого рода зависел от наличия у него соответствующих ресурсов. Все наместники заботились о том, чтобы солдатские посты имелись во всех стратегически важных местах (особенно на перекрестках важнейших путей), где те могли выполнять полицейские функции (CIL VIII. 2494–2495; ILS 509, 2052). Тем не менее лишь те наместники, которые имели в своем подчинении легионы, могли предпринимать крупномасштабные действия против разбойников, контролировавших иногда целые области (Herod. I. 10. 2–3; Dio LVI. 19. 1–2; Strabo XVI. 2, 20). Б. Шоу обращает внимание на то, что победы над *latrones* даже легаты приграничных провинций не стеснялись указывать в своих официальных надписях [11, р. 12]. Наместники не имевших крупных воинских сил провинций могли набирать воинов и вообще специалистов, особо искусных в действиях против разбойников. Так, Фронтон, собираясь в провинцию Азия, чтобы управлять ею от имени императора, обратился за помощью к своему другу Юлию Сенексу, человеку, который имел репутацию того, кто умеет отслеживать разбойников (Fronto Ep. ad Ant. Pium VIII. 1).

Проконсулы, а также наместники тех императорских провинций, в которых не имелось войск, требовали от местных властей брать на себя обязанности по поддержанию порядка на местах, с чем, по мнению Ф. Миллара, те в целом справлялись [9, р. 320–321]. Несмотря на делегирование этих обязанностей местным властям, наместники относились к борьбе с разбоем серьезно – они персонально контролировали назначение иренархов, выполнявших функции местных полицейских [13, р. 410]. Помимо того, поскольку наместник располагал довольно большой личной охраной, состоявшей из нескольких когорт, он мог использовать эти силы, чтобы проводить прямые

действия против *latrones*, где это было необходимо, привлекая также местное ополчение. Так, Дидий Юлиан в качестве легата Бельгики навел порядок в своей провинции силами не только своей охраны, но и набранной здесь же милиции (SHA Did. Jul. I. 7). Фад, прокуратор Иудеи между в 44–45 г. н.э., не только предпринял прямые вооруженные действия, чтобы прекратить бурную ссору между двумя деревнями, но также взял на себя очищение всей провинции от банд грабителей и убийц (Joseph. AJ XX. 1. 1). Таким образом, уровень полицейской активности, проявляющийся наместником, зависел от персональных склонностей наместника, возникавшей необходимости, а также от факта наличия ресурсов в его распоряжении.

Таким образом, в полководческой деятельности наместников, как проконсулов, так и императорских легатов, прослеживаются признаки республиканских аристократических традиций. Эти традиции, очевидно, сложились еще в ту эпоху, когда понятие *provincia* имело всеобъемлющий смысл в качестве определения и юридической сферы, и географической зоны, в пределах которых наместник пользовался своим *imperium*’ом. Однако очевидно, что условия в период принципата принципиально изменились. Прежние полномочия наместников поэтапно ограничиваются, а возможности реализации полководческих амбиций попадают под все больший контроль императора. В этой ситуации только стереотипы коллективного сознания римского нобилитета могли обеспечить сохранение наместниками обоих рядов полководческой активности, продолжавшей и в период принципата характеризовать ци-

вильзационное своеобразие римского общества и государства. Неотъемлемой частью данного своеобразия была очевидная децентрализация военного командования. Положение военного вождя было вообще чрезвычайно значимым в системе римских традиционных ценностей. В сочетании с корпоративным духом римской аристократии, сформировавшимся в период Республики, полномочия провинциального наместника не могли быть в одночасье низведены до уровня исполнителя приказов вышестоящего командира. Значительную автономию в принятии решений в период принципата сохраняли даже императорские легаты. Во всяком случае, их стремление к такой самостоятельности обнаруживается на протяжении всего периода ранней Империи. Объяснять это лишь фактом удаленности провинций и своеобразия местных условий, вероятно, было бы опрометчиво. Достаточно сравнить это с той системой, которая установилась в период домината и характеризовалась тенденцией к централизации. Очевидно, что явочным порядком под властью императоров в период ранней Империи продолжали жить республиканские практики, предполагавшие такую систему командования, при которой империй был реальным источником высшей власти, распределявшей относительно равномерно среди всех обладателей, империя. В этой связи провинциальные наместники в системе военного командования ранней Римской империи выступают как фактически автономные военачальники, иногда реализовавшие свои полководческие амбиции даже вопреки официальному статусу императорских порученцев.

Источники и литература

1. Колосовская Ю. К. Римский наместник и его роль во внешнеполитической истории Дакии // ВДИ. 1988. №4. С.20–36.
2. Крист К. История времен римских императоров от Августа до Константина / пер с нем.: в 2 т. Т.1. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. 576 с.
3. Ростовцев М. И. Общество и хозяйство в Римской империи: В 2 т. Т.1. / пер. с нем. СПб.: Наука, 2000. 400 с.
4. Смышляев А. Л. Римский наместник в провинциальном городе: стиль управления в эпоху принципата // *Jus antiquum*. Древнее право. № 17. С. 65–72.
5. The Cambridge Ancient History. The High Empire, A. D. 70–192. 2-nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. Vol. XI. xxi, 1161 p.
6. Campbell J. B. Who Were the «Viri Militares»? // The Journal of Roman Studies. 1975. Vol. 65. P.11–31.
7. Documents Illustrating the Reigns of Augustus and Tiberius / Collected by V. Ehrenberg and A.H.M. Jones. 2-nd (enlarged) ed. Oxford: Oxford University Press, 1955. xii, 171 p.
8. Kotula T. Septymiusz Sewerus: Cezarz z Lepcis Magna. Wroclaw: Ossolineum, 1987. 188 s.
9. Millar F. Rome, the Greek World, and the East. Vol. 2 Government, Society, and Culture in the Roman Empire. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2004. xxix, 470 p.
10. Mitchell S. Imperial Bulding in the Eastern Provinces // Harvard Studies in Classical Philology. 1987. Vol.91. P.333–365.
11. Shaw B.D. Bandits in the Roman Empire // Past and Present. 1984. No.105. P.3–52.
12. Sherk R.K. Roman Imperial Troops in Macedonia and Achaëa // The American Journal of Philology. 1957. Vol. 78 (1). P. 52–62.
13. Sherk R.K. The Inermes Provinciae of Asia Minor // The American Journal of Philology. 1955. Vol. 76 (4). P. 400–413.

References

1. Kolosovskaja Ju.K. Rimskij namestnik i ego rol' vo vneshnepoliticheskoj istorii Dakii (The Roman governor and his role in the foreign policy history of Dacia) // Vestnik drevnej istorii. 1988. No. 4. P.20–36 (In Russian).
2. Krist K. Istorija vremen rimskih imperatorov ot Avgusta do Konstantina (History of the times of the Roman emperors from Augustus to Constantine). Translated from German: in 2 volumes. Vol.1. Rostov-on-Don: Phoenix, 1997. 576 p. (In Russian).

3. Rostovtzeff M. I. *Obshhestvo i hozjjajstvo v Rimskoj imperii (Society and economy in the Roman Empire)* In 2 volumes / Translated from German St. Petersburg: Nauka, 2000. Vol. 1. 400 p. (In Russian).
4. Smyshljaev A. L. *Rimskij namestnik v provincial'nom gorode: stil' upravlenija v jepohu principata (Roman governor in a provincial city: management style in the era of the Principate)* // *Jus antiquum. Drevnee pravo*. No. 17. P. 65–72. (In Russian).
5. *The Cambridge Ancient History. The High Empire, A. D. 70–192*. 2-nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. Vol. XI. XXI, 1161 p.
6. Campbell J. B. Who Were the «Viri Militares»? // *The Journal of Roman Studies*. 1975. Vol. 65. P.11–31.
7. *Documents Illustrating the Reigns of Augustus and Tiberius* / Collected by V. Ehrenberg and A. H. M. Jones. 2-nd (enlarged) ed. Oxford: Oxford University Press, 1955. XII, 171 p.
8. Kotula T. *Septymiusz Sewerus: Cezarz z Lepcis Magna*. Wroclaw: Ossolineum, 1987. 188 s.
9. Millar F. *Rome, the Greek World, and the East*. Vol. 2 *Government, Society, and Culture in the Roman Empire*. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2004. XXIX, 470 p.
10. Mitchell S. *Imperial Bulding in the Eastern Provinces* // *Harvard Studies in Classical Philology*. 1987. Vol.91. P.333–365.
11. Shaw B.D. *Bandits in the Roman Empire* // *Past and Present*. 1984. No.105. P.3–52.
12. Sherk R.K. *Roman Imperial Troops in Macedonia and Achaea* // *The American Journal of Philology*. 1957. Vol. 78 (1). P.52–62.
13. Sherk R.K. *The Inermes Provinciae of Asia Minor* // *The American Journal of Philology*. 1955. Vol. 76 (4). 400–413.

Список сокращений

Научные журналы и продолжающиеся издания, папирология и эпиграфика

- ВДИ – Вестник древней истории
AE – L'Annee epigraphique
CIL – Corpus Inscriptionum Latinarum
ILS – Inscriptiones Latinae Selectae
RIB – Collingwood R.G. and Wright R.P. *The Roman Inscriptions of Britain, I, Inscriptions on Stone*. Oxford: Clarendon Press, 1965. xxxiii, 790 p.
RMR – Roman Military Records on Papyrus. By Robert O. Fink. – Cleveland: Case Western Reserve University, 1971. xvii, 564 p.

Античные литературные источники

- Cic. Ep. ad. Qui. fr – Цицерон «Письма к брату Квинту»
Dig – «Дигесты»
Dio – Дион Кассий «Римская история»
Fronto Ep. ad Ant. Pium – Фронтон «Письма к императору Антонину Пию»
Herod. – Геродиан «История после Марка»
Joseph – Иосиф Флавий:
BJ – «Иудейская война»
AJ – «Иудейские древности»
Plin. Ep. – Плиний Младший «Письма»
SHA – «Авторы жизнеописаний Августов»:
Ant. Pius – «Антонин Пий»
Comm. – «Коммод»
Did. Jul. – «Дидий Юлиан»
Hadr. – «Адриан»
Marc. – «Марк Аврелий»
Strabo – Страбон «География»
Suet. – Светоний «Жизнь двенадцати Цезарей»:
Galb. – «Гальба»
Tib. – «Тиберий»
Tac. – Тацит:
Agr. – «Жизнеописание Юлия Агриколы»
Ann. – «Анналы»
Hist. – «История»
Vell. – Веллей Патеркул «Римская история»

Сведения об авторе

Телепень Сергей Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и обществоведческих дисциплин Мозырского государственного педагогического университета им. И.П. Шамякина / telepen_serg@mail.ru
Адрес: 247760, д. 28, ул. Студенческая, Мозырь, Республика Беларусь.

Information about the author

Telepen Sergey – PhD in History, Associate Professor, Chair of History and Social Sciences, Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin, / telepen_serg@mail.ru
The address: 247760, 28, Studentcheskaya st., Mozyr, Republic of Belarus.

УДК 9.93

<http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.3.11>

Е. В. Туфанов

К ПРОБЛЕМЕ КОРЕНИЗАЦИИ И УКРАИНИЗАЦИИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В 1920–1930-Е ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА)

В данной статье на основе обширного архивного материала анализируется процесс коренизации и украинизации органов системы управления в 1920–1930-е гг. на материалах Северного Кавказа. В данной работе на основе решений партийных съездов проводится анализ формирования законодательной базы для реализации одной из граней советской национальной политики – политики коренизации и украинизации как составной части данного направления деятельности. На основе архивных документов представлены механизмы и инструменты реализации партийно-государственной номенклатурой кадровой политики в Северокавказском крае. Регион Северного Кавказа являлся составной частью большого Советского государства и все процессы, которые проходили в стране нашли отражение и на Юге страны. Их использование позволило детально изучить основное содержание политики коренизации, осознать алгоритм ее реализации, выявить причины отказа от политики коренизации и оценить ее роль в становлении Советской политической системы на территории Северного Кавказа. Выявлена специфика функционирования местного партийно-го-

сударственного аппарата управления. Исследована система подготовки управленческого аппарата в рамках Советской политической системы, так как именно представители партийно-государственного аппарата будут претворять решения центральной власти на местах, поэтому кадровый вопрос имел одно из самых приоритетных значений. Именно кадровая политика ВКП (б) по формированию нового партийно-государственного актива и деятельность партийно-государственной номенклатуры стала залогом успешного развития Северо-Кавказского края.

Ключевые слова: Коренизация, украинизация, национальная политика, партийно-государственная номенклатура, Северный Кавказ, Советская политическая система, партийный съезд, выдвиженчество, назначение, кадровая политика.

Для цитирования: Туфанов Е. В. К проблеме коренизации и украинизации органов государственной власти в 1920–1930-е гг. (на материалах Северного Кавказа) // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (3). С. 455–461. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.3.11

Evgenii V. Tufanov

ON THE PROBLEM OF THE KORENIZATION AND UKRAINIZATION OF STATE AUTHORITIES IN THE 1920S–1930S (BASED ON THE MATERIALS OF THE NORTH CAUCASUS)

Based on extensive archival material the article studies the process of Korenization and Ukrainization of the management system in the 1920s–1930s on the materials of the North Caucasus. In this paper, based on the decisions of party congresses, the analysis of the formation of the legislative framework for the implementation of one of the facets of Soviet national policy – the policy of Korenization and Ukrainization as an integral part of this area of activity is carried out. On the basis of archival documents, mechanisms and tools for the implementation of personnel policy by the party-state nomenclature in the North Caucasus Region are presented. The North Caucasus region was an integral part of a large Soviet state and all the processes that took place in the country were reflected in the South of the country. Their use made it possible to study in detail the main content of the policy of korenization, to understand the algorithm of its implementation, to identify the reasons for the rejection of the policy of korenization and to assess its role in the formation of the Soviet political system in the territory North Caucasus. The specifics of the functioning of the local party-state administrative apparatus are revealed.

Становление системы государственного аппарата, невозможно без создания слоя новых региональных управленцев. Именно специфика формирования нового кадрового состава ответственных работников и кадрового резерва госу-

The system of training the administrative apparatus within the framework of the Soviet political system is studied, since those were the representatives of the party-state apparatus who were supposed to implement the decisions of the central government on the ground, therefore the personnel issue had one of the highest priority values. It was the personnel policy of the CPSU (b) on the formation of a new party-state asset and the activities of the party-state nomenclature that became the key to the successful development of the North Caucasus Region.

Key words: Korenization, Ukrainization, national policy, party-state nomenclature, North Caucasus, Soviet political system, party Congress, nomination, appointment, personnel policy.

For citation: Tufanov E. V. On the problem of the korenization and ukrainization of state authorities in the 1920s–1930s (based on the materials of the North Caucasus) // Humanities and law research. 2022. V. 9 (3). P. 455–461. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.3.11

дарственных работников является актуальной проблемой в отечественной исторической науки. Следует отметить, что формирование слоя управленцев на Северном Кавказе имело специфические черты. Такие как полиэтничность региона,

многоконфессиональность Северного Кавказа и доминирование в хозяйственной жизни региона аграрного сектора экономики. Формированию слоя национальных и региональных управленцев посвящено ряд научных исследований. Следует отметить исследование Е. Ф. Кринко, Т. П. Хлыниной [7]. Авторы проводят историографический анализ формирования национальной государственности. В совместной работе Т. П. Хлыниной и И. Ю. Васильева исследовали процесс украинизации как политики и проблемы современной историографии [14], также авторы в своей работе «Украинизация: между большой политикой и текущими задачами советского строительства» [13], проанализировали процесс украинизации на Кубани. Необходимо отметить монографию И. Ю. Васильева «Украинский национализм, украинизация и украинское культурное движение на Кубани (вторая половина XIX – начало XXI века» [1], где на основе обширных архивных документов освещен процесс украинизации на Кубани. Проблему коренизации государственного аппарата на территории Северного Кавказа в своих работах осветил Е. В. Туфанов [9; 10; 11; 12], однако в них проблема украинизации не была затронута. Анализируя историографию процесса коренизации аппарата управления молодого Советского государства необходимо отметить работу О. И. Чистякова, где освещается процесс формирования региональных управленцев нового типа на материалах Среднего Поволжья [15], политика коренизации в Татарстане 1920–1930-е гг. представлена в сборнике документов автора-сопоставителя З. Г. Гариповой [2]. Именно в этих работах представлены особенности национальной политики, направленной на формирование нового слоя руководителей партийного и государственного аппарата различного уровня в различных регионах молодого Советского государства.

Исследование ставит целью проанализировать реализацию политики коренизации управленческого аппарата на территории Северного Кавказа и изучить кадровую политику украинизации Северо-Кавказского края в 1920-1930-е гг. на основе архивных документов. Раскрыть специфику и особенности реализации данной политики в Северокавказского региона. Данное исследование строится на принципах историзма и объективности основывается на сравнительном анализе источников. Проблемно-хронологический принцип с опорой на обширный круг неопубликованных архивных документов, а также статей, и монографий исследователей по заявленной теме, является основой для освещения данной исторической проблемы.

Одной из особенностей Северо-Кавказского края является его многонациональность. Исходя из этой особенности центральное руководство Советского государства стала проводить полити-

ку коренизации аппарата управления. Центральная власть поставила цель привлекать в органы партийно-государственного управления представителей местного населения. Именно данная группа управленцев будет формировать региональную партийно-государственную номенклатуру, проводника идей центральной власти. Уже на Десятом съезде РКП (б) в резолюции «Об очередных задачах партии в национальном вопросе» отмечалось, что задача партии состоит в том, чтобы помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию. Формировать советскую государственность в формах, которые соответствуют национальным особенностям этих этносов. Способствовать становлению действующего на родном языке суда, администрации, органов власти, которые состоят из местного населения, знающего быт и психологию местного социума. Развивать прессу, школу, театр, клубное дело и заниматься культурно-просветительной деятельностью народном языке. Организовать сеть курсов и школ на родном языке для формирования региональных кадров партийно-государственных работников по всем областям деятельности [8, с.559]. Таким образом, партийно-государственное руководство в своей национальной политике сделала акцент на формирование национальных управленцев, которые должны стать основным элементом Советской политической системы в своих национальных областях и обществах. Развивая законодательную базу по решению кадровых вопросов XII –й съезд РКП (б) принимает резолюцию «По национальному вопросу», который осуждает уклон к национализму, так как затрудняет дело сплочения пролетариев и призывает отказаться от недооценки национальных особенностей и национального языка в партийной и государственной работе, так как создает опасность недопонимания национальных масс от линии партии и государства. Для преодоления данных уклонов было принято решение о создании марксистских кружков высшего типа из региональных партийно-государственных работников, обеспечить выпуск партийной литературы на родном языке, а также усилить партийно-воспитательную работу в национальных регионах [8, с. 717–718]. Архивные документы показывают, что процесс подготовки национальной партийно-государственной номенклатуры затронул все районы Северного Кавказа. Согласно принятыми региональной властью планами коренизации были установлены хронологические рамки реализации данной политики во всех сферах жизни и деятельности региона. Так, например: окончательный срок перевода делопроизводства на национальный язык в Северо-Осетинской и Адыгейской областей определялся 1928 – 1929 гг. Кабардино-Балкарская и Черкесская области к 1929–1930 гг. Чеченская, Ингушская и Карачаев-

ская область в 1930–1931 гг. Необходимо отметить, что в документе обозначалось, что следует закончить коренизацию секретарей сельских советов во всех национальных областях Северо-Кавказского края до 1 января 1930 [3, л. 13]. Данный документ также предлагал альтернативные сроки окончания коренизации культурно-просветительных учреждений в 2-х вариантах 1-й в 4 года, 2-й в 5 лет. [3, л.13].

Однако, на территории Ставропольского окружного исполнительного комитета работа с нацменьшинствами шла еще и до проведения активной фазы политики коренизации, архивные документы показывают, что еще в 1926 г. представители национальных меньшинств присутствовали в выборных органах власти: украинцев – 999, туркменов – 63, татар – 15, армян – 5, греков – 32, немцев – 79, чехов – 2, евреев – 12, латышей – 1, поляков – 1, представителей других наций – 69 [6, л.18]. Таким образом, на Юге России стремились кадровую политику соотносить с политикой центральной власти. Однако необходимо отметить, что одной из специфических особенностей Северного Кавказа является многонациональность и начиная со второй половины XIX в. все этносы в основном строили свое общежитие на принципах взаимоуважения.

Проведение мероприятий, связанных с процессом коренизации являлось очень затратным в финансовом плане, архивные документы показывают, что региональная власть выступала с ходатайством перед правительством о отпуске в дополнение к ассигнованиям к текущему бюджету 383 000 р. недостающих 293 700 р. в принятии на счет центра стоимости проведения коренизации во все последующие годы в сумме 3 985 330 р. [3, л. 13об.]. Основные элементы подготовки и переподготовки партийно-государственных региональных управленцев, заложенные в период активной реализации политики коренизации продолжали функционировать и уже в конце 1930-х гг., когда политика коренизации заметно пошла на спад и практически была свернута. Архивные документы показывают, что в 1939 г. переподготовлено 175 человек, среди которых через шестимесячные курсы советского строительства прошло 39 карачаевцев и черкесов они являлись в основном работниками низовых советов. 260 человек прошли годовые курсы советского правительства в системе заочного обучения в том числе более 75 % 204 человека работники сельских и поселковых советов, именно они представляли советский актив на местах. Переподготовка на стационарных шестимесячных краевых курсов советского строительства дала возможность выдвинуть с сельской на районную руководящую работу свыше 175 человек [3, л.79]. Таким образом, мы видим результат политики коренизации, что после прохождения курсов повышения квали-

фикации работник шел на повышения и занимал руководящую должность. Архивные документы показывают не только успехи реализации кадровой политики, но и обозначают проблему в области подготовке кадров – это отсутствие в краевом центре помещений, и средств в размере 90 т. р. и оборудование школы. [3, л. 79].

Следует отметить, что осуществление политики коренизации в отношении украинского социума в историографии получило название украинизация. Она проводилась не только на Украине, но и за ее пределами. Украинизация стала и способом отвлечения сельских масс от борьбы за свои насущные интересы. Она совпала с форсированным землеустройством, которое было призвано разрушить казачью общину; непрерывным повышением налогов и лишением массы кубанцев избирательных прав, грабительскими хлебозаготовками и коллективизацией. В июле 1929 г. президиумом Терского Окружного исполнительного комитета за №35 был принят план украинизации Арзгирского района и коренизации остальных населенных пунктов Терского Округа с преобладанием нацмен населением [4, л. 40–42]. В основу намеченных мероприятий по украинизации Арзгирского района положен план украинизации, данный Орготделом Краевого исполнительного комитета.

По данным переписи за 1926 г. Терский округ населяют 52 140 человек. Среди которых сельского населения в том числе украинцев 164 641 человек. Таким образом, мы видим, что этнических украинцев в регионе явно не преобладало, а украинизация была следствием реализации данной политики центральным руководством. Следует отметить, что в Арзгирском районе согласно переписи, проживало 92 тысячи человек, из них 21 тысяча – этнические украинцы. Для статистического анализа количества проживающих этнических украинцев возьмем данные переписи 1926 г. нескольких районов. Так, например, в Георгиевском районе проживало 80 тысяч человек, а представителей украинского этноса 17 тысяч. В Есентукском районе 81 тысяча человек, украинцев – 30 тысяч человек. В Прохладненском районе проживало 40 тысяч человек, а этнических украинцев три тысячи человек [4, л. 40]. Таким образом, мы видим, что украинское население не доминировало и было распределено по районам примерно одинаково. Однако, следует отметить, что из 126 сельских советов Терского Округа 42 были национальные – украинские. В Арзгирском районе из шести советов пять были украинские. В Георгиевском районе из восемнадцати советов пять были украинские. В Есентукском районе из четырнадцати советов почти половина шесть были преимущественно украинские. В Прохладненском районе из девяти советов, только один был украинским [4, л. 40]. Таким образом функционирование национальных советов отражало

этническую картину населения региона. Необходимо отметить, что согласно утвержденному плану коренизация-украинизация всего аппарата управления (делопроизводство, культпросвет учреждений и общественных организаций) должна быть завершена в трех летний срок начиная 1929 г. Согласно плану украинизации Арзгирского районе предполагалось его укрупнение путем передачи из Прикумского района четырех населенных пунктов однородные по своему хозяйственно-экономическому укладу и национальному признаку. Согласно плану, первоочередным и важнейшим участком мероприятий по украинизации Арзгирского района и коренизации украинских Советов округа должна явиться подготовка населения района, заключающаяся в подготовке организованного советского актива, а затем всего социума с таким расчетом чтобы практическая работа по украинизации и коренизации как: кружки, курсы, ликпункты, школа, изба-читальня и т. д. работа их на украинском языке проходила при поддержке и содействии масс и не могла быть сорванной. Для реализации этих подготовительно-разъяснительных мероприятий составляют следующие элементы работы.

- а) Издание специальной массовой листовки для украинского населения, в частности, Арзгирского района, (для чего украинизация), какое это имеет значение для населения и что мероприятия по украинизации составляет сущность национальной политики СССР.
- б) Во всех партийных советских и общественных организациях и массовых мероприятиях (украинизации и коренизации) ставить доклады о значении перехода на национальный язык под углом практического осуществления этого перехода.
- в) Политпросветам проводить ряд мероприятий, чтобы избы-читальни по району явились бы центрами по проведению подготовительной и разъяснительной работы по подготовке населения к украинизации а в дальнейшем к практическому ее осуществлению с 1 августа 1929 г. Избы-читальни снабжаются литературой и на украинском языке в первую очередь краевой украинской газетой, вместе с литературой и на русском языке с развертыванием работы ликпунктов этот переход от литературы на русском языке к украинскому совершается полностью к моменту окончания срок организационного плана к сентябрю 1931 г.
- г) Во всех избах-читальнях района организуются массовые читки вслух литературы на украинском языке газет журналов проводятся специальные беседы по вечерам на украинском языке в течении всего времени с августа 1929 г.

- д) Проводить работу с кружками стенкоров с тем, чтобы в стенных газетах разъяснительные мероприятия по переходу на украинский язык, а равно культурно-хозяйственные задачи нашли достаточное отражение к 1931 г. полностью перешли на украинский язык.
- е) Переход всех драматических кружков на украинский язык с проведением постановок на украинском языке. Создается специальная разъяснительная группа «блужников» с украинским репертуаром во всех украинских селах за счет бюджетных ассигнований организуется с октября 1929 г.
- ж) С октября 1929 проводится кинофикация района через Совкино при содействии кооперативных и хозяйственных организаций кино-передвижка для остальных украинских селений с демонстрацией украинских кинофильмов.
- з) При избах читальнях, школах начиная с 1 сентября 1929 г. создаются кружки из числа хлебоборобного актива, советов и общественных организаций по обучению украинскому языку и письменности под руководством школьных работников избачей и отдельных работников учреждений, знающих украинский язык [4, л. 41].

Таким образом, региональная власть полностью обеспечивала и контролировала процесс украинизации Арзгирского района, но как мы видим в основе этого процесса стояла разъяснительная работа среди местного населения. Так как можем предположить, что необходимости для перевода делопроизводства и других элементов украинизации не было.

Согласно документу для осуществления намеченных мероприятий по украинизации Арзгирского района и коренизации отдельных сел округа, прежде всего ставится подбор кадров в Арзгирском районе и в остальные украинские населенные пункты, которые могли бы проводить украинизацию района. Укомплектованию работниками, знающими украинский язык будет идти за счет замены имеющихся в районе не знающих украинского языка и, с другой стороны, укомплектование будет идти за счет переподготовки и подготовки курсами повышения квалификации. Для сотрудников государственного аппарата, работающих в Арзгирском районе, создавались более выгодные условия, в виде улучшения жилищных условий и предоставление более длительного отпуска. Приглашались из других регионов работников, знающих украинский язык и особенно письменность, которые уже участвовавших в практической работе по украинизации на Украине. Видимо лиц, знающих украинский язык, было немного, в связи с этим было указано выявлять состав работников из числа лиц, теперь работающих в Арзгирском районе знающих хотя бы слабо украинский язык, который в первую

очередь проходят подготовку по обучению украинскому языку. С вновь приглашенными работниками проводятся в декабре 1930 г. курсы по украинизации и переподготовке местных работников. К этому времени подбирается кадры знающих украинский язык и письменность который могли провести такие курсы в качестве лектора. Для реализации плана в профсоюзных ячейках при советских и кооперативных учреждениях организовать кружки по самообразованию на украинском языке. Кружки не только охватывают состав работников, желающих изучить украинский язык и вовлекают хлеборобов членов советов секций. С 1 октября 1929 г. в штат Орготдела ОИКа вводится должность инструктора-украинца. К этому времени при Арзгирском исполнительном комитете вводится должность инструктора, знающего украинский язык имеющего навыки руководить образовательной работой на украинском языке. Следует отметить, что отправление на краевые курсы работников по переподготовке на украинском языке проводится за счет коренного населения Арзгирского района. Весь состав работников, не желающих переподготавливаться постепенно заменить работниками, знающими украинский язык. Таким образом региональная власть вынуждала не носителей языка проходить курсы изучения украинского языка для того, чтобы встроить их в искусственно создаваемый социум.

Следует отметить, что вся работа по подготовке и переподготовке кадров партийных и советских органов управления строилась по принципу, согласно которому в учреждениях органов власти разговорная речь была обязательна, а с июня 1930 г. это указание являлось официальным [4, л. 41]. Таким образом, сотрудник либо принимал данные условия, либо он подвергался определенным санкциями. Также с лета 1930 г. вся переписка между сельсоветами района постепенно переводилась на украинский язык, сначала выдача справок, документов, а к началу 1931 г. все население независимо от их этнической принадлежности полностью обслуживалось на украинском языке. Планировалось, что именно к этому времени органы управления будут укомплектованы сотрудниками, владеющими устным и письменным украинским языком. С июля 1931 г. необходимо осуществить переход на украинский язык полностью включительно до ведения на украинском языке и иногородней переписке с окружными и другими организациями, касающихся за пределами района. В этот период для обслуживания населения увеличивались штаты в окружном аппарате управления. Вводились новые следующие должности:

- 1) В Окружном исполнительном комитете – делопроизводитель и машинистка.
- 2) Окружном Финансовом Отделе – инструктор по налоговым вопросам и машинистка.

3) Окружном ЗУ – инспектор делопроизводитель машинистка.

4) Госстрах – машинистка делопроизводитель. Аналогичные должности вводятся в кооперативных организациях и заполняются работниками, знающими украинский язык [4, л. 41].

Следует отметить, что в Арзгирском районе имелось 14 школ с 60-ю сотрудниками, которые также подлежат украинизации. Перевод на украинский язык всех первых групп в 14-ти школах в 1929–1930 г. учебном году. Работу всех ликпунктов с зимнего периода 1929–1930 г. перевести на украинский язык. Районную избу-читальню и библиотеку при ней. Кроме этого по усмотрению ОкрОНО украинизируется в этом году 30 % всех изб-читален. Школы политграмоты украинизируются с 1930–1931 г. после проведения переподготовки работников района. ОкрОНО и РИКу приступить к заготовке литературы и пособий для школ и культпросвет учреждений, подлежащих украинизации. Необходимо организовать выпуск приложения к газете «Терек» на украинском языке освещающего хозяйственные и культурно-социальные нужды округа. [4, л. 42]. Проводимые мероприятия требовали повышения ассигнования. В связи с этим региональная власть дает указание, чтобы при составлении райбюджета и сельбюджета предусмотреть все возможные расходы.

Таким образом, согласно утверждённому плану, Арзгирский район подлежал украинизации государственного аппарата управления. Данный процесс отвечал вектору национальной политики государства и требовал от региональной власти точное выполнение директив центра. В связи с этим на местах не учитывали интересы всего социума, а реализовывали постановления центральной власти. Следует отметить, что украинизацией Арзгирского района мероприятия не ограничивались согласно решению Президиума Окружного исполнительного комитета от 13.05.1929 г. намечено украинизировать следующие районы: 1. 1929 г. Виноделенский район. 2. 1930 Курсавский район. 3. 1930 Дивенский район [5, л. 6]. Согласно реализации указаний центральной власти, в области украинизации, по Виноделенскому району в первую очередь проводится украинизация 8 сельсоветов с преобладающим украинским населением. Мероприятия по украинизации проводились по уже использованному алгоритму: переподготовка работников и изучение украинского языка развитие массовой разъяснительной работы и т. д. Кроме того, школы 1 ступени Виноделенского района в селах с украинским населением переведены на украинский язык [5, л. 6]. Основные проблемы в деле коренизации, а украинизация являлась одной из граней данной политики являлось недостаточность выделяемых средств, отсутствие подготовленных кадров и нехватка литературы, газет, учебников на национальном языке.

Проводимая центральной властью политика коренизации государственного аппарата управления в исследуемый период сумела решить главную задачу, разнообразные этносы, проживающие в регионе Северного Кавказа реализуют политику Советского государства вступили на путь ускоренного развития во всех сферах жизни и деятельности. Коренизация партийно-государ-

ственного аппарата Северного Кавказа соотносилась с общими тенденциями развития национальной политики государства. Вместе с тем, этническое многообразие региона позволяло выполнять требования центральных руководящих органов по выдвиганию региональной двуязычной национальной партийно-государственной номенклатуры.

Источники и литература

1. Васильев И. Ю. Украинский национализм, украинизация и украинское культурное движение на Кубани (вторая половина XIX - начало XXI века). М.: ИП Бурина А. В. («Традиция»), 2014. 336 с.
2. Гарипова З. Г. Осуществление политики коренизации в Татарстане в документах 1920–1930-е гг. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. 272 с.
3. Государственный Архив Ставропольского Края (ГАСК). Ф. Р-299 Оп.1 Д.1321.
4. ГАСК Ф. Р-1161. Оп.1. Д. 1665.
5. ГАСК Ф. Р-229. Оп.1. Д. 1282.
6. ГАСК Ф. Р-299. Оп.1. Д.563.
7. Кринко Е. Ф. Хлынина Т. П. Советский Северный Кавказ в 1920–1940 -е годы: проблемные зоны современной отечественной историографии // Вестник Южного научного центра. 2009. № 5 (3). С.76–83.
8. КПСС в резолюциях и решениях съездов конференций и пленумов ЦК. Часть II. 1898- 1924. М.: Госполитиздат, 1954. 832 с.
9. Туфанов Е. В. К вопросу коренизации государственного и партийного аппарата управления на материалах Северного Кавказа в 1920-1930-е гг. // Современная научная мысль. 2017. № 5. С. 43–50.
10. Туфанов Е. В. Становление системы распределения кадров в период формирования партийно-государственной номенклатуры 1920–1930-е гг.: на материалах Северного Кавказа. // Гуманитарные и юридические исследования 2019. №1. С.186–191.
11. Туфанов Е. В. К вопросу об источниках рекрутирования региональных управленцев 1920-1930-е гг. на материалах Северного Кавказа. // Вестник Калмыцкого Университета. 2018. 37(1). С. 32–42.
12. Туфанов Е. В. Коренизация как инструмент формирования региональной номенклатуры на материалах Северного Кавказа. // Научная мысль Кавказа. 2017. № 3(91). С. 84–89.
13. Хлынина Т. П. Васильев И. Ю. Украинизация: между большой политикой и текущими задачами советского строительства. // European researcher. 2011. №6 (9). С. 963–970.
14. Хлынина Т. П. Васильев И. Ю. Украинизации как политика и проблемы современной историографии // ІСТОРИОГРАФІЧНІ ДОСЛІДЖЕННЯ В УКРАЇНІ. 2012. № 22. С.201–204.
15. Чистяков О. И. Коренизация государственного аппарата национальных районов в первые годы советской власти (по материалам национальных районов Среднего Поволжья) // Правоведение. 1965. № 1. С. 164–168.

References

1. Vasiliev I. Yu. Ukrainskij nacionalizm, ukrainizacija i ukrainское kul'turnoe dvizhenie na Kubani (vtoraja polovina XIX - nachalo XXI veka) (Ukrainian nationalism, Ukrainization and the Ukrainian cultural movement in the Kuban (the second half of the XIX - the beginning of the XXI century)). Moscow: Tradicija, 2014. 336 p. (In Russian).
2. Garipova Z. G. Osushhestvlenie politiki korenizacii v Tatarstane v dokumentah 1920-1930-e gg. (Implementation of the policy of Korenization in the documents of the 1920s–1930s). Kazan: HI of SA publ., 2009. 272 p. (In Russian).
3. State Archive of the Stavropol Territory (GASK). F. R-299. Inv.1 D.1321. (In Russian).
4. GASK F. R-1161. Inv.1 D. 1665. (In Russian).
5. GASK F. R-229. Inv.1. D. 1282. (In Russian).
6. GASK F. R-299. Inv.1 D.563. (In Russian).
7. Krinko E. F. Hlynina T. P. Sovetskij Severnyj Kavkaz v 1920-1940 -e gody: problemnye zony sovremennoj otechestvennoj istoriografii (The Soviet North Caucasus in the 1920s–1940s: problem zones of modern Russian historiography) // Vestnik Juzhnogo nauchnogo centra. 2009. No. 5 (3). P. 76–83. (In Russian).
8. KPSS v rezoljucijah i reshenijah s#ezdov konferencij i plenumov CK. Chast' II. 1898–1924 (The CPSU in resolutions and decisions of congresses of conferences and plenums of the Central Committee. Part II. 1898–1924). Moscow: Gospolitizdat, 1954. 832 p. (In Russian).
9. Tufanov E. V. K voprosu korenizacii gosudarstvennogo i partijnogo apparata upravlenija na materialah Severnogo Kavkaza v 1920–1930-e gg (On the issue of the korenization of the state and party management apparatus on the materials of the North Caucasus in the 1920s-1930s) // Sovremennaja nauchnaja mys'. 2017. No. 5. P.43 – 50. (In Russian).
10. Tufanov E.V. Stanovlenie sistemy raspredelenija kadrov v period formirovanija partijno-gosudarstvennoj nomenklatury 1920–1930-e. gg.: na materialah Severnogo Kavkaza (Formation of the personnel distribution system during the formation of the party-state nomenclature of the 1920s-1930s: based on the materials of the North Caucasus) // Gumanitarnye i juridicheskie issledovanija. 2019. No. 1. P. 186-191. (In Russian).
11. Tufanov E. V. K voprosu ob istochnikah rekrutirovanija regional'nyh upravlencev 1920-1930-e gg. na materialah Severnogo Kavkaza (On the sources of recruitment of regional managers in the 1920s-1930s on the materials of the North Caucasus) // Vestnik Kalmyckogo Universiteta. 2018. No. 37(1). P. 32-42. (In Russian).

12. Tufanov E. V. Korenizacija kak instrument formirovanija regional'noj nomenklatury na materialah Severnogo Kavkaza (Korenization as a tool for the formation of regional nomenclature on the materials of the North Caucasus) // Scientific thought of the Caucasus. 2017. No.3(91). P. 84–89. (In Russian).
13. Khlynina T. P. Vasiliev I.Yu. Ukrainizacija: mezhdou bol'shoj politikoj i tekushhimi zadachami sovetskogo stroitel'stva (Ukrainization: between Big Politics and the current tasks of Soviet construction) // European researcher. 2011. No. 6 (9). pp. 963–970. (In Russian).
14. Khlynina T. P. Vasiliev I. Yu. Ukrainizacii kak politika i problemy sovremennoj istoriografii (Ukrainization as a policy and problems of modern historiography) // HISTORIOGRAPHIC DOSLIDZHENNYA IN UKRAINE. 2012. No.22. P. 201–204. (In Russian).
15. Chistyakov O. I. Korenizacija gosudarstvennogo apparata nacional'nyh rajonov v pervye gody sovetskoj vlasti (po materialam nacional'nyh rajonov Srednego Povolzh'ja) (Korenization of the state apparatus of national districts in the first years of Soviet power (based on the materials of national districts of the Middle Volga region) // Pravovedenie. 1965. No.1. P. 164-168. (In Russian).

Сведения об авторе

Туфанов Евгений Васильевич – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой философии и истории Ставропольского государственного аграрного университета / e.vt@mail.ru
Адрес: д.12, пер. Зоотехнический, 355017, Ставрополь, Российская Федерация.

Information about the author

Tufanov Yevgeny V. – Doctor of historical Sciences, associate Professor, Head of the Chair of philosophy and history, Stavropol State Agrarian University / e.vt@mail.ru
The address: 12, Zootechnicheskii lane, 355017, Stavropol, Russian Federation.

УДК 94(47)683:27(470.6)

<http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.3.12>П. Г. Немашкалов
Т. А. Шебзухова

ИСТОРИЯ ЧЕРНОМОРСКОЙ МАРИЕ-МАГДАЛИНСКОЙ ПУСТЫНИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАСТОЯТЕЛЬНИЦ

На современном этапе развития исторической науки в России неизменным остается интерес к роли Церкви в жизни общества, большое внимание уделяется истории отдельных обителей и деятельности духовенства на поприще служения обществу, изучается их вклад в общественно-политическую и духовную жизнь страны. Интерес к истории монастырей обусловлен прежде всего тем, что на протяжении всей истории России, после принятия христианства, они выступали одним из важнейших социальных и политических институтов государства и общества.

В отечественной историографии редко встречаются исследования, посвященные инокиням монастырей, но встречающиеся обращения к инокиням знатного происхождения или настоятельницам древнейших женских монастырей. Сложившаяся ситуация объясняется состоянием источниковой базы и спецификой поднимаемой проблемы. Деятельность женщин в системе церковной организации Русской Православной Церкви скудно отражалась в каких-либо письменных источниках.

Поскольку ключевой фигурой обители считают личности настоятельниц, то при анализе истории Черноморской Марие-Магдалинской женской обители ос-

новное внимание в статье уделяется роли игумень в развитии монастырского хозяйства, благотворительной и просветительской деятельности. Исходя из этого, авторы статьи, на собранном обширном архивном материале и материале Кавказских епархиальных ведомостей, провели анализ вклада отдельно взятых настоятельниц в развитие Черноморской женской обители.

Авторами обосновывается вывод о том, что в отличие от известной закрытости традиционных русских православных монастырей Центральной России, кавказские женские монастыри даже в начале XX века оставались открытыми для мира, в чем заключалась большая заслуга их настоятельниц и епархиального руководства Кавказской (Ставропольской) епархии.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Кавказская (Ставропольская) епархия, игуменьи Черноморской Марие-Магдалинской женской пустыни, женское монашество.

Для цитирования: Немашкалов П. Г., Шебзухова Т. А. История Черноморской Марие-Магдалинской Черноморской пустыни в деятельности настоятельниц // Humanities and law research. 2022. V. 9 (3). С. 462–471. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.3.12

Pavel G. Nemashkalov
Tatyana A. Shebzuhova

THE HISTORY OF THE BLACK SEA MARY MAGDALENE BLACK SEA DESERT IN THE ACTIVITIES OF THE ABBESSES

At the present stage of the development of historical science in Russia, the interest in the role of the Church in the life of society remains unchanged. Much attention is paid to the history of individual monasteries and the activities of the clergy in the field of public service; their contribution to socio-political and spiritual life of the country is studied. The interest in the history of monasteries is primarily due to the fact that throughout the history of Russia, after the adoption of Christianity, they acted as one of the most important social and political institutions of the state and society.

In Russian historiography, there are few studies devoted to the nuns of monasteries, but the existing ones are addressed to the nuns of noble origin or the abbesses of the oldest female monasteries. The current situation is explained by the state of the source base and the specifics of the problem being raised. The activities of women in the system of church organization of the Russian Orthodox Church were poorly reflected in any written sources.

Since the personalities of the abbesses are considered the key figure of the monastery, when analyzing the history of the Black Sea Mary Magdalene Convent, the article

focuses on the role of the abbesses in the development of the monastic economy, charitable and educational activities. Based on this, the authors of the article, based on the collected extensive archival material and the material of the Caucasian Diocesan Gazette, analyzed the contribution of individual abbesses to the development of the Black Sea Convent.

The authors substantiate the conclusion that unlike the well-known closeness of traditional Russian Orthodox monasteries in Central Russia, Caucasian monasteries remained open to the world even at the beginning of the XX century, which was a great merit of their abbesses and the diocesan leadership of the Caucasian (Stavropol) diocese.

Key words: North Caucasus, Caucasian (Stavropol) diocese, abbesses of the Black Sea Mary Magdalene female desert, female monasticism.

For citation: Nemashkalov P. G., Shebzuhova T. A. The history of the Black Sea Mary Magdalene Black Sea desert in the activities of the abbesses // Humanities and law research. 2022. V. 9 (3). P. 462–471. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.3.12

Основанный в 1849 г. на территории Черноморского войска (Кубанской области) первый женский монастырь Кавказской епархии занял ведущее место в общественной и духовной жизни не только Черномории, но и всего Северного Кавказа. Открытие его состоялось при деятельном участии монахини Митрофании, ставшей в последующем его первой настоятельницей, и только по воле случая или стечения обстоятельств.

В миру Матрона Степановна Золотаревская получила хорошее домашнее образование, была дочерью есаула Черноморского казачьего войска. Став вдовой в 31 год, она отправилась в российские монастыри на послушание. В 1833 г. поступив в Ладанский Покровский женский монастырь, где 27 января 1841 г. была пострижена в монашество. За ревностное служение и исполнение возложенных на неё обязанностей была определена благочинной [4, л. 24].

Занимаясь сбором средств, она встречалась в г. Екатеринодаре с занимающим должность наказного атамана Черноморского войска, генерал-майором Г.А. Рашпилем, который выразил сожаление об отсутствии в крае своего женского монастыря. Принимая во внимание количество собираемых её средств в регионе Митрофания высказалась о том, что обитель можно было устроить на одни частные пожертвования. Большой проблемой ей казалось получить разрешение властей на открытие женского монастыря в епархии при наличии двух действующих мужских обителей [40, с. 649–652].

После этого разговора с 1846 г. Г. А. Рашпиль начал длительную переписку с войсковым руководством об учреждении в Войске женской монашеской обители для войсковых обывательниц. Помимо воспитания народного усердие к религии, при отсутствии в войске женских учебных заведений, монастырь, как и мужской Николаевский в свое время, мог бы стать местом воспитания женского иночества [1, л. 1–2 об.].

При этом предлагалось назвать пустынь во имя Равноапостольной Марии-Магдалины, которое было особо почитаемо в Черноморском Войске. Пустыни предполагалось выделить участок войсковой земли на р. Керпилях между станицами Тимашевской и Роговской, где раньше был войсковой конный завод. Строительство всех зданий монастыря должно было производиться исключительно за счет частных добровольных пожертвований и приношений. Содержание обители представлялось за счет собственных доходов, церковной службы, ведения подсобного хозяйства и рукоделия. За счет средств Войска осуществлялось содержание штата монастыря. Кроме установленных окладов из сумм войска не предполагалось больше никаких выплат.

Для охраны и хозяйственных работ ежегодно Войско брало в обязанность выделять по 8 казаков внутренней службы. Монастырю предо-

ставлялось право добычи на собственные нужды до 300 пудов соли своими силами на войсковых соляных озерах. Единственное выдвигаемое условие со стороны Войска к Епархиальному начальству заключалось в том, чтобы в штат сестер пустыни поступали исключительно одни урожденные Черноморки. Проектом допускалось исключение для выходцев из других сословий, но только в случаях крайнего недостатка в монашествовавших из среды первых [1, л. 3–7].

Согласно действующим законодательным нормам, учреждение новых обителей допускалось в епархии, только если штат обители будет перенесен из какой-либо закрытой во внутренней губернии. На тот момент таких монастырей не было, поэтому решение этого вопроса откладывалось на неопределенное время. Епископ Кавказский и Черноморский Иеремия (Соловьев) в переписке с Синодом обратил внимание на закрытый в конце XIX века в г. Моздоке женский монастырь. Учреждаемая обитель, по его мнению, способствовала решению проблемы образования девушек региона при незначительных приспособлениях [1, л. 16–16 об.]. Несомненно, данное условие епископа шло в разрез с изначальной программой учреждения при монастыре пансиона для образования девушек из войскового сословия.

11 декабря 1848 года император Николай I разрешил учреждение в Черномории женской пустыни во имя Св. Марии Магдалины [40, с. 653]. По согласованию с инокинями монастыря Войсковому сословию предоставлялось первоочередное право отдачи своих детей на воспитание в обитель. Особо отмечалось, что во всех вопросах обитель состоит в непосредственном руководстве духовных властей епархии на общих правилах [25]. Войско не брало на себя обязательств по возведению зданий обители и ризницы, на эти нужды обращались исключительно кошельковые средства, собранные пожертвования и свечная прибыль [17, л. 5–5 об.].

Большое значение в организации монастыря зависело от лица, которое способно было к осуществлению намеченных планов. Настоятельница Ладанского монастыря игуменья Мария характеризовала монахиню Митрофанию следующим образом: «духовная дочь моя, которая жила долгое время в обители монашеским житием и отлично-ревностном послушании на пользу обители, и в ней заслужила звание благочинной монастыря <...> по старости лет готовила её на свое место» [3, л. 113–113 об.]. По ходатайству епископа Иеремии монахиня Митрофания была переведена в Черноморское войско настоятельницей к учреждаемой Марии-Магдалинской женской пустыни [4, л. 24]. По её прошению, для устройства обители, в землю Черноморских казаков перевели семь сестер из Полтавского Ладанского женского монастыря. Через несколько лет к ним присоединились

еще две монахини – Калисфена и Олимпиада, одна из которых станет следующей настоятельницей учрежденной обители [9, л. 49].

Исходя из больших рисков строительства обители в чистом поле, командующий войсками Кавказской линии и Черномории Н.С. Завадовский, распорядился одновременно из войскового капитала передать учреждаемой обители на 20 лет в кредитный банк 20 тыс. рублей серебром. Начисляемые проценты переводить на счет монастыря, что составляло ежегодно около 800 рублей [17, л. 5–5 об.]. По недоукомплектованности штата первые годы оставшаяся часть средств переводилась настоятельницей в процентный капитал [17, л. 19], за счет которого она планировала начать строительство капитальных строений.

При проведении межевых работ возникла большая разница в исчислении отводимой земли. По ходатайству Г. А. Рашпиля и согласию войскового руководства, 12 августа 1850 г. император закрепил за монастырем весь земельный надел по р. Киприли в 522 десятины 315 саженой [23]. Молитвословие совершалось в небольшом доме св. В. Мирошниченко и диаконом Н. Лозю [20, с. 230]. Консistorией каждый год выдавалось две книги для сбора пожертвований на устройство обители по внутренним губерниям Российской империи [9, л. 10, 37, 43]. На постройку каменного храма во имя равноапостольной Марии Магдалины средства собирались по Кавказской и Новочеркасской епархиям [9, л. 55]. Разными благодетелями, в числе которых были не только гражданские лица, а большей частью казачество низших и верхних чинов, вносились различные размеры пожертвований. В период с 1849 по 1850 гг. в распоряжение обители поступило от разных лиц около 9100,4 руб. серебром [2].

Близко знакомые с игуменьей Митрофаньей генерал Г. А. Рашпиль и его супруга постоянно оказывали различную помощь в обустройстве монастыря. Помимо рассылки подписных листов о пожертвовании по воинским частям и сбора необходимого строительного материала [3, л. 242–242об., 332, 379], за свой счет они приобрели необходимый церковную литературу для организации церковных служб [3, л. 114–115].

В 1849 г. в день Святителя и Чудотворца Дмитрия Ростовского состоялась торжественная закладка будущего храма во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Уже через год состоялось освящение возведенного деревянного храма на кирпичном фундаменте [3, л. 160]. К осени 1851 г. на территории обители был выстроен деревянный флигель на кирпичном фундаменте на 7 комнат для помещения настоятельницы. Также были построены два корпуса-келии, первый на 11 и второй на 8 комнат для помещения монашествующих сестер [3, л. 53, 61].

О популярности в народе устраиваемой обители можно судить по тому, что игуменья Митрофания особым рапортом весной 1851 г. просила разрешения у епископа Иоанникия устроить отдельную гостиницу для «благочестивых посетительниц», которых с каждым годом становилось все больше [9, л. 12]. В своих отчетах о состоянии епархии Синоду преосвященный писал, что Черноморская Марие-Магдалновская пустынь «возрастает с успехом при заботливости настоятельницы и усердии войсковых жителей, за счет которых возникла эта обитель и обеспечена в средствах» [5, л. 7 об.]. Однако, ускорение строительства капитальных сооружений и приведение монастыря в надлежащий вид требовало больших средств и времени.

Несмотря на это в 1861 г. было закончено строительство второго храма обители, который освятили в честь небесной покровительницы монастыря – Святой Равноапостольной Марии Магдалины. К нему был пристроен настоятельский корпус. Преисполненная духовным рвением и успехами в строительстве игуменья Митрофания в 1867 г. ходатайствовала о разрешении постройки храма в честь Нерукотворенного Образа, но ходатайство было отклонено из-за недостатка средств. Однако это не остановило игуменью в последующем начать работы по строительству трехпрестольного Вознесенского собора с пределами в честь святого Божьего Архистратига Михаила и святого Димитрия Ростовского. Данное ходатайство также не нашло поддержки епархиального руководства в 1865 г. [28, с. 560].

Настоящим событием в жизни обители можно считать 1865–1866 гг., когда в Черноморской Марие-Магдалинской женской пустыни были пострижены в монахини 6 первых рясофорных послушниц и принято в послушание более десятка женщин. В большинстве своем все подвизавшиеся к послушанию были выходцами из крестьянского сословия, что было свидетельством меньшей популярности иночества среди казачек и шло в разрез с планами Войскового руководства [9, л. 115–117].

Не имея средств к учреждению училища в монастыре настоятельницей была организована работа по воспитанию девушек в православной традиции. Согласно данным Войскового правления на 1862 г. в обители на воспитании находилось 40 девиц, а общая численность всех насельниц достигла 200 девушек и женщин [9, л. 106–106 об.]. В обители были организованы фактически все виды женских рукоделий, которым учили параллельно с духовно-нравственным просвещением послушниц.

В своем рапорте руководству в 1861 г. командующий войсками граф Н. И. Евдокимов отмечал полезность Марие-Магдалиновского женского монастыря в Черномории в воспитании девушек: «Дает скромное образование девицам для про-

стого домашнего быта, и монастырь пользуется в народе большой популярностью». В связи с этим им поднимался вопрос, что, если большое число девушек, проживающие и воспитывающиеся в обители, с ранних лет будут навсегда отказываться от светской жизни. Тогда вместо блага для казачьего народонаселения: «<...> данная обитель будет лишать его лучших женщин, которые без пользы для общества проведут в ней всю свою жизнь, вначале воспитанницами, а потом и монахинями». Для обучения девушек войскового казачества было принято решение учредить в Кубанском казачьем войске станичные женские школы, по примеру Донского войска. До учреждения в войске станичных женских школ Кавказский комитет разрешил отдавать в монастырь на воспитание девушек, но при условии, что по достижению ими 16 лет родителям и родственникам нужно было их забирать домой [1, л. 102–108 об.].

Игуменья Митрофана умерла в ночь с 11 на 12 марта 1869 г. на 74 году жизни. Покойная не впадала в предсмертную агонию до самого последнего издыхания, никак не хотела допускать до себя той мысли, что не только дни, но и часы её окончательно сочтены, она чрезмерно оскорблялась напоминанием ей об этом. Одежды и вещей в её келье оказалось мало, кроме лоскутов и обрезков разных материй, вещи большей частью изношены, они, как и разные бумаги, были сложены в спальном комнате [6, л. 1–1 об.]. До решения епископа о назначении новой настоятельницы было вынесено распоряжение управлять обителью четырьмя монахиням совместно. За период своего служения в должности игуменья Митрофания неоднократно получала заслуженные благодарности от епархиального начальства. Помимо этого, ей была объявлена благодарность за усердную службу Синодом, и она была награждена наперсным золотым крестом [4, л. 24].

Ко времени смерти первой настоятельницы монастырь имел в распоряжении 8 тыс. рублей сбережений. В числе хозяйства монастыря числилось около 70 голов рогатого скота и 14 пар волов, более 200 голов мелко рогатого скота. На кирпичном монастырском заводе шел процесс изготовления кирпича для начатого строительства нового кирпичного корпуса келий длиной в 67, а шириной в 12,25 аршин, при этом все необходимое дерево для работ было уже подготовлено. В монастырском хозяйстве было две ветряные мельницы, одна машинная, а вторая простая ветряная. Помимо этого, монастырю принадлежал один дом в Екатеринодаре и один ст. Новониколаевской [6, л. 44–45 об.].

Благоустроенная Черноморская Марие-Магдалинская женская обитель радовала глаз посетителей и обывателей, в которой более ста лиц женского пола, разных состояний и званий, находили для себя приют. Новой настоятельницей обители

была избрана на общем собрании сестрами монастыря с перевесом в 1 голос монахиня Олимпиада, бывшая при игуменье Митрофании благочинной. Она происходила из дворян Кубанского казачьего войска, в 1839 г. была принята в число послушниц в Ладанского Покровского женского монастыря, а в 1845 г. пострижена в рясофор, и уже через год пострижена в монашество. 17 июня 1852 г. на основании обращения епископа Кавказского и Черноморского была переведена в число сестер данного монастыря и утверждена в должности благочинной [4, л. 4–5].

На территории монастыря действовали две церкви. Церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы была построена из дерева на кирпичном фундаменте с одним куполом, длиною от горного места до западных дверей 20,75 аршина, высотой от пола до купола 14 аршин. Разрешение на её строительство было выдано епископом Иеремией 30 июля 1849 г. Эта церковь была построена как временная на пожертвования, внесенными Черноморскими казаками, и оценивалась в 500 руб. серебром. Другая, домовая церковь, во имя святой Равноапостольной Марии Магдалины была сделана из жженого кирпича в 1855 г. на собственные средства генерал-лейтенанта Г. А. Рашпиля. Длина церкви составляла 25,25 аршин, ширина 10 и высота 5 аршин соответственно [8, л. 1–3].

Одной из наиболее почитаемых икон Покровской церкви была икона Пресвятой Богородицы Ладанской, которая была принесена при основании обители из Ладанского монастыря Полтавской губернии. Риза сооружена в 1856 г. усердием покойной игуменьи Митрофании. Остальные иконы были пожертвованы монастырю разными лицами и в разное время. Среди них встречаются монахини и послушницы обители, иконы работы сестер монастыря. Часто употребляется неизвестные благодетели, из разных территорий империи, с Афонской горы Русского Пантелеймонова монастыря. Среди икон иконостаса Марие-Магдалиновской церкви нужно отметить располагавшуюся с правой стороны от царских врат местную икону Спасителя в серебряной ризе, с таким же позолоченным венцом. Поскольку она была изготовлена за счет постоянного благодетеля обители войскового старшины Г. Холявко в 1860 г. [8, л. 29–31 об.].

При церкви была установлена временная колокольня из жженого кирпича. В ней было установлено 6 колоколов разных размеров, среди которых самым большим был колокол весом в 81 пуд 30 фунтов, ценой в 1476 руб. серебром пожертвованный в 1858 г. казачкой ст. Екатериновской М. Сосновой [8, л. 52].

Теснота храмов монастыря не позволяла принимать всех желающих на церковные службы, поэтому основной заботой игуменьи Олимпиады

стал вопрос о возведении соборного храма, который бы соответствовал статусу обители в регионе. Нужно отметить, что этот вопрос поднимался и её предшественницей, но из-за ограниченности средств и доходов обители решение этого вопроса было отложено. Только 31 августа 1873 г. епископом Германом была выдана грамота на строительство каменного соборного храма в честь и память Вознесения Господня, позволяющему одновременно вмещать более 800 богомольцев. Епископ, на обращение сестер для сбора средств в столицах империи, ответил строгим запретом, поскольку не имел права разрешения на подобные мероприятия, но не ограничивал их в обращении за помощью к населению Северного Кавказа и Кубани [29, с. 586].

Начатое строительство в 1874 г. было полностью закончено в начале следующего десятилетия. При храме было устроено два придела: правый – во имя Архистратига Михаила и прочих честных сил бесплотных, и левый – во имя святителя Димитрия Митрополита Ростовского. Все здание было сделано из жженого кирпича, на таком же фундаменте. Длина храма от горного места до западных дверей составляла 47,5 аршин, а до западных дверей колокольни 57 аршин. Ширина храма, от южных дверей до северных 31,25 аршина, а высота от пола до центрального купола, одного из пяти, составляла 60 аршин [10, л. 2–3 об.].

Среди икон, находящихся в разных местах храма и ставшими украшением собора, можно отметить пожертвованные в годы строительства с 1876 по 1881 гг. следующими лицами: монахиней Агнией, женой купца ст. Тимошевской Е. Стояновой, казаком И.П. Бондиным, казаком ст. Дмитриевской Т. Дихтяревым, казаками служащими в гвардии императора ст. Тимашевской, казаками ст. Роговской, и написанных в стенах обители самими монахинями. При соборе была возведена колокольня из такого же кирпича, на которой, среди прочих, был установлен колокол весом в 208 пудов, приобретенный настоятельницей обители при помощи собранных средств по территории Черноморского края [10, л. 20–29 об.].

Накануне мобилизации войск русско-турецкой кампании 1877–1878 гг. Синод обратился в Кавказскую епархию с предложением создания отдельных отрядов из послушников и послушниц обителей для ухода за больными и ранеными в предстоящих сражениях. Из Черноморской Марие-Магдалинской женской пустыни, по собственному желанию, были подготовлены и направлены в лазареты 6 послушниц при монахине Рафаиле. Остальные сестры обители приступили к изготовлению санитарных принадлежностей [18, с. 154].

Военно-временные госпитали, в которых служили сестры милосердия, располагались вблизи линии боевых действий. Они несли службу

не только в полевых лазаретах, но и оказывали помощь в стационарных медицинских учреждениях. После нескольких месяцев самоотверженной службы послушница Черноморской пустыни И. Милорадова заболела тифом и 9 декабря 1877 г. скончалась в военно-временном Александропольском госпитале [21, с. 80]. Остальные сестры вернулись в обитель только через несколько месяцев после заключения мира [24, с. 780–782]. Указом Синода от 2 марта 1879 г., по представлению преосвященного Германа, свидетельствам военно-медицинского руководства и общества Красного Креста, сестрам, за самоотверженное и полезное служение их больным воинам, было выдано благословение Святейшего Синода [37, с. 243]. Некоторые из них в дальнейшем приняли постриг и посвятили остаток жизни христианскому подвигу в стенах обители.

Известность монастыря простиралась за пределы региона, и среди его насельниц к концу века все больше встречалось послушниц из других губерний России. Высокое признание подтверждает тот факт, что в 1876 г. к Кавказскому епископу обратился прокурор Санкт-Петербургского окружного суда по вопросу помещения бывшей настоятельницы Московской епархиальной общины сестер милосердия и Серпуховского Владычного монастыря лишенной сана игуменьи Митрофании (Просковьи Розен). Которая по решению суда за составление фиктивных векселей была лишена все знаков отличия и всех прав личного состояния, и приговорена к содержанию на три с половиной года в одном из губернских монастырей [8, л. 25].

Указом Синода 1 апреля 1878 г. Черноморской Марие-Магдалинской женской пустыни игуменья Олимпиада за заслуги по духовному ведомству была удостоена благословения Синода [30, с. 272]. 20 апреля 1880 г. она, как и её предшественница игуменья Митрофания, была удостоена наперсным крестом. Игуменьей, за период её служения, были составлены подробные чертежи жилых корпусов, существующих в обители, и пояснительная записка к ним с точными и подробными сведениями о их постройке. За данную проделанную работу 31 декабря 1878 г. Кавказский Герман отметил: «Игумении Олимпиаде выразить мою благодарность за точное выполнение моего приказанья и обстоятельность доставленных ей по моему требованию сведений» [31, с. 45].

Как было отмечено в официальной прессе: «27 января 1891 г. от старческой немощи умерла настоятельница Черноморской Марие-Магдалинской женской Пустыни игуменья Олимпиада» [22, с. 48]. За период управления монастырем она смогла увеличить оборотные средства монастыря, которые составили около 100 тыс. рублей [12, л. 41–49], что позволило не только закончить строительство соборного храма, но принять участие во многих проектах епархиального и всероссийского значения.

После проведения выборов на утверждение епископу была представлена избранная единоголосно сестрами обители на должность настоятельницы монахиня этого же монастыря Мариамна. 28 июня 1891 г., по представлению архипастыря Евгения, Синодом она была возведена в сан игуменьи [27, с. 195]. Монахиня Мариамна происходила из крестьян Ставропольской губернии, и это был единственный случай в истории обители, когда настоятельницей пустыни стала представительница не войскового сословия. В 1859 г. она поступила в число послушниц монастыря, и 2 ноября 1875 г. пострижена в мантейные монахини. За период пребывания в обители исполняла должность казначеи, но по болезни была определена за штат [11, л. 4].

Делая акцент на духовно-нравственном воспитании и обучении рукоделию поступающих в монастырь девушек, настоятельницы обители не открывали начальной школы для детей, решая проблему обучения основам грамоты без организации школы. При посещении монастыря епископ Агафадор обратил на это внимание и предложил игуменьи устроить отдельное помещение для школы. Это замечание им было сделано исходя из того, что на тот момент в монастыре находилось более 50 девочек школьного возраста, которые были родственниками насельниц, а некоторые были привезены родителями для воспитания и обучения. Им было предложено устроить школьное здание так, чтобы в нем было место и для мастерских обители – иконостасной, золотешвейной, ковровой. Все вопросы организации образовательного процесса он предлагал поручить вдове войскового старшины А. И. Холявко, находящейся в числе послушниц, которая была выпускницей Мариинской Екатеринодарской гимназии. Исходя из этого оставалось только подыскать подходящее помещение и выписать учебники и учебные пособия. В том же году в монастыре начала работу женская школа грамотности для девочек в квартире учительницы, вдовы войскового старшины Холявко [34, с.454]. С большим усердием работая в ней бесплатно учительницей она из своих собственных средств платила жалование в размере 300 руб. в год своей помощнице по школе [33, с.130]. В 1896 г. на её место учительницы в обитель была принята послушница монастыря Ольга Бартельс, которая была выпускницей женской гимназии [36, с. 1357].

По рекомендации преосвященного библиотеки обители была пополнена книгами религиозно-нравственного содержания и была организована читальня. Для неграмотных и престарелых стариц были организованы чтения в помещении читальни. Труд чтений был возложен по желанию или по решению настоятельницы поочередно из послушания на лучших в чтении сестер обители [38, с. 786–800].

В конце XIX века в обществе шел процесс обсуждения участия общества в судьбе детей, совершивших преступления различной степени тяжести. Многие положения законодательства империи в вопросе уголовной ответственности несовершеннолетних были пересмотрены. Согласно новым положениям закона о малолетних, последние за совершение ими преступления не подвергались уголовному наказанию и передавались на исправление родственникам и знакомым, или ответственным поручителям, или помещались в особые исправительные приюты, а при отсутствии их в монастыри. Когда к епископу Агафодору в 1898 г. обратился председатель правления Кубанского исправительного приюта А. Д. Бигдаев о возможном участии монастырей в данном проекте, то преосвященный не колеблясь поддержал данное начинание. В монастырях призреваемые должны были обучаться грамоте в монастырских школах и различным ремеслам, какие уже были развиты в монастырях и какие еще предполагалось организовать по соглашению с Правлением приюта [15, л. 1–2].

С епархиальными властями было достигнуто предварительное соглашение об открытии приютов для малолетних преступников и сиротского дома при Екатерино-Лебяжской Николаевской и женской Марие-Магдалиновской обителях в Кубанской области. Приюты были открыты в сентябре 1898 г., при первом отделении исправительного приюта для 20 мальчиков и при второй для 25 девочек. Когда в 1899 г. министр юстиции докладывал императору о содействии руководства епархии в открытии при Кубанских монастырях исправительных приютов для несовершеннолетних и призрения бесприютных детей в Кубанской области, то император выразил епархиальному руководству и монастырям монаршее одобрение [15, л.33].

По соглашению Правления и Марие-Магдалинского монастыря от 23 сентября 1898 г. исправительный приют для девочек действовал на условиях размещения в обители 25 девочек, с увеличением числа их в будущем по мере необходимости. В приют принимались исключительно по определению Правления приюта. Надзор за ними вверялся сестрам, назначенным настоятельницей, но правлению предоставлено было право назначать особую директрису, с правами и обязанностями, указанными в уставе. Определенные в приют девочки получали от монастыря одежду, однообразную для всех формы и обувь, постельные принадлежности, постели, а также пищу на все время нахождения их в приюте, не менее 3-х раз в сутки. Монастырь обязывался всех принятых им от правления девочек обучать в монастырской школе грамоте, а также всем тем ремеслам, которые имелись в монастыре. За каждую принятую на воспитание девочку монастырь получал от правления по 40 руб. в год.

Дети преступники по возможности отделялись от детей сирот и объединялись в особые группы под надзор особых воспитателей [15, л. 54–54об.].

Дети обязательно должны были обучаться в местных церковно-приходских школах, для которых обителями были отведены приличные здания и приглашены правоспособные учитель и учительница с платой по 300 руб. в год. На них же правление приюта возлагала заведывание отделениями приюта. Как в школах, так и в приютах было установлено единство в учебно-воспитательном процессе. Приют в Марие-Магдалинском монастыре устроили в недавно выстроенном доме, располагающемся в центральной части монастыря [15, л. 53–53 об.].

Данное начинание, сделанное Кубанскими монастырями, как организация детских приютов и сиротских домов, должны были способствовать и культивировать в жизни общества начала высшего нравственного порядка. Это работа велась монастырем на фоне изоляции монастырей центральной России от мира в своих стенах. Их внимание сосредотачивается на молитвенном подвиге, не выходя за пределы чисто монастырских интересов, что вело к отдалению их от светского мира. Выбранное направление деятельности требовало большого внимания и самопожертвования, вложения больших средств.

Игуменья Мариамне пришлось побывать обвиняемой по ложному доносу поручика А. Михайлова в Синод о пьянстве, разврате, злоупотреблениях и беспорядках, царивших в Марие-Магдалинской женской пустыне. В 1894 г. возвращаясь из Афона он посетил данный известный на Северном Кавказе монастырь, но поселенный на равных условиях с другими богомольцами и расстроенный отсутствием внимания к своей персоне составил данный донос. Согласно представленным им данным «только наглядно в пустыни совершаются обряды и под маской черных ряб топчется святыня. В данную обитель стекаются изгнанные послушники из других женских монастырей. Поселяясь в гостиницу, они становятся самоуправными, для них двери всех келий раскрыты, а под гостеприимством скрывается царящий разврат». Благочинный архимандрит Мартирий пользуется «благами» данной обители, в виде различных подношений [13, л. 2–3].

На защиту обители во время проводимого епархиальными властями следствия встали все её жители, начиная от послушниц и трудников, до членов церковного монастырского клира. После проверки присланных материалов проведенного следствия епископ Агафодор распорядился производство по данному делу прекратить. Производивший следствие благочинный священник Остатов считал, что в монастырской обители «бывали такие посетители, которые подлежат непосредственному ведению полиции». По сделанным

выводам было принято решение учредить при монастыре должность урядника. Поскольку монастырь находился в достаточном отдалении от населенных мест, что делало его уязвимым для грабежа и разбоя, что было, по мнению следователя, актуально при прогрессе зла в то время, и стремлению народа к легкой наживе [13, л. 5–8].

Подорвав и без того слабое здоровье, игуменья Мариамна подала прошение об оставлении занимаемой должности, согласно которому 10 февраля 1909 г. она была уволена от должности настоятельницы, а на её место утверждена избранная сестрами обители монахиня монастыря Прискилла [26, с. 233–234]. Родом новая настоятельница была из казачек Кубанской области, получила хорошее домашнее образование. Поступила в обитель в 1873 г. и только через 30 лет была пострижена в монашество. За этот период она проходила различные послушания, от звонарки и сбора пожертвований до пономарского при монастырском храме [16, л.2]. Из-за начавшихся разбирательств в пустыни среди насельниц относительно пребывания в основанной казачьими властями обители иногородних, и как следствие разбор анонимных жалоб, заваливших Синод, она была возведена в сан игуменья Агафодором только 29 января 1912 г. [19, с.164]. Несмотря на ряд принятых ею спорных решений и жестких действий, к 1915 г. в обители официально находилось 506 насельниц из разных регионов России [16, л.83].

В этот период, следуя традиции сплочением с обществом в преодолении вызовов времени, с 28 февраля по 11 марта 1911 г., впервые в истории Ставропольской (Кавказской) епархии, при Марие-Магдалинской женской пустыни Кубанской области уездным миссионером священником Н. Розановым были проведены миссионерские против сектантские курсы для насельниц обителей, священнослужителей региона и всех глубоко верующих людей [35, с. 435–449]. Монастырь открыл двери для всех желающих мирян и священнослужителей области, в рамках возможности их расселения. На курсах была рассмотрена масса религиозно-нравственных вопросов в свете учения церкви. Поднимаемые вопросы на проходимых уроках дали возможность многим расширить свои знания. Положенное начало и отработанный формат проведения занятий в дальнейшем был расширен на все монастыри епархии [39, с. 479–483].

Высокая репутация пустыни распространилась далеко за пределами региона, что привело к притоку в обитель, желавших в ней поселиться. Несомненно, это потребовало пересмотра сложившейся программы организации образовательного процесса. При школе Марие-Магдалинского Кубанского исправительного приюта было открыто общежитие для обучающихся девочек, и на 1912 г. в этом общежитии содержалось уже 32

девочки. Жизнь этих детей проходила, главным образом, в освоении школьной программы, в занятиях рукоделием и домашним хозяйством при монастыре [32, с.57].

Революционные события 1917 г. и последующая смена власти в России негативно сказались на истории монастыря. Пережив разграбление и разорение обители его насельницы пытались найти себя в новых условиях организовав женскую коммуны, но это не спасло их от чрезмерной жестокости новой власти относительно религиозных учреждений и институтов религии, самих монахинь и послушниц, а также настоятельниц обители.

Сохраненная открытость для всех сословий и возрастов Марие-Магдалинская пустынь смягчала своей деятельностью вызовы времени, в чем заключалась немалая заслуга настоятельниц монастыря. Социальная ориентация реализуемой политики управления, при хорошо развитой системе монастырского хозяйства, позволяла добиваться существенных успехов на данном поприще. При отсутствии в регионе женских образовательных учреждений в период своего становления, пустынь открыла двери всем желающим

девушкам к получению первичных навыков рукоделия и давала возможность обучиться основам российской грамоте. Учитывая дефицит государственных социальных учреждений для женщин и девушек, потребности общества и населения Северного Кавказа, настоятельницами была открыта церковно-приходская и начальная школы, детский приют и сиротский дом, организован уход за больными и престарелыми вдовами, проведены миссионерские курсы и много другое, о чем еще предстоит написать исследователям обители. Противостоя вызовов времени монастырь способствовал сплоченности общества, слаженного взаимодействия его институтов.

В начале 1918 г. обитель была закрыта местными властями, а имущество национализировано. На территории монастыря была организована коммуна «Всемирная дружба», которая объединила оставшихся насельниц в артель, возглавляемую Евгенией Сапко и Екатериной Рудь. В последующем все земли были национализированы, а обитель разорена, сестры, преследуемые за свои убеждения, поселились в окрестных станицах и хуторах.

Источники и литература

1. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 318. Оп. Д.313.
2. ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д.1911.
3. ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д.2869.
4. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф.135. Оп. 16. Д.2.
5. ГАСК. Ф.135. Оп.16. Д.80.
6. ГАСК. Ф.135. Оп.27. Д.556.
7. ГАСК. Ф.135. оп.34. Д.493.
8. ГАСК. Ф.135. Оп.34. Д.595.
9. ГАСК. Ф.135. Оп.4. Д.212.
10. ГАСК. Ф.135. Оп.48. Д.501.
11. ГАСК. Ф.135. оп.49. Д.252.
12. ГАСК. Ф.135. Оп.51. Д. 291.
13. ГАСК. Ф.135. Оп.52. Д.510.
14. ГАСК. Ф.135. Оп.56. Д.653.
15. ГАСК. Ф.135. Оп.56. Д.653.
16. ГАСК. Ф.135. Оп.73. Д.854.
17. ГАСК. Ф.135. Оп.8. Д.268.
18. Известия. Готовность монахинь Кавказской епархии к Поступлению в отряды сердобольных сестер и изготовлению санитарных материалов // Кавказские епархиальные ведомости. №5 от 1 марта 1877. С. 154.
19. Известия: Архиерейская служения // Ставропольские епархиальные ведомости. №6 от 5 февраля 1912. С.164.
20. Кияшко И.И. Черноморская Марие-Магдалинская женская монашеская общественная пустынь // Кубанский сборник. Т.15. 1910. С. 230.
21. Некролог // Кавказские епархиальные ведомости. №3 от 1 февраля 1878. С. 80.
22. Некролог // Ставропольские епархиальные ведомости. №3 от 1 февраля 1891. С. 48.
23. О приобретении на счет станичных сумм училищных потребностей для станичных школ Оренбургского казачьего войска (12 августа 1850 г.) // Полное собрание законов Российской империи (1825–1881). Т.25: Ч.1. №24402.
24. О службе сестер ЧММЖП и иеромонахов Кизлярского монастыря по уходу за больными и ранеными воинами // Кавказские епархиальные ведомости. №21 от 1 ноября 1878. С.780-782.
25. О учреждении в Черноморском казачьем войске женской обители во имя Святой Марины Магдалины (11 декабря 1848 г.) // Полное собрание законов Российской империи (1825–1881). Т.23. №22812.
26. Определения св. Правительствующего Синода // Ставропольские епархиальные ведомости. №8 от 21 февраля 1909. С. 233–234.
27. Определения Святейшего Синода // Ставропольские епархиальные ведомости. №14 от 16 июля 1891. С.195.
28. Отдел официальный. Распоряжения Епархиального начальства // Кавказские епархиальные ведомости. № 17 от 1 сентября 1873. С. 560.
29. Отдел официальный. Распоряжения Епархиального начальства // Кавказские епархиальные ведомости. № 18 от 16 сентября 1873. С. 586.

30. Отдел официальный. Распоряжения Епархиального начальства // Кавказские епархиальные ведомости. № 8 от 15 апреля 1878. С. 272.
31. Отдел официальный. Распоряжения Епархиального начальства // Кавказские епархиальные ведомости. № 2 от 1 января 1878. С. 45.
32. Отчет епархиального наблюдателя о состоянии в учебно-воспитательном отношении церковно-приходских школ Ставропольской епархии за 1910-1911 учебный год // Ставропольские епархиальные ведомости. №39 от 23 сентября 1912. С. 57.
33. Отчет о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Ставропольской епархии за 1894–1895 учебный год // Ставропольские епархиальные ведомости. №3 от 1 февраля 1896. С. 130.
34. Отчет о состоянии церковно-приходских школ Ставропольской епархии за 1893–1894 учебный год // Ставропольские епархиальные ведомости. №8 от 16 апреля 1895. С. 454.
35. Первые миссионерские противосектантские курсы в Марие-Магдалинском женском монастыре Ставропольской епархии // Ставропольские епархиальные ведомости. №14 от 2 апреля 1911. С. 435–449.
36. По журнальному определению Епархиального училищного совета от 1-го ноября за № 38, утвержденному резолюцией Его Преосвященства от 25 ноября за № 8729 // Ставропольские епархиальные ведомости. №23 от 1 декабря 1896. С. 1357.
37. Преподание благословения Святейшего Синода // Кавказские епархиальные ведомости. №7 от 31 марта 1879. С. 243.
38. Путешествие преосвященного Агафадора для обозрения церквей епархии // Ставропольские епархиальные ведомости. №24 от 16 декабря 1893. С. 786–800.
39. Св. Григорий Твердохлебов Впечатления от миссионерских курсов, бывших в Марие-Магдалинском монастыре в 1911 году // Ставропольские епархиальные ведомости. №15 от 9 апреля 1911. С. 479–483.
40. Св. Филипп Николайченко Очерк Черноморской Марие-Магдалинской женской пустыни // Кавказские епархиальные ведомости. №20 от 16 октября. 1874. С. 649–652.

References

1. State archive of Krasnodar territory (GAKK). F. 318. Inv. D.313. (In Russian).
2. GAKK. F.249. Inv.1. D.1911. (In Russian).
3. GAKK. F.249. Inv.1. D.2869. (In Russian).
4. State archive of Stavropol territory (GASK). F.135. Op. 16. D.2. (In Russian).
5. GASK. F.135. Inv.16. D.80. (In Russian).
6. GASK. F.135. Inv. 27. D.556. (In Russian).
7. GASK. F.135. Inv. 34. D.493. (In Russian).
8. GASK. F.135. Inv. 34. D.595. (In Russian).
9. GASK. F.135. Inv. 4. D.212. (In Russian).
10. GASK. F.135. Inv. 48. D.501. (In Russian).
11. GASK. F.135. Inv. 49. D.252. (In Russian).
12. GASK. F.135. Inv. 51. D. 291. (In Russian).
13. GASK. F.135. Inv. 52. D.510. (In Russian).
14. GASK. F.135. Inv. 56. D.653. (In Russian).
15. GASK. F.135. Inv. 56. D.653. (In Russian).
16. GASK. F.135. Inv. 73. D.854. (In Russian).
17. GASK. F.135. Inv. 8. D.268. (In Russian).
18. Izvestija. Gotovnost' monahin' Kavkazskoj eparhii k Postupleniju v otrjady serdobol'nyh sester i izgotovleniju sanitarnyh materialov (News. The readiness of the nuns of the Caucasian diocese to enter the detachments of compassionate sisters and the production of sanitary materials) // Kavkazskie eparhial'nye vedomosti. 1877. No. 5. P.154. (In Russian).
19. Izvestija: Arhierijskija sluzhenija (Izvestiya: Hierarchal ministries) // Stavropol'skie eparhial'nye vedomosti. 1912. No. 6. P. 164. (In Russian).
20. Kijashko I. I. Chernomorskaja Marie-Magdalinskaja zhenskaja monasheskaja obshestvennaja pustyn' (Black Sea Mary Magdalene Women's Monastic Community Hermitage) // Kubanskij sbornik. 1910. Vol.15. P.230. (In Russian).
21. Nekrolog (Obituary) // Kavkazskie eparhial'nye vedomosti. 1878. No.3. P.80. (In Russian).
22. Nekrolog (Obituary) // Stavropol'skie eparhial'nye vedomosti. 1891. No.3. P.48. (In Russian).
23. O priobretanii na schet stanichnyh summ uchilishhnyh potrebnostej dlja stanichnyh shkol Orenburgskogo kazach'ego vojska (12 avgusta 1850 g.) (On the acquisition of school needs for the village schools of the Orenburg Cossack army at the expense of the village sums (August 12, 1850) // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (1825–1881). Vol.25: Plan. 1. No. 24402. (In Russian).
24. O sluzhbe sester ChMMZhP i ieromonahov Kizljarskogo monastyrya po uhodu za bol'nymi i ranenymi vojnami (On the service of the sisters of the Black sea Mary-Magdaline Black sea hermit and the hieromonks of the Kizlyar Monastery in caring for the sick and wounded soldiers) // Kavkazskie eparhial'nye vedomosti. 1878. No. 21. P.780-782. (In Russian).
25. O uchrezhdenii v Chernomorskom kazach'em vojske zhenskoi obiteli vo imja Svjatoj Mariny Magdaliny (11 dekabrya 1848 g.) (On the establishment of a convent in the Black Sea Cossack army in the name of St. Marina Magdalene (December 11, 1848) // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (1825–1881). Vol. 23. No. 22812. (In Russian).
26. Opredelenija sv. Pravitel'stvujushhego Sinoda (Ordinance of St. Governing Synod) // Stavropol'skie eparhial'nye vedomosti. 1909. No. 8. P. 233-234. (In Russian).
27. Opredelenija Svjatejshego Sinoda (Ordinance of the Holy Synod) // Stavropol'skie eparhial'nye vedomosti. 1891. No. 14. P. 195. (In Russian).

28. Otdel oficial'nyj. Rasporjazhenija Eparhial'nogo nachal'stva (Official department. Orders of the Diocesan authorities) // Kavkazskie eparhial'nye vedomosti. 1873. No. 17. P. 560. (In Russian).
29. Otdel oficial'nyj. Rasporjazhenija Eparhial'nogo nachal'stva (Official department. Orders of the Diocesan authorities) // Kavkazskie eparhial'nye vedomosti. 1873. No. 18. P. 586. (In Russian).
30. Otdel oficial'nyj. Rasporjazhenija Eparhial'nogo nachal'stva (Official department. Orders of the Diocesan authorities) // Kavkazskie eparhial'nye vedomosti. 1878. No. 8. P. 272. (In Russian).
31. Otdel oficial'nyj. Rasporjazhenija Eparhial'nogo nachal'stva (Official department. Orders of the Diocesan authorities) // Kavkazskie eparhial'nye vedomosti. 1878. No. 2. P. 45. (In Russian).
32. Otchet eparhial'nogo nabljudatelja o sostojanii v uchebno-vospitatel'nom otnoshenii cerkovno-prihodskih shkol Stavropol'skoj eparhii za 1910-1911 uchebnyj god (Report of the diocesan observer on the educational situation in the parochial schools of the Stavropol diocese for the 1910-1911 academic year) // Stavropol'skie eparhial'nye vedomosti. 1912. No. 39. P. 57. (In Russian).
33. Otchet o sostojanii cerkovno-prihodskih shkol i shkol gramoty Stavropol'skoj eparhii za 1894-1895 uchebnyj god (Report on the state of parochial schools and literacy schools of the Stavropol diocese for the 1894-1895 academic year) // Stavropol'skie eparhial'nye vedomosti. 1896. No. 3. P.130. (In Russian).
34. Otchet o sostojanii cerkovno-prihodskih shkol Stavropol'skoj eparhii za 1893-1894 uchebnyj god (Report on the state of parochial schools of the Stavropol diocese for the 1893 - 1894 academic year) // Stavropol'skie eparhial'nye vedomosti. 1895. No. 8. P.454. (In Russian).
35. Pervye missionskie protivosektantskie kursy v Marie-Magdalinskom zhenskom monastyre Stavropol'skoj eparhii (The first missionary anti-sectarian courses in the Mary Magdalene convent of the Stavropol diocese) // Stavropol'skie eparhial'nye vedomosti. 1911. No. 14. P.435-449. (In Russian).
36. Po zhurnal'nomu opredeleniju Eparhial'nogo uchilishhnogo soveta ot 1-go nojabrja za № 38, utverzhdenomu rezoljuciej Ego Preosvjashhenstva ot 25 nojabrja za No. 8729 (According to the journal definition of the Diocesan School Council of November 1, No. 38, approved by the resolution of His Grace of November 25, No. 8729) // Stavropol'skie eparhial'nye vedomosti. 1896. No. 23. P. 1357. (In Russian).
37. Prepodanie blagoslovenija Svjatejshego Sinoda (Teaching the blessing of the Holy Synod) // Kavkazskie eparhial'nye vedomosti. 1879. No. 7. P. 243. (In Russian).
38. Puteshestvie preosvjashhennogo Agafadora dlja obozrenija cerkvej eparhii (Journey of the Right Reverend Agafador to View the Churches of the Diocese) // Stavropol'skie eparhial'nye vedomosti. 1893. No. 24. P. 786–800. (In Russian).
39. Sv. Grigorij Tverdohlebov Vpechatlenija ot missionskih kursov, byvshih v Marie-Magdalinskom monastyre v 1911 godu (St. Gregory Tverdokhlebov Impressions from the missionary courses that took place in the Mary Magdalene Monastery in 1911) // Stavropol'skie eparhial'nye vedomosti. 1911. No. 15. P.479-483. (In Russian).
40. Sv. Filipp Nikolajchenko Oчерk Chernomorskoj Marie-Magdalinskoj zhenskoj pustyni (St. Philip Nikolaychenko Essay on the Black Sea Mary Magdalene Women's Desert) // Kavkazskie eparhial'nye vedomosti. 1874. No. 20. P. 649–652. (In Russian).

Сведения об авторах

Немашкалов Павел Григорьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и методики истории и обществознания, Ставропольского государственного педагогического института / paul_2@rambler.ru

Адрес: 355029, 417 А, ул. Ленина, Ставрополь, Российская Федерация.

Шебзухова Татьяна Александровна – доктор исторических наук, директор Пятигорского института (филиала) «Северо-Кавказского федерального университета» / tshebzukhova@ncfu.ru

Адрес: 357500, 56, проспект 40 лет Октября, Пятигорск, Российская Федерация.

Information about the authors

Nemashkalov Pavel G. – Doctor of History Science, Professor, Chair of Theory and Methods of History and Social Science, Stavropol State Pedagogical Institute / paul_2@rambler.ru

The address: 355029, 417 A, Lenin st., Stavropol, Russian Federation.

Shebzukhova Tatyana A. – Doctor of History Science, Head of Pyatigorsk Institute (branch) of the North-Caucasus Federal University / tshebzukhova@ncfu.ru

The address: 357500, 56, 40 Let Oktyabrya ave., Pyatigorsk, Russian Federation.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ LEGAL SCIENCES

УДК 347.73

<http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.3.13>А. С. Кирпа,
В. А. Мельникова

ФИНАНСОВО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В ОБЛАСТИ ПОДДЕРЖКИ И РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Актуальность статьи обусловлена необходимостью обращения к вопросам стимулирования инновационной деятельности в условиях новых политических и экономических вызовов.

По итогам 2021 г. Россия заняла 45-е место в глобальном рейтинге инноваций, составляемом ежегодно Всемирной организацией интеллектуальной собственности, что не соответствует ее инновационному потенциалу. Само исследование показывает, что по количеству специалистов с высшим образованием Россия занимает 18 место, по качеству человеческого капитала и науки удерживает позиции на 29-м месте. Существенную отрицательную роль в приведенном рейтинге играет индекс государственного регулирования инновационной деятельности и как следствие – уровень развития рынка. Дана оценка развитию приоритетных направлений финансово-правовой политики в области поддержки перспективных инновационных предприятий. Отмечено, что в их перечень входят инновационные научно-технологические центры, промышленные и технопарки, инновационные центры, территории с особым экономическим режимом, позволяющие пользоваться льготными условиями и преференциями.

В статье приведен анализ современной финансово-правовой политики государства в области инновационной деятельности, обобщены результаты реализации государственных стратегий и программ, проанализированы предложения по совершенствованию финан-

сово-правового регулирования инноваций. Определено, что в структуре финансово-правовой политики в области развития инновационной деятельности можно выделить бюджетную и налоговую политику. Обосновано, что эффективность развития инноваций напрямую зависит от мер налоговой поддержки и совершенствования налогового законодательства. Отмечено, что существенную роль в развитии инноваций играет кооперация высших учебных заведений и компаний, поэтому необходимо четкое правовое регулирование данного направления.

Сделан вывод о необходимости уделять особое внимание развитию финансово-правовой политики в отношении субъектов инновационной деятельности, объединяющих образование, науку, производство, бизнес и государство.

Ключевые слова: финансы, финансовое право, правовая политика, финансово-правовая политика, инновации, инновационная деятельность, субъекты инновационной деятельности, налоговая политика, налоговые льготы, налоговое стимулирование, бюджетная политика.

Для цитирования: Кирпа А. С., Мельникова В. А. Финансово-правовая политика России в области поддержки и развития инновационной деятельности // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (3). С. 472–478. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.3.13

Angelina S. Kirpa
Viktoriya A. Melnikova

FINANCIAL AND LEGAL POLICY OF RUSSIA IN THE FIELD OF SUPPORT AND DEVELOPMENT OF INNOVATIVE ACTIVITY

The relevance of the article is due to the need to address the issues of stimulating innovation in the face of new political and economic challenges.

At the end of 2021, Russia took 45th place in the global innovation rating compiled annually by the World Intellectual Property Organization, which does not correspond to its innovative potential. The study itself shows that in terms of the number of specialists with higher education, Russia ranks 18th, and in terms of the quality of human capital and science, it holds positions in 29th place. A significant

negative role in the above rating is played by the index of state regulation of innovation activity and, as a result, the level of market development. An assessment is made of the development of priority areas of financial and legal policy in the field of supporting promising innovative enterprises. It was noted that their list includes innovative scientific and technological centers, industrial and technology parks, innovation centers, territories with a special economic regime that allow them to enjoy preferential terms and preferences.

The article analyzes the modern financial and legal policy of the state in the field of innovation, summarizes the results of the implementation of state strategies and programs, analyzes proposals for improving the financial and legal regulation of innovation. It is determined that in the structure of the financial and legal policy in the field of development of innovation activity, one can single out budget and tax policy. It is substantiated that the efficiency of innovation development directly depends on tax support measures and improvement of tax legislation. It is noted that the cooperation of higher educational institutions and companies plays a significant role in the development of innovations, therefore, a clear legal regulation of this area is necessary.

Экономическое развитие современного государства напрямую связано с проводимой политикой в области инновационной и инвестиционной деятельности, направленной на благоприятное и устойчивое функционирование субъектов такой деятельности, применение ими новых технологий, наукоемких разработок, способных конкурировать на рынке с зарубежными аналогами.

Существенную роль в стимулировании развития в области инноваций играет эффективность финансовой системы и проводимой в Российской Федерации финансово-правовой (финансовой) политики. Само определение финансовой политики законодательно не установлено. Как справедливо отмечает С.М. Миронова, более корректно говорить о финансово-правовой политике, а не о финансовой политике (такую формулировку можно встретить в законодательстве), так как именно финансово-правовая политика как часть правовой политики при помощи правовых средств позволяет решать задачи по осуществлению финансовой деятельности [2].

Финансово-правовая политика является частью государственной политики, основными элементами которой являются:

- определение приоритетов развития общества;
- разработка стратегии социально-экономического развития;
- принятие политически значимых решений;
- мониторинг, оценка и контроль достижения обозначенных целей в результате финансовой деятельности государства.

Современные экономические и политические вызовы в корне изменяют существующую стратегию развития и побуждают ускорять темпы роста. Экономика наряду с технологической трансформацией претерпевает геополитическую напряженность. Государство ставит перед собой задачу создания условий не только для быстрого восстановления экономики, но и для обеспечения национальной безопасности.

Ориентирами развития нормативно-правовой базы традиционно служат определенные государственные программы, концепции и стратегии. Положения таких документов находят отражение

It is concluded that it is necessary to pay special attention to the development of financial and legal policy in relation to the subjects of innovation, which combine education, science, production, business and the state.

Key words: finance, financial law, legal policy, financial and legal policy, innovation, innovation activity, subjects of innovation activity, tax policy, tax incentives, tax incentives, budget policy

For citation: Kirpa A. S., Melnikova V. A. Financial and legal policy of Russia in the field of support and development of innovative activity // Humanities and law research. 2022. V. 9 (3). P. 472–478. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.3.13

в принятии нормативно-правовых актов, направленных на реализацию стратегических задач, поставленных перед государственными органами.

Программные документы призваны определять цель и основные задачи финансово-правовой политики государства.

Само понятие финансово-правовой политики широкое. Виды финансово-правовой политики выделяют в зависимости от тех финансовых правоотношений, которые входят в предмет финансового права.

Законодатель, раскрывая полномочия Правительства Российской Федерации, отделяет финансовую, налоговую, бюджетную, кредитную и денежную политику друг от друга.

В теории, как правило, выделяют виды финансово-правовой политики в зависимости от структуры системы финансового права. Так, Е. В. Покачалова выделяет бюджетно-правовую, налогово-правовую, правовую денежно-кредитную, государственно-долговую правовую, валютную правовую политику [3].

Исходя из структуры финансовой деятельности субъектов инновационной деятельности, финансово-правовую политику в области развития инновационной деятельности можно охарактеризовать по нескольким направлениям:

- 1) совершенствование налоговой политики в сфере регулирования инновационных процессов;
- 2) бюджетно-правовая политика, проводимая государством с целью финансирования инновационной деятельности.

Содержательно оба вида можно рассматривать с учетом специфики субъектов инновационной деятельности.

Рассмотрим основные направления финансово-правовой политики в отношении субъектов инновационной деятельности, заложенные в соответствующих стратегиях, концепциях и государственных программах за период с 2008 г. по настоящее время.

Своеобразным фундаментом современной финансово-правовой политики должна была стать концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 г.,

ставившая перед государством задачу перехода к инновационному типу экономики [4]. Данная концепция была разработана и принята в 2008 г. и предусматривала перечень стратегических ориентиров долгосрочного социально-экономического развития, а также этапы инновационного развития, включающие в себя распространение новых технологий и развитие высокотехнологичных производств. Однако глобальный финансовый кризис еще на начальном этапе поставил под сомнение реализацию основных положений концепции. Это привело к разработке Стратегии 2020, так и не утвержденной Правительством. Следовательно, концепция долгосрочного социально-экономического развития осталась формально действующей, что позволило экспертам использовать ее как ориентир достижения поставленных целей в экономическом развитии страны, в том числе в инновационной сфере.

Немаловажным документом, влияющим на финансово-правовую политику в России, стала Стратегия инновационного развития до 2020 г. (далее – Стратегия) [5].

Реализация стратегии закрепляла следующие принципы поддержки инновационной деятельности:

- создание стимулов и условий для технологической модернизации на основе повышения эффективности компаний с использованием комплекса мер тарифного, таможенного, налогового и антимонопольного регулирования;
- координация бюджетного, налогового, внешнеэкономического и других направлений социально-экономической политики как необходимое условие решения ключевых задач инновационного развития.

Отличительной чертой стратегии являлось прямое указание на необходимость в оптимизации налоговой нагрузки субъектов инновационной деятельности, в частности в отношении работников предприятий и организаций, занимающихся инновациями, а также введение системы налоговых льгот, необходимых для развития инновационного бизнеса.

На первом этапе реализации стратегии предусматривался комплекс мер налогового, тарифного и таможенного регулирования, позволяющий повышать инвестиционную привлекательность высокотехнологических секторов экономики. Планировалось осуществить наращивание расходов на софинансирование инновационных проектов частных компаний. На указанном этапе реализации Стратегии предусматривалась апробация кластерных инициатив и формирование технологических платформ.

Особое внимание уделялось развитию сектора высшего образования, стимулированию научно-исследовательской и инновационной деятельности вузов, их кооперации с передовыми

региональными и федеральными компаниями реального сектора экономики, расширению международной интеграции с ведущими международными научными организациями.

На втором этапе реализации Стратегии было предусмотрено увеличение бюджетных ассигнований в развитие инноваций и увеличение объемов финансирования на предоставление кредитной поддержки предприятий, осуществляющих инновационную деятельность.

Несмотря на то, что эксперты отмечают низкий уровень реализации Стратегии, стоит заметить, что некоторые пункты были достигнуты.

Крупные предприятия, как частные, так и государственные, инвестировали в разработку критически важных для них технологий. Частно-государственное партнерство в сфере инноваций стало продуктом реализации вышеуказанной стратегии. Созданный в 2011 г. Российский фонд прямых инвестиций (РФПИ) стал частью системы финансирования инновационных и инфраструктурных проектов.

В 2014 г. была утверждена государственная программа Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика» (далее – Программа), срок реализации которой был продлен в 2020 г. В 2021 г. в Программу внесены изменения. В новой редакции отмечено, что несмотря на свою направленность на развитие экономики и инновационной сферы, Программа сыграла роль в финансовом обеспечении реализации мероприятий по минимизации кризисных явлений в экономике.

В 2021 г. в рамках Программы осуществляются дальнейшее финансирование мероприятий, обеспечивающих восстановление занятости и рост экономики, а также долгосрочные структурные изменения в экономике.

Реализация мероприятий Программы за прошедший период обеспечила достижение следующих результатов в развитии инновационной деятельности:

- 1) созданы новые особые экономические зоны и обеспечено их развитие, включая увеличение объема привлеченных инвестиций, количества созданных рабочих мест;
- 2) институтами инновационного развития (федеральное государственное бюджетное учреждение «Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере», некоммерческая организация Фонд развития Центра разработки и коммерциализации новых технологий, унитарная некоммерческая организация Фонд инфраструктурных и образовательных программ) осуществлена поддержка инновационных компаний.
- 3) принят закон о технологических долинах, предполагающий создание инновационных научно-технологических центров, являющихся

частью единой инновационной экосистемы, которая позволит приблизить разработки учёных к реальным запросам экономики и стимулировать развитие технологий. Созданы инновационные научно-технологические центры «Инновационный научно-технологический центр МГУ «Воробьевы горы», «Инновационный научно-технологический центр «Сириус», «Долина Менделеева», «Русский», «Инновационный научно-технологический центр «Композитная долина». В 2022 г. создан Инновационный научно-технологический центр «Балтийская долина – Хьюмантек», реализуемый по инициативе Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта.

В новой редакции программы (2021 г.) обозначена цель «Ускорение технологического развития экономики», для достижения которой в структуру госпрограммы включено направление «Поддержка инновационных компаний», в рамках которого предполагается реализация мероприятий по стимулированию инноваций, обеспечению правовой охраны и коммерциализации прав на интеллектуальную собственность.

В качестве приоритетных направлений финансово-правовой политики следует выделить поддержку перспективных инновационных предприятий. Для этого создаются ранее упомянутые инновационные научно-технологические центры, промышленные и технопарки, позволяющие пользоваться льготными условиями и преференциями.

Особенностью инновационного процесса, является его присутствие во всех сферах и отраслях: от IT-технологий до медицины. Не может существовать единого государственного органа, занимающегося инновационным развитием. Как справедливо отмечает академик Наталья Иванова, доктор экономических наук, профессор, руководитель научного направления «Наука и инновации» Института мировой экономики и международных отношений РАН: «Инновационное развитие – интегрированный результат, производная от развития науки и технологий, рынков и институтов, сочетания монополии и конкуренции».

Именно поэтому различные государственные программы в отдельных отраслях так или иначе затрагивают вопрос создания льготных (как правило налоговых) условий, государственного финансирования и стимулирования инновационного развития.

Стоит обратить внимание на бюджетно-правовую политику, проводимую государством с целью финансирования инновационной деятельности.

Сложившиеся условия на мировой арене обуславливают необходимость финансовых вложений в развитие инновационной инфраструктуры и поддержку кадрового потенциала с целью создания экономики, не зависящей от экспорта энергоресурсов.

Финансовое обеспечение может проходить в форме субсидий, грантов, кредитов, гарантий и реализации целевых программ.

Можно выделить четыре направления реализации финансового обеспечения инновационных субъектов:

- 1) финансирование фундаментальных или прикладных исследований – Российский научный фонд (РНФ), Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ);
- 2) технопарки, инкубаторы и прочие институты. Так, в настоящий момент увеличено количество регионов, которые могут получать федеральные субсидии на создание промышленных парков и технопарков, предусмотренные государственной программой «Экономическое развитие и инновационная экономика».
- 3) прямое финансирование инновационных компаний («Сколково», РВК, ВЭБ);
- 4) финансирование компаний, развивающих сотрудничество между наукой и производством. Так, в 2010 г. были приняты Постановление Правительства Российской Федерации № 218 от 09.04.2010 «О мерах государственной поддержки развития кооперации российских высших учебных заведений и производственных предприятий» и Постановление Правительства Российской Федерации № 219 от 09.04.2010 «О государственной поддержке развития инновационной инфраструктуры в федеральных образовательных учреждениях высшего профессионального образования», призванные развивать инфраструктуру вузов и поддерживать их кооперацию производственных предприятий с целью стимулирования использования научного и инновационного потенциала высших учебных заведений, так как в настоящий момент сложно представить развитие инноваций без участия вузов.

Как правило, финансирование инновационной деятельности происходит как из средств федерального, так и регионального бюджета.

Однако даже большие объемы бюджетного финансирования не могут коренным образом изменить развитие инновационных процессов, так как как правило финансирование инновационных проектов носит периодический характер. Поэтому особое внимание стоит уделить развитию налоговой политики, включающей в себя реализацию мер налогового стимулирования субъектов инновационной деятельности.

Роль налоговой политики в поддержке инновационной деятельности в первую очередь заключается в создании условий для спроса на продукты инновационной деятельности и привлекательной инвестиционной деятельности, так как именно налоговые льготы и преференции могут

заинтересовать потенциальных инвесторов. Также государство не должно препятствовать деятельности налогоплательщиков, направленной на внедрение в производственные процессы результатов научных исследований и опытно-конструкторских работ.

Отмечается, что в налоговой политике в области инноваций необходимо говорить не только о налоговых льготах, но и о других мерах поддержки субъектов инновационной деятельности. Необходимо корректировать систему налогообложения, изменять налоговое администрирование в целом.

Законодательство зарубежных стран содержит нормы, позволяющие инновационным компаниям применять специальный режим ускоренной амортизации, налоговые каникулы. Во многих странах компаниям предоставляют льготы по освобождению от уплаты налогов или уменьшения их ставки.

В России законодатель дифференцирует размер и виды льгот в зависимости от статуса субъекта. Рассмотрим на примере отдельных субъектов инновационной деятельности.

Одним из самых распространенных и закрепившихся субъектов инновационной деятельности выступают малые инновационные предприятия, появившиеся в стране в 2009 г. с принятием Федерального закона от 02.08.2009 № 217-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности». Цель создания малых инновационных предприятий заключалась в формировании привлекательных условий для коммерциализации инновационной деятельности вузов.

Для деятельности малых инновационных предприятий предусмотрен ряд налоговых льгот, которые в совокупности с региональными преференциями создают привлекательные условия для развития инновационной деятельности. В частности, к таковым относятся следующие льготы:

- использование упрощенной системы налогообложения;
- пониженный тариф страховых взносов.

Одним из эффективных форматов инновационной инфраструктуры стало создание территорий со специальным режимом предпринимательской и инвестиционной деятельности.

Законодательство Российской Федерации предусматривает возможность создания различных зон-территорий при определенных условиях, резиденты которых претендуют на льготный режим налогообложения. К числу таковых можно отнести территории субъектов Российской Федерации, реализующих региональные инвестиционные проекты, а также на территории которых созданы: 1) особые экономические зоны; 2) зоны

территориального развития; 3) территории опережающего социально-экономического развития; 4) свободные экономические зоны. [6]

Относительно новым, но положительно развивающимся субъектом инновационной деятельности являются ранее упомянутые инновационные научно-технологические центры. Их деятельность регулируется Федеральным законом от 29.07.2017 № 216-ФЗ «Об инновационных научно-технологических центрах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Инновационные научно-технологические центры — это часть территории субъекта либо субъектов Российской Федерации, которая определяется Правительством Российской Федерации и на которой действует особый правовой режим осуществления деятельности и создается необходимая инфраструктура в целях создания в том числе благоприятных условий для реализации приоритетных направлений развития науки, техники и технологий.

В 2019 г. вступили в силу изменения налогового законодательства, закрепившие предоставление налоговых преференций для лиц, получивших статус участника проекта, осуществляющего деятельность на территории инновационного научно-технологического центра:

- освобождение от уплаты налога на прибыль организаций до достижения годового объема выручки от реализации товаров (работ, услуг, имущественных прав) в размере 1 миллиарда рублей, либо на срок 10 лет;
- освобождение в течение 10 лет от уплаты налога на добавленную стоимость;
- освобождение от налогообложения налогом на имущество организаций для участников проекта, а также для фондов, управляющих компаниями и их дочерних обществ;
- освобождение от земельного налога организаций, признаваемых фондами в соответствии с законодательством, в отношении земельных участков, расположенных на территории инновационного научно-технологического центра;
- применение в течение 10 лет пониженных тарифов страховых взносов;
- освобождение от уплаты государственной пошлины за выдачу разрешений на работу, выдачу приглашения на въезд в Российскую Федерацию, выдачу или продление виз иностранным гражданам, заключившим с указанными организациями трудовой или гражданско-правовой договор.

Предоставляя такой обширный перечень льгот, законодатель исходил из обоснованной целесообразности их объема, чтобы не допустить переток участников из таких проектов, как инновационный центр «Сколково», являющегося также традиционным субъектом инновационной

деятельности. Цель деятельности инновационного центра заключается в поддержке технологического предпринимательства в России и коммерциализации результатов научно-исследовательской деятельности. Резидент Сколково может пользоваться льготой по налогу на имущество и льготой по уплате страховых взносов на любой системе налогообложения: как на общей системе налогообложения, так и на упрощенной системе налогообложения, по уплате налога на добавленную стоимость, при соблюдении ряда условий.

Однако достигнутые результаты также имеют свои издержки и проблемы. Так, особый правовой статус и низкая прозрачность институтов развития на фоне больших объемов государственного финансирования стали почвой для неэффективного расходования средств.

Таким образом, сегодня ключевым приоритетом государственной политики становится развитие высокотехнологических компаний, ко-

торые имеют особое значение в стратегически важных отраслях экономики. В целях формирования благоприятных условий осуществления инновационной деятельности государство продолжает создавать различные форматы инновационной инфраструктуры. Промышленная инфраструктура особых экономических зон подходит для крупных производственных предприятий, институты развития и государственные фонды по поддержке инноваций («Сколково», РВК, ВЭБ) служат площадкой для развития технологических стартапов, инновационные научно-технологические центры выполняют функции по ускоренной коммерциализации и внедрения в реальный сектор наукоемких проектов. Именно поэтому необходимо уделять особое внимание развитию финансово-правовой политики в отношении субъектов инновационной деятельности, объединяющих образование, науку, производство, бизнес и государство.

Источники и литература

1. Егорова А. А. Участие субъектов Российской Федерации в осуществлении инвестиционной деятельности: правовые аспекты: дисс... канд. юр. наук. М., 2019. 233 с.
2. Миронова С. М. Влияние государственной финансово-правовой политики на муниципальные образования // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. №2. С. 44–53
3. Покачалова Е. В. Финансово-правовая политика России в сфере государственного долга в условиях глобализации экономики // Юридический вестник Ростовского государственного экономического университета. 2005. Т.2. №34. С. 17.
4. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 28.09.2018) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/ (Дата обращения: 21.09.2022).
5. Распоряжение Правительства РФ от 08.12.2011 № 2227-р (ред. от 18.10.2018) «Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123444/2f806c88991ebbad43cdaa1c63c2501dc94c14af/ (Дата обращения: 21.09.2022).
6. Смирнов Д. А. Особенности налогообложения на территориях со специальным режимом предпринимательской и инвестиционной деятельности // Развитие научных идей профессора Н.И. Химичевой в современной доктрине финансового права: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. Саратов: СГЮА, 2020. С. 218.

References

1. Egorova A. A. Uchastie sub#ektov Rossijskoj Federacii v osushhestvlenii investicionnoj dejatel'nosti: pravovye aspekty (Participation of the subjects of the Russian Federation in the implementation of investment activities: legal aspects): thesis. Moscow, 2019. 233 p. (In Russian).
2. Mironova S. M. Vlijanie gosudarstvennoj finansovo-pravovoj politiki na municipal'nye obrazovaniya (The impact of state financial and legal policy on municipalities) // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2020. Vol. 15. No. 2. P. 44–53. (In Russian).
3. Pokachalova E. V. Finansovo-pravovaja politika Rossii v sfere gosudarstvennogo dolga v uslovijah globalizacii jekonomiki (Financial and legal policy of Russia in the field of public debt in the context of economic globalization) // Juridicheskij vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo jekonomicheskogo universiteta. 2005. Vol.2. No. 34. P. 17. (In Russian).
4. Rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 17.11.2008 № 1662-r (red. ot 28.09.2018) «O Konceptcii dolgosrochnogo social'no-jekonomicheskogo razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda» (Decree of the Government of the Russian Federation of November 17, 2008 No. 1662-r (as amended on September 28, 2018) "On the Concept of Long-Term Socio-Economic Development of the Russian Federation for the period up to 2020") URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/ (Accessed: 21.09.2022). (In Russian).
5. Rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 08.12.2011 № 2227-r (red. ot 18.10.2018) «Ob utverzhdenii Strategii innovacionnogo razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda» (Decree of the Government of the Russian Federation of December 8, 2011 No. 2227-r (as amended on October 18, 2018) "On approval of the Strategy for Innovative Development of the Russian Federation for the period up to 2020") URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123444/2f806c88991ebbad43cdaa1c63c2501dc94c14af/ (Accessed: 21.09.2022). (In Russian).
6. Smirnov D.A. Osobennosti nalogooblozhenija na territorijah so special'nym rezhimom predprinimatel'skoj i investicionnoj dejatel'nosti (Features of taxation in territories with a special regime of entrepreneurial and investment activities) // Razvitie nauchnyh idej professora N.I. Himichevoj v sovremennoj doktrine finansovogo prava: sbornik nauchnyh trudov po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Saratov: SSLA publ., 2020. P. 218. (In Russian).

Сведения об авторах

Кирпа Ангелина Сергеевна – старший преподаватель кафедры административного и финансового права юридического института Северо-Кавказского федерального университета / kirpa1994@yandex.ru

Адрес: 355017, д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, Российская Федерация.

Мельникова Виктория Анатольевна – доцент кафедры административного и финансового права юридического института Северо-Кавказского федерального университета / vik647696372008@yandex.ru

Адрес: 355017, д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, Российская Федерация.

Information about the authors

Kirpa Angelina S. – Senior Lecturer, Chair of Administrative and Financial Law, Law Institute, North-Caucasus Federal University / kirpa1994@yandex.ru

The address: 355017, 1, Pushkina st., Stavropol, Russian Federation.

Melnikova Viktoriya A. – Associate Professor, Chair of Administrative and Financial Law, Law Institute North-Caucasus Federal University / vik647696372008@yandex.ru

The address: 355017, 1, Pushkina st., Stavropol, Russian Federation.

УДК 341.171

<http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.3.14>

Я. И. Лебедева

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРАВА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ВЕНГРИИ

В статье рассматривается история и современное состояние взаимодействия права ЕС и конституционного права Венгрии. Последовательно изучаются подходы к такому взаимодействию, сложившиеся на национальном и наднациональном уровне. В рамках исследуемой проблематики затрагиваются вопросы общей модели взаимодействия международного права и внутригосударственного права в Венгрии, которая основана на дуалистических традициях. Рассматривается процесс вступления государства в Европейский союз и соответствующие конституционные изменения: положение о наделении компетенции; клаузула о национальной идентичности; правила сотрудничества между парламентом и правительством; уточнение статуса и компетенции Национального банка; новые избирательные правила; а также конституционные изменения, принятые позднее в рамках имплементации Рамочного решения Совета ЕС о европейском ордере на арест. Отмечена излишняя политизированность процесса вступления государства в Европейский союз, который должен подчиняться строгим юридическим критериям наличия стабильных институтов, гарантирующих демократию, верховенство права и права человека. Отдельное внимание уделяется Основному закону 2010 г., принятие которого знаменует фазу аксиологического противостояния конституционного правопорядка Венгрии и основополагающих ценностей Союза. В данной связи Европейская

комиссия обращается в Суд ЕС с многочисленными исками, которые направлены на решение точечных проблем более общей ситуации отхода от европейских ценностей. Венгрия наряду с Польшей также становится первым государством, в отношении которого была возбуждена процедура явной угрозы серьезного нарушения ценностей. Указанный конфликт стал одной из причин создания новых правовых механизмов, связанных с защитой таких ценностей: рамочной процедуры борьбы с системными угрозами верховенству права; механизма верховенства права и механизма обусловленности верховенством права. Делается вывод о том, что характер и степень политического давления, которое осуществляется Европейской комиссией в отношении Венгрии, ставит под сомнение саму целесообразность участия последней в проекте европейской интеграции.

Ключевые слова: Европейский союз, Венгрия, демократия, верховенство права, права человека, национальная идентичность, конституционная реформа, конституционные ценности, правовая аксиология, правосознание.

Для цитирования: Лебедева Я. И. Взаимодействие права Европейского Союза и конституционного права Венгрии // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (3). С. 479–490. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.3.14

Yana I. Lebedeva

INTERACTION OF EUROPEAN UNION LAW AND HUNGARIAN CONSTITUTIONAL LAW

The article examines the history and current state of interaction between EU law and Hungarian constitutional law. Approaches to such interaction that have developed at the national and supranational levels are consistently studied. The issues of the general model of interaction between international law and domestic law in Hungary, which is based on dualistic traditions, are touched upon within the framework of the studied issues. The process of the State's accession to the European Union and the corresponding constitutional amendments are considered: the provision on the granting of competence; the national identity clause; the rules of cooperation between the Parliament and the Government; clarification of the status and competence of the National Bank; new electoral rules; as well as constitutional amendments adopted later as part of the implementation of the EU Council Framework Decision on the European Arrest Warrant. The excessive politicization of the process of the state's accession to the European Union, which must comply with strict legal criteria for the existence of stable institutions that guarantee democracy, the rule of law and human rights, was noted. Special attention is paid to the Basic Law of 2010, the adoption of which marks a phase of axiological confrontation between the constitutional order of Hungary

and the fundamental values of the Union. In this regard, the European Commission appeals to the EU Court with numerous lawsuits aimed at solving the point problems of a more general situation of departure from European values. Hungary, along with Poland, also becomes the first State in respect of which a procedure was initiated for a clear threat of serious violation of values. This conflict has become one of the reasons for the creation of new legal mechanisms related to the protection of such values: the framework procedure for combating systemic threats to the rule of law; the mechanism of the rule of law and the mechanism of conditionality by the rule of law. It is concluded that the nature and degree of political pressure exerted by the European Commission against Hungary casts doubt on the very expediency of the latter's participation in the European integration project.

Key words: European Union, Hungary, democracy, rule of law, human rights, national identity, constitutional reform, constitutional values, legal axiology, legal conscience.

For citation: Lebedeva Ya. I. Interaction of European Union law and Hungarian constitutional law // Humanities and law research. 2022. V. 9 (3). P. 479–490. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.3.14

Первая Конституция Венгрии являлась частью Закона XX, принятого в 1949 г. [11]. В силу принадлежности к социалистическому блоку Венгрия исторически придерживается модели инкорпорации международных договоров. В процессе конституционных реформ был принят Закон № XXXI 1989 г. [12], который вносил изменения в конституцию государства. Согласно новой редакции статьи 7 Основного закона «правовая система Венгерской Республики принимает общепринятые положения международного права, а также обеспечивает согласованность принятых требований международного права и права внутреннего». Данное нововведение подтвердило самоисполнимый характер (прямое действие) «общепринятых положений международного права», несмотря на неясность содержания указанного термина. Конституционным судом было признано, что такие положения являются частью самой конституции [51, о. 160]. Тем не менее, в силу дуалистических традиций венгерские суды крайне редко ссылаются в своих решениях на подобные положения [50, р. 264].

В отношении международных договоров дуалистическая модель продолжает действовать до настоящего времени. В 2005 г. Конституционный суд Венгрии подчеркнул, что осуществление инкорпорации необходимо, чтобы не наносить ущерба конституции [45]. Большое количество международных договоров не инкорпорируются, а значит – остаются исключительно международными обязательствами венгерского государства. Они не могут применяться в спорах частными лицами в национальном суде. Однако, на государственных органах (в том числе – судах) лежит обязанность как можно более полно обеспечивать согласованное толкование конституции и международных договоров, что прямо вытекает из смысла статьи 7.

Принятие акта инкорпорации является полномочием Национального собрания Венгрии, которое реализуется в рамках обычной законодательной процедуры. В Решение № 7/2005 Конституционный суд заявил, что также обладает полномочиями решать, действует ли норма международного договора во внутригосударственном правовом порядке [45]. Неопределенность в отношении статуса международных договоров приводит к тому, что суды ссылаются только на акты инкорпорации и крайне редко обращаются к тексту неинкорпорированных международных договоров [50, р. 260].

В контексте общего понимания модели действия международного права во внутригосударственном праве Венгрии важное значение имеет решение Конституционного суда, принятое в 1997 г. [42]. По мнению Суда, полномочия по конституционному контролю в отношении законов могут быть расширены до рассмотрения вопроса о

действии международных договоров. Признание договора неконституционным ведет к отмене акта об инкорпорации, что знаменует собой утрату действия международного договора во внутригосударственном праве. На практике Конституционный суд приостанавливает производство по таким делам на разумный рок с целью дать законодателю возможность согласовать международные обязательства и внутреннее право. Как было указано выше обеспечение такой согласованности является конституционной обязанностью государственных органов. Таким образом, Суд подтвердил приоритет национальной конституции, а также действие дуалистического принципа *lex posteriori derogat priori* в конституционной системе Венгрии.

Вторая серия крупных конституционных изменений была принята в 2002 г. в преддверии вступления в Европейский союз. Наличие в указанном государстве дуалистической модели могло существенно осложнить действие права Европейского союза, которое основано на принципиально иных началах. В решении по делу *Van Gend en Loos* 1963 г. Суд справедливости указал, что Сообщества «представляют собой новый порядок международного права» [20]. Данный порядок должен иметь иные квалификационные характеристики в отношении действия права в национальном правовом порядке. В рамках рассмотрения указанного дела было предложено три возможных подхода в отношении таких характеристик [57]. Среди них особенно выделялась система, существовавшая в конституционной традиции Нидерландов, – монистическом государстве, которое в наибольшей степени открыто международному праву [50, р. 179-220].

В рамках указанного подхода предлагалось обеспечить:

- 1) применение национальными судами норм права Сообществ в конкретных делах (юрисдикционная защищенность);
- 2) верховенство права Сообществ, в том числе в отношении конституции и вне зависимости от времени принятия акта;
- 3) предоставление Суду Европейских сообществ исключительной возможности определять иные аспекты действия коммунитарного права.

В последнем случае Суд настаивал на том, что нормы права Сообществ в максимальной степени должны быть интегрированы в национальное право государств-членов. В решении по делу *Costa v. ENEL* 1964 г. указанная степень интегрированности была выражена формулой «правовая система Сообществ является неотъемлемой частью правовых систем государств-членов» [21, пункт 3]. Кроме того, в решении по делу *Van Gend* было провозглашено, что субъектами правового порядка Сообществ «являются

не только государства-члены, но и их граждане», которые «могут ссылаться при наличии спора между частными лицами в национальном суде на нарушения... обязательств» [21, пункт 4]. Иными словами, положения права Сообществ, которые являются безусловными и довольно четкими, обладают прямым действием, а в терминологии доктрины международного права – являются самоисполнимыми.

На протяжении истории своего существования Судом справедливости было вынесено значительное число решений, которые «прицельно били» по конституционным дуалистическим системам. Одним из первых таких дел становится *Internationale Handelsgesellschaft*, которое было рассмотрено в 1970 г. В данном решении делается вывод о том, что действие права ЕС в правовом порядке государства-члена может рассматриваться только в свете самого права сообщества [19, пункт 3]. Это предполагает, что государства лишаются возможности оценивать наднациональные нормы на соответствие конституции, в том числе «конституционному ядру», под которым понимаются основные положения о правах человека, предусмотренные в конституции, а также основополагающие принципы конституционной структуры. Указанный запрет был установлен с целью обеспечить эффективность и единообразие права ЕС. В последующем Суд неоднократно повторял данную правовую позицию. В деле *Melloni* 2013 г. Суд указал, что «нормы национального права, даже конституционного порядка, не могут быть допущены к подрыву эффективности права ЕС на территории государства» [27].

Дело *Simmenthal* 1978 г. было прямо направлено на устранение дуалистического принципа *lex posteriori derogat priori* как способа разрешения коллизий между правом Сообществ и национальным правом [18, пункт 59]. Суд указал, что национальный суд обязан обеспечить полную реализацию права Сообществ, даже если позднее будет принят национальный закон, вступающий с ним в противоречие. Для Италии, в отношении которой было вынесено решение по делу *Simmenthal*, данная позиция Суда справедливости имела далеко идущие последствия, поскольку она позволяла национальным судьям вплоть до первой инстанции прямо игнорировать не только конституцию, но и многовековую конституционную культуру ее применения. В деле *Lucchini* 2007 г. было установлено, что даже такой важный принцип европейской конституционной традиции как *res judicata* не подлежит применению в случае противоречия праву ЕС [16].

В деле *Mangold* 2005 г. Суд вновь установил приоритет права ЕС над закрепленными в Конституции правами человека [22]. Кроме того, еще с 1970-х гг. в делах Суда справедливости начали формироваться собственные правовые подходы

в отношении прав человека, которые заимствовались из международных актов и конституционных традиций государств-членов. Со временем они получают название «общих принципов права ЕС», кодификация которых получила воплощение в Хартии ЕС об основных правах [15]. В настоящее время считается, что уровень защиты прав человека в праве ЕС достиг такого предела, что национальным судам весьма трудно отказать в его применении со ссылкой на конституционный каталог прав и свобод.

В Заключении 1/91 Суд справедливости совершил очередной прорыв в той роли, которую приобретает коммунитарное право по отношению к конституционному праву государств-членов. Суд прямо указал, что учредительные договоры, «хотя и заключены в форме международного соглашения, тем не менее, составляют конституционную хартию, основанную на верховенстве права» [24, пункт 21]. Таким образом, учредительные договоры взяли на себя роль конституции нового политического пространства. В данной связи можно говорить о возникновении на европейском пространстве многоуровневого конституционализма [60, 61, 62]. В более поздних решениях по делам *Kreil* 2000 г. [23] и *Michaniki* 2008 г. [17] было подтверждено, что право ЕС имеет приоритет над любой нормой, даже имеющей конституционный статус.

В отношении диалога с конституционными судами позиция Суда ЕС кажется еще более радикальной. Уже в деле *Costa v. ENEL* Суд продемонстрировал, что он обладает автономией в отношении позиции Конституционного суда Италии [38]. Суд ЕС имеет право получать прямые запросы от любого национального суда (статья 267 ДФЕС). Конституционный суд не имеет права каким-либо образом препятствовать этому (дело *Križan* 2013 г.) [28]. Конституционный суд, являясь одним из высших судов, решения которого не подлежат обжалованию, не только может, но и обязан обратиться в Суд справедливости в случае наличия аналогичных сомнений в толковании права ЕС (абзац 3 пункта «b» статьи 267). Национальные суды не применяют противоречащие праву ЕС положения национального права, даже если Конституционный суд оставил их в силе, как было установлено в делах *Filipiak* 2009 г. [31] и *Winner Wetten* 2010 г. [32].

Таким образом, в основе взаимодействия права ЕС и конституционного права государств-членов была взята теория монизма, которая длительное время разрабатывалась австрийским ученым Гансом Кельзенем [3, с. 388-420]. Согласно данной теории, международное и национальное право представляют собой единое целое, а их иерархия является строго вертикальной. Роль национальной конституции низводится до одной из иерархических ступеней. При этом в праве ЕС

последовательно игнорируются не только отдельные конституционные нормы, но и сама ценность конституции, заложенная в ее базовом ядре, а также конституционные традиции европейских государств. По этой причине нидерландский исследователь М. Клэс (M. Claes) утверждает, что позиция Суда в отношении национальной конституционной структуры является «довольно грубой и безжалостной» [50, p. 185].

Переходя к конкретным положениям венгерской конституционной реформы 2002 г., в первую очередь, следует рассмотреть положение «о наделении компетенцией» (статья 2/A), которое гласило следующее:

«В силу договора Венгерская Республика в качестве государства-члена Европейского союза может осуществлять определенные конституционные полномочия совместно с другими государствами-членами в той мере, в какой это необходимо в связи с правами и обязанностями, предусмотренными договорами об учреждении Европейского союза и Европейских сообществ (далее именуемый «Европейский союз»); эти полномочия могут осуществляться независимо и через институты Европейского союза.

Ратификация и обнародование договора, упомянутого в части 1, подлежат одобрению большинства в две трети голосов парламента».

Кроме того, в конституцию были внесены классические для вступления в ЕС изменения, такие как уточненное определение статуса и полномочий Национального банка; установлены правила сотрудничества между парламентом и правительством по вопросам европейской интеграции; а также предусмотрены новые избирательные правила в преддверии выборов в Европейский парламент и в муниципальные образования, к которым были допущены все граждане государств-членов Сообществ. Небольшое изменение также было внесено в декабре 2007 г., которое было направлено на подтверждение принципа *nullum crimen nulla poena sine lege* в преддверии вступления в силу положений о европейском ордере на арест [13].

Конституционный суд Венгрии не был особенно многословен в отношении толкования статья 2/A. В 2006 г. он указал, что данная статья «определяет условия и рамки членства Венгерской Республики в Европейском союзе, а также статус права Сообщества в системе источников венгерского права» [39]. В 2008 г. Суд указал, что осуществление полномочий является только совместным, а объем таких полномочий – ограниченным. Суд указал на то, что они реализуются «в объеме, необходимом для осуществления прав и выполнения обязательств, вытекающих из учредительных договоров Европейского союза» [39].

В указанной позиции примечательно то, что конституция оставляет суверенные полномочия (а значит и суверенитет) за Венгрией, что прямо противоречит толкованию передачи полномочий

как фундаментального принципа права Европейского союза (principle of conferral). Согласно указанному принципу, учредительные договоры, а не национальная конституция является основой передачи полномочий (пункт 2 статьи 5 ДЕС). При этом государство не просто разделяет с другими определенными суверенными полномочиями, а именно их «предоставляет, передает» (confer). В данной связи сохраняется дискуссия в отношении того, обладает ли после этого государство абсолютным или все же относительным суверенитетом [9].

По нашему мнению, данная дискуссия носит сугубо теоретический характер и не оказывает значительного влияния на порядок реализации Европейским союзом предоставленных ему полномочий. В действительности, реализация полномочий «совместно с другими государствами-членами» не является общим правилом, как на том настаивает Конституция Венгрии. Так, многие полномочия реализуются исключительно Союзом, в том числе в таких сферах, как таможенный союз и общая торговая политика (пункт 1 статьи 3 ДФЕС); Союзом и государствами-членами – по вопросам окружающей среды, защиты потребителей, транспорта и др. (пункт 2 статьи 4), при этом компетенция делится между каждым государством-членом и Союзом, а не между ними. Лишь в некоторых случаях, когда компетенция остается за государствами-членами, она осуществляется ими самостоятельно или при координирующей роли институтов Союза (пункт 1 статьи 5).

Таким образом, «европейская клаузула» как она именуется в венгерской юридической науке, весьма спорно отражает реалии наднационального принципа передачи полномочий. Конституционный суд также говорит о наличии у себя компетенции проверять право Союза на соответствие статьи 2/A конституции. Подобное право он обосновывает со ссылкой на пресловутый дуалистический принцип: «право Сообществ, применимое в венгерском законодательстве, имеет такую же силу, как и закон, принятый в венгерском законодательстве» [43].

Вслед за указанным решением последовали еще более откровенные. В 2010 г. Конституционный суд проверил на соответствие конституции Акт о промульгации Лиссабонского договора [40]. По мнению Суда, наделение Союза компетенцией не может привести к лишению понятий суверенитета и верховенства права своего содержания. Несмотря на то, что Договор о реформе имеет важнейшее значение, Венгрия остается суверенным и независимым государством, в котором преобладает верховенство права, что включает в себя приоритет Конституции страны в системе источников права [40]. Таким образом, статья 2/A начинает восприниматься властями Венгрии в качестве полноценного «контрлимита», который охраняет основы абсолютного суверенитета и верховенства Конституции.

Несмотря на отсылку к верховенству права, в самой Венгрии происходит постепенный отход от указанной европейской ценности. Институты ЕС рассматривают данное движение как «эрозию» (сползание) [65], которое напрямую связано с приходом в 2010 г. к власти правой популистской партии ФИДЕС. По нашему мнению, указанный правый поворот нельзя объяснить исключительно сменой политических элит. Согласно опросам, рядовые венгры имеют весьма неоднозначное отношение к европейским ценностям. Согласно опросу 2013 г. доля венгров, которые причисляют себя к либералам, составляет 14 %, приверженность правам человека в западном понимании отметили только 18 % опрошенных, а капитализму – всего 5 %.

Указанные общественные настроения не могли быть неизвестны и при вступлении Венгрии в Европейский союз. В то же время, соблюдение основополагающих ценностей ЕС, среди которых фигурирует и верховенство права, является строгим юридическим критерием членства. В 1993 г. в преддверии «Большого расширения», участником которого была и Венгрия, Европейский совет сформулировал, так называемые «Копенгагенские критерии». Первым и важнейшим среди них становится приверженность основополагающих ценностям Союза – демократии, верховенству права, правам человека, включая права меньшинств.

На заседании Европейского совета в Мадриде в 1995 г. было указано, что членство требует не только декларативной приверженности ценностям Союза, но и наличия стабильных институтов, которые их гарантируют. Переговоры с Венгрией, которые начались в 1998 г., полностью проходили под руководством правительства, сформированного Виктором Орбаном. Указанный период характеризуется как период экономических и социальных реформ, которые сопровождали вступление в ЕС. Ф.Е. Лукьянов замечает, что подобные реформы так и не были проведены, а правительство сосредоточилось на состоянии политических элит [7, с. 30]. Несмотря на рост государственного долга и дефицита бюджета, старая песня о тяжести периода «советской оккупации» стала тем самым аргументом, который определил удачное завершение переговорного процесса по вступлению в ЕС. Таким образом, политизация процесса институтами ЕС стала причиной правового поворота, который наблюдается сегодня.

Вступление в ЕС не принесло Венгрии заметного процветания – конкуренция в масштабах всего Союза обернулась национальной экономике убытками и ростом государственных и частных долговых обязательств. К 2010 г. страна находилась на грани банкротства и большинство венгерских граждан испытывали все возрастающее разочарование идеалами капитализма и свободного рынка. Общественное мнение было

пронизано «евроскептицизмом», что в некоторых случаях доходило до солидаризации с крайними формами правой идеологии. На выборах в парламент Венгрии более 20% голосов набрала правая радикальная националистическая христианская партия «За лучшую Венгрию» (Йоббик). Общественное мнение удалось консолидировать ФИДЕС, которая сменила ультралиберальную риторику, которой руководствовалась в период вступления в ЕС, на консервативную, христианскую и социальную. На выборах в парламент 2010 г. правая коалиция получила 68,1% мест в парламенте, что позволило сформировать правительство во главе с В. Орбаном.

После прихода к власти ФИДЕС парламентом был принят новый Основной закон [54]. Процедура разработки конституции, которая началась сразу после победы партии на выборах, подверглась критике со стороны Европейской комиссии за демократию через право (Венецианской комиссии) Совета Европы за отсутствие широких общественных дебатов [58]. В новом Основном законе содержатся упоминания о Боге и христианстве, достоинстве венгерской нации, разрыве с коммунистическим прошлым, определение брака как союза мужчины и женщины, и многие другие элементы, которые традиционно знаменуют собой обращение к традиционным ценностям как части правой политики. В июне 2021 г. парламент Венгрии принял законодательные изменения, которые касаются ограничения сексуального просвещения школьников [52]. После негативной реакции со стороны Европейского союза, был инициирован всенародный референдум, который впоследствии был признан несостоявшимся. Данная тактика использования воли народа в качестве «контрлимита» официальной позиции Брюсселя становится типичной для конституционной практики Венгрии.

Основной закон от 25 апреля 2011 г. практически повторил «европейскую клаузулу» в статье Е, дополнив ее и разделив на параграфы. Согласно новой формулировке, Венгрия может осуществлять полномочия «совместно с другими государствами-членами через институты Европейского союза» (пункт 2). Благодаря изменению указанного положения удалось хоть и неверно, но немного более точно сформулировать принцип передачи полномочий. Пункт 3 указанной статьи был дополнен положением, согласно которому «право Европейского союза может в рамках, изложенных в пункте 2, устанавливать общеобязательные правила поведения». Необходимо вновь отметить, что наличие у отдельных источников права ЕС прямого действия определяется на основании учредительных договоров в толковании Суда. Обусловленность общеобязательного характера актов Союза ссылкой на надлежащую передачу полномочий по конституции Венгрии может быть

рассмотрена в качестве нового конституционного контрлимита действию права ЕС на территории Венгрии.

С момента вступления в силу Лиссабонского договора [68] Европейский союз также обязался «уважать национальную идентичность, присущую основополагающим политическим и конституционным структурам» (статья 4(2) ДЕС), однако это положение не задумывалось в качестве ограничения компетенции или предлога для отказа в действии (а тем более нарушения) права Союза. Несмотря на целый ряд попыток государств-членов использовать данное положение в качестве «контрлимита», Суд ЕС отразил их в целом ряде решений – Michaniki [17], Sayn-Wittgenstein [29], Las [26], Runevič-Vardyn and Wardyn [30]. Таким образом, хотя изменения, внесенные в Основной закон Венгрии, и являются попыткой усилить национальные контрлимиты, статья 4(2) ДЕС об уважении национальной идентичности фактически представляет собой «спящую норму».

Несмотря на несколько громких решений, которые рассматривались выше, Конституционный суд последовательно избегал конфликтов между национальным правом и правом ЕС. Во многих решениях подтверждались верховенство, прямое действие и эффективность права Сообществ (а затем и Союза) [46]. Подобная лояльность Конституционного суда не была позитивно встречена большинством парламента, который в 2013 г. принял решение внести изменения в конституцию, которые значительно сокращают полномочия первого. В частности, были отменены все решения КС, вынесенные до даты принятия новой конституции. Право Суда отменять законы, принятые 2/3 членов Национального собрания, было ограничено. Кроме того, были сокращены полномочия Суда по рассмотрению конституционности бюджетного законодательства.

Поправки, принятые в 2013 г., оказывали непропорциональное влияние на деятельность оппозиционных партий – избирательная агитация в рамках предвыборной кампании могла осуществляться только на публичных каналах, которые находились под контролем партии ФИДЕС. В 2017 г. также были введены весьма обширные положения о прозрачности политических партий и неправительственных организаций, финансируемых из-за рубежа, что предполагало маркировку контента таких организаций соответствующим обозначением. Данные изменения также вызвали негативную оценку Европейского союза в связи с основополагающими ценностями.

Период миграционного кризиса привел к обострению отношений между Европейским союзом и Венгрией. 22 сентября 2015 г. Совет ЕС установил обязательные миграционные квоты по приему беженцев Венгрией и другими государствами-членами. Как и в казусе, связанном

с реформой сексуального просвещения, после поражения в Люксембургском суде премьер-министр Венгрии В. Орбан объявил о созыве референдума для того, чтобы венгерский народ разрешил вопрос о принятии беженцев. Интересна формулировка вопроса, который был выдвинут на референдум: «Хотите ли Вы, чтобы Европейский союз мог предусматривать обязательное переселение невенгерских граждан в Венгрию без согласия Национального собрания?» Иными словами, народ должен был решить, каким образом действует право Европейского союза на территории Венгрии. Несмотря на то, что большинство граждан проголосовали «против» наличия у Союза таких полномочий, референдум был признан несостоявшимся, поскольку не был обеспечен процент явки.

Одновременно с этим в декабре 2016 г. Конституционный суд Венгрии вынес решение, в котором судьи ссылались на конституционную идентичность страны, чтобы обосновать отказ правительства применить схему переселения беженцев ЕС в Венгрии [41]. В 2018 г. Конституция была дополнена оговоркой о конституционной идентичности: «Осуществление полномочий в соответствии с этим пунктом должно соответствовать основным правам и свободам, изложенным в Основном законе, и нельзя допускать ограничения неотъемлемого права Венгрии распоряжаться вопросами, касающимися ее территориальной целостности, населения, политической системы и формы правления».

В своем решении Суд опирался на позицию Конституционного суда Федеративной Республики Германия, который впервые сформулировал понятие идентичности, указав, что она представляет собой неизменяемые элементы национальной конституции («оговорку о вечности», *Ewigkeitsgarantie*), в которую включаются человеческое достоинство, основные права человека и структурные принципы, предусмотренные в статье 20 Основного закона (т. е. республиканская форма правления, федеральные, демократические и социальные принципы, а также верховенства закона). В случае нарушения конституционной идентичности Правительство Германии может признать право Европейского союза неприменимым на своей территории [55, р. 157].

Таким образом, взаимодействие права Европейского союза и конституционного права Венгрии в настоящее время выходит на аксиологический уровень, то есть на более общий уровень «конкуренции ценностей». Несмотря на то, что ценности и воплощенные в них идеалы имеют весьма абстрактное содержание, на практике они приобретают конкретное юридическое выражение [6]. Основополагающие ценности статьи 2 Договора о ЕС, такие как демократия, верховенство права и права человека, выступают в качестве

высшей правовой нормы и основы правопорядка Союза. Существование основополагающих ценностей необходимо для поддержания «конституционной однородности» правового пространства Европейского союза. Она рассматривается в качестве важнейшей предпосылки принципа взаимного доверия, который является краеугольным камнем политики ЕС, в особенности пространства свободы безопасности правосудия.

Нарушение основополагающих ценностей влечет введение в отношении государства механизмов политического принуждения. При этом оно может быть констатировано не только в сферах компетенции Европейского союза, очерченной учредительными договорами, но и рамках прерогативы государств-членов. Иными словами, Европейский союз объявляет себя правомочным осуществлять любую степень вмешательства в конституционные институты государств-членов. Данное вмешательство является юридически формализованным и осуществляется в соответствии с разработанными в праве ЕС механизмами.

В первую очередь, Европейская комиссия или другие государства-члены могут прибегнуть к косвенной защите общих ценностей, обратившись в Суд ЕС с иском о нарушении обязательств (статьи 258-260 ДФЕС) [2, с. 124-127]. Однако Суд рассматривает вопрос о нарушении ценностей Союза лишь в связи с более конкретными положениями первичного или вторичного права. В данной связи существует ограничение, в соответствии с которым Комиссия не может жаловаться в Суд ЕС на общее состояние верховенства права и иных ценностей в отдельном государстве-члене без указания на конкретные положения права ЕС, которые были нарушены. Иными словами, ссылка на статью 2 возможна только в качестве дополнительной квалификации конкретного нарушения права ЕС.

Преимуществом обращения в Суд ЕС является то, что решение подлежит незамедлительному исполнению, которое может быть приостановлено только самим Судом. Кроме того, в случае неприведения внутреннего (в том числе конституционного права) в соответствие с правом ЕС, на государство-член может быть возложена обязанность по уплате штрафа и/или пени в соответствии со статьей 260 ДФЕС. Комиссия направила в Суд ЕС серию исков о нарушении обязательств с целью решить точечные проблемы, которые в целом создают существенную угрозу верховенства права в Венгрии – это иски по миграционным квотам; в отношении отдельных аспектов судебной системы; по Закону об образовании и целому ряду других вопросов.

Однако точечные иски и преюдициальные запросы не способны решить более общие конституционные проблемы, возникшие в государстве-члене. Основным инструментом борьбы с

системными угрозами ценностям Союза является политическое принуждение в соответствии с механизмом статьи 7 ДЕС, который состоит из трех фаз, – от констатации существования «явной угрозы серьезного нарушения», а затем и «серьезного и устойчивого нарушения» ценностей, до приостановления отдельных прав государства-члена [1, с. 521-523]. Потенциально указанная процедура может привести к лишению права голоса в Совете, исключению из распределения финансирования ЕС или даже приостановления членства в организации. Он был инициирован лишь дважды – в отношении Польши в декабре 2017 г. и Венгрии – в сентябре 2018 г. [63, 64].

Однако приостановление отдельных прав из договоров в отношении как Польши, так и Венгрии имеет очень мало перспектив. В данной связи представители Польши и Венгрии уже заявили о том, что воспользуются правом вето при проведении голосования в отношении друг друга. Таким образом, привлечь указанные государства-члены к полноценной политической ответственности по статье 7 не представляется возможным. Это предполагает необходимость разработки новых инструментов поддержания верховенства права, которые являлись бы «альтернативой между мягкой силой политического убеждения и ядерным вариантом статьи 7» [14].

С этой целью в 2014 г. Европейской комиссией был принят Продвинутый механизм верховенства права (the European Commission's Enhanced Rule of Law Mechanism) [35]. Указанная процедура представляет собой структурированный диалог Комиссии с государством-членом, в котором наличествует «системная угроза верховенству права». Она состоит из трех стадий: правовая оценка ситуации Комиссией с последующим вынесением заключения о верховенстве права; направление государству более детальных рекомендаций в случае отсутствия прогресса; и фаза мониторинга выполнения государством соответствующих рекомендаций. Применению указанного механизма к Польше обернулось провалом – государство не выполнило ни одной из рекомендаций, предложенных Европейской комиссией [67]. По этой причине его решили не применять по отношению к Венгрии, в которой ситуация развивается еще более стремительно.

В 2020 г. регламентом Европейского парламента и Совета был предусмотрен Европейский механизм верховенства права (European Rule of Law Conditionality Mechanism) [66]. Основной идеей нового механизма является учет приверженности государства-члена верховенству права при расходовании средств бюджета и Фонда восстановления ЕС, который был создан с целью ликвидации негативных последствий пандемии COVID-19. Подобные финансовые санкции будут вводиться исполнительным регламентом Совета ЕС по

мотивированному предложению Комиссии. В настоящее время Европейская комиссия уже заморозила заявку Венгрии на долю в 7,2 миллиардов евро в виде субсидий из общеевропейского фонда борьбы с последствиями пандемии COVID-19. В последующем Венгрия запросила из Фонда восстановления дополнительные 9,6 миллиардов в виде кредита. 5 апреля 2022 г. Европейская комиссия объявила о направлении официального письма в Будапешт о запуске Механизма обусловленности. Ожидается, что указанная процедура займет более полугода [4, с. 34–38].

Общий режим обусловленности отличается от европейского механизма верховенства права (European Rule of Law Mechanism), который связан с изданием ежегодного отчета о верховенстве права. Отчет состоит из общей части и 27 разделов, посвященных ситуации в каждом государстве-члене. Документ охватывает четыре ключевые области верховенства права: судебную систему, правовые основы борьбы с коррупцией, плюрализм и свободу СМИ, а также отдельные институциональные вопросы, связанные с системой сдержек и противовесов. В настоящее время доступны отчеты за 2020 и 2021 гг. [36,37]. В рамках текущего отчета особое внимание уделяется влиянию пандемии COVID-19 на состояние верховенства права.

В качестве развития механизмов защиты основополагающих ценностей ряд исследователей предлагают установить возможность исключения государства-нарушителя из состава организации [34, с. 30]. В противоположность, К. В. Энтин, ссылаясь на вывод Суда ЕС по недавнему делу *Wightman* [25], указывает, что выход из состава Союза имеет суверенную природу. По этой причине «государство-член нельзя заставить покинуть ЕС против его воли» [10, с. 85]. Тем не менее, в отношении Венгрии подобные призывы звучали неоднократно. В 2016 г. в разгар миграционного кризиса министр иностранных дел Люксембурга призывал исключить Венгрию, поскольку это

будет «единственным способом сохранить сплоченность и ценности Европейского союза» [53]. В данной связи, одной из возможностей было бы исключение государства в соответствии с Венской конвенцией. Однако в таком случае институтам ЕС пришлось бы полагаться на международное право, что противоречит автономному характеру правового порядка Союза [49].

Таким образом, современное состояние взаимодействия права ЕС и конституционного права Венгрии отличается следующими тенденциями. В первую очередь, происходит усиление роли конституционных лимитов, которые получают закрепление в Основном законе страны. Некоторые исследователи рассматривают это в качестве злоупотребления плюралистическими доктринами, которые получают популярность в последнее время [5]. Конституционный суд Венгрии, осуществляя толкование Основного закона, успешно применяет и способствует дальнейшему расширению сферы действия указанных контрлимитов. Во-вторых, необходимо отметить переход указанного взаимодействия на аксиологическую стадию, в рамках которой конституционные реформы, происходящие в Венгрии, рассматриваются в качестве противоречащих основополагающим ценностям Европейского союза, в особенности, – верховенству права. В данной связи, Европейский союз осуществляет вмешательство не только в сферу собственных полномочий, но и в суверенные прерогативы венгерского государства. В данной связи новым контрлимитом становится прямое обращение к народу, воля которого противопоставляется официальной позиции Брюсселя. Указанное вмешательство развивается по нарастающей и в настоящее время достигло своего апогея – лишения Венгрии доступа к ресурсам общего бюджета Союза как инструмента политического давления на проводимые в стране конституционные реформы. Это ставит под вопрос целесообразность самого участия Венгрии в проекте европейской интеграции.

Источники и литература

1. Европейский Суд по правам человека и Венецианская комиссия: о правовом государстве / Т. Я. Хабриева, А. И. Ковлер, Е.А. Фокин и др.; под ред. Т.Я. Хабриевой; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: ИД «Юриспруденция», 2021. 528 с.
2. Капустин А. Я., Ковлер А. И. и [др.]. Практика рассмотрения межгосударственных жалоб в международных судах: история вопроса и перспективы / А. Я. Капустин, А. И. Ковлер, А. М. Белялова. Я. И. Лебедева, Е. А. Фокин // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 6(85). С. 124–127.
3. Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд / пер. с нем. М.В. Антонова и С.В. Лёзова. СПб.: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2015. 542 с.
4. Лебедева Я. И. «Механизм обусловленности верховенством права»: новый виток принудительных мер ЕС против Польши и Венгрии / Евразийский юридический журнал. 2022. № 1(164). С. 34–38.
5. Лебедева Я. И. Взаимодействие права Европейского Союза и конституционного права государств-членов: плюралистические подходы / Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17. № 3. С. 19–35.
6. Лебедева Я. И. Ценности Европейского Союза: понятие, правовая природа и влияние на конституционное право суверенных государств / Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. Т. 18. № 2. С. 130–147.

7. Лукьянов Ф.Е. Виктор Орбан: от ультралиберализма к евроскептицизму. Эволюция политического лидера // АПЕ. 2017. № 3. С. 12–39.
8. Международное правосудие как фактор интеграции: монография / Т. Я. Хабриева, А. И. Ковлер, А. М. Белялова и др.; отв. ред. Т. Я. Хабриева, А. И. Ковлер; предисл. В. М. Лебедева. – М.: ИЗИСП: Норма: ИНФРА-М, 2019. – 192 с.
9. Моисеев А. А. Соотношение суверенитета и надгосударственности в современном международном праве: в контексте глобализации: дисс. ... докт. юр. наук, М., 2007. 360 с.
10. Энтин К. В. Право Европейского Союза сквозь призму практики Суда Европейского Союза: [монография]. М.: Статут, 2020. 324 с.
11. 1949. évi XX. törvény - A magyar köztársaság alkotmánya (Law XX on Constitution of the People's Republic of Hungary of 1949).
12. 1989. évi XXXI. törvény az Alkotmány módosításáról (Law XXXI on amending the Constitution of 1989).
13. 2007. évi CLXVII. törvény a Magyar Köztársaság Alkotmányáról szóló 1949. évi XX. törvény módosításáról (Act CLXVII on the Constitution of the Republic of Hungary of 2007 amending the Law XX on the Constitution of the Republic of Hungary of 1949).
14. Barroso J. M., State of the Union 2012 Address Plenary Session of the European Parliament, Strasbourg, 12 September 2012.
15. Charter of Fundamental Rights of the European Union // OJ C 202, 7.6.2016, p. 389–405.
16. CJEC (Grand Chamber). Case C-119/05. Ministero dell'Industria, del Commercio e dell'Artigianato v Lucchini SpA. Judgment of 18 July 2007.
17. CJEC (Grand Chamber). Case C-213/07. Michaniki AE v Ethniko Symvoulío Radiotileorasis and Ypourgos Epikrateias. Judgment of 16 December 2008.
18. CJEC. Case 106/77. Amministrazione delle Finanze dello Stato v Simmenthal SpA. Reference for a preliminary ruling: Pretura di Susa, Italy. Judgment of 9 March 1978.
19. CJEC. Case 11-70. Internationale Handelsgesellschaft mbH v Einfuhr- und Vorratsstelle für Getreide und Futtermittel. Reference for a preliminary ruling: Verwaltungsgericht Frankfurt am Main, Germany. Judgment of 17 December 1970.
20. CJEC. Case 26–62. NV Algemene Transport- en Expeditie Onderneming van Gend & Loos v Netherlands Inland Revenue Administration. Reference for a preliminary ruling: Tariefcommissie, Pays-Bas. Judgment of 5 February 1963.
21. CJEC. Case 6-64. Flaminio Costa v E.N.E.L. Reference for a preliminary ruling: Giudice conciliatore di Milano, Italy. Judgment of 15 July 1964.
22. CJEC. Case C-144/04, Werner Mangold v Rüdiger Helm. Judgment of 22 November 2005.
23. CJEC. Case C-285/98. Tanja Kreil v Bundesrepublik Deutschland. Judgment of 11 January 2000.
24. CJEC. Opinion 1/91. Opinion delivered pursuant to the second subparagraph of Article 228 (1) of the Treaty - Draft agreement between the Community, on the one hand, and the countries of the European Free Trade Association, on the other, relating to the creation of the European Economic Area. Judgment of 14 December 1991.
25. CJEU (Full Court). Case C-621/18. Andy Wightman and Others v Secretary of State for Exiting the European Union. Judgment of 10 December 2018.
26. CJEU (Grand Chamber). Case C-202/11. Anton Las v PSA Antwerp NV. Reference for a preliminary ruling: Arbeidsrechtbank te Antwerpen, Belgium. Judgment of 16 April 2013.
27. CJEU (Grand Chamber). Case C-399/11. Stefano Melloni v Ministero Fiscal. Judgment of 26 February 2013.
28. CJEU (Grand Chamber). Case C-416/10. Jozef Križan and Others v Slovenská inšpekcia životného prostredia. Judgment of the Court of 15 January 2013.
29. CJEU (Second Chamber). Case C-208/09. Ilonka Sayn-Wittgenstein v Landeshauptmann von Wien. Reference for a preliminary ruling: Verwaltungsgerichtshof, Austria. Judgment of 22 December 2010.
30. CJEU (Second Chamber). Case C-391/09. Malgožata Runevič-Vardyn and Łukasz Paweł Wardyn v Vilniaus miesto savivaldybės administracija and Others. Reference for a preliminary ruling: Vilniaus miesto 1 apylinkės teismas, Lithuania. Judgment of 12 May 2011.
31. CJEU (Third Chamber). Case C-314/08. Krzysztof Filipiak v Dyrektor Izby Skarbowej w Poznaniu. Judgment of 19 November 2009.
32. CJEU. Case C-409/06. Winner Wetten GmbH v Bürgermeisterin der Stadt Bergheim. Judgment of 8 September 2010.
33. Cloots E. National Identity, Constitutional Identity, and Sovereignty in the EU. Netherlands Journal of Legal Philosophy. Netherlands Journal of Legal Philosophy. 2. (2016). P. 82-98.
34. Closa C., Kochenov D. Reinforcing the Rule of Law Oversight in the European Union, in Strengthening the Rule of Law in Europe: From a Common Concept to Mechanisms of Implementation. Hart Publishing, Oxford, 2015. 339 p.
35. Communication from the Commission to the European Parliament and the Council "A new EU Framework to strengthen the Rule of Law" (COM/2014/0158 final). Brussels, 11.3.2014.
36. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions, 2020 Rule of Law Report, The rule of law situation in the European Union (COM/2020/580 final). Brussels, 30.9.2020.
37. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions, 2021 Rule of Law Report, The rule of law situation in the European Union (COM (2021) 700 final). Brussels, 20.7.2021.
38. Constitutional Court, judgment of 7 March 1964, No 14, 1964-I, Foro Italiano 465.
39. Decision 1053/E/2005. AB határozat (Constitutional Court of Hungary). Budapest, 16.06.2006.
40. Decision 143/2010. (VII. 14.) AB határozat (Constitutional Court of Hungary). Budapest, 12.07.2010.
41. Decision 22/2016. (XII. 5.) AB határozat. (Constitutional Court of Hungary). Budapest, 30.11.2016.
42. Decision 4/1997 (I. 22.) AB 46 határozat (Constitutional Court of Hungary). Budapest, 21.01.1997.
43. Decision 61/B/2005. AB határozat. (Constitutional Court of Hungary). Budapest, 29.11.2006.

44. Decision AB határozat 4/1997. (I. 22.) (Constitutional Court of Hungary). Budapest, 21.01.1997.
45. Decision AB határozat, 7/2005 (III. 31) (Constitutional Court of Hungary). Budapest, 29.03.2005.
46. Decision of Szabolcs-Szatmár-Bereg County Court 5.K.20. 631/2010/4.
47. Dezső M., Vincze A. Magyar alkotmányosság az európai integrációban' összes példány (Венгерский конституционализм и европейская интеграция). Budapest. HVG-ORAC. 2006. 437 O.
48. EU law expert: Throwing Hungary out would 'fan the flames of populism' URL: <https://www.euractiv.com/section/justice-home-affairs/interview/eu-law-expert-throwing-hungary-out-would-fan-the-flames-of-populism/> (Дата обращения: 21.09.2022).
49. Gábor H. National(ist) constitutional identity? : Hungary's road to abuse constitutional pluralism. Working Paper, EU LAW, 2017/08. 17 p.
50. International Law and Domestic Legal Systems: Incorporation, Transformation, and Persuasion ed. by D. Shelton. Oxford University Press, 2011. 666 p.
51. Jakab A. A magyar jogrendszer szerkezete. Budapest Pécs: Dialóg.Campus Kiadó, 2007. 227 o.
52. Javaslat módosítási szándék megfogalmazásához a Törvényalkotási bizottság számára a pedofil bűnelkövetőkkel szembeni szigorúbb fellépésről, valamint a gyermekek védelme érdekében egyes törvények módosításáról szóló T/16365.
53. Luxembourg foreign minister wants Hungary out of EU URL: <https://www.euractiv.com/section/justice-home-affairs/news/luxembourg-foreign-minister-wants-hungary-out-of-eu/> (Дата обращения: 21.09.2022).
54. Magyarország Alaptörvénye (2011. április 25.). Magyar Közlöny. 2018. évi 100. Szám (The Fundamental Law Of Hungary of 25 April 2011. Hungarian Gazette. No 100. 2018.).
55. Mangiameli S. The European Union and the Identity of Member States. L'Europe en Formation. No. 369. 2013. P. 151–168.
56. National Constitutions in European and Global Governance: Democracy, Rights, the Rule of Law (National Reports) ed. by A. Albi, S. Bardutzky. Asser, Springer, 2019.
57. Note à M. Jean Rey, Président du Groupe Juridique et à M. Caron, Président du Groupe du Marché Intérieur (HAC. BAC.371/1991.620).
58. Opinion on the new Constitution of Hungary adopted by the Venice Commission at its 87th Plenary Session (CDL-AD(2011)016-e). Venice, 17-18 June 2011.
59. Oxford Handbook of EU law edited by D. Chalmers, A. Arnall. Oxford University Press, 2015. 950 p.
60. Pernice I. Multilevel Constitutionalism and the Treaty of Amsterdam: European Constitution-Making Revisited? Common Market Law Review Volume 36, Issue 4 (1999). P. 703-750.
61. Pernice I. Multilevel Constitutionalism in the European Union. Walter Hallstein-Institut – Paper 5/02. 15 p.
62. Pernice I. The Treaty of Lisbon: Multilevel Constitutionalism in Action. Columbia Journal of European Law, Vol. 15, No. 3/2009. P. 349-407.
63. Proposal for a Council Decision on the determination of a clear risk of a serious breach by the Republic of Poland of the rule of law. COM/2017/0835 final. Brussels, 20.12.2017.
64. Proposal for a Council Decision on the determination of a clear risk of a serious breach by Hungary of the rule of law. ST 12266 2018 REV 1. Brussels, 20.09.2018.
65. Rech W. Some remarks on the EU's action on the erosion of the rule of law in Poland and Hungary. Journal of Contemporary European Studies, Volume 26, 2018 – Issue 3: Special Issue: Erosion of the Rule of Law in East Central Europe. P. 334–345.
66. Regulation (EU, Euratom) 2020/2092 of the European Parliament and of the Council of 16 December 2020 on a general regime of conditionality for the protection of the Union budget // OJ L 433I, 22.12.2020. P. 1–10.
67. Rule of law framework URL: https://ec.europa.eu/info/policies/justice-and-fundamental-rights/upholding-rule-law/rule-law/rule-law-framework_en (Дата обращения: 21.09.2022).
68. Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community, signed at Lisbon, 13 December 2007 // OJ C 306, 17.12.2007ю P. 1–271.

References

1. Evropejskij Sud po pravam cheloveka i Venecijskaja komissija: o pravovom gosudarstve (European Court of Human Rights and Venice Commission: on the State of Law) / T.Y. Khabrieva, A. I. Kovler, E. A. Fokin, et al.; ed. by T. Y. Khabrieva. M.: PH «Jurisprudence», 2021. 528 p. (In Russian).
2. Kapustin A. Ya., Kovler A. I., et al. Praktika rassmotrenija mezhdunarodnyh zhalob v mezhdunarodnyh sudah: istorija voprosa i perspektivy (Inter-State Applications in International Courts: History and Prospects) // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedenija. 2020. No. 6(85). P. 124–127. (In Russian).
3. Kelzen G. Chistoe uchenie o prave (Pure Theory of Law). St. Petersburg: Alef-Press, 2015. 542 p. (In Russian).
4. Lebedeva I. I. «Mehanizm obuslovlennosti verhovenstvom prava»: novyj vitok prinuditelnyh mer ES protiv Polshi i Vengrii ("The Mechanism of Conditionality by the Rule of Law": A New Round of EU Coercive Measures against Poland and Hungary) // Evrazijskij juridicheskij zhurnal. 2022. No. 1(164). P. 34–38. (In Russian).
5. Lebedeva I. I. Vzaimodejstvie prava Evropejskogo Sojuza i konstitucionnogo prava gosudarstv-chlenov: pljuralisticheskie podhody (Interaction of European Union law and Constitutional law of the Member States: Pluralistic Approaches) // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedenija. 2021. No. 3. P. 19–35. (In Russian).
6. Lebedeva I. I. Cennosti Evropejskogo Sojuza: ponjatie, pravovaja priroda i vlijanie na konstitucionnoe pravo suverennyh gosudarstv (EU Values: Concept, Legal Nature and Impact on the Constitutional Law of Sovereign States) // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedenija. 2022. T. 18. No. 2. P. 130–147. (In Russian).
7. Lukjanov F.E. Viktor Orban: Ot ultraliberalizma k evroskepticizmu. Jevoljucija politicheskogo lidera (Viktor Orban: from ultra-liberalism to euroscepticism. Evolution of a political leader) // APE. 2017. No. 3. P. 12–39. (In Russian).
8. Mezhdunarodnoe pravosudie kak faktor integracii (International Justice as a Factor of Integration) / T. Y. Khabrieva, A. I. Kovler, A. M. Belyalova etc. Moskow: IZAK, Norma, INFRA-M, 2019. 192 p. (In Russian).

9. Moiseev A. A. Sootnoshenie suvereniteta i nadgosudarstvennosti v sovremennom mezhdunarodnom prave: v kontekste globalizacii (The correlation of sovereignty and supranationality in modern international law: in the context of globalization). Moskva, 2007. 360 p. (In Russian).
10. Entin K. V. Pravo Evropejskogo Sojuz skvoz prizmu praktiki Suda Evropejskogo Sojuz (The law of the European Union through the prism of the practice of the Court of Justice of the European Union). Moskva : Statut, 2020. 324 p. (In Russian).
11. 1949. évi XX. törvény - A magyar köztársaság alkotmánya (Law XX on Constitution of the People's Republic of Hungary of 1949).
12. 1989. évi XXXI. törvény az Alkotmány módosításáról (Law XXXI on amending the Constitution of 1989).
13. 2007. évi CLXVII. törvény a Magyar Köztársaság Alkotmányáról szóló 1949. évi XX. törvény módosításáról (Act CLXVII on the Constitution of the Republic of Hungary of 2007 amending the Law XX on the Constitution of the Republic of Hungary of 1949).
14. Barroso J. M., State of the Union 2012 Address Plenary Session of the European Parliament, Strasbourg, 12 September 2012.
15. Charter of Fundamental Rights of the European Union // OJ C 202, 7.6.2016, p. 389–405.
16. CJEC (Grand Chamber). Case C-119/05. Ministero dell'Industria, del Commercio e dell'Artigianato v Lucchini SpA. Judgment of 18 July 2007.
17. CJEC (Grand Chamber). Case C-213/07. Michaniki AE v Ethniko Symvoulio Radiotileorasis and Ypourgos Epikrateias. Judgment of 16 December 2008.
18. CJEC. Case 106/77. Amministrazione delle Finanze dello Stato v Simmenthal SpA. Reference for a preliminary ruling: Pretura di Susa, Italy. Judgment of 9 March 1978.
19. CJEC. Case 11-70. Internationale Handelsgesellschaft mbH v Einfuhr- und Vorratsstelle für Getreide und Futtermittel. Reference for a preliminary ruling: Verwaltungsgericht Frankfurt am Main, Germany. Judgment of 17 December 1970.
20. CJEC. Case 26-62. NV Algemene Transport- en Expeditie Onderneming van Gend & Loos v Netherlands Inland Revenue Administration. Reference for a preliminary ruling: Tariefcommissie, Pays-Bas. Judgment of 5 February 1963.
21. CJEC. Case 6-64. Flaminio Costa v E.N.E.L. Reference for a preliminary ruling: Giudice conciliatore di Milano, Italy. Judgment of 15 July 1964.
22. CJEC. Case C-144/04, Werner Mangold v Rüdiger Helm. Judgment of 22 November 2005.
23. CJEC. Case C-285/98. Tanja Kreil v Bundesrepublik Deutschland. Judgment of 11 January 2000.
24. CJEC. Opinion 1/91. Opinion delivered pursuant to the second subparagraph of Article 228 (1) of the Treaty – Draft agreement between the Community, on the one hand, and the countries of the European Free Trade Association, on the other, relating to the creation of the European Economic Area. Judgment of 14 December 1991.
25. CJEU (Full Court). Case C-621/18. Andy Wightman and Others v Secretary of State for Exiting the European Union. Judgment of 10 December 2018.
26. CJEU (Grand Chamber). Case C-202/11. Anton Las v PSA Antwerp NV. Reference for a preliminary ruling: Arbeidsrechtbank te Antwerpen, Belgium. Judgment of 16 April 2013.
27. CJEU (Grand Chamber). Case C-399/11. Stefano Melloni v Ministero Fiscal. Judgment of 26 February 2013.
28. CJEU (Grand Chamber). Case C-416/10. Jozef Križan and Others v Slovenská inšpekcia životného prostredia. Judgment of the Court of 15 January 2013.
29. CJEU (Second Chamber). Case C-208/09. Ilonka Sayn-Wittgenstein v Landeshauptmann von Wien. Reference for a preliminary ruling: Verwaltungsgerichtshof, Austria. Judgment of 22 December 2010.
30. CJEU (Second Chamber). Case C-391/09. Malgožata Runevič-Vardyn and Łukasz Paweł Wardyn v Vilniaus miesto savivaldybės administracija and Others. Reference for a preliminary ruling: Vilniaus miesto 1 apylinkės teismas, Lithuania. Judgment of 12 May 2011.
31. CJEU (Third Chamber). Case C-314/08. Krzysztof Filipiak v Dyrektor Izby Skarbowej w Poznaniu. Judgment of 19 November 2009.
32. CJEU. Case C-409/06. Winner Wetten GmbH v Bürgermeisterin der Stadt Bergheim. Judgment of 8 September 2010.
33. Cloots E. National Identity, Constitutional Identity, and Sovereignty in the EU. Netherlands Journal of Legal Philosophy. Netherlands Journal of Legal Philosophy. 2. (2016). P. 82-98.
34. Ciosa C., Kochenov D. Reinforcing the Rule of Law Oversight in the European Union, in Strengthening the Rule of Law in Europe: From a Common Concept to Mechanisms of Implementation. Hart Publishing, Oxford, 2015. 339 p.
35. Communication from the Commission to the European Parliament and the Council "A new EU Framework to strengthen the Rule of Law" (COM/2014/0158 final). Brussels, 11.3.2014.
36. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions, 2020 Rule of Law Report, The rule of law situation in the European Union (COM/2020/580 final). Brussels, 30.9.2020.
37. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions, 2021 Rule of Law Report, The rule of law situation in the European Union (COM(2021) 700 final). Brussels, 20.7.2021.
38. Constitutional Court, judgment of 7 March 1964, No 14, 1964-I, Foro Italiano 465.
39. Decision 1053/E/2005. AB határozat (Constitutional Court of Hungary). Budapest, 16.06.2006.
40. Decision 143/2010. (VII. 14.) AB határozat (Constitutional Court of Hungary). Budapest, 12.07.2010.
41. Decision 22/2016. (XII. 5.) AB határozat. (Constitutional Court of Hungary). Budapest, 30.11.2016.
42. Decision 4/1997 (I. 22.) AB 46 határozat (Constitutional Court of Hungary). Budapest, 21.01.1997.
43. Decision 61/B/2005. AB határozat. (Constitutional Court of Hungary). Budapest, 29.11.2006.
44. Decision AB határozat 4/1997. (I. 22.) (Constitutional Court of Hungary). Budapest, 21.01.1997.
45. Decision AB határozat, 7/2005 (III. 31) (Constitutional Court of Hungary). Budapest, 29.03.2005.

46. Decision of Szabolcs-Szatmár-Bereg County Court 5.K.20. 631/2010/4.
47. Dezső M., Vincze A. Magyar alkotmányosság az európai integrációban' összes példány (Венгерский конституционализм и европейская интеграция). Budapest. HVG-ORAC. 2006. 437 O.
48. EU law expert: Throwing Hungary out would 'fan the flames of populism' URL: <https://www.euractiv.com/section/justice-home-affairs/interview/eu-law-expert-throwing-hungary-out-would-fan-the-flames-of-populism/> (Accessed: 21.09.2022).
49. Gábor H. National(ist) constitutional identity?: Hungary's road to abuse constitutional pluralism. Working Paper, EUI LAW, 2017/08. 17 p.
50. International Law and Domestic Legal Systems: Incorporation, Transformation, and Persuasion ed. by D. Shelton. Oxford University Press, 2011. 666 p.
51. Jakab A. A magyar jogrendszer szerkezete. Budapest Pécs: Dialóg.Campus Kiadó, 2007. 227 o.
52. Javaslat módosítási szándék megfogalmazásához a Törvényalkotási bizottság számára a pedofil bűnelkövetőkkel szembeni szigorúbb fellépésről, valamint a gyermekek védelme érdekében egyes törvények módosításáról szóló T/16365.
53. Luxembourg foreign minister wants Hungary out of EU URL: <https://www.euractiv.com/section/justice-home-affairs/news/luxembourg-foreign-minister-wants-hungary-out-of-eu/> Accessed: 21.09.2022).
54. Magyarország Alaptörvénye (2011. április 25.). Magyar Közlöny. 2018. évi 100. Szám (The Fundamental Law Of Hungary of 25 April 2011. Hungarian Gazette. No 100. 2018.).
55. Mangiameli S. The European Union and the Identity of Member States. L'Europe en Formation. No. 369. 2013. P. 151-168.
56. National Constitutions in European and Global Governance: Democracy, Rights, the Rule of Law (National Reports) ed. by A. Albi, S. Bardutzky. Asser, Springer, 2019.
57. Note à M. Jean Rey, Président du Groupe Juridique et à M. Caron, Président du Groupe du Marché Intérieur (HAC. BAC.371/1991.620).
58. Opinion on the new Constitution of Hungary adopted by the Venice Commission at its 87th Plenary Session (CDL-AD(2011)016-e). Venice, 17-18 June 2011.
59. Oxford Handbook of EU law edited by D. Chalmers, A. Arnall. Oxford University Press, 2015. 950 p.
60. Pernice I. Multilevel Constitutionalism and the Treaty of Amsterdam: European Constitution-Making Revisited? Common Market Law Review Volume 36, Issue 4 (1999). P. 703–750.
61. Pernice I. Multilevel Constitutionalism in the European Union. Walter Hallstein-Institut – Paper 5/02. 15 p.
62. Pernice I. The Treaty of Lisbon: Multilevel Constitutionalism in Action. Columbia Journal of European Law, Vol. 15, No. 3/2009. P. 349-407.
63. Proposal for a Council Decision on the determination of a clear risk of a serious breach by the Republic of Poland of the rule of law. COM/2017/0835 final. Brussels, 20.12.2017.
64. Proposal for a Council Decision on the determination of a clear risk of a serious breach by Hungary of the rule of law. ST 12266 2018 REV 1. Brussels, 20.09.2018.
65. Rech W. Some remarks on the EU's action on the erosion of the rule of law in Poland and Hungary. Journal of Contemporary European Studies, Volume 26, 2018 – Issue 3: Special Issue: Erosion of the Rule of Law in East Central Europe. P. 334-345.
66. Regulation (EU, Euratom) 2020/2092 of the European Parliament and of the Council of 16 December 2020 on a general regime of conditionality for the protection of the Union budget // OJ L 433I, 22.12.2020. P. 1–10.
67. Rule of law framework URL: https://ec.europa.eu/info/policies/justice-and-fundamental-rights/upholding-rule-law/rule-law/rule-law-framework_en (Дата обращения: 21.09.2022).
68. Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community, signed at Lisbon, 13 December 2007 // OJ C 306, 17.12.2007. P. 1–271.

Сведения об авторе

Лебедева Яна Игоревна – младший научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации / lebedeva.ioanna@yandex.ru
Адрес: 117218, д. 34, ул. Б. Черемушкинская, Москва, Российская Федерация.

Information about the author

Lebedeva Iana I. – junior research fellow, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of Russian Federation / lebedeva.ioanna@yandex.ru
The address: 117218, 34, B. Cheremushkinskaya st, Moscow, Russian Federation.

УДК 342.951

<http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.3.15>

С.М. Рукавишников

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ПОДГОТОВКИ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ

Эффективность подготовки научно-педагогических кадров, находясь на стыке реализации государственной политики в области высшего образования и научно-исследовательской деятельности, является одним из важнейших условий развития современного государства. Вместе с этим, наука, как процесс создания нового интеллектуального продукта, представляет собой объект государственного управления особой сложности, так как является творческой деятельностью, при регулировании которой необходим баланс между предоставлением свободы деятельности исследователям и учетом интересов государства и общества. Все эти особенности находят свое отражение в соответствующем законодательстве, применяемом органами исполнительной власти, организациями высшего образования и научными организациями. В свою очередь, объективно обусловленный и непрерывный процесс реформирования высшей школы разворачивается в условиях новых геополитических вызовов, когда пересмотр механизмов взаимодействия с зарубежными научно-образовательными учреждениями направлен на принятие во внимание успешных управленческих решений прошлого с выстраиванием новой, эффективной модели, направленной на развитие отечественного высшего образования и науки. Требуется решение ряда вопросов подготовки научных и научно-педагогических кадров, среди которых необходимо отметить

продолжающуюся реформу аспирантуры, определение статуса докторантуры и механизма подготовки диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук без освоения образовательных программ аспирантуры. Кроме того, нуждаются в регламентации нормотворческие полномочия Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, так как в настоящее время министерство может выходить за рамки законодательства о науке и государственной научно-технической политике в части регламентации механизма присвоения ученых званий. Совершенствование нормативной основы института подготовки научных и научно-педагогических кадров имеет высокую актуальность, выступая, помимо прочего, в роли интегрирующего начала, так как иные механизмы развития кадрового потенциала в соответствующей сфере не охватываются образовательным процессом.

Ключевые слова: публичное управление, подготовка научно-педагогических кадров, аспирантура, докторантура, научная аттестация.

Для цитирования: Рукавишников С. М. Нормативно-правовое регулирование публичного управления в сфере подготовки научно-педагогических кадров // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (3). С. 491–497. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.3.15

Sergey M. Rukavishnikov

LEGAL REGULATION OF THE PUBLIC ADMINISTRATION IN SCIENTIFIC AND TEACHING STAFF TRAINING

The efficiency of training scientific and teaching employees is the one of the most important conditions of the development of contemporary government, which is between state policy in the field of higher education and research activity. With that, the science, as the process of the creating a new intellectual product, is the object of public administration of specific complexity, as the creative activity. At that turn, in administrating activity here is necessary to keep the balance between the freedom of scientist's activity and taking into account the interests of community and the government. All of these specific features are reflected in special legislation, used by the bodies of executive power, universities and scientific organizations. At the same time, the objectively argued and permanent process of the reformation of higher school exists within the framework of new geopolitical challenges. The reformation of the mechanisms of cooperation with foreign educational and scientific organizations is implemented with the reference to successful administrating approaches of the past along with forming a new, efficient model, focused on the development

of domestic education and science. The number of issues of the preparation of scientific and teaching have to be resolved: the reformation of postgraduate school, the definition of status of doctoral school and the mechanism of the preparing candidate's dissertations without educational component of postgraduate school. Moreover, the legislative authorities of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation have to be determined because currently the Ministry could move out of the framework of the legislation on science and higher education in part of the reglamentation of the mechanism of the granting academic ranks.

Key words: public administration, preparing of scientific and teaching staff, postgraduate school, doctoral school, scientific attestation

For citation: Rukavishnikov S.M. Legal regulation of the public administration in scientific and teaching staff training // Humanities and law research. 2022. V. 9 (3). P. 491–497. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.3.15

Нормативно-правовое регулирование публичного управления в сфере подготовки научно-педагогических кадров в отличие от сферы высшего образования не имеет единой систематизированной основы. На содержание публичного управления, в первую очередь, влияет деятельность федерального законодателя, который определяет вектор развития правоотношений в той или иной отрасли или сфере государственного управления. Подготовка научно-педагогических кадров представляет собой неоднородный процесс, в котором сочетаются элементы различных видов управленческой деятельности по обеспечению как образовательной составляющей, так и укреплению кадрового потенциала научных организаций и образовательных организаций высшего образования. С этой точки зрения закономерным является распределение нормативно-правового регулирования публичного управления в сфере подготовки научно-педагогических кадров по различным федеральным законам – о науке и государственной научно-технической политике [2] и об образовании [3].

Подготовка научно-педагогических кадров включает в себя не только реализацию образовательных программ, но и систему государственной научной аттестации, наполнение которой обеспечивается особыми процедурами присуждения ученых степеней и присвоения ученых званий. Последние играют важную роль в реализации кадровой политики образовательных организаций высшего образования, однако напрямую не обусловлены реализацией образовательных программ в отношении работников указанных организаций.

Соответственно, нормативное основание публичного управления в сфере подготовки научно-педагогических кадров включает в себя основополагающие для отраслей науки и образования законодательные акты, а также принимаемые в соответствии с ними подзаконные нормативно-правовые акты. Состояние законодательного регулирования управленческих отношений в названных отраслях во многом определяется политикой государства, ориентированной на внедрение лучших практик организации высшего образования и подготовки научно-педагогических кадров, интеграцию в общемировое образовательное пространство. Принятие в 2012 году закона об образовании, который изменил содержание подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре), ставшей составным элементом высшего образования, было обусловлено присоединением России к Болонскому процессу, способствующему устранению препятствий в развитии высшего образования и науки, сближению соответствующих стандартов в различных государствах [13, с. 410–413]. Это привело к структурным изменениям, о которых нельзя

сказать, что они имеют чисто внешний характер. В части подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре усилилась образовательная составляющая, что обусловило коррекцию традиционно сложившейся практики, требовавшей от аспирантов практически только подготовку кандидатской диссертации и не соответствовавшей общемировым тенденциям в области развития науки и высшего образования. Как следует из этого, изменилось и содержание публичного управления органов исполнительной власти, которые привели подзаконную нормативно-правовую базу в состояние, отвечающее требованиям нового законодательства об образовании.

В то же время законодательная основа публичного управления в сфере подготовки научно-педагогических кадров продолжает совершенствоваться сообразно выявляемым в ходе реализации законодательства проблемам и новым вызовам. Кардинальные изменения, затрагивающие аспирантуру, произошли с принятием Федерального закона от 30 декабря 2020 г. № 517-ФЗ (в ред. от 11 июня 2021 г.) «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4], которым были устранены недостатки, обуславливавшие перекос в сторону осуществления образовательного процесса в ущерб защите кандидатской диссертации. Соответственно, исключены нормы, определяющие осуществление образовательного процесса в аспирантуре (адъюнктуре) в соответствии с образовательными стандартами, с заменой их на федеральные государственные требования. Важным нововведением стало устранение практики выдачи диплома об окончании аспирантуры как не отвечающее требованию целесообразности ввиду отрыва от необходимого конечного результата – защиты диссертации – с его заменой на заключение о соответствии кандидатской диссертации установленным критериям.

Указанными обстоятельствами определены и изменения в публично-управленческой деятельности в сфере высшего образования органов исполнительной власти, выраженной, в первую очередь, в принятии требуемой нормативной базы, которая должна обеспечивать процесс подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре. Основополагающее значение в обновленной модели указанного процесса имеет Постановление Правительства Российской Федерации от 30 ноября 2021 г. № 2122 «Об утверждении Положения о подготовке научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре)» [12], призванное интегрировать научно-исследовательскую и образовательную деятельность в рамках обучения в аспирантуре (адъюнктуре) и обеспечить претворение в действительность усовершенствованных механизмов подготовки научно-педагогических и научных кадров.

Публично-управленческая деятельность Министерства науки и высшего образования Российской Федерации также обеспечивает оптимизацию образовательного процесса в аспирантуре, что выражается, прежде всего, в выработке соответствующих правовых норм. В части затрагивающих подготовку в аспирантуре федеральных государственных требований и основанных на них программ нормативно-правовую регламентацию составляет Приказ Минобрнауки России от 20 октября 2021 г. № 951 (в ред. от 6 мая 2022 г.) «Об утверждении федеральных государственных требований к структуре программ подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре), условиям их реализации, срокам освоения этих программ с учетом различных форм обучения, образовательных технологий и особенностей отдельных категорий аспирантов (адъюнктов)» [10].

Следует отметить, что нормативно-правовое регулирование публичного управления в сфере подготовки научно-педагогических и научных кадров в аспирантуре (адъюнктуре) является, по сути, единственным интегрирующим механизмом в данной сфере, поскольку иные механизмы развития кадрового потенциала научных организаций и образовательных организаций высшего образования не охватываются образовательным процессом. Речь идет о докторантуре и о подготовке диссертации на соискание ученой степени кандидата наук без освоения программы подготовки научно-педагогических и научных кадров в аспирантуре, что в обиходе называется «соискательством». О докторантуре в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» упоминается лишь единожды (ч. 4 ст. 28) вне контекста осуществления образовательной деятельности посредством формулирования правомочия вуза по созданию необходимых условий для подготовки докторских диссертаций его работниками.

Если по ранее действовавшему законодательству докторантура и подготовка кандидатских диссертаций в рамках аспирантуры и вне ее рассматривались в качестве «послевузовского профессионального образования» [1], то в настоящее время указанный термин исключен из научно-педагогического и законодательного лексикона, а докторантура и «соискательство» вообще перестали быть составной частью образовательного механизма. С этой точки зрения нелогичным выглядит наименование завершающего уровня высшего образования – подготовка кадров высшей квалификации – с учетом того, что из данной модели исключены подготовка докторов наук [16, с. 89–90] и защита кандидатских диссертаций без освоения программ аспирантуры. Действующее законодательство в рассматриваемой сфере построено на идее переноса докторантуры и подготовки кандидатских диссертаций вне аспи-

рантуры в чисто научный сегмент подготовки научно-педагогических и научных кадров. Деятельность органов публичного управления, в связи с этим, носит вторичный по отношению к законодательной деятельности характер, поскольку они в рамках управленческих, в том числе нормотворческих, процедур обеспечивают формирование сбалансированной системы социальных связей, направленной на гармонизацию образовательного и научного компонентов в сложившейся к настоящему времени комплексной модели подготовки научно-педагогических и научных кадров.

Федеральным законодательством о науке и государственной научно-технической политике установлены общие рамки осуществления нормативно-правового регулирования в данной сфере, включающие разноуровневый спектр нормативных правовых актов, включая законодательные и подзаконные акты регионального уровня. Это оправданно с точки зрения конституционных возможностей субъектов Российской Федерации и необходимости использования регионального потенциала научной и научно-технической политики. Вместе с тем наука – сложная отрасль государственного управления, и подготовка научных кадров является одной из ее составляющих. Этим обусловлен более узкий подход к нормативно-правовому регулированию публичного управления в данном ее сегменте.

Речь идет, прежде всего, об установлении и реализации гарантий деятельности субъектов научной и научно-педагогической деятельности, преимущественно физических лиц – работников образовательных и научных организаций. Рамки, в которых они осуществляют свою деятельность, должны быть едиными и гарантированными на федеральном уровне, в том числе в части развития работника в карьерном отношении. Поэтому в ч. 2 ст. 3 Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике» установлен перечень полномочий именно федеральных государственных органов, призванных в том числе гарантировать подготовку кадров для научных организаций. Соответственно, законодательство о науке и научно-технической политике определяет и субъектов публичного управления в сфере подготовки научных работников и иных лиц, осуществляющих научную деятельность. К ним отнесены Правительство Российской Федерации и Минобрнауки России с подведомственной ему Высшей аттестационной комиссией. Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки таковым не является, поскольку ее полномочия по контролю (надзору) в сфере подтверждения документов об ученых званиях и ученых степенях не связаны с процессом подготовки научно-педагогических и научных кадров в России.

Полномочия по установлению порядка осуществления основополагающих процедур в сфере подготовки научно-педагогических и научных

кадров закреплены за Правительством России, включая установление порядка присуждения ученых степеней, порядка присвоения ученых званий, подготовки докторской диссертации в докторантуре, работы Высшей аттестационной комиссии. В функциональном разрезе им формируются основы использования цифровых технологий при осуществлении процедур государственной научной аттестации [18, с. 215–216].

Детальное регулирование отдельных вопросов в рамках процедур проведения государственной научной аттестации и их организации возложено законодателем на Минобрнауки России. В частности, оно определяет порядок выдачи вузам и научным организациям разрешений на открытие диссертационных советов по защите кандидатских и докторских диссертаций [7], порядок создания и деятельности диссертационных советов [8] и др. При этом следует иметь виду, что наделение Минобрнауки России соответствующими полномочиями может иметь существенное корректирующее значение для всей системы подготовки научно-педагогических и научных кадров, которое определяет дальнейшее ее развитие. Так, В. С. Сенашенко среди наиболее значимых административных мер, в реализации которых нуждается данная система, назвал сокращение количества диссертационных советов и сокращение научных специальностей по соответствующей номенклатуре [17, с. 56]. Публичное управление, осуществляемое Минобрнауки России в данной сфере на текущем этапе, как раз и направлено на сокращение перечня научных специальностей [8]. Однако, что касается диссертационных советов, то у вузов появилось больше возможностей по их открытию, поскольку укрупнение специальностей одновременно позволяет аккумулировать и необходимое число докторов наук, этим специальностям соответствующих.

Необходимо также признать, что деятельность субъектов публичного управления не всегда осуществляется в русле законодательного регулирования. В частности, одним из важных элементов системы подготовки научно-педагогических и научных кадров является присвоение ученых званий. С точки зрения существующей подзаконной регламентации данной деятельности она рассматривается как предоставление государственной услуги. Во-первых, в Положении о Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации [6] указано, что данный орган осуществляет функции по оказанию государственных услуг в сфере организации деятельности, осуществляемой подведомственными организациями, в том числе в области науки (п. 1). Во-вторых, Минобрнауки России был разработан и принят Административный регламент Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по присвоению ученых званий профессора и доцента [9].

Вместе с тем указанное подзаконное регулирование не отвечает положениям Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике», в котором присвоение ученых званий рассматривается как элемент системы научной аттестации научных кадров и не обозначено в качестве государственной услуги (ст. 4). При этом законодатель акцентированно выделяет в качестве государственной услуги иную деятельность – подтверждение документов об ученых степенях и ученых званиях, что требует разработки и принятия соответствующего административного регламента (ст. 6.3). Представляется, что в системе науки предоставлением государственных услуг могут быть признаны только те виды деятельности, которые прямо указаны в качестве государственных услуг законодателем.

Кроме того, очевидно несовпадение заявителя и получателя государственной услуги. С одной стороны, законодатель не ограничивает перечень заявителей лицами, реализующими свое право (п. 3 ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ (в ред. от 30 декабря 2021 г.) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [5]). С другой – ст. 5 данного Закона заявителю предоставлено право получить государственную услугу. Однако услугу фактически получает не заявитель (образовательная организация высшего образования или научная организация), а соискатель ученого звания – лицо, не ограниченное в дееспособности, но которому законодателем не предоставлено право самостоятельно обращаться в Минобрнауки России в целях присвоения ученого звания.

Таким образом, нормативно-правовое регулирование публичного управления в сфере подготовки научно-педагогических кадров, несмотря на установление возможностей прогрессивного развития государства и общества в данной сфере, не лишено недостатков. С одной стороны, определенные на законодательном и подзаконном уровнях механизмы управления позволяют обеспечивать подготовку научно-педагогических кадров на приемлемом уровне. Законодательство об образовании и о науке и государственной научно-технической политике подвергается перманентной корректировке по мере выявления проблем в организации данной деятельности. Одновременно возникает ряд вопросов концептуального свойства относительно разобщенности аспирантуры, докторантуры и подготовки кандидатских диссертаций вне аспирантуры в части охвата законодательством об образовании при том, что фактический результат данных видов подготовки является однородным – защита диссертации. Кроме того, недостаточно четко регламентированы нормотворческие возможности Минобрнауки России, что позволяет ему выходить за пределы, установленные законодательством о науке и государственной научно-технической политике в части регламентации присвоения ученых званий.

Источники и литература

1. Федеральный закон от 22 августа 1996 г. № 125-ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 35, ст. 4135 (утратил силу).
2. Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ (в ред. от 16 апреля 2022 г.) «О науке и государственной научно-технической политике» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 35, ст. 4137; 2022. № 16, ст. 2610.
3. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (в ред. от 14 июля 2022 г.) «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 53 (ч. I), ст. 7598; 2022. № 29 (ч. III), ст. 5268.
4. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 517-ФЗ (в ред. от 11 июня 2021 г.) «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 1 (ч. I), ст. 56; 2021. № 24 (ч. I), ст. 4188.
5. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ (в ред. от 30 декабря 2021 г.) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 31, ст. 4179; 2022. № 1 (ч. I), ст. 18.
6. Постановление Правительства РФ от 15 июня 2018 г. № 682 (в ред. от 14 апреля 2020 г.) «Об утверждении Положения о Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 26, ст. 3851; 2022. № 15, ст. 2481.
7. Приказ Минобрнауки России от 13 января 2021 г. № 5 «Об утверждении Административного регламента Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по выдаче по ходатайствам образовательных организаций высшего образования, образовательных организаций дополнительного профессионального образования и научных организаций разрешений на создание на их базе советов по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, определению и изменению составов этих советов, определению перечня научных специальностей, по которым этим советам предоставляется право приема диссертаций для защиты» // Официальный интернет-портал правовой информации URL: <http://pravo.gov.ru>, 12.04.2021. (Дата обращения: 21.09.2022).
8. Приказ Минобрнауки России от 24 февраля 2021 г. № 118 (в ред. от 11 мая 2022 г.) «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесении изменения в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № 1093» // Официальный интернет-портал правовой информации URL: <http://pravo.gov.ru>, 06.04.2021; 16.06.2022. (Дата обращения: 21.09.2022).
9. Приказ Минобрнауки России от 2 марта 2020 г. № 268 // Официальный интернет-портал правовой информации URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 21.08.2020. (Дата обращения: 21.09.2022).
10. Приказ Минобрнауки России от 20 октября 2021 г. № 951 (в ред. от 6 мая 2022 г.) «Об утверждении федеральных государственных требований к структуре программ подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре), условиям их реализации, срокам освоения этих программ с учетом различных форм обучения, образовательных технологий и особенностей отдельных категорий аспирантов (адъюнктов)» // Официальный интернет-портал правовой информации URL: <http://pravo.gov.ru>, 23.11.2021. (Дата обращения: 21.09.2022).
11. Приказ Минобрнауки России от 10 ноября 2017 г. № 1093 (в ред. от 7 июня 2021 г.) «Об утверждении Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» // Официальный интернет-портал правовой информации URL: <http://pravo.gov.ru>, 06.12.2017; 08.07.2021.
12. Постановление Правительства Российской Федерации от 30 ноября 2021 г. № 2122 «Об утверждении Положения о подготовке научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре)» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 49 (ч. II), ст. 8308.
13. Кельсина А. С., Мироненко Е.С. Состояние и перспективы развития подготовки кадров высшей квалификации // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 2 (71). С. 239–244.
14. Лакаев О. А., Кротов К. С. Развитие цифровизации системы аттестации научных и научно-педагогических работников на примере отдельных государственных услуг // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 1 (144). С. 90–95.
15. Мироненко Е. С. Зарубежный опыт организации системы подготовки кадров высшей квалификации // Экономика и социум. 2015. № 5 (18). С. 410–413.
16. Ростова О. С. Нормативное регулирование подготовки научно-педагогических кадров на базе вуза в контексте реформ образования в Российской Федерации // Правовая политика и правовая жизнь. 2011. № 4. С. 89–91.
17. Сенашенко В. С. О некоторых проблемах подготовки кадров высшей квалификации // Высшее образование в России. 2013. № 4. С. 54–58.
18. Соколов А. Ю., Лакаев О. А. Ориентиры правовой политики в сфере цифровизации процедур присуждения ученых степеней // Правовая политика и правовая жизнь. 2022. № 2. С. 214–225.

References

1. Federal'nyj zakon ot 22 avgusta 1996 g. No. 125-FZ «O vysshem i poslevuzovskom professional'nom obrazovanii» (Federal Law of August 22, 1996 No. 125-FL «On Higher and Postgraduate Professional Education») // Sbranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 1996. No. 35, Art. 4135 (invalidated). (In Russian).
2. Federal'nyj zakon ot 23 avgusta 1996 g. No. 127-FZ (v red. ot 16 aprelja 2022 g.) «O nauke i gosudarstvennoj nauchno-tehnicheskoy politike» (Federal Law of August 23, 1996 No. 127-FZ (as amended on April 16, 2022) «On Science and State Scientific and Technical Policy») // Sbranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 1996. No. 35, Art. 4137; 2022. No. 16, Art. 2610. (In Russian).

3. Federal'nyy zakon ot 29 dekabrya 2012 g. No. 273-FZ (v red. ot 14 iyulya.2022 g.) «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii» (Federal Law of December 29, 2012 № 273-FZ (as amended on July 14, 2022) "On Education in the Russian Federation") // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2012. No. 53 (Part. I), Art. 7598; 2022. No. 29 (Part. III), Art. 5268. (In Russian).
4. Federal'nyy zakon ot 30 dekabrya 2020 g. No. 517-FZ (v red. ot 11 iyunja 2021 g.) «O vnesenii izmenenij v Federal'nyy zakon «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii» i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» (Federal Law of December 30, 2020 № 517-FZ (as amended on June 11, 2021) "On Amendments to the Federal Law "On Education in the Russian Federation" and Certain Legislative Acts of the Federation") // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2021. No. 1 (Part. I), Art. 56; 2021. No. 24 (Part. I), Art. 4188. (In Russian).
5. Federal'nyy zakon ot 27 iyulya 2010 g. No. 210-FZ (v red. ot 30 dekabrya 2021 g.) «Ob organizacii predostavleniya gosudarstvennyh i municipal'nyh uslug» (Federal Law of July 27, 2010 № 210-FZ (as amended on December 30, 2021) "On the Organization of the Provision of State and Municipal Services") // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2010. No. 31, Art. 4179; 2022. No. 1 (Part. I), Art. 18. (In Russian).
6. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 15 iyunja 2018 g. № 682 (v red. ot 14 aprelja 2020 g.) «Ob utverzhenii Polozhenija o Ministerstve nauki i vysshego obrazovanija Rossijskoj Federacii i priznanii utrativshimi silu nekotoryh aktov Pravitel'stva Rossijskoj Federacii» (Decree of the Government of the Russian Federation of June 15, 2018 № 682 (as amended on April 14, 2020) "On assessments of the Regulations on the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and certain acts of the government of the Russian Federation recognized by the authorities") // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2018. No. 26, Art. 3851; 2022. No. 15, Art. 2481. (In Russian).
7. Prikaz Minobrnauki Rossii ot 13 janvarja 2021 g. № 5 «Ob utverzhenii Administrativnogo reglamenta Ministerstva nauki i vysshego obrazovanija Rossijskoj Federacii po predostavleniju gosudarstvennoj usluzhi po vydache po hodatajstvam obrazovatel'nyh organizacij vysshego obrazovanija, obrazovatel'nyh organizacij dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovanija i nauchnyh organizacij razreshenij na sozdanie na ih baze sovetov po zashhite dissertacij na soiskanie uchenoj stepeni kandidata nauk, na soiskanie uchenoj stepeni doktora nauk, opredeleniju i izmeneniju sostavov jetih sovetov, opredeleniju perechnja nauchnyh special'nostej, po kotorym jetim sovetam predostavljaetsja pravo priema dissertacij dlja zashhity» (Order of the Ministry of Education and Science of Russia dated January 13, 2021 № 5 "Concerning Approval the Administrative Department of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for the Provision of Public Service for the Issuance of Interests of Higher Educational Institutions, Educational Organizations of Higher Professional Education and Scientific Organizations Approved for the Creation of their on the Basis of Councils for Defending a Dissertation for the Degree of Candidate of Science, for the Degree of Doctor of Science, Special Composition of these Councils, a Special list of Scientific Specialties, the Right to Receive a Dissertation for Defense is Granted on the Subject of this Council") // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii URL: <http://pravo.gov.ru>, 12.04.2021. (Accessed: 21.09.2022). (In Russian).
8. Prikaz Minobrnauki Rossii ot 24 fevralja 2021 g. № 118 (v red. ot 11 maja 2022 g.) «Ob utverzhenii nomenklatury nauchnyh special'nostej, po kotorym prisuzhdajutsja uchenye stepeni, i vnesenii izmenenija v Polozhenie o soвете po zashhite dissertacij na soiskanie uchenoj stepeni kandidata nauk, na soiskanie uchenoj stepeni doktora nauk, utverzhdennoe prikazom Ministerstva obrazovanija i nauki Rossijskoj Federacii ot 10 nojabrja 2017 g. № 1093» (Order of the Ministry of Education and Science of Russia dated February 24, 2021 № 118 (as amended on May 11, 2022) "Concerning Approval the Nomenclature of Scientific Specialties, a Scientific Degree is Awarded in Subjects, and in Assigning Changes to the Regulations on the Council for the Defense of a Dissertation for Competition Degree of Candidate of Science, for the Degree of Doctor of Science, Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated November 10, 2017 Vol. 1093 ") // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii URL: <http://pravo.gov.ru>, 06.04.2021; 16.06.2022. (Accessed: 21.09.2022). (In Russian).
9. Prikaz Minobrnauki Rossii ot 2 marta 2020 g. No. 268 (Order of the Ministry of Education and Science of Russia dated March 2, 2020 No. 268) // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 21.08.2020. (Accessed: 21.09.2022). (In Russian).
10. Prikaz Minobrnauki Rossii ot 20 oktjabrja 2021 g. No. 951 (v red. ot 6 maja 2022 g.) «Ob utverzhenii federal'nyh gosudarstvennyh trebovanij k strukture programm podgotovki nauchnyh i nauchno-pedagogicheskikh kadrov v aspiranture (ad#junkture), uslovijam ih realizacii, srokam osvoenija jetih programm s uchetom razlichnyh form obuchenija, obrazovatel'nyh tehnologij i osobennostej otdel'nyh kategorij aspirantov (ad#junktov)» (Order of the Ministry of Education and Science of Russia dated October 20, 2021 No. 951 (as amended on May 6, 2022) "Concerning Approval the Federal State Requirements to the Structure of the Programs of the Preparing of Scientific and Teaching Staff in Postgraduate School (Adjuncture), Conditions for their Implementation, the Timing of the Development of these Programs, taking into Account Various Forms of Education, Educating Technologies and Special Categories of Postgraduate Students (Adjunct Students)") // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii URL: <http://pravo.gov.ru>, 23.11.2021. (Accessed: 21.09.2022). (In Russian).
11. Prikaz Minobrnauki Rossii ot 10 nojabrja 2017 g. No. 1093 (v red. ot 7 iyunja 2021 g.) «Ob utverzhenii Polozhenija o soвете po zashhite dissertacij na soiskanie uchenoj stepeni kandidata nauk, na soiskanie uchenoj stepeni doktora nauk» // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii (Order of the Ministry of Education and Science of Russia dated November 10, 2017 No. 1093 (as amended on June 7, 2021) "Concerning Approval the Regulation on the Council for Defending a Dissertation for the Degree of Candidate of Science, for the Degree of Doctor of Science") URL: <http://pravo.gov.ru>, 06.12.2017; 08.07.2021. (In Russian).
12. Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 30 nojabrja 2021 g. № 2122 «Ob utverzhenii Polozhenija o podgotovke nauchnyh i nauchno-pedagogicheskikh kadrov v aspiranture (ad#junkture)» (Decree of the Government of the Russian Federation of November 30, 2021 No. 2122 "Concerning Approval the Regulation on the Preparing of Scientific and Teaching Staff in Postgraduate School (Adjuncture)") // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2021. No. 49 (ch. II), Art. 8308. (In Russian).

13. Kel'sina A. S., Mironenko E. S. Sostojanie i perspektivy razvitiya podgotovki kadrov vysshej kvalifikacii (State and Prospects for the Development of the Preparing of Higher Qualification Staff) // Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Gumanitarnye i social'nye nauki. 2016. No. 2 (71). P. 239–244. (In Russian).
14. Lakaev O. A., Krotov K. S. Razvitie cifrovizacii sistemy attestacii nauchnyh i nauchno-pedagogicheskikh rabotnikov na primere otdel'nyh gosudarstvennyh uslug (Development of a Digital System for Attestation of Scientific and Teaching Staff at the Example of Certain Public Services) // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj juridicheskoj akademii. 2022. No. 1 (144). P. 90–95. (In Russian).
15. Mironenko E. S. Zarubezhnyj opyt organizacii sistemy podgotovki kadrov vysshej kvalifikacii (Foreign Experience in Organizing a System for Training Highly Qualified Personnel) // Jekonomika i socium. 2015. No. 5 (18). P. 410–413. (In Russian).
16. Rostova O. S. Normativnoe regulirovanie podgotovki nauchno-pedagogicheskikh kadrov na baze vuza v kontekste reform obrazovanija v Rossijskoj Federacii (Normative Regulation of the Training of Scientific and Pedagogical Staff on the Basis of the University in the Field of Professional Education in the Russian Federation) // Pravovaja politika i pravovaja zhizn'. 2011. No. 4. P. 89–91. (In Russian).
17. Senashenko V. S. O nekotoryh problemah podgotovki kadrov vysshej kvalifikacii (On Some Problems of Qualification of Higher Qualifications) // Vyshee obrazovanie v Rossii. 2013. No. 4. P. 54–58. (In Russian).
18. Sokolov A. Ju., Lakaev O. A. Orientiry pravovoj politiki v sfere cifrovizacii procedur prisuzhdenija uchenyh stepenej (Landmarks of Judicial Policy in the Field of Digitalization of Procedures for Awarding Academic Degrees) // Pravovaja politika i pravovaja zhizn'. 2022. No. 2. P. 214–225. (In Russian).

Сведения об авторе

Рукавишников Сергей Михайлович – кандидат юридических наук, кафедры административного и муниципального права Саратовской государственной юридической академии / privet085@gmail.com
Адрес: 410028, 104, ул. Чернышевского, Саратов, Российская Федерация.

Information about the author

Rukavishnikov Sergey M. – PhD in Law, Chair of Administrative and Municipal Law, Saratov State Law Academy / privet085@gmail.com
The address: 410028, 104, Chernyshevsky st., Saratov, Russian Federation.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ PHILOLOGICAL SCIENCES

УДК 81'33

<http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.3.16>С. Н. Бредихин
А. Н. Эркенова

МИФОЛОГИЗАЦИЯ КАК СРЕДСТВО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ИДЕАЛИЗИРОВАННОЙ БЫТИЙНОСТИ В ЭПИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

В настоящем исследовании проводится анализ специфических лингвокогнитивных механизмов формирования особой лингвоконцептуальной области, структурирующей общелинговую культурно-аксиологическое пространство на основе архетипических и стереотипизированных феноменов. Текстовое пространство формирования ценностно-ориентационных основ каждой лингвокультуры представлено, прежде всего, эпическими произведениями, созданными во время становления нации и культуры того или иного народа. Возможно предположить, что интенсификация того или иного мифонима и введение его в концептуальное пространство народа происходит по некоторым универсальным моделям в связи с общностью доминант культуруобразующих факторов. Однако прослеживается и этническая специфика в создании мифологем, что базируется на различных религиозных, бытийных и социально-исторических факторах.

Не смотря на появление в последнее время работ по проблемам степени влияния мифологической картины мира на этническое языковое самосознание, в науке до сих пор отсутствует его концептуальное определение. Во многом это обусловлено тем, что в отечественной когнитивной лингвистике не получил еще должной научной разработки вопрос о гносеологической структуре этномаркированной картины мира, которая позволила бы объективно судить о характере взаимосвязи ее элементов. Именно характер связи определяет смысл исследуемого феномена, дает целостное представле-

ние об изучаемом объекте. Таким образом, для исследователей ключевой проблемой в изучении механизмов мифологизации субъектов, феноменов и ситуаций объективной и рефлексивной реальности в различных этносах и их вербализация в разноструктурных языках, главенствующим оказывается поиск подходов его структурирования и анализ связи его компонентов. Именно от разрешения данной проблемы сегодня во многом зависит разработка концепции мифологических оснований этнического самосознания в целом.

В статье рассматриваются особенности изображения бытийности в эпических текстах. Акцент при этом сделан карачаево-балкарском эпосе «Нарты», который состоит из нескольких циклов. Отличительной чертой эпических текстов является идеализация жизни героев от их появления на свет. В Нартиаде Дебет и Сатанай представлены как «первотворцы» и «прародители» нартского народа. Им принадлежит создание и изобретение различных орудий. Они не раз приходят на помощь нартам при борьбе с их врагами.

Ключевые слова: мифологизация, карачаево-балкарский эпос, Нартиада, образ героя, идеализация бытийности, этнокультурная специфика.

Для цитирования: Бредихин С. Н., Эркенова А. Н. Мифологизация как средство представления идеализированной бытийности в эпических текстах // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (3). С. 498–504. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.3.16

Sergey N. Bredikhin
Amina N.-M. Erkenova

MYTHOLOGIZATION AS A MEAN OF REPRESENTATION OF IDEALIZED EXISTENCE IN EPIC TEXTS

The study analyzes specific linguo-cognitive mechanisms of formation of a special linguo-conceptual area that structures the general linguo-cultural axiological space on the basis of archetypal and stereotyped phenomena. The textual space for the formation of the value-oriented foundations of each linguistic culture is represented, first of all, by epic works created during the formation of the nation and culture of a particular

people. It is possible to assume that the intensification of this or that mythonym and its introduction into the conceptual space of the people takes place according to some universal models due to the commonality of the dominant culture-forming factors. However, there is also ethnic specificity in the creation of mythologemes, which is based on various religious, existential and socio-historical factors.

Despite the recent appearance of works on the problems of the degree of influence of the mythological picture of the world on ethnic linguistic self-consciousness, its conceptual definition is still missing in science. This is largely due to the fact that in Russian cognitive linguistics the question of the epistemological structure of the ethnomarked picture of the world, which would allow one to objectively judge the nature of the relationship of its elements, has not yet received proper scientific development. It is the nature of the connection that determines the meaning of the phenomenon under study, gives a holistic view of the object under study. Thus, for researchers, the key problem in studying the mechanisms of mythologization of subjects, phenomena and situations of objective and reflexive reality in various ethnic groups and their verbalization in languages with different structures, the main problem is the search for approaches to its structuring and analysis of the connection of its components. The development

Актуальность данного исследования определяется тем, что современная лингвистика характеризуется становлением междисциплинарных областей знания, причем контаминация осуществляется не только в смежных дисциплинах, но и в рамках смещения парадигм в самих языковедческих сферах. Текстовое пространство формирования ценностно-ориентационного единства каждой лингвокультуры представлено, прежде всего, идеями, заложенными в эпических прототекстах, созданными во время становления нации и культуры того или иного народа. Так, миф является одним из самых древних типов сознания. В нем содержится первоначальное представление той или иной культуры о мироздании. Наличие различных социальных проблем и отсутствие возможности их влияния на их решение, порождает необходимость в побеге от действительности в идеализированный мир, где все возможно. Таким образом, человек стремится создать миф, в котором добро побеждает зло, существует социальная и политическая стабильность. В настоящий момент вопрос отражения идеализированной бытийности в различных лингвокультурах является недостаточно изученным. В нашей статье мы рассмотрим способы экспликации идеализированной бытийности на примере карачаево-балкарского героического эпоса.

Цель нашей статьи состоит в рассмотрении способов представления идеализированной бытийности в эпических текстах на основе лингвокогнитивного механизма мифологизации.

Исследованием мифологии занимались многие ученые из разных областей знаний. Одними из ключевых работ в области мифологии являются исследования таких ученых, как Е. М. Мелетинский (1974), В.М. Найдыш (2010), К. Леви-Стросс (1994), М. Олдхаус-Грин (2021), М. В. Ивченко (2006),

Е. Я. Режабек (2018), в области филологии и лингвистики З. Н. Волкова (2020), Т. М. Хаджиева (2015), А. И. Алиева (2012), У. З. Байрамуков (2012) и т. д.

of the concept of the mythological foundations of ethnic self-consciousness as a whole largely depends on the resolution of this problem today.

The article discusses the features of the image of lifestyle in epic texts. The emphasis is on the Karachay-Balkar epos «Narts», which consists of several cycles. A distinctive feature of epic texts is the idealization of the life of heroes from their birth. In the Nartiada, Debet and Satanai are presented as the «first creators» and «ancestors» of the Nart people. They own the creation and invention of various tools. They often come to the aid of the Narts in the fight against their enemies.

Key words: mythologization, Karachay-Balkarian epos, Nartiada, image of a hero, idealization of lifestyle, ethnocultural specificity.

For citation: Bredikhin S. N., Erkenova A. N.-M. Mythologization as a mean of representation of idealized existence in epic texts // Humanities and law research. 2022. V. 9 (3). P. 498–504. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.3.16

Вопрос, который возникает перед учеными, состоит в исследовании его истоков мифопорождения в процессе создания основы аксиологической системы в картине мира того или иного этноса. Миф содержит в себе информацию о том, как видит окружающий мир тот или иной народ, т. е. доминирующие социокультурные и этнонационально маркированные компоненты ядра концептосферы [5]. Таким образом, он является результатом «родового сознания человека».

С древности миф сопровождал людей на протяжении всей жизни. Он содержал в себе не только истории о богах, но и регламентировал правила жизни, организовывал быт той или иной культуры. По мнению Е.М. Мелетинского, «функция мифа – регулирование и поддержка определенного природного и социального порядка, как прелогическая символическая система, родственная другим формам человеческого воображения и творческой фантазии» [13, с. 8].

Первыми, кто занялся переносом из устной в письменную форму мифов, были логографы. Они описывали подвиги и приключения героев, вели записи о происхождении богов, так как люди верили, что произошли от них. Дионисий Галикарнасский причислял к литографам, таких историков, как Эвгеон Самосский, Деиох Проконнесский, Эвдем Паросский, Демокл Фигелейский и многих других. В своих работах они придерживались одной точки зрения, причем, истории разделялись по народам и городам, не смешивая их. Их целью была передача преданий того или иного народа без каких-либо изменений и дополнений. Литографы придерживались ясного, простого и краткого способа повествования [14, с. 32].

Первые попытки определения мифа были предприняты также в Древней Греции. Так, Платон «противопоставил народной мифологии философско-символическую интерпретацию мифов» [13, с. 12]. Платон считал, что мифы способствуют нравственному воспитанию человека. Он считал, что миф играет социальную роль в жизни

общества. Только государи могли размышлять о жизни общества, а мифы – для народа. В «Поэтике» Аристотеля мы встречаем интерпретацию мифа, как «фабулу». В свою очередь эпикурейцы видели в мифах дополнительную помощь в укреплении авторитета жрецов и властителей. Представители киренаиков считали, что в мифах изображены исторические личности в виде богов.

Древнегреческий поэт Гесиод в своих произведениях утверждает, что миф представляет собой, как правило, слово и мысль, которые обозначают что-то особенное. Сам по себе миф оказывает влияние на жизнь человека, например, он поучает и забавляет [14, с. 30].

Согласно В. И. Далю миф представляет собой какое-либо происшествие, историю или, даже, человека, которые вошли в «поверье» [7].

С. И. Ожегов определяет миф, как древнее предание, которое повествует о подвигах героев, богов и о возникновении различных природных явлений [16, с. 313].

В мифах содержатся ответы на вопросы, которые уже давно волнуют человечество: кто мы? как был создан мир? что происходит после смерти? Многие мифические предания содержат вопросы морали: борьбы добра и зла, целомудрие, жестокость, насилие, предательство, в них заключены идеалы мужского и женского поведения [17, с. 19].

Отличительной чертой мифа является то, что он является одной из составных частей древних религий. Миф полностью регламентировал жизнедеятельность людей, он представлял собой проекцию окружающего мира. Сакральная природа мифа заключалась в ритуальных обрядах, которые, как считалось, оказывали теургическое влияние на действительность. Так, по мнению Н.В. Шестеркиной миф сочетает в себе такие проявления архаического мышления, как «синкретизм, анимизм, антропоморфизм, тотемизм, магизм». Таким образом, человек живет в воображаемом мире, при этом, находясь в действительности [23, с. 41].

Э. Ф. Шафранская выделяет следующие категории мифов:

- 1) Космогонические мифы – мифы, в которых содержится информация о создании мироздания.
- 2) Эсхатологические мифы – мифы о конце света.
- 3) Тотемические мифы – в них идет речь о божествах, которые часто представлены животными и считаются предками людей.
- 4) Мифы о культурном герое – герой, который научил людей различным промыслам.
- 5) Мифы о трикстере – миф о полной противоположности героя, как правило, трикстер – хитрец, шутник.
- 6) Посвятительные мифы – мифы, в которых говорится о ритуалах взросления [22, с. 21].

7) Вышеупомянутые утверждения, подтверждает В. М. Найдыш. Он считает, что миф является начальным типом символического представления архетипа. По словам В. М. Найдыша человек создает миф, когда сам еще «не воспринимает бессознательное как часть своей внутренней духовности и проецирует его содержание вовне». Таким образом, человек представляет свое внутреннее состояние в виде «богов, демонов» и причисляет их свойства к различным природным процессам [14, с. 331].

Так, мы видим, что мифы воспринимались как абсолютная реальность. При этом, стоит отметить, что в дорелигиозный период мифы были не столько предметом обрядов, сколько литературным достоянием, особенно это касается эпических произведений. Эпос («повествование», «стих») представляет собой повествование о жизни и подвигах героев. Эпические произведения выступали в качестве исторических летописей. Как утверждает З. Н. Волкова, эпос состоит из различных типов. З. Н. Волкова приводит теорию эволюции эпоса А. Н. Веселовского. Он выделяет 4 формы эпических произведений: лирико-эпические песни, эпические песни, эпические циклы, эпопеи, «цельный» эпос [6, с. 11].

Мифологизация является процессом создания мифов. Данное явление представляет собой итоговое произведение мыслительного процесса. Существует непосредственная связь мифологизации с методами концептуализации. Исследователи считают, что миф является основополагающим элементом пространства языковой семантики. Язык и миф тесно взаимосвязаны, так, что «лингвистическое мышление» принижено «мифическим мышлением». Источником информации о мире выступает языковая картина мира, которая, в свою очередь, является особой концептуальной структурой [5].

Нартиада занимает ключевое место в карачаево-балкарской культуре. Отличительной чертой карачаево-балкарских «Нартов» от других вариантов является наличие поэтической и песенной версий. Изучением Нартиады занимались такие ученые, как Т. М. Хаджиева, Ф. А. Урусбиева, Х. Х. Малкондуев, А. И. Рахаев, М. Ч. Джуртубаев, Х. М. Акбаева, П. Остряков и другие. Первые попытки исследовать карачаево-балкарский эпос были предприняты в XIX веке, к ним относятся работы, опубликованные в 1879–83 гг., одним из первых, кто опубликовал «Нарты» был П. Остряков. Он отмечал, что для воссоздания полного сборника «Нартов», необходимо опросить каждого исполнителя, так как каждый из них знает наизусть только пару песен [18, с. 702].

Способствовали сохранению и передаче нартского эпоса, такие исследователи, как А. Узденов, С. Отаров, Бозиев А., М. Хабичев, Р. Отарова,

Н. Тульчинский, А. Боташев, Е. Баранов, Х. Суюнчев, А. Рахаев и т.д. Впервые систематическим сбором нартских сказаний занялись в 60-е гг. XX века.

Первый исследователь Нартиады Сафарали Урусбиев отмечал, что «первое место принадлежит сказаниям о нартских богатырях; это богатырский эпос татар-горцев, сохранившийся в их песнях, распеваемых ими до настоящего времени» [10, с. 56]. Также он утверждал, что территорией, где развивались события эпоса был, в основном, Северный Кавказ до Волги, включая Кубанскую область. В нартских сказаниях Волга встречается под другим названием – Эдиль [10, с. 58].

Одним из главных вопросов остается вопрос о том, к какому времени относится создание «Нартов»? Исследователи предполагают, что действительность нартов соответствует реальному историческому периоду. Мы можем предположить, что в нартском эпосе отразился быт карачаево-балкарского народа. Т. М. Хаджаева пишет, что «Благодаря стихотворно-песенной форме существования в эпосе карачаевцев и балкарцев произошла консервация многих архаических элементов, которую подчеркивали многие исследователи «Нартиады» [20, с. 97].

Как отмечает Е. Я. Режабек «тип культуры накладывает свою печать на когнитивность» и наоборот когнитивность оказывает влияние на тип культуры [19, с. 8]. Так, нарты представляют собой идеал мудрости, как отмечает М.Ч. Джуртубаев, в карачаево-балкарском языке «нарт сёз» (пословица) переводится как «нартские речения», понятие «нарт» обозначает не только богатыря, но и подразумевает мудрого человека. Есть даже поговорка: «Къартха сорма, нартха сор»/«Спрашивай не у старого, а у мудрого» [8, с. 617].

Например, в песне «Ёрюзбек убивает рыжего Фука» ведется повествование о том, времени, когда краснолицый рыжебородый Фук притеснял нартский народ. Однажды, когда Ёрюзбеку было двенадцать лет, Фук прибыл на пастбище и потребовал в качестве дани баранов, но герой отказался давать их ему. В качестве наказания Фук отхлестал Ёрюзбека и отобрал у него двенадцать баранов. Годы спустя Ёрюзбек женился на Сатанай и поделился с ней воспоминанием об этом:

*Къуртха Сатанайны алды къатыннга
 Фуку хапаралрын айтханды анга:
 – Къойла бер, – деп келген эди манга,
 Бир осал къой берген эдим мен анга.
 Ол мен берген къойгъа бюсюремеди,
 Къызып, къамичи бла сыртыма берди.
 Жыйыны бла келген эди юсюме,
 Мен сабийем эдим, базынган эди кючюне.
 Мен джаш эдим, ол зорлукъну этген эди,
 Нартны онеки къоюн алып кетген эди.
 Куртха Сатанай взял в жены.
 Поведал ей о бесчинствах Фука:*

- Приехал Фук ко мне и потребовал:

«Дай мне баранов!»

Я дал ему одну плохую овцу.

*Овца, которую я дал, ему не понравилась,
 Разгневавшись, он мне плетью по спине ударил.
 Приехал же он ко мне со свитой,
 Был я ребенком, потому и понадеялся
 на силу свою.*

Я был юн, и он насилие учинил –

*Двенадцать нартских баранов забрал и уехал.
 (перевод Т. М. Хаджиева, Р. А.-К. Ортабаева)*

В данном отрывке мы видим, что Ёрюзбек просит совета у Сатанай, так как она является эталоном мудрости для нартов. Стоит подчеркнуть, что в отличие от других эпических произведений, где героиня ценится, главным образом, за ее красоту, в Нартиаде наравне с красотой Сатанай неоднократно отмечается ее благоразумие и дальновидность. Несмотря на то, что Ёрюзбек имеет положение главы нартов, он ничего не предпринимает без совета Сатанай, что еще раз подчеркивает не только ее исключительное место в эпосе, но и место женщины в социуме, что может говорить о матриархальных чертах, которые присутствовали в обществе. Так, в мифах люди идут за мудростью и советом к мудрецам, но в нартском эпосе в большинстве случаев женщины принимают решение, так как являются эталоном мудрости. Например, в том же отрывке нарты идут за советом к ведуньям:

Нарт жыйлып, уллу оноу этгенди,

- Ёрюзбекни Фука иейик, - дегенди.

Элде къуртхаланы жыйып, сордула,

- Бир мадар! – деп, алагъа баш урдула.

Нарты собрались и держали большой совет:

– Пошлем к Фуку Ёрюзбека – решили они.

Созвали они всех вещунный аула,

Попросили их: «Придумайте что-нибудь!»

(перевод Т. М. Хаджиева, Р. А.-К. Ортабаева)

Как утверждает М. А. Хоконов архетипы содержат в себе «коллективную память народа», в этой связи их изучение предоставляет возможность рассмотреть с разных точек зрения развитие менталитета и культуры каждого народа [21, с. 25].

Приведенные примеры, показывают, что идеалом считалась женщина, которая могла быть не только хорошей хозяйкой и славиться красотой, но и мудростью и ясновидением. Сатанай награждается такими эпитетами, как «къуртха», «обур», «билгич», «хар затны билиучу». Слова «къуртха» и «обур» значат не только «вдунья», «колдунья», но имеют также переносный смысл «сообразительный», «умный». В других версиях эпоса Сатанай заключает в себе черты воинственных амазонок. В этих вариантах в основном превозносятся физические данные героини, в то время как в карачаево-балкарском варианте эпоса, Сатанай одерживает победу над врагами при

помощи мудрости и хитрости. Кроме того, следует подчеркнуть, что Сатанай является не только ведуньей, которая помогает нартам, но и считается их прародительницей. В песне «Прекрасная Сатанай» сообщается, что Сатанай вышла замуж за Ёрюзмека и, таким образом, стала «матерью нартов». В толковом словаре Х.М. Акбаева говорится о том, что источником происхождения имени Сатанай является соединение двух корней «сам («священный» + ана («мать»))» [1, с.135-136]. Таким образом, образ Сатанай является идеалом «женского поведения», прообразом матери. Т. М. Хаджаева утверждает, что «помимо культа матери-прародительницы в ее образе, несомненно, прослеживается и культ некоей астральной богини предков карачаевцев и балкарцев, связанной с их солярными и лунарными мифами. Кроме этого мы считаем, что в ее образе нашли отражение и их представления о матери-земле. Наверное, поэтому функции этой мудрой, вещей чародейки универсальны: она исцелительница и покровительница, советчица и помощница всех нартов, восприимчива и воспитательница Сосурука и Карашауая» [20, с. 100].

В Нартиаде особое место занимает изображение социально-экономического и культурного развития. Прежде всего, в эпосе отображено почитание кузнечества, что характерно для тюркских народов. Так, талант Дебета стоит наравне с подвижками Ёрюзмека и других богатырей. Особую роль играет изготовление Дебетом различного оружия:

*Кубелени, кьалкъанланы ишлегенди,
Усталыкъны ол эбине тюшюннгенди,
Тау ташланы, шишлик этип, биширгенди.
Кольчуги и щиты изготовлял,
Овладел всеми секретами
кузнечного мастерства,
Горные камни жарил, как шашлык*
(перевод Т. М. Хаджиева, Р. А.-К. Ортабаева)

Во многих мифах кузнец играет важную роль наравне с главными героями. Он выступает в виде первосоздателя, так Дебету присваивается создание первого кузнечного меха и добыча железа:

*Ол ишлегенди алгъа тери кёрюкню
Ол чыгъыргъанды жер юсюне темирни,
Ол башлагъанды, жандырып ташкёмюрню.
Он первый на земле сделал кузнечный мех,
Он первым на земле добыл железо,
Он первым стал жечь каменный уголь*
(перевод Т. М. Хаджиева, Р. А.-К. Ортабаева)

Способность кузнеца добывать и трансформировать железо в различные инструменты, представлялась людям божественного происхождения. По их представлению только богам или героям божественного происхождения было подвластно подобное. Как и в большинстве мифов, в карачаево-балкарском эпосе, кузнец выступает

в качестве наставника, покровителя ремесел. Его деятельность непосредственно влияла на жизнь и быт людей, поэтому кузнецам приписывалось божественное происхождение.

В эпосе не раз подчеркивается божественное происхождение Дебета, что также подчеркивается упоминанием небесных тел, которые он использовал для изготовления оружия. Например, в отрывке «Рождение Ёрюзмека» говорится:

Бир джолда, нартланы ёмюрлеринде, нарт Дебет таулагъа темир ташла жыяргъа кетгенди. Кече ол бир дорбунда кьалгъанды. Кече ортада дорбунну тешигинден бир сейир кёк жарыкъ уруп, дорбунну ичин кюнча жарытханды. Дебет, сейирсинип, тышына чыкъгъанды. Битеу дунияны, кёз кьаматырча, жарытып, кёкде бир уллу узун кьуйрукьлу жулдузну учуп баргъанын кёргенди (...) Темирчи Дебет а ол кёкден тюшген ташны эки сыныгъын да эритип, темир этгенди. Анда битеу нарта айтылгъан кьулач-кьулач созулгъан сырпынны ишлеп, нарт Ёрюзмеке нартланы жаулары Къызыл Фук бла сермеширге бергенди. – Однажды, в век нартов, нартский кузнец Дебет отправился в горы собирать железные камни. Ночью он остался в одной пещере. В полночь по пещере разлился какой-то необычный голубой свет и озарил всю пещеру, как солнце. Удивленный Дебет вышел наружу и увидел, что посреди неба летит огромная хвостатая звезда, ярко освещающая весь мир (...) А кузнец Дебет выплавил оба обломка камня, упавшего с неба. Когда Ёрюзек собрался сразиться с врагом нартов Рыжим Фуком, он из этого железа выковал известный всем нартам, знаменитый, удлиняющийся в бою сырпын Ёрюзмека (перевод Т.М. Хаджиева, Р.А.-К. Ортабаева).

Нартский эпос до сих пор остается малоизученным. На сегодняшний день его исследованию посвящено несколько монографий и статей. С точки зрения языкознания карачаево-балкарский эпос еще не был рассмотрен. В нартиаде запечатлена история, культура, нравы, быт и психология карачаево-балкарского народа.

В нашей статье мы рассмотрели некоторые примеры из карачаево-балкарского эпоса «Нарты», в которых отразилась идеализация бытийности посредством мифа. Предки карачаево-балкарцев сформировали мифологическое пространство, в котором отразилось философское мировоззрение об окружающем мире, о происхождении тех или иных явлений и человека. Одними из ключевых фигур в нартском эпосе являются Дебет, как наставник нартского народа и создатель первого оружия, Ёрюзек и Сатанай как прародители нартов. В чертах и поведении данных героев можно увидеть представление идеального образа мужского и женского поведения. Также в нартском эпосе выделяется особое положение женщины, что является характерной чертой для современного карачаево-балкарского

общества. Так на протяжении всей истории карачаево-балкарского народа, женщина всегда занимала важное место, например, она имела собственный доходи имущество, которым могла распоряжаться только она. Если в семье не было старшего мужчины, его место занимала старшая по возрасту женщина, таким образом она имела те же права, что и глава семьи. При любом вопросе с ней всегда советовались, муж также обращался за советом к ней. Это подтверждается тем, что в нартском эпосе мы встречаем такие определения, как «къруртха», «обур», «билгич», «хар затны билиучу», которыми обозначали женщин. Что касается мужского образа, то у карачаево-балкарского народа принято, что бы мужчина был немногословен, что мы можем наблюдать на примере Ёрюзмека. При этом, мужчина должен обладать искусством красноречия.

Также в нартском эпосе отражены отношения карачаевцев и балкарцев с другими народностями. Например, под эмегенами предки карачаево-балкарцев подразумевали иноземцев. Также в нартиаде отразились различные небесные явления, такие как кометы и метеоритный дождь.

Таким образом, можно сказать, что к специфике мифологизации в нартском эпосе относится в первую очередь синкретизм, т. е. единство реального и сверхреального (идеального). Карачаевцы и балкарцы не ставили под сомнение существование нартских героев. Более того их уклад жизни был основан на устое нартвов. В нартский период были заложены модели взаимоотношений и поведения, традиции, моральные устои, которым следовали предки карачаево-балкарцев.

Источники и литература

1. Акбаев Х. М. Толковый словарь некоторых имен и терминов нартского эпоса. Черкесск: Аланский Эрмитаж, 2010. 168 с.
2. Алиева А. И. Издание национальных версий нартского эпоса в двуязычной Европе и Азии // *Нартведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации*. 2012. № 1. С. 6–20.
3. Байрамуков У. З. Этимологический анализ имен главных героев старшего поколения в национальных версиях эпоса «Нарты». Карачаевск: КЧГПУ, 1999. 142 с.
4. Блюмхен С.И. Космологические аспекты мифов о «совершенномудрых правителях». Часть II: Миф о Гуне и Юе в эпоху Шан // *Общество и государство в Китае*. 2013. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kosmologicheskie-aspekty-mifov-o-sovershennomudryh-pravitelyah-chast-ii-mif-o-gune-i-yue-v-epohu-shan> (Дата обращения: 12.12.2021).
5. Бредихин С. Н., Пелевина Н.А. Лингвокогнитивные механизмы актуализации и концептуализации идиокомпонентов картины мира. Ставрополь: Параграф, 2021. 172 с.
6. Волкова З. Н. Эпос Франции: История и язык французских эпических сказаний. М.: ЛИБРОКОМ, 2020. 320 с.
7. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. URL: <https://www.prlib.ru/item/457655> (Дата обращения: 12.12.2021)
8. Джуртубаев М. Ч. Происхождение нартского эпоса. Нальчик: Тетраграф, 2013. 804 с.
9. Ивченко М. В. Этнокультурная связь сказки и мифа // *Вестник Таганрогского института управления и экономики*. 2006. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnokulturnaya-svyaz-skazki-i-mifa> (Дата обращения: 12.12.2021).
10. Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях / отв. ред. Т.М. Хаджиева. Нальчик: Эльбрус, 1983. 432 с.
11. Леви-Стросс К. Неприрученная мысль // *Первобытное мышление*. М.: Республика, 1994. С. 111–336.
12. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. 558 с.
13. Мелетинский М. Е. Происхождение героического эпоса: ранние формы и архаические памятники. М.: Восточная литература, 1974. 464 с.
14. Найдыш В. М. Мифология – учебное пособие. М.: КНОРУС, 2010. 432 с.
15. Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. М.: Наука, 1994. 656 с.
16. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1983. 816 с.
17. Олдхаус-Грин М. Кельтские мифы. От короля Артура и Дейдре до фейри и друидов. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2021. 260 с.
18. Остряков П. Народная литература кабардинцев и ее образцы // *Вестник Европы*. 1879. Т. 4. Кн. 8-9. С. 697-710.
19. Режабек Е. Я. Мифомышление: Когнитивный анализ. М.: ЛЕНАНД, 2018. 304 с.
20. Хаджиева Т. М. Нартские песни и сказания карачаевцев и балкарцев // *Научный альманах. Традиционная культура*. 2015. №1. С. 96–108.
21. Хоконов М. А. Мифологическое сознание как способ отражения социокультурного бытия: на примере адыгского нартского эпоса: дис. ... канд. философ. наук: 24.00.01. Ростов-на-Дону, 2009. 199 с.
22. Шафранская Э. Ф. Устное народное творчество. М.: Академия, 2008. 346 с.
23. Шестеркина Н. В. Миф как когнитивная парадигма // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2011. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mif-kak-kognitivnaya-paradigma> (Дата обращения: 12.12.2021).

References

1. Akbaev H. M. Akbaev X. M. *Tolkovyy slovar' nekotorykh imen i terminov nartskogo eposa* (Definition Dictionary of Some Names and Terms of the Nart epic). Cherkessk: Allan Hermitage, 2010. 168 p. (In Russian).
2. Alieva A.I. *Izдание natsional'nykh versiy nartskogo eposa v dvuyazychnoy Evrope i Azii* (Publication of National Versions of the Nart Epic in Bilingual Europe and Asia) // *Nartovedenie v XXI veke: sovremennyye paradigmy i interpretatsii* (Nart Studies in the 21st century: Modern Paradigms and Interpretations). 2012. No. 1. P. 6–20. (In Russian).
3. Bairamukov U. Z. *Etimologicheskyy analiz imen glavnykh geroev starshhego pokoleniya v natsional'nykh versiyakh eposa «Narty»* (Etymologic Analysis of the Main Characters of the Older Generation Names in the National Versions of the Epic «Narts»). Karachaevsk: KChSPU publ., 1999. 142 p. (In Russian).

4. Blumkhen S. I. Kosmologicheskie aspekty mifov o «sovershennomudrykh pravatelyakh» (Cosmological Aspects of the Myths about "Perfectly Wise Rulers") Chast' II: Mif o Gune i Yue v epokhu Shan (Part II: The Myth of Gun and Yu in the Shang Dynasty) // *Society and State in China (Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae)*. 2013. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kosmologicheskie-aspekty-mifov-o-sovershennomudrykh-pravitelyah-chast-ii-mif-o-gune-i-yue-v-epokhu-shan> (Accessed: 12.12.2021). (In Russian).
5. Bredikhin S. N., Pelevina N.A. Lingvokognitivnye mekhanizmy aktualizatsii i kontseptualizatsii idiokomponentov kartiny mira (Linguocognitive mechanisms of actualization and conceptualization of worldview idiocomponents). *Stavropol': Paragraf*, 2021. 172 p. (In Russian).
6. Volkova Z. N. Epos Frantsii: Istoriya i yazyk frantsuzskikh epicheskikh skazaniy (Epic of France: The History and Language of French Epic Tales). M.: LIBROKOM, 2020. 320 p. (In Russian).
7. Dal V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka (Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language)*. URL: <https://www.prlib.ru/item/457655> (Accessed: 12.12.2021). (In Russian).
8. Dzhurtubaev M.Ch. Proiskhozhdenie nartskogo eposa (The Origin of the Nart Epic). *Nal'chik: Tetragraf*, 2013. 804 p. (In Russian).
9. Ivchenko M. V. Etnokul'turnaya svyaz' skazki i mifa (Ethnocultural Connection Between Fairy Tale and Myth) // *Vestnik Taganrogsogo instituta upravleniya i ekonomiki (Bulletin of Taganrog Institute of management and economics)*. 2006. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnokulturnaya-svyaz-skazki-i-mifa> (Accessed: 12.12.2021). (In Russian).
10. Karachaevo-balkarskiy fol'klor v dorevolutsionnykh zapisyakh i publikatsiyakh (Karachay-Balkarian Folklore in Pre-revolutionary Records and Publications) / resp. ed. T. M. Khadzhiev. *Nalchik: Elbrus*, 1983. 432 p. (In Russian).
11. Levi-Strauss K. Nepriuchennaya mysl' (Untamed Thought) // *Pervobytnoe myshlenie (Primitive Thinking)*. Moscow: Respublika, 1994. S. 111–336. (In Russian).
12. Losev A. F. *Dialektika mifa (Dialectics of Myth)*. Moscow: Mysl', 2001. 558 p. (In Russian).
13. Meletinsky M. E. *Meletinskiy M. E. Proiskhozhdenie geroicheskogo eposa: rannie formy i arkhaischeskie pamyatniki (The Origin of the Heroic Epic: Early Forms and Archaic Monuments)*. Moscow: Vostochnaya literatura, 1974. 464 p. (In Russian).
14. Naidysh V.M. *Mifologiya – uchebnoe posobie (Mythology Tutorial)*. Moscow: KNORUS, 2010. 432 p. (In Russian).
15. Narty. Geroicheskii epos balkartsev i karachaevtsev (Narts. The Heroic Epic of the Balkars and Karachais). Moscow: Nauka, 1994. 656 p. (In Russian).
16. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazyka (Dictionary of the Russian Language)*. Moscow: Russkiy yazyk, 1983. 816 p. (In Russian).
17. Oldhouse-Greene M. *Kel'tskie mify. Ot korolya Artura i Deydre do feyri i druidov (The Celtic Myths. A Guide to the Ancient Gods and Legends)*. Moscow: Mann, Ivanov & Ferber, 2021. 260 s. (In Russian).
18. Ostryakov P. *Narodnaya literatura kabardintsev i ee obraztsy (Folk Literature of the Kabardians and Its Samples)* // *Vestnik Evropy (Bulletin of Europe)*. 1879. Vol. 4. Book 8–9. P. 697–710. (In Russian).
19. Rezhbek E.Ya. *Mifomyshlenie: Kognitivnyy analiz (Myth-thinking: Cognitive Analysis)*. Moscow: LENAND, 2018. 304 p. (In Russian).
20. Khadzhieva T.M. *Nartskie pesni i skazaniya karachaevtsev i balkartsev (Nart Songs and Legends of Karachays and Balkars)* // *Nauchnyy al'manakh. Traditsionnaya kul'tura (Scientific Almanac. Traditional Culture)*. 2015. No. P. S. 96–108. (In Russian).
21. Khokonov M. A. *Mifologicheskoe soznanie kak sposob otrazheniya sotsiokul'turnogo bytiya: na primere adygsogo nartskogo eposa (Mythological Consciousness as a Way of Reflecting Socio-Cultural Life: on the Example of the Adyge Nart epos): thesis*. Rostov-on-Don, 2009. 199 p. (In Russian).
22. Shafranskaya E.F. *Ustnoe narodnoe tvorchestvo (Oral Folk Arts)*. Moscow: Akademiya, 2008. 346 p. (In Russian).
23. Shesterkina N.V. *Mif kak kognitivnaya paradigma (Myth as a Cognitive Paradigm)* // *Voprosy kognitivnoy lingvistiki (Issues of Cognitive Linguistics)*. 2011. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mif-kak-kognitivnaya-paradigma> (Accesses: 12.12.2021). (In Russian).

Сведения об авторах

Бредихин Сергей Николаевич – доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / bredichinsergey@yandex.ru

Адрес: 355017, д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, Российская Федерация.

Эркенова Амина Нюр-Магомедовна – аспирант кафедры теории и практики перевода гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / aminae@list.ru

Адрес: 355017, д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, Российская Федерация.

Information about the authors

Bredikhin Sergey N. – Doctor of Philology, Professor, Chair of translation studies, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University / bredichinsergey@yandex.ru

The address: 355017, 1, Pushkin st., Stavropol, Russian Federation.

Erkenova Amina N.-M. – postgraduate student, Chair of translation studies, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University / aminae@list.ru

The address: 355017, 1, Pushkin st., Stavropol, Russian Federation.

УДК 82.42

<http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.3.17>

Т. В. Марченко

КУЛЬТУРНЫЙ РЕСАЙКЛИНГ СОВЕТСКОГО В ИНТЕРНЕТ-МЕМАХ: ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

В статье рассматриваются лингвосемиотические особенности культурного ресайклинга советского в интернет-мемах. В качестве концептуальной рамки исследования выбран культурный ресайклинг, позволяющий проанализировать приобретаемые символическими и прецедентными элементами советского прошлого функциональные смыслы сквозь призму процесса культурной переработки в современном дискурсивном пространстве. Междисциплинарный характер заявленного предмета исследования обусловил использование приемов системного функционального мультимодального анализа семиотически осложненных текстов, структурно-семантического и дискурсивного методов анализа.

Интернет-мемы, являющиеся интегративным поликодовым семиотическим единством, характеризуются имманентной открытостью как на информативно-смысловом, так и на прагматическом уровнях. Любой из используемых кодов потенциально может инкорпорировать реминисценции советской эпохи. Основным критерием отбора практического материала исследования послужило наличие в прецедентном элементе, получившем вербальную или невербальную реализацию в интернет-меме, семантического компонента «имеющий отношение к СССР, советский». Анализ специфики культурного ресайклинга культурно-исторического наследия советской эпохи и его использования в интернет-мемах выявил несколько сфер / элементов формы / объектов, имеющих наиболее высокую частотность актуа-

лизации: 1) шрифты, надписи, плакаты; 2) артефакты вокально-музыкального творчества; 3) глuttonические прецеденты («вкус детства»); 4) кино- и мультфильмы; 5) артефакты повседневности. По каждой из выявленных категорий детализирован круг используемых вербальных / невербальных прецедентных элементов, охарактеризованы структурно-семантическая специфика полимодальных единиц, типовые семантические модели построения, особенности новых функциональных смыслов и прагматический потенциал использования (как в частных контекстах, так и с точки зрения формирования мематических комплексов). Делается вывод о том, что наряду с ностальгическими мотивами, ресайклинг советского прошлого в интернет-мемах характеризуется перспективными тенденциями развития функциональных смыслов и актуализации в конструировании современных дискурсивных практик.

Ключевые слова: советская культура, культурный ресайклинг, интернет-мем, поликодовый текст, семиотически осложненный текст, прецедентный феномен, медиакommunikация.

Для цитирования: Марченко Т. В. Культурный ресайклинг советского в интернет-мемах: лингвосемиотическая интерпретация // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (3). С. 505–518. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.3.17

Tatiana V. Marchenko

CULTURAL RECYCLING OF THE SOVIET IN INTERNET MEMES: SEMIOTIC LINGUISTIC INTERPRETATION

The article studies linguo-semiotic features of Soviet cultural recycling in Internet memes. Cultural recycling chosen as the conceptual framework of the study fosters the analysis of functional meanings acquired by symbolic and precedent elements of the Soviet past in terms of cultural processing in the modern discourse space. The interdisciplinary nature of the subject preconditions the use of elements of a systemic functional multimodal analysis of semiotically complicated texts, structural-semantic and discourse methods of analysis.

Internet memes, which serve as integrative polycode semiotic unities, are characterized by immanent openness both at the informative-semantic and pragmatic levels. Any of the codes used could potentially incorporate reminiscences of the Soviet era. The main criterion for the selection of practical research material was the presence of the semantic component “related to the USSR, Soviet” in the precedent element actualized verbally or non-verbally in an Internet meme. The analysis of cultural recycling of the cultural and historical heritage of the Soviet era and its use in Internet memes revealed several spheres / form elements / objects that have the highest frequency of actualization:

1) fonts, inscriptions, posters; 2) artifacts of music legacy; 3) gluttony precedents (“the taste of childhood”); 4) movies and cartoons; 5) everyday life artifacts. Each of the categories is specified in terms of the range of verbal / non-verbal precedent elements used, structural and semantic features of polymodal units, typical semantic construction models, new functional meanings and the pragmatic potential of use (both in certain contexts and generally as regards the memetic complexes). It is concluded that along with nostalgic motifs, the recycling of the Soviet past in Internet memes is characterized by prospective trends in the development of functional meanings and actualization in the construction of modern discourse practices.

Key words: Soviet culture, cultural recycling, Internet meme, polycode text, semiotically complicated text, precedent phenomenon, media communication.

For citation: Marchenko T. V. Cultural recycling of the Soviet in internet memes: semiotic linguistic interpretation // Humanities and law research. 2022. V. 9 (3). P. 505–518. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.3.17

Чтобы увидеть профиль эпохи, надо лишь отойти в сторону.

Станислав Ежи Лец,
из книги «Непричесанные мысли»

Символические системы коммуникации советской эпохи зиждились на определенной иерархии культурных постулатов, в той или иной мере определявших формат и особенности коммуникативного взаимодействия. Каждый индивид в отдельности и все общество в целом были включены в создание символьного мира эпохи. Этот мир во всем своем многообразии воплощался на материальном и нематериальном уровнях в качестве физических объектов, коллективно разделяемых норм и ценностей, практик социальной жизни, общепринятых способов действия и форм поведения. Советская действительность служила моделирующей системой, на основании которой субъект коммуникации не только моделировал в своем сознании тот или иной фрагмент мира, но и порождал информационные потоки, развивал семиотические процессы и способствовал укреплению существовавшего символьного мира. Смена советской эпохи и, как следствие, смена символьных миров не означают полный отказ от символьного наследия, которое, подвергшись в некоторой степени энтропии смысла и силы воздействия, стало частью современной действительности и дискурсивных практик.

В рамках гуманитарного знания осмыслением культуры советской эпохи и ее трансформации в современном контексте занимаются разные предметные области. В числе исследований, посвященных анализу обозначенного объекта с позиции дискурсологии, следует назвать монографии «Человек советский: за и против = Homo soveticus: pro et contra» [51], «Советское как дискурсивный феномен: способы концептуализации прошлого» [49], «Советское прошлое и культура настоящего» [50], и иные научные работы: «Ностальгические репрезентации позднего советского периода в медиапроектах Л. Парфенова: по волнам коллективной памяти» [2], «Ностальгия по советскому в современном медиапространстве» [13], «Репрезентация советской эпохи в отечественных комиксах» [8] и многие другие. Примечательно, что лейтмотивом многих научных трудов является изучение феномена ностальгии по советскому прошлому.

Классическая трактовка ностальгии как «тоски по родине, а также вообще тоски по прошлому» [43, с. 535], задает психологический ракурс анализа рассматриваемых явлений. Исследование дискурсивных феноменов в контексте душевного переживания с отрицательными коннотациями, на наш взгляд, не обеспечивает объяснительной силы происходящим процессам знакового структурирования памяти.

В работах, посвященных анализу социокультурной реальности и происходящих в ней процессов в семиотической парадигме, фигурирует понятие «культурный ресайклинг», под которым принято понимать цикличное обращение как материальных, так и нематериальных ценностей в культуре, включающее фазу максимальной прагматической релевантности и активного использования, сменяющуюся отказом, забвением на неопределенный срок, последующей трансформацией и актуализацией в дискурсивной практике [52]. В детальном обзоре истории термина-метафоры с 1960-х до конца 1990-х годов В. Ю. Вьюгин прослеживает формирование его «основных интерпретационных матриц и противоречивой аксиологии» [5]. Так, исследователь отмечает, что уже с начала 1980-х годов ресайклинг стал стабильно «синонимизироваться» с интертекстом и укладываться с ним в общую таксономическую сетку [5, с. 25]. На настоящий момент актуальны несколько трактовок термина: модель «трехфазового» «апологетического» ресайклинга, «постмодернистские» интерпретации, бодрийровская «антитрадиция», а также традиционное понимание «ресайклинга» [5, с. 27]. В семиотическом и культурном плане ценным для нас представляется замечание В.Ю. Вьюгина о том, что семантика круга, традиционно ассоциируемая с ресайклингом не в полной мере «соответствует историчности культуры, ее динамике». Опираясь на фигуративный потенциал геометрической терминологии, исследователь предлагает «синусоиду, разделенную по всей длине горизонтальной и тоже изгибаемой чертой» [5, с. 30]. В верхней и нижней частях этой синусоиды будут располагаться «временные отрезки актуального бытования некоторой ценности» и «периоды ее «архивного» существования» соответственно.

Ресайклингу советского прошлого посвящен целый ряд работ, охватывающих широкий круг исследовательских вопросов и эмпирической базы: репрезентации советской жизни в современных российских сериалах [3], динамика музыкальных и смысловых кодов советской эстрады в процессе их ре-интерпретации в телепроектах [9], репрезентация нормализованного знания о советском прошлом в современной детской литературе [24], культурный ресайклинг советского прошлого в дискурсе осознанного потребления [48] и др. Отдельные аспекты культурного ресайклинга рассмотрены исторического периода уже были рассмотрены нами в статье «Символическое наследие советской эпохи в современном социокультурном пространстве» [23]. В фокусе нашего исследования находится дискурсивный срез, в котором получают отражение объекты так называемой «ностальгии» или культурного ресайклинга. В качестве таковых выступают различные артефакты культуры, манифестирующие субстанцию про-

шлого. Селективность единиц, подвергающихся культурному ресайклингу, подчинена принципу релевантности в условиях актуальной действительности. Соответственно, номенклатура и прагматический потенциал объектов эстетического переосмысления могут видоизменяться, обнаруживая различные эмоционально-оценочные оттенки. К основным символическим ресурсам, в той или иной мере служащим источниками рассматриваемых объектов, представляется возможным отнести атрибуты государственности, топосы, речи политических деятелей, тексты песен, слоганы советских газет, плакаты, стихи и выступления общественных деятелей, писателей и поэтов (В. Лебедев-Кумач, А. Сафонов, В. Маяковский, М. Горький и др.), кинофильмы и мультфильмы советской эпохи, артефакты повседневности и другое.

Предметом нашего анализа выступают лингвосемиотические особенности культурного ресайклинга советского в интернет-мемах. Данные информационные единицы мы трактуем как «структурированный полимодальный информационный продукт, инкорпорирующий разные семиотические коды, обладающий высоким коммуникативно-прагматическим потенциалом, и вирусно распространяющийся в медиaprостранстве» [21, с. 218]. Использование концептуальной рамки культурного ресайклинга при анализе актуализации символических и прецедентных элементов советского прошлого в современном дискурсивном пространстве позволяет проанализировать приобретаемые ими функциональные смыслы сквозь призму процесса культурной переработки: то, что ранее было предано забвению, стало пережитком прошлого или потеряло свою релевантность, начинает резонировать и, приобретая новые функциональные смыслы, оказывается востребованным в актуальном контексте. Междисциплинарный характер заявленного нами предмета обуславливает обращение к структурно-семантическому и дискурсивному методам анализа.

В когнитивном плане объекты культурного ресайклинга являются прецедентными феноменами (ПФ). В соответствии с классическим определением Ю.Н. Караулова, для всех видов ПФ характерны сверхличностный характер, значимость для личности в гносеологическом и эмоциональном планах, а также рекуррентность использования в дискурсивном пространстве [14, с. 216]. Отдельно взятый индивид имеет некий инвариант восприятия прецедентного феномена, однако в рамках определенного лингвокультурного сообщества существует закрепленный инвариант восприятия, содержащий «национально детерминированный набор признаков в минимизированном, редуцированном виде» [11, с. 84]. Согласно Д. Б. Гудкову, И. В. Захаренко и др., прецедентное

имя и прецедентное высказывание выступают в качестве лингво-когнитивных феноменов, имеющих фиксированную форму и вербальных по своей сути. В то время как прецедентный текст и прецедентная ситуация трактуются в качестве собственно-когнитивных, подлежащих вербализации посредством вербальных феноменов, выступающих в качестве символов в определенном контексте [7, с. 101–102; 11, с. 85–86].

Разделяя мнение Л. А. Мардиевой о возникающем в рамках подобной трактовки противоречии, а также исходя из специфики практического материала исследования, мы полагаем, что методологическим основанием для исследования должен служить как классический аппарат лингвистики (а именно общепринятая классификация прецедентных феноменов) [7], так и семиотическая интерпретация некоторых терминологических понятий [19]. Состоятельность данного подхода демонстрируют исследования, посвященные семиотически осложненным текстам [20; 18; 17; 22; 47; 46; 4], в рамках которых актуализируется вопрос о более широкой трактовке прецедентности. Так, Ю. Б. Пикулева, опираясь на определение прецедентного текста, вводит понятие прецедентного культурного знака и отмечает его коммуникативную функцию как характеристику, отличающую его от культурного феномена. Прецедентные культурные знаки представляют собой «ценностные в интеллектуальном и эмоциональном отношении знаки различной природы (вербальной и невербальной)» [44, с. 149], семантика которых является результатом «свертки» в массовом обыденном сознании представления об определенном культурном феномене» [44, с. 150]. Подобное определение позволяет исследовательнице максимально расширить спектр явлений, подпадающих под понятие прецедентных, в том числе невербальных. В контексте рекламного дискурса к числу последних Ю.Б. Пикулева причисляет известные персоны, узнаваемые голоса, прецедентные графические формы (в частности, шрифты), музыкальные цитаты, культурно значимые предметы внешнего мира (например, лапти), произведения живописи, скульптуры, архитектуры, узнаваемые кадры хроники, художественных, теле- и мультипликационных фильмов, ментально значимые эмблемы и символы, типовые жесты и поведенческие формы [45].

Л. А. Мардиева пишет о визуальной прецедентности и вводит понятие прецедентного визуального образа как некоего идеального явления, под которым понимает «хранящиеся в памяти представители определенного социокультурного сообщества зрительные образы культурного пространства» [19, с. 203]. В свою очередь, прецедентный визуальный феномен рассматривается как результат объективации этого образа в иконических и вербальных текстовых структурах.

Согласно Л. А. Мардиевой, номенклатура картиноподобных прецедентных образов включает (а) визуальные и (б) вербальные образы, (в) образы произведений и невербального поведения и (г) образы предметного мира [19, с. 203]. При этом отмечается, что и вербальные образы имеют потенциал к визуализации. Подобная трактовка позволяет привлечь во внимание обширный корпус артефактов, формирующих культурное пространство вещей. Особую теоретико-методологическую ценность для исследования прецедентности феноменов советского времени представляет наблюдение о прецедентности формы, которая обосновывается на примере поздравительные открыток, изданных в годы Советской власти [19, с. 207]. Знаковое структурирование памяти в корреляции с действительностью происходит в том числе с опорой на упрощенную символическую передачу информации, некоторую форму, дискурсивный стиль или манеру, которые воспринимаются представителями определенной лингвокультуры в качестве прецедентных. Несомненно, в силу объективных временных, исторических и социальных причин многие прецедентные феномены советского периода находятся на периферии лингвокогнитивной базы молодого поколения. Однако прецедентность формы делает советскую эпоху более близкой в силу того, что форма имеет реминисцентный характер и требует меньше усилий и фоновых знаний для интерпретации.

Интернет-мемы, ставшие предметом нашего исследования, являются интегративным поликодовым семиотическим единством и характеризуются имманентной открытостью как на информативно-смысловом, так и на прагматическом уровнях. Соответственно, любой из используемых кодов потенциально может инкорпорировать реминисценции советской эпохи. Отбор практического материала исследования подчинялся критерию наличия в прецедентном элементе, получившем вербальную или невербальную реализацию в интернет-меме, семантического компонента «имеющий отношение к СССР, советский». Представляется возможным наметить несколько сфер символического наследия советской эпохи, которые в той или иной степени прецедентности фигурируют в современном дискурсивном пространстве. С одной стороны, эти феномены, имели концептуальную значимость в соответствующий исторический период, с другой стороны, из всего доступного многообразия в современных дискурсивных практиках востребованными оказываются лишь те, которые соответствуют актуальным ценностно-эстетическим ориентирам общества. Даже поверхностный диахронический анализ позволяет отметить, что некоторые элементы постепенно теряют свою значимость, в то время как другие оказываются в центре общественного внимания и получают многочисленные референ-

ции. Анализ специфики актуализации культурно-исторического наследия советской эпохи в качестве прецедентных феноменов в современном дискурсивном пространстве позволил обозначить несколько сфер / элементов формы / объектов, наиболее активно подвергшихся культурному ресайклингу в интернет-мемах:

► **1. Шрифты, надписи, плакаты.** Художественная культура советской эпохи неразрывно связана с культурой шрифта. Это графическое лицо своего времени, которое, опираясь на избирательные принципы, отражало происходящее, решало конкретные функциональные задачи и усиливало эффект вербализуемых этими знаками посланий. Стилистическая и композиционная структура типографических литер по своей сути комплиментарна по отношению к конкретному материалу и контексту. Тем не менее, именно шрифт является одним из средств эмфатизации или нейтрализации сообщения. Гармоничное использование послания и его графического оформления обеспечивают усиление коммуникативного эффекта сообщения. Так, Общесоюзный стандарт 1337 «Шрифты гартовые», принятый в 1930 г., включал семь групп гарнитур, пять из которых использовали для текстов: обыкновенные, латинские, елизаветинские, медиевальные и брусковые [1]. Самой распространённой гарнитурой стандарта был «Обыкновенный шрифт», отличавшийся вытянутыми символами с высококонтрастными переходами между тонкими и толстыми линиями. Как правило, различными вариациями этого шрифта набирали газетные тексты. Широкое распространение в текстах для массового читателя получили также брусковые гарнитурные или гротески, отличительной особенностью которых являлись равная толщина основных и добавочных линий, отсутствие подчеркиваний и утолщений в концевых элементах букв. Надписи на плакатах, заголовки газет и титулы названий отличались читабельностью, лаконичностью и простотой. Шрифтовые и изобразительные композиции были схематичны и повторяли простые геометрические формы. Как отмечает Р.А. Захаров, подобная архитектура добавляла «динамичности и некой торопливости» общему образу [12].

Размышляя о советском человеке, Т. Краус отмечает, что «В центре жизни советского человека стоял труд. Это было настолько значительно, что уже с самых ранних советских времен популярным газетным разделом стали «письма рабочих». Печатное слово имело огромное значение, оно было самой реальностью» [15, с. 22]. Во многом этот прагматический потенциал печатного слова как такового, заключенный в том числе в визуальной форме, позволяет говорить о том, что использование соответствующего шрифтового и композиционного оформления на настоящий момент воспринимается не только как реминис-

ценция советского, но и несет семы простоты, открытости, доступности, четкости, ритмичности, убедительности, недвусмысленности трактовки и эмоциональности в контексте облигаторности / категоричности. Рассмотрим приведенные ниже примеры интернет-мемов.

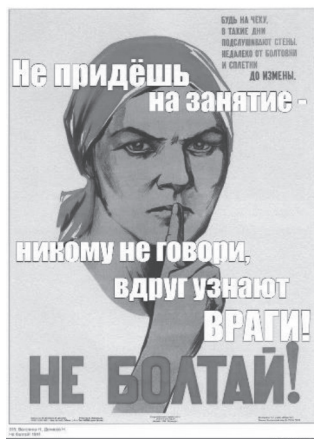

Рис. 1 : Мем «Не болтай» / “Don’t talk”

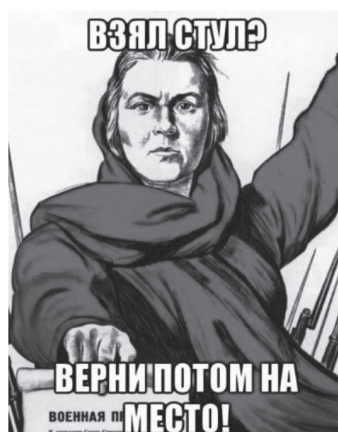

Рис.2 : Мем «Взял стул?» / “Have you taken a chair?”

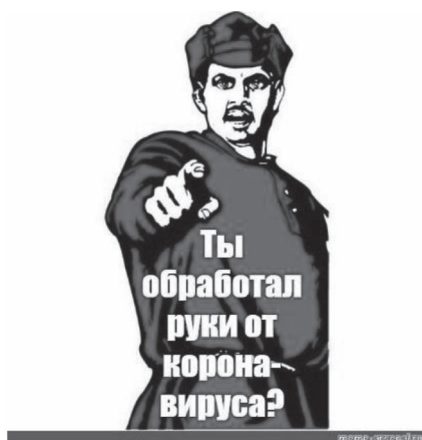

Рис.3 : Мем «Ты обработал руки?» / “Have you sanitized hands?”

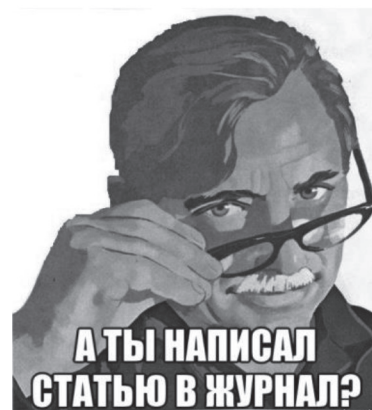

Рис. 4 : Мем «А ты написал статью» / “Have you written an article?”

Невербальная часть изображений (Рис. 1–3) [34; 26; 40] представлена образами женщин с плакатов времен Великой Отечественной войны «Не болтай!» и «Родина-мать зовёт!» и красноармейца с плаката Д. С. Моора «Ты записался добровольцем?». В современной интерпретации изображения дополнены вербальными элементами-инструкциями, которые, по замыслу адресантов, актуальны в студенческой жизни и профилактике коронавирусной инфекции. Графическое оформление имеет прецедентную форму как с точки зрения использованных шрифтов, так и с позиции динамики композиционной геометрии. Агитационный посыл, заложенный в первоисточнике, реализуется в представленных текстах в более мягкой форме. В такого рода посланиях, как правило, сохраняется цветовая схема первоисточника. Как мы можем наблюдать на изображениях, представленных выше (Рис. 2-3), первичный цвет (красный) идет в сочетании с ахроматическими (черным и белым), что придает изображению яркость, контрастность и акцентность.

Необходимо отметить, что шрифт Impact, включенный в основной пакет шрифтов для веб-пакета и получивший широкое распространение благодаря Microsoft Windows, по многим характеристикам (отсутствие засечек, массивность штрихов, кучность букв и др.) напоминает брусковые гарнитуры советских времен. Данный шрифт пользуется популярностью у пользователей и часто фигурирует в надписях, заголовках и интернет-мемах. Представленный ниже пример (Рис. 4) [25] демонстрирует обыгрывание прецедентной формы советского плаката со стилизованным изображением мужчины. Голова немного наклонена вперед, взгляд обращен непосредственно на адресата, приспущенные очки добавляют образу апеллятивности. Шрифт в гротескном стиле усиливает как воздействующий потенциал сообщения, так и аллюзивность отсылки к соответствующей прецедентной форме (плакат Д. Моора 1920 «Ты записался добровольцем?»).

Леттеринг, стилизованный под рукописный почерк, был не менее популярен в советское время как в оформлении различных названий, так и материалов массовой прессы. Несмотря на то, что в отношении толщины букв и плотности их размещения леттеринг во многих случаях сохранял черты брусковых гарнитур, он использовался в материалах с менее категоричными послылами для создания атмосферы интимизации общения. Мы можем наблюдать актуализацию этой прецедентной формы в многочисленных названиях современных брендов, их продукции и иных материалах, например, марки одежды Taiga.co, Два мяча, Запорожец, Human history, Pavluque и др., концепт-логотип Крыма от А. Лебедева, логотип «Дом быта» в Санкт-Петербурге, мотокафе «Энтузиаст». Причем дизайнеры, специализирующиеся на современной отрисовке советского леттеринга, видят в этом запрос на уникальность логотипов и надписей, а также идеализацию соответствующего исторического периода [16].

► **2. Артефакты вокально-музыкального творчества.** Самобытное музыкальное наследие советской эпохи ярко манифестирует актуальные на тот период культурно-этические нормы и представлено в широком жанровом многообразии (гимны, массовая песня, жестокий романс, эстрадная песня и др.). По меткому замечанию Е. Н. Ганской, в первые десятилетия существования Советского Союза, песня, «не столько отражающая, сколько преображающая действительность», стала неотъемлемой частью «комплекса соцреалистических искусств» [6]. Учитывая потенциальное взаимодействие в песенном жанре двух семиотических кодов (вербального – текст – и невербального – музыка), в современных дискурсивных практиках референции относятся как к вербальным типам прецедентности (прецедентные имя и текст), так и к невербальным, а также смешанным. Мы не рассматриваем феномен «фантомной ретромании» в творчестве современных исполнителей [53], но полагаем, что музыкальное переосмысление во многом способствует закреплению мотивов прошлого в памяти последующих поколений, и, соответственно, прецедентности элементов этой сферы культуры в когнитивной базе социума. Вербальные типы прецедентности актуализируются в форме аллюзий на тексты песен. Так, статья в интернет-издании для девушек «Heroine» от 3 июня 2020 г. называется «Позвони мне, позвони: как работают службы доверия» [10]. Автор материала детально анализирует специфику работы экстренной психологической помощи и тех ситуаций, в которых следует за ней обратиться. Референция к шлягеру советских времен, впервые прозвучавшему в мелодраме «Карнавал» (1981), в сильной позиции текста реализует аттрактивную функцию и повышает прагматический потенциал сообщения

за счет ассоциаций с первоисточником, содержащим многочисленные просьбы о звонке, обращенные к любимому человеку. Примечательно, что статья является креолизированным текстом и содержит несколько мемомодных изображений (например, Рис. 5) в эклектической стилистике, основными элементами которых служат фрагменты античных статуй, расположенные друг напротив друга (Давид работы Микеланджело и Венера Милосская), а также стационарные телефонные аппараты с диском, получившие широкое распространение в Советском Союзе.

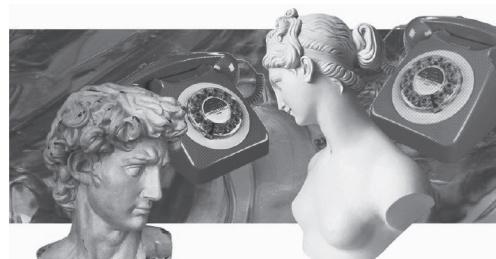

Рис. 5 : Позвони мне / Call me

Скульптурные изображения людей, очевидно, демонстрируют, что психологические проблемы стары, как мир, в то время, как добротные ретро телефоны олицетворяют возможности их решения, обеспечивая надежную связь. Таким образом, ассоциации, порожденные невербальными прецедентными феноменами, коррелируют с вербальными, создавая культурный континуум «античность – советская эпоха - современность».

Обозначенные выше строчки из песни фигурируют в многочисленных мемах как в неизменном формате, выражая свое прямое значение – просьбу о звонке, обращенную к близкому человеку, так и в измененном, семантизируя, как в примере ниже, призыв к сохранению контактов.

Рис. 6 : Мем «Позвони» / «Call»

Рис. 7 : Мем «Позвони мне ради газа» /
 “Call me for the sake of gas”

Так, мем (Рис. № 6) [35], выполненный в классическом формате демотиватора, инкорпорирует два кода: вербальный (строчки из шлягера в разноразмерном шрифте) и визуальный (изображение собаки, склонившей голову у мобильного телефона). Интерпретация сообщения не носит временной или культурной экстралингвистической обусловленности. Оба кода взаимно усиливают прагматический эффект и посыл тоски, желания общения. Мем на Рис. № 7 [36] содержит вербальную часть, которая подверглась трансформациям на формальном и содержательном уровнях (отсутствие знаков препинания и замена части оригинального высказывания «ради Бога» на «ради газа») и невербальную – изображение, само по себе не являющееся мематичным или прецедентным (фото А. Меркель: канцлер Германии (2005-2021), сидит за столом, взгляд устремлен в мобильный телефон, который она держит обеими руками). Интерпретация мема обусловлена экстралингвистическим контекстом поставок газа в Германию, вербальная часть сообщения является семантизирующим элементом, так как не только поясняет аспект ожидания, но и контекстуализирует его в предметном ключе.

Виральность музыкального произведения актуализирует его востребованность в иных поликодовых единицах, например, развернутая аллюзия на рассматриваемую песню в промо-ролике сервиса телемедицинских услуг «СберЗдоровье» [42]. Короткометражное видео, рассказывающее об удобстве формата консультации с врачом посредством смартфона, содержит следующий текст: «Позвони мне, позвони! Я отвечу даже ночью. В СберЗдоровье позвони. Позвони хочу помочь я» и имеет музыкальное сопровождение, напоминающее мелодию первоисточника. Слоганом рекламной кампании стала фраза «Позвоните врачу, которому не всё равно», подчеркивающая небезразличное отношение специалиста, ожидающего звонка потенциального пациента.

В современном дискурсивном пространстве мы можем наблюдать контексты, в которых используется перифрастическое наименование, фигурирующее в музыкальном произведении советских времен, например, название столицы России в песне «Лучший город Земли», исполненной М. Магомаевым. Заглавная строчка из песни используется в интернет-мемах, как правило, в ироничном ключе. В частности, в 2021 году по итогам рейтинга российских городов, жители которых удовлетворены уровнем жизни в агломерации, лидером была признана Тюмень. Интернет-сообщество отреагировало на новость в том числе интернет-мемами.

Рис. 8 : Мем «Тюмень – лучший город» /
 “Tyumen is the best city in the world”

Заметим, что представленный на Рис.8 [41] мем имеет раскадровку на пять компонентов. Верхний, визуально доминантный фрагмент содержит аутентично интегрированный вербальный элемент («Тюмень – лучший город Земли»), являющийся частью оригинального изображения – фотографии площади города с лаконичным памятником в центре и автобусной остановкой на заднем плане. Четыре фотографии в нижней части демонстрируют всемирно известные архитектурные сооружения, ассоциирующиеся с крупными городами или столицами в разных уголках мира. На вершине каждого из них «водружен» так называемый «Okay Guy» – мем-фейс с горькой миной, который всегда смиренно соглашается и говорит «окей».

Мы можем наблюдать повышение статуса некоторых менее титулованных произведений, что не всегда связано с расширением сферы или формата их использования в дискурсивном пространстве, однако способствует их ресайклингу в культурном плане. Так, песня «Трава у дома» (композитор В. Мигуля, поэт А. Поперечный) с 1980-х гг. сопровождает отправку экипажа космонавтов и звучит на космодроме перед каждым

Как показано на рисунках выше, мемы данного типа могут быть диалогичны (Рис. 12) [37] или монологично декларативны (Рис. 13) [32]. И в том, и в другом случае изображения апеллируют к вкусовой памяти, прецедентность которых, на наш взгляд, опосредована эпохой.

► **4. Кино- и мультфильмы.** Данная тематическая категория перманентно находится в фокусе интереса интернет-пользователей, что обусловлено как культурной релевантностью и сохраняющейся популярностью кино- и анимационных произведений, так и появлением римейков, сиквелов, колоризованных версий и др. В полимодальных единицах, как правило, используются кадры, режиссура, аудио-элементы, из кинематографических и мультипликационных произведений, которые реализуют паролльную и эмоционально-оценочную функции. Так, в демотиваторе, представленном на Рис.14 [33], фигурируют два изображения (кадр из советского мультфильма «Винни Пух» (1969) и аниме-сериала «Наруто» (2004) и подпись «Мультфильмы... Многие уже забыли, как они должны выглядеть...». Ностальгическая антитеза визуальных образов задается вербальным кодом. Значения размышления или риторического приема редуцируются с одной стороны тем, что изображение слева выполнено в традиционной рисовке и, соответственно, выглядит более анахронично, с другой стороны, наличие фоновых знаний у реципиента позволит интерпретировать, какое из изображений по мысли автора является образцовым. Размещение кадров в представленном порядке также соответствует оси темпоральности и способствует восприятию предлагаемой автором диспозиции.

Рис. 14 : Мем «Мультфильмы...» / «Cartoons...»

Некоторые популярные мультипликационные фильмы (например, «Ну, погоди!» (1969-1986), «Трое из Простоквашино» (1978) и др.) обнаруживают высокий потенциал к мемуемкости, под которой мы понимаем способность мематических единиц коррелировать с актуальными типовыми ситуациями / экстралингвистическим контекстами, отражаемыми мемами. Подвергаясь культурному ресайклингу, эти мультфильмы (как прецедентные тексты для русскоязычной лингво-

культуры), ситуации, персонажи и их реплики (как прецедентные ситуации, имена и высказывания), формируют мематические комплексы. Мы трактуем мематический комплекс как совокупность концептуально обусловленных и объединенных референциальными элементами интернет-мемов, имеющих коммуникативный и прагматический потенциал. Проиллюстрируем наши наблюдения примерами:

Рис. 15 : Мем «Железный человек...» / «Iron man...»

Рис. 16 : Мем «Все уже было...» / «These things have already happened»

Рис.15 [28] и Рис.16 [27] демонстрируют интернет-мемы, формирующие мематический комплекс, основу которого составляют визуальные элементы из «Ну, погоди!», концептуально обусловленные идеей того, что прототипы многих феноменов повседневности были представлены в соответствующем мультфильме еще в советское время. К таковым относятся сюжетные линии или прототипы персонажей современных фильмов («Тор», «Железный человек», «Терминатор», «Мумия» и др.), технические средства и технологии (3D, селфи), компьютерные игры («GTA»), виды перформанса (косплей), жанры анимационных фильмов (аниме) и многое другое. Таким образом, мультсериал семантизируется как средоточие прообразов и идей.

► **5. Артефакты повседневности.** Анализируемая группа является одной из наиболее многочисленных, и представлена как в одиночных мемах, так и мематических комплексах, ставших

виральными. Классическим вербальным сопровождением являются фразы «Тест на возраст» или «(Только) олды помнят / вспомнят / поймут». «Олдами» (от англ. old) или «олдфагами» в интернет сообществе принято называть опытных пользователей. Актуализация советских артефактов во многих интернет-мемах прагматически ориентирована на категоризацию возраста или поколения. Данный тип мемов представлен двумя основными семантическими моделями: ретроспективной и аксиологической. В рамках ретроспективной модели в фокусе находятся темпоральность и сами объекты, которые предлагают вспомнить. Использование лексемы «олды» условно ограничивает фокус-группу, на которую рассчитано сообщение, а также имплицитно относителю архаичности демонстрируемых объектов. Заметим, что данная модель используется в отношении прецедентных визуальных образов / объектов, относящихся к иным эпохам и временным промежуткам.

Рис. 17: Мем «Тест на возраст» / «Age test»

Так, в примере, приведенном выше (Рис.17) [38], интернет-мем имитирует заставку телевизионной игры «Кто хочет стать миллионером?», суть которой состоит в ответе на вопросы разной сложности. Визуальный код содержит саму «загадку» – фото корешков книг с аббревиатурой «КС», которую и предполагается расшифровать. Учитывая высокую популярность чтения в советское время, книжная серия «Классики и современники» была знакома многим представителям лингвокультурного сообщества. Визуальный образ, прецедентность которого обусловлена эпохой и характерными для нее привычками, а также контраст вербализованных вариантов (компьютерная игра «Контр Страйк» и кредитная система (совокупность финансовых отношений, актуальных для современного общества), усиливают акцент на анахроничности изображения.

Аксиологическая модель, в свою очередь, демонстрирует использование прецедентного визуального образа в качестве оценочного элемента, контекстуализируемого в рамках актуальной тематики. В этом случае мы можем наблюдать развитие новых функциональных смыслов, которые имплицитно являются элементами двух семиотических

кодов. В качестве примеров, иллюстрирующих реализацию данной модели, приведем интернет-мем из серии «Пыжиковая шапка».

Когда сказал «договор» вместо «оффер»

Рис. 18 : Мем «Когда сказал» / «When you said»

Как видно на Рис.18, [31] вербальный код интродуцирует надпись «Когда сказал «договор» вместо «оффер»». Лингвистический контекст предлагает оппозицию стилистически нейтральное слово vs разговорное, сленговое, то есть использование универсальной лексемы вместо более современной, свойственной для актуальной коммуникации. Коннотация архаичности нейтрального слова подчеркивается невербальным элементом – изображением шапки из меха пыжика, популярной в СССР. Таким образом, визуальный прецедентный образ мехового головного убора актуализирует функциональный смысл пережитка прошлого и анахронизма. Модель построения мема приобрела виральность и обусловила появление многочисленных вариаций преимущественно вербальной составляющей, оформленной по принципу контраста, например: получка – зарплата, супруга – жена, планерка – митинг, розыгрыш – пранк, зануда – душнила, начальник – лид, кадровичка – HR, приبلуда – гаджет, ажиотаж – хайп, добро – хорошо, срок выполнения – дедлайн, стрём – кринж, атмосфера – вайб, для – во имя, мутный абонент – заказчик, реже невербальной – иные головные уборы (тюбетейка, шлем и др.)

Проведенный анализ позволил наметить основные сферы и элементы культурно-исторического наследия советской эпохи, наиболее активно подвергшихся культурному ресайклингу в интернет-мемах. Наряду с ностальгическими мотивами, коррелирующими с перманентно актуальными практиками воспоминания разных временных периодов, ресайклинг советского прошлого в интернет-мемах характеризуется перспективным потенциалом – артефакты советского периода приобретают новые функциональные смыслы и актуализируются в конструировании актуальных дискурсивных практик.

Источники и литература

1. Абель Е. Серп и кель: шрифты СССР. URL: <https://skillbox.ru/media/design/ussr-fonts/> (Дата обращения: 20.07.2022).
2. Абрамов Р.Н., Чистякова А.А. Ностальгические репрезентации позднего советского периода в медиапроектах Л. Парфенова: по волнам коллективной памяти // Международный журнал исследований культуры. 2012. № 1 (6). С. 52–58.
3. Бугаева Л. Д. Советское прошлое на постсоветском телеэкране // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение. 2022. №2 (12). С. 243–258.
4. Вольская Н. Н. Прецедентные вербально-визуальные феномены как основа историографии в «Теребенёвской азюке» – первой политической карикатуре в России // Медиаскоп. 2015. №3. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_25070995_46904122.pdf (Дата обращения: 12.09.2021).
5. Вьюгин В. Ю. «Культурный ресайклинг»: к истории понятия (1960-1990-е годы) // Новое литературное обозрение. 2021. №3 (169). С. 13–32.
6. Ганская Е. Н. Советская массовая песня как форма идеологии // Litera. 2019. № 2. С. 251–261. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29760 (Дата обращения: 20.07.2022).
7. Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Красных В. В., Багаева Д. В. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний // Вестник МГУ, Сер.9. Филология. 1997. № 4. С. 106–118.
8. Ерохина Т. И., Желтов Е. С. Репрезентация советской эпохи в отечественных комиксах // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 1 (24). С. 185–192.
9. Журкова Д. А. «Старые песни о главном»: альтернативная антология советской эстрады // Новое литературное обозрение. 2021. №3 (169). С. 148–164.
10. Зайцева Д. Позвони мне, позвони: как работают службы доверия/ 3 июня 2020 г. URL: <https://heroine.ru/pozvoni-mne-pozvoni-kak-rabotayut-sluzhby-doveriya/> (Дата обращения: 20.07.2022).
11. Захаренко И. В., Красных В. В., Гудков Д. Б., Багаева Д. В., Прецедентное высказывание и прецедентное имя как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 1. М., 1997. С. 82–103.
12. Захаров Р. А. Типографика в советском рекламном плакате в период НЭПа // Гуманитарные научные исследования. 2016. №4. URL: <https://human.snauka.ru/2016/04/14905> (Дата обращения: 03.05.2022).
13. Злотникова Т. С., Куимова В. М. Ностальгия по советскому в современном медиапространстве // Ярославский педагогический вестник. 2021. №2 (119). С. 133–143.
14. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 263 с.
15. Краус Т. Размышляя о советском человеке // Человек советский: за и против = Homo soveticus: pro et contra / В. М. Амиров, А. В. Антошин, В. И. Бортников [и др.] ; под общей редакцией Ю. В. Матвеевой, Ю. А. Русиной. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2021. С. 18–31.
16. Левченко М. Это наша история к которой мы будем возвращаться и ностальгировать. URL: <https://design.sredaobucheniya.ru/sovietlettering> (Дата обращения: 03.06.2022).
17. Мардиева Л. А. Визуальная прецедентность: теоретические и прикладные аспекты // Вопросы современной лингвистики и изучения иностранных языков в эпоху искусственного интеллекта. М.: РУДН, 2020. – С. 143–148.
18. Мардиева Л. А. Виртуальная действительность: вербальные и невербальные репрезентации образов визуального поведения в текстах средств массовой информации. Казань: Отечество, 2015. 278 с.
19. Мардиева Л. А. Коллективная культурная память общества (прецедентные визуальные образы и феномены) // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2011. № 3 (15). С. 202–207.
20. Мардиева Л. А. К проблеме обозначения невербальной составляющей семиотически осложненного текста // Филология и культура. Philology and Culture. 2014. № 4 (38). С. 155–158.
21. Марченко Т. В. Интернет-мем как феномен медиакоммуникации: Типологические характеристики и потенциал прецедентности // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвуз. сб. науч. тр. – вып. 16 / отв. ред. А. Г. Пастухов. – Орел: ОГИК, ООО «Горизонт», 2019. – С. 209–220.
22. Марченко Т. В. Прецедентность в дискурсах медиапространства: к проблеме исследования вербальных и невербальных феноменов // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. №2. С. 143–150.
23. Марченко Т. В. Символьное наследие советской эпохи в современном социокультурном пространстве // «Дискурсы “новый человек” и “советский народ” как общность в социокультурном пространстве СССР»: сб. науч. тр. Ставрополь: Секвойя, 2022. С. 200–215.
24. Маслинская С. Магия пионерской символики: советское прошлое в современной детской литературе // Новое литературное обозрение. 2021. №3 (169). С. 165–178.
25. Мем «А ты написал статью» URL: <http://risovach.ru/kartinka/5759588> (дата обращения: 03.06.2022).
26. Мем «Взял стул?» URL: http://risovach.ru/upload/2014/12/mem/sovetskiy-plakat_68235996_orig_.jpg (Дата обращения: 03.06.2022).
27. Мем «Все уже было...» URL: https://cs12.pikabu.ru/post_img/2022/04/28/12/1651178100186358941.jpg (Дата обращения: 03.06.2022).
28. Мем «Железный человек...» URL: <http://i.mycdn.me/?r=AzFlxPtkV78jcmdRfpoIoyaJgIU5rgeDWat3onnQzasBmzO7E uABt8t6j6ROsg0SwU4> (Дата обращения: 03.06.2022).
29. Мем «Женька, спокойной ночи» URL: http://risovach.ru/upload/2014/03/mem/ohuenno_45050955_big_.jpeg (Дата обращения: 03.06.2022).
30. Мем «И снится нам не рокот» URL: http://risovach.ru/upload/2016/10/mem/kot-spit_128100488_orig_.jpg (Дата обращения: 03.06.2022).
31. Мем «Когда сказал» URL: <https://medialeaks.ru/1512ndi-txt-fur-hat-meme/> (Дата обращения: 03.06.2022).
32. Мем «Любимый десерт» URL: http://i.mycdn.me/?r=AzEPZsRbOZEKgbhR0XGMT1RkhJJBKh_x17k8KNRZKARscaakTM5SRkZCeTgDn6uOyic (Дата обращения: 03.06.2022).

33. Мем «Мультфильмы...» URL: http://rusdemotivator.ru/uploads/posts/2009-12/1261604427_513163_multfilmyi.jpg (Дата обращения: 03.06.2022).
34. Мем «Не болтай» URL: <https://dev.meme-arsenal.com/create/meme/675066> (Дата обращения: 03.06.2022).
35. Мем «Позвони» URL: https://demotivatorium.ru/sstorage/3/2013/08/12210407266831/demotivatorium_ru_pozvoni_mne_pozvoni_27315.jpg (Дата обращения: 03.06.2022).
36. Мем «Позвони мне ради газа» URL: <https://www.meme-arsenal.com/memes/64098426dcbf0538b90c1a33e6999101.jpg> (Дата обращения: 03.06.2022).
37. Мем «Сэндвич» URL: https://i12.fotocdn.net/s113/8a5dc642b9e75def/public_pin_m/2542674339.jpg (Дата обращения: 03.06.2022).
38. Мем «Тест на возраст» URL: https://cs6.pikabu.ru/post_img/big/2015/05/27/5/1432707709_1597008814.jpg (Дата обращения: 03.06.2022).
39. Мем «Трололо» URL: https://img.memecdn.com/trololo_o_524794.jpg (Дата обращения: 03.06.2022).
40. Мем «Ты обработал руки» URL: <https://www.meme-arsenal.com/create/meme/2244176> (Дата обращения: 03.06.2022).
41. Мем «Тюмень – лучший город» URL: http://batona.net/uploads/posts/2013-04/1366609605_012.jpg (Дата обращения: 03.06.2022).
42. Музыка из рекламы СберЗдоровье. URL: <https://muizre.ru/dir/246-1-0-11422> (Дата обращения: 03.06.2022).
43. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Издательство Оникс. 2007. 1200 с.
44. Пикулева Ю. Б. О степени прецедентности советских культурных знаков в современной рекламе // Советское прошлое и культура настоящего: монография в 2 т. Т. 1. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. С. 148–162.
45. Пикулева Ю. Б. Прецедентный культурный знак в современной телевизионной рекламе: лингвокультурологический анализ: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003. 22 с.
46. Пикулева Ю. Б. Прецедентные культурные знаки советского времени в коммерческой и политической отечественной рекламе // Советская культура в современном социопространстве России: трансформации и перспективы. 2008. URL: <http://elar.ufrp.ru/bitstream/10995/1828/2/Part2%202008-12.pdf> (Дата обращения 10.11.2021).
47. Радбиль Т. Б., Помазов А. И. Прецедентные феномены как средство создания аттрактивности в поликодовом тексте интернета // Вестник ВолГУ. Серия 2, Языкознание. 2020. № 1 (19). С. 140–154.
48. Секушина Ю. А. Воображая прошлое, преобразая настоящее: культурный ресайклинг советского прошлого в дискурсе осознанного потребления // Сибирские исторические исследования. 2021. № 4. С. 160–182.
49. Советское как дискурсивный феномен: способы концептуализации прошлого: монография. Иркутск, 2013. 249 с.
50. Советское прошлое и культура настоящего: монография. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. 244 с.
51. Человек советский: за и против = Homo soveticus: pro et contra : монография. Екатеринбург, 2021. 412 с.
52. Moser W. Recyclages culturels. Élaboration d'une problématique // La Recherche littéraire: Objets et méthodes / Sous la direction de C. Duchet et S. Vachon. Montréal (Québec): XYZ, 1993. P. 433–446.
53. Reynolds S. Retromania: Pop Culture's Addiction to its Own Past / Simon Reynolds. L.: Faber and Faber, 2011. 458 p.

References

1. Abel' E. Serp i kegl': shrifty USSR (The sickle and the type size: the types in the USSR). URL: <https://skillbox.ru/media/design/ussr-fonts/> (Accessed: 20.07.2022). (In Russian).
2. Abramov R. N., Chistyakova A. A. Nostal'gicheskie reprezentatsii pozdnego sovetskogo perioda v mediaproektakh L. Parfenova: po volnam kollektivnoi pamyati (Nostalgic representations of the late Soviet period in the media projects by L. Parfenov: on the waves of collective memory) // Mezhdunarodnyi zhurnal issledovaniy kul'tury. 2012. No. 1 (6). P. 52–58. (In Russian).
3. Bugaeva L. D. Sovetskoe proshloe na postsovetskom teleekrane (The Soviet past on the post-Soviet television screen) // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Iskusstvovedenie. 2022. No. 2 (12). P. 243–258. (In Russian).
4. Vol'skaya N.N. Pretsedentnye verbal'no-vizual'nye fenomeny kak osnova istoriografii v «Terebenevskoi azyuuke» – pervoi politicheskoi karikature v Rossii (Precedent Verbal-Visual Phenomena as the Basis of Historiography in "Terebenevskaya Azyuuk" – the First Political Caricature in Russia) // Mediaskop. 2015. No. 3. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_25070995_46904122.pdf (Accessed: 12.09.2021). (In Russian).
5. V'yugin V. Yu. «Kul'turnyi resaikling»: k istorii ponyatiya (1960-1990-e gody) ("Cultural recycling": on the history of the concept (1960–1990s)) // Novoe literaturnoe obozrenie. 2021. No. 3 (169). P. 13–32. (In Russian).
6. Ganskaya E.N. Sovetskaya massovaya pesnya kak forma ideologii (Soviet mass song as a form of ideology) // Litera. 2019. No. 2. P. 251–261. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29760 (Accessed: 20.07.2022). (In Russian).
7. Gudkov D. B., Zakharenko I. V., Krasnykh V. V., Bagaeva D. V. Nekotorye osobennosti funktsionirovaniya pretsedentnykh vyskazyvaniy (Some features of precedent utterance functioning) // Vestnik MGU. Ser. 9. Filologiya. 1997. No. 4. P. 106–118. (In Russian).
8. Erokhina T. I., Zheltov E. S. Reprezentatsiya sovetskoi epokhi v otechestvennykh komiksakh (Representation of the Soviet era in national comics) // Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik. 2021. No. 1 (24). P. 185–192. (In Russian).
9. Zhurkova D.A. «Starye pesni o glavnom»: al'ternativnaya antologiya sovetskoi estrady ("Old songs about the main thing": an alternative anthology of the Soviet stage) // Novoe literaturnoe obozrenie. 2021. No. 3 (169). P. 148–164. (In Russian).
10. Zaitseva D. Pozvoni mne, pozvoni: kak rabotayut sluzhby doveriya (Call me, call me: how emergency services work) 3 iyunya 2020 g. URL: <https://heroine.ru/pozvoni-mne-pozvoni-kak-rabotayut-sluzhby-doveriya/> (Accessed: 20.07.2022). (In Russian).
11. Zakharenko I. V., Krasnykh V. V., Gudkov D. B., Bagaeva D. V., Pretsedentnoe vyskazyvanie i pretsedentnoe imya kak simvol'y pretsedentnykh fenomenov (Precedent statement and precedent name as symbols of precedent phenomena) // Yazyk, soznanie, kommunikatsiya. 1997. Issue. 1. P. 82–103. (In Russian).

12. Zakharov R. A. Tipografika v sovetskom reklamnom plakate v period NEPa (Typography in the Soviet advertising poster during the NEP period) // *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya*. 2016. No. 4. URL: <https://human.snauka.ru/2016/04/14905> (Accessed: 03.05.2022). (In Russian).
13. Zlotnikova T. S., Kuimova V. M. Nostal'giya po sovetskomu v sovremennom mediaprostranstve (Nostalgia for the Soviet in the modern media space) // *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik*. 2021. No. 2 (119). P. 133-143. (In Russian).
14. Karaulov Yu. N. Russkii yazyk i yazykovaya lichnost' (The Russian language and the linguistic persona). Moscow: Nauka, 1987. 263 p. (In Russian).
15. Kraus T. Razmyshlyaya o sovetskom cheloveke (Reflecting on the Soviet man) // *Chelovek sovetskii: za i protiv = Homo soveticus: pro et contra* / V. M. Amirov, A. V. Antoshin, V. I. Bortnikov [i dr.] ; pod obshchei redaktsiei Yu. V. Matveevoi, Yu. A. Rusinovi. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2021. P. 18–31. (In Russian).
16. Levchenko M. Eto nasha istoriya k kotoroi my budem vozvrashchat'sya i nostal'girovat' (This is our history to which we will return and be nostalgic). URL: <https://design.sredaobuchenia.ru/sovietlettering> (Accessed: 03.06.2022). (In Russian).
17. Mardieva L. A. Vizual'naya pretsedentnost': teoreticheskie i prikladnye aspekty (Visual Precedence: Theoretical and Applied Aspects) // *Voprosy sovremennoi lingvistiki i izucheniya inostrannykh yazykov v epokhu iskusstvennogo intellekta*. Moscow: RUPF publ., 2020. P. 143–148. (In Russian).
18. Mardieva L. A. Virtual'naya deistvitel'nost': verbal'nye i neverbal'nye reprezentatsii obrazov vizual'nogo povedeniya v tekstakh sredstv massovoi informatsii (Virtual Reality: Verbal and Nonverbal Representations of Visual Behavior in Media Texts). Kazan': Otechestvo, 2015. 278 p. (In Russian).
19. Mardieva L. A. Kollektivnaya kul'turnaya pamyat' obshchestva (pretsedentnye vizual'nye obrazy i fenomeny) (Collective cultural memory of society (precedent visual images and phenomena)) // *Vestn. Perm. un-ta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya*. 2011. No. 3 (15). P. 202–207. (In Russian).
20. Mardieva L. A. K probleme oboznacheniya neverbal'noi sostavlyayushchei semioticheski oslozhnennogo teksta (On designating the non-verbal component of a semiotically complicated text) // *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture*. 2014. № 4 (38). P. 155–158. (In Russian).
21. Marchenko T. V. Internet-mem kak fenomen mediakommunikatsii: Tipologicheskie kharakteristiki i potentsial pretsedentnosti (Internet meme as a phenomenon of media communication: typological features and precedence potential) // *Zhany i tipy teksta v nauchnom i mediinom diskurse: mezhvuz. sb. nauch. tr. – vyp. 16 / ed by A.G. Pastukhov*. Orel: OGIK, OOO «Gorizont», 2019. – P. 209–220. (In Russian).
22. Marchenko T. V. Pretsedentnost' v diskursakh mediaprostranstva: k probleme issledovaniya verbal'nykh i neverbal'nykh fenomenov (Precedence in media discourses: on the study of verbal and non-verbal phenomena) // *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. 2021. No. 2. P. 143–150. (In Russian).
23. Marchenko T. V. Simvol'noe nasledie sovetskoj epokhi v sovremennom sotsiokul'turnom prostranstve (The symbolic heritage of the Soviet era in the modern socio-cultural space) // «Diskursy "novyi chelovek" i "sovetskii narod" kak obshchnost' v sotsiokul'turnom prostranstve SSSR»: sb. nauch. tr. Stavropol', 2022. P. 200–215. (In Russian).
24. Maslinskaya S. Magiya pionerskoi simvoliki: sovetskoe proshloe v sovremennoi detskoj literature (The magic of pioneer symbols: the Soviet past in modern children's literature) // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2021. No. 3 (169). P. 165–178. (In Russian).
25. Mem «A ty napisal stat'yu» URL: <http://risovach.ru/kartinka/5759588> (Accessed: 03.06.2022).
26. Mem «Vzyl stol?» URL: http://risovach.ru/upload/2014/12/mem/sovetskij-plakat_68235996_orig_.jpg (Accessed: 03.06.2022). (In Russian).
27. Mem «Vse uzhe bylo...» URL: https://cs12.pikabu.ru/post_img/2022/04/28/12/1651178100186358941.jpg (Accessed: 03.06.2022). (In Russian).
28. Mem «Zheleznyi chelovek...» URL: <http://i.mycdn.me/?r=AzF1xPtKv78jcmDRfpOYajgIU5rgeDWat3onnQzasBmzO7EuABt8t6j6ROsg0SwU4> (Accessed: 03.06.2022). (In Russian).
29. Mem «Zhen'ka, spokoinoi nochi» URL: http://risovach.ru/upload/2014/03/mem/ohuenno_45050955_big_.jpeg (Accessed: 03.06.2022). (In Russian).
30. Mem «I snitsya nam ne rokot» URL: http://risovach.ru/upload/2016/10/mem/kot-spit_128100488_orig_.jpg (Accessed: 03.06.2022). (In Russian).
31. Mem «Kogda skazal» URL: <https://medialeaks.ru/1512ndi-txt-fur-hat-meme/> (Accessed: 03.06.2022). (In Russian).
32. Mem «Lyubimyi desert» URL: http://i.mycdn.me/?r=AzEPZsRbOZEKgbhR0XGMT1RkhJJBKh_xl7k8KNRZKARscaaKT M5SRkZCeTgDn6uOyic (Accessed: 03.06.2022). (In Russian).
33. Mem «Mul'tfil'my...» URL: http://rusdemotivator.ru/uploads/posts/2009-12/1261604427_513163_multfilmyi.jpg (Accessed: 03.06.2022). (In Russian).
34. Mem «Ne boltai» URL: <https://dev.meme-arsenal.com/create/meme/675066> (Accessed: 03.06.2022). (In Russian).
35. Mem «Pozvoni» URL: https://demotivatorium.ru/sstorage/3/2013/08/12210407266831/demotivatorium_ru_pozvoni_mne_pozvoni_27315.jpg (Accessed: 03.06.2022). (In Russian).
36. Mem «Pozvoni mne radi gaza» URL: <https://www.meme-arsenal.com/memes/64098426dcbf0538b90c1a33e6999101.jpg> (Accessed: 03.06.2022). (In Russian).
37. Mem «Sendvich» URL: https://i12.fotocdn.net/s113/8a5dc642b9e75def/public_pin_m/2542674339.jpg (Accessed: 03.06.2022). (In Russian).
38. Mem «Test na vozrast» URL: https://cs6.pikabu.ru/post_img/big/2015/05/27/5/1432707709_1597008814.jpg (Accessed: 03.06.2022). (In Russian).
39. Mem «Trololo» URL: https://img.memecdn.com/trololo_o_524794.jpg (Accessed: 03.06.2022). (In Russian).
40. Mem «Ty obrabotal ruki» URL: <https://www.meme-arsenal.com/create/meme/2244176> (Accessed: 03.06.2022). (In Russian).
41. Mem «Tyumen' – luchshii gorod» URL: http://batona.net/uploads/posts/2013-04/1366609605_012.jpg (Accessed: 03.06.2022). (In Russian).

42. Muzyka iz reklamy SberZdorov'e (Music from SberHealth advertising). URL: <https://muizre.ru/dir/246-1-0-11422> (Accessed: 03.06.2022). (In Russian).
43. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo yazyka (Dictionary of the Russian language). Moscow: Izdatel'stvo Oniks. 2007. 1200 p. (In Russian).
44. Pikuleva Yu. B. O stepeni pretsedentnosti sovetskikh kul'turnykh znakov v sovremennoi reklame (On the degree of precedence of Soviet cultural signs in modern advertising) // Sovetskoe proshloe i kul'tura nastoyashchego: monografiya v 2 t. T. 1. Ekaterinburg: izd-vo Ural. un-ta, 2009. P. 148–162. (In Russian).
45. Pikuleva Yu. B. Pretsedentnyi kul'turnyi znak v sovremennoi televizionnoi reklame: lingvokul'turologicheskii analiz (Precedent cultural sign in modern television advertising: linguoculturological analysis): avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg, 2003. 22 p. (In Russian).
46. Pikuleva Yu. B. Pretsedentnyye kul'turnye znaki sovetskogo vremeni v kommercheskoi i politicheskoi otechestvennoi reklame (Precedent cultural signs of the Soviet era in national commercial and political advertising) // Sovetskaya kul'tura v sovremenном sotsioprostranstve Rossii: transformatsii i perspektivy. 2008. URL: <http://elar.ufu.ru/bitstream/10995/1828/2/Part2%202008-12.pdf> (Accessed: 10.11.2021). (In Russian).
47. Radbil' T. B., Pomazov A. I. Pretsedentnyye fenomeny kak sredstvo sozdaniya attrakivnosti v polikodovom tekste internet (Precedent phenomena as a means of creating attractiveness in the polycode text of the Internet) // Vestnik VolGU. Seriya 2, Yazykoznanie. 2020. No. 1 (19). P. 140–154. (In Russian).
48. Sekushina Yu. A. Voobrazhaya proshloe, preobrazhaya nastoyashchee: kul'turnyi resaikling sovetskogo proshlogo v diskurse osoznannogo potrebleniya (Imagining the Past, Transforming the Present: Cultural Recycling of the Soviet Past in the Discourse of Conscious Consumption) // Sibirskie istoricheskie issledovaniya. 2021. No. 4. P. 160–182. (In Russian).
49. Sovetskoe kak diskursivnyi fenomen: sposoby kontseptualizatsii proshlogo: monografiya. Irkutsk, 2013. 249 p. (In Russian).
50. Sovetskoe proshloe i kul'tura nastoyashchego (Soviet as a discursive phenomenon: ways of conceptualizing the past). Ekaterinburg, 2009. 244 p. (In Russian).
51. Chelovek sovetskii: za i protiv = Homo soveticus: pro et contra (Soviet man: for and against = Homo soveticus: pro et contra). Ekaterinburg, 2021. 412 p. (In Russian).
52. Moser W. Recyclages culturels. Élaboration d'une problématique // La Recherche littéraire: Objets et méthodes / Sous la direction de C. Duchet et S. Vachon. Montréal (Québec): XYZ, 1993. P. 433–446.
53. Reynolds S. Retromania: Pop Culture's Addiction to its Own Past / Simon Reynolds. L.: Faber and Faber, 2011. 458 p.

Сведения об авторе

Марченко Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / tatiana-marchenko-25@yandex.ru
Адрес: 355017, д.1, ул. Пушкина, Ставрополь, Российская Федерация.

Information about the author

Marchenko Tatiana V. – PhD in Philology, Associate professor, Chair of translation studies, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University / tatiana-marchenko-25@yandex.ru
The address: 355017, 1, Pushkin st., Stavropol, Russian Federation.

УДК 81'33

<http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.3.18>

И. С. Цанян

КАТЕГОРИАЛЬНО-ПОНЯТИЙНАЯ МОДЕЛЬ ТЕРМИНОСФЕРЫ ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ «ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»

Данное исследование основано на категориально-понятийном анализе терминосферы предметной области «Дополнительное образование».

На современном этапе исследования лингвистических учений актуальным является рассматривать в качестве объекта исследования терминологию как совокупность терминологических единиц, используемых в определенной предметной области. В связи с результативностью современной лингвистики и необходимостью общества в получении информации и знания меняется характер научной интерпретации терминологии.

Термин является частью определенного комплекса единиц языка – терминосистемы, которая, в свою очередь, соотносена с понятием «терминосфера». Терминосфера, в отличие от терминосистемы, может состоять из нескольких терминосистем. Такое понимание терминосферы наиболее точно отражает специфику предметной области «Дополнительное образование». Данная терминосфера состоит из терминологий и терминосистем различных областей знания, которые непосредственно взаимосвязаны с исследованной предметной областью.

Сам термин «дополнительное образование» впервые начинает фигурировать в Законе об образовании с 1992 года. Принятие дополнительного образования как самостоятельной области образовательной деятельности на законодательном уровне произошло в 2012 г. В это время происходит разделение данной образовательной сферы на «Дополнительное образование детей и взрослых» и «Дополнительное профессиональное образование».

Учитывая актуальность современного когнитивного терминоведения, следует понимать, что категориально-понятийное структурирование терминологии любой предметной области является ведущим.

Рассмотренные нами понятийно-тематические модули предметной области «Дополнительное образование» («Методы и приемы образовательной деятельности», «Дидактические средства образовательной деятельности», «Формы организации образовательной деятельности», «Область качества образовательной деятельности») формируют модель терминосферы, которая, в свою очередь, обладает высоким семантическим потенциалом. Применение понятийно-категориального подхода позволило систематизировать термины данной профессиональной области и выявить структурные отношения терминологических единиц.

В ходе систематизации терминов мы выявили, что «Дополнительное образование» как профессиональная область человеческой деятельности отличается сформировавшимся терминологическим аппаратом.

Ключевые слова: терминология, терминосфера, предметная область, модель, категориальный подход, модуль.

Для цитирования: Цанян И. С. Категориально-понятийная модель терминосферы предметной области «дополнительное образование» // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (3). С. 519–525. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.3.18

Isabella S. Tsanyan

CATEGORIAL AND CONCEPT MODEL OF THE TERMINOSPHERE OF THE SUBJECT AREA «ADDITIONAL EDUCATION»

This study is based on a categorical-conceptual analysis of the terminology of the subject area «Additional Education».

At the present stage of the study of linguistic doctrines, it is relevant to consider terminology as a set of terminological units used in a particular subject area as an object of study. In connection with the effectiveness of modern linguistics and the need for society to obtain information and knowledge, the nature of the scientific interpretation of terminology is changing.

The term is part of a certain complex of units of the language - the terminological system, which, in turn, is correlated with the concept of «terminosphere». A terminosphere, unlike a terminological system, can consist of several terminological systems. Such an understanding of the terminology most accurately reflects the specifics of the subject area «Additional Education». This terminology sphere consists of terminologies and terminological systems of various fields of knowledge, which are directly interconnected with the studied subject area.

The very term «additional education» first appears in the Law on Education since 1992. The adoption of additional education as an independent area of educational activity at the legislative level occurred in 2012. At this time, this educational area is divided into «Additional education for children and adults» and «Additional professional education».

Given the relevance of modern cognitive terminology, it should be understood that the categorical-conceptual structuring of the terminology of any subject area is the leading one.

The conceptual and thematic modules of the subject area «Additional education» («Methods and techniques of educational activity», «Didactic means of educational activity», «Forms of organization of educational activity», «Area of quality of educational activity») that we have considered, form a model of the terminology sphere, which, in its turn, has a high semantic potential. The use of the conceptual-categorical approach made it possible

to systematize the terms of this professional field and to identify the structural relationships of terminological units.

In the course of systematization of terms, we found that «Additional education» as a professional area of human activity is distinguished by a well-formed terminological apparatus.

Проблемы возникновения, становления и развития терминологий различных сфер знания привлекали внимание исследователей на протяжении долгого времени, и до сих пор эти проблемы являются актуальными.

Исследователи ставят и решают следующие важные для терминоведения вопросы, относящиеся к проблеме активных языковых процессов:

- определить начало возникновения;
- увеличить и развить терминологии различных областей знаний;
- выявить элементы структуры терминологических единиц, заимствованных из разных терминологий;
- уточнить роль экстралингвистических факторов в формировании терминологии и др.

С. В. Гринёв отмечает: «в последнее время наметилась тенденция в качестве основного объекта терминоведения рассматривать в первую очередь не отдельный термин, а терминологию – совокупность терминов, используемых в определенной области знания» [7, с. 11]. Поскольку в процессе возникновения и развития терминологии возникают различные несоответствия между терминологией и системой понятий, возникает необходимость упорядочения терминологии, а это в свою очередь требует знания языковых особенностей и закономерностей ее развития. Основной целью терминологии является изучение особенностей и закономерностей формирования и развития терминологий с целью выработки рекомендаций по их совершенствованию и наиболее эффективному использованию [7, с. 12].

Сам термин «терминология» характеризовался двумя значениями на протяжении долгого времени: 1) терминология как объединение слов и выражений, которые обозначают специальные предметы и выражают специальные профессиональные понятия; 2) терминология как раздел науки о языке, который изучает комплекс терминологических единиц, их структурную организацию, общезыковые семантические законы [6, с. 7].

За последнее десятилетие в связи с результативностью современной лингвистики и необходимостью общества в получении информации и знания меняется характер научной интерпретации терминологии. В начале XXI в. в связи с распространением идей когнитивизма развивалось новое направление в терминоведении – когнитивная терминология. Когнитивная терминология применяет результаты и методологические основы когнитивной лингвистики и когнитивной семантики, формируя место терминов в научном познании. [10, с. 204].

Key words: terminology, terminology, subject area, model, categorical approach, module.

For citation: Tsanyan I.S. Categorical and concept model of the terminosphere of the subject area «additional education» // Humanities and law research. 2022. V. 9 (3). P. 519–525. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.3.18

Изучение термина, относящегося к языковой категории, способствует раскрытию сущности самого языка, которая направлена на создание новых терминологических единиц, оказывающих воздействие на развитие языковых элементов, языковой системы в целом. По мнению многих исследователей (Лейчик В. М., 2010, Новодранова В. Ф., 2007, Маджаева С. И., 2012 и др.), данная нетрадиционная концепция решает задачи в определении терминов, терминосистемы и терминосодержащих текстов разного характера.

В рамках нашего исследования мы придерживаемся мнения З. И. Комаровой, которая высказала мысль о том, что важной составляющей в определении термина в первую очередь является его когерентность с понятием, относящимся к специальной области знаний. Следует отметить, что термин и понятие непосредственно связаны, таким образом:

- 1) «понятие, которое обозначается термином, взаимосвязано с другими понятиями той же области, является элементом системы понятий»;
- 2) термин взаимосвязан с другими терминами, является элементом терминологической системы» [8, с. 14].

Термин является частью определенного комплекса единиц языка – терминосистемы. Исследование терминосистем предполагает использование методов формальной логики и непосредственно связанных с ними методов информатики, таксономии, теории графов и общей теории систем, а в области анализа отдельных терминов и их совокупностей – методов семиотики и теории вариантности. В эмпирической области исследования – стандартизации. Терминосистема представляет собой организованную систему терминов в специальном языке определенной области знания, подчеркивая при этом главную характеристику терминов – системность [8, с. 6].

Терминосистему как комплекс терминологических единиц следует соотносить с понятием «терминосфера». Отметим, что на данный момент исследователи не пришли к единому мнению в определении понятия терминосфера. Каждый ученый интерпретирует его по-разному. Это обусловлено целями и задачами проводимых исследований, авторской позицией, научной концепцией и т. д.

Ш.Н. Абдуллаева выделяет несколько подходов к толкованию термина терминосфера: 1) когда понятие и термин «терминосфера» используется как синоним понятия и термина «тер-

миносистема»; 2) имеется суждение о том, что для терминосферы характерны отсутствие собственных границ и взаимодействие различных терминосфер между собой, в отличие от терминосистемы; 3) терминосфера является понятийным пространством или совокупностью понятийных пространств, каждая из которых состоит из одной или нескольких терминосистем и терминосистем [1, с. 32].

В нашем исследовании мы будем опираться на второе суждение, так как данное представление терминосферы помогает выявить специфику и особенности терминологических единиц предметной области «Дополнительное образование». Для настоящей терминосферы не свойственна однородность. Терминосфера «Дополнительное образование» охватывает терминологические единицы различных терминологий и терминосистем таких профессиональных сфер знания, которые непосредственно взаимосвязаны с исследованной предметной областью. Сам термин «дополнительное образование» впервые начинает фигурировать в Законе об образовании с 1992 года. В законе фиксируется статья 26 «Дополнительное образование». Базовым принципом для формирования термина становится конфронтация основных и дополнительных программ и услуг, которые предусмотрены законодательством.

Принятие дополнительного образования как самостоятельной области образовательной деятельности на законодательном уровне произошло в 2012 г. В это время происходит разделение данной образовательной сферы на «Дополнительное образование детей и взрослых» и «Дополнительное профессиональное образование» (гл. 2, ст. 75, п. 2, п/п 6) [15].

Таким образом, на основании ст. 75 Закона об образовании в 2012 г. сформировалась самостоятельная профессиональная сфера образовательной деятельности и возникли предпосылки к объединению дополнительного образования детей и дополнительного образования взрослых. Данные положения нашли отражение не только в законе, но и в профессиональном стандарте «Педагог дополнительного образования детей и взрослых» [9, с. 114].

Если учитывать актуальность современного когнитивного терминоведения, то категориально-понятийное структурирование терминологии любой предметной области является ведущим. Если рассматривать типологию языковых и научных категорий, то следует отметить их разные понимания в терминоведческом аспекте: 1) категориальное мышление рассматривается как необходимые условия для той или иной познавательной деятельности; 2) до сих пор не определено точное количество языковых и научных категорий. По мнению В. А. Татарина, это обусловлено тем, что «категории, определяемые как

формы мыслительной деятельности, сами оказываются «бесформенными», «бестелесными» [13, с. 528]. Это одно из оснований полагать, что эксплицитность системы категорий эквивалентна теории идеальных сущностей. В рамках нашего исследования мы будем опираться на принцип, согласно которому необходимо учитывать тесные связи, существующие между понятиями той или иной сферы научного познания. «Эти связи отражаются в категориях, которые объединяют родственные и близкие понятия и термины в LSP (LSP – Language for special purposes). Наиболее высоким уровнем системной организации является категориальный» [11, с. 80].

Соответственно, категориальный подход в исследовании терминологических единиц способствует выявлению категориально-понятийного состава определенной научной сферы. А.С. Герд отмечает, что логико-понятийный анализ способствует обнаружению и определению всей иерархии концептуальной организации конкретного LSP» [4, с. 10]. Таким образом, под категоризацией следует понимать совокупность тематических групп терминов, объединенных не по языковому, а по внешнему для языка семантическому признаку [3, с. 24]. «Статус самостоятельности категорий относителен: свойства пересекаются с качествами, величины – с категорией единиц измерения» [11, с. 80]. Категориальный подход в изучении любой научной области точно определяет ее своеобразие, показывает общее социальное и профессиональное знание общества в конкретной научной деятельности. Значит, категориально-понятийный принцип изучения терминосферы «Дополнительное образование» является эффективным и актуальным.

Отметим, что наиболее полное описание какой-либо терминологической системы базируется на интерпретации отдельных объединений слов, а именно – модулях. Исследование терминосферы любой предметной области предполагает выявление основных понятийно-тематических модулей. Модель терминосферы «Дополнительное образование» состоит из понятийно-тематических модулей. Из основных модулей мы выделяем подгруппы (субмодули), тематически связанные между собой [2, с. 188].

В ходе категориально-понятийного анализа терминов предметной области «Дополнительное образование» мы выделяем следующие основные понятийно-тематические модули:

1. Модуль «Методы и приемы образовательной деятельности».
2. Модуль «Дидактические средства образовательной деятельности».
3. Модуль «Формы организации образовательной деятельности».
4. Модуль «Область качества образовательной деятельности».

Рассмотрим модуль «Методы и приемы образовательной деятельности».

К данному модулю относятся такие термины, как: познавательные игры, учебные дискуссии, дидактические игры, круглый стол, тесты, BarCamp, кластеры, вебинар, сравнительные диаграммы, карты, мозговой штурм, презентация, мастер-класс, кейс-метод, проектирование, баскет-метод и т. д. Следует отметить, что данный понятийно-тематический модуль формируется большим количеством терминов. Это следствие смены старых методов обучения и возникновения новых в связи с инновационными изменениями в образовании. Метод, в свою очередь, является способом взаимодействия педагога и обучающегося (слушателя), который предполагает передачу новых знаний, умения и навыка. Любой метод обучения содержит в себе определенные приемы, реализующие содержание метода на занятиях. Значит, прием обучения – составная часть конкретного метода [5, с. 52]. Используя процедуру компонентного анализа, мы выявили, что термины данного понятийно-тематического модуля формируют общий модуль при наличии в их значении семантических признаков: граммема «предметность»; гиперсема «методы и приемы образовательной деятельности».

Гипосемы разделяют данный понятийно-тематический модуль на следующие три submodule:

1. «Организация и процесс учебной деятельности»: беседа, рассказ, лекция, эксперимент, составление справки, рецензирование, игра, семинар, экскурсия, работа с учебником, проблемное изложение и др. Выделим в данном submodule такую возможную, скрытую сему, как «источник передачи материала (наглядный / словесный / практический)»:
 - а) «наглядный»: иллюстративный материал, презентация, наблюдение, показ образца, демонстрация и др.;
 - б) «словесный»: беседа, рассказ преподавателя, указание, пояснение, педагогическая оценка и др.;
 - в) «практический»: лабораторная работа, упражнение, тестирование, учебно-трудовые задания, практическая работа.
2. «Стимулирование и мотивация учебной деятельности»: дидактические игры, оперативный контроль, дискуссия, проблемная ситуация, креативное поле, творческое задание, диспут, сравнение, эксперимент, дидактическая задача и др.

При анализе терминов submodule «Стимулирование и мотивация учебной деятельности» следует выделить такую возможную, скрытую сему, как «характер управления учебной работой» (самостоятельная / под

руководством преподавателя / с использованием средств управления учебно-познавательной деятельностью):

- а) «самостоятельная»: план, рецензия, конспект, аннотация, доклад и др.;
 - б) «под руководством преподавателя»: лекция, эксперимент, лабораторная работа, семинар, конференция и др.;
 - в) «с использованием средств управления учебно-познавательной деятельностью»: работа с учебником, кластер, диаграмма, пазлы, фильм, информационный материал, дидактический материал и др.
3. «Контроль и самоконтроль в учебно-познавательной деятельности»: тест, беседа, рассказ обучающегося, чертеж, экзамен, проведение опыта, наблюдение, картограмма, рисунок, составление таблиц, контрольные задания, опрос, сочинение, реферат, диктант и др.

При анализе терминов submodule «Контроль и самоконтроль в учебно-познавательной деятельности» следует выделить такую возможную, скрытую сему, как «способ организации контроля» (активный / пассивный / интерактивный):

- а) «активный способ»: экзамен, экспресс опрос, Брейн-ринг, проблемная лекция, частично-поисковый метод, релейная контрольная работа, кейс-технология и др.;
- б) «пассивный способ»: работа с литературными источниками, тест, словарный диктант, изложение, беседа, лекция и др.;
- в) «интерактивный способ»: кластер, сравнительная диаграмма, интерактивный урок (пара), деловые игры, дебаты и др.

Таким образом, отметим, что в исследуемом корпусе терминов понятийно-тематического модуля «Методы и приемы образовательной деятельности» преобладают однословные (монолемные) термины: игра, метод, диктант, эссе, технология, план, конспект, реферат и др., термины-словосочетания (поликлексемные) уступают по своему количеству: работа с учебником, проблемная ситуация, словесный метод, интерактивный урок (пара), информационный материал и др.

Рассмотрим модуль «Дидактические средства образовательной деятельности».

К данному модулю относятся такие термины, как: педагогическая технология, ИКТ-презентация, картина, карта, мультимедийное оборудование, лингафонный кабинет, кинофильмы, печатное пособие, электронный источник, макет, геометрические фигуры, глобус, фотография, и др.

Методы и приемы применяются в процессе обучения в единстве с конкретными формами и дидактическими средствами обучения – объектами, разработанными обществом, и компонентами природной среды, которые используются в

образовательном процессе в качестве средств деятельности педагога и обучающихся для реализации обучающихся, воспитывающих и развивающих целей. Термин средства образовательной деятельности трактуется как набор компонентов, помогающий в достижении переделенных целей в процессе обучения и воспитания, а именно – комплекс методов, форм, содержания, а также специальных средств обучения. Специальные средства обучения, в свою очередь, являются технологиями обучения [5, с. 61].

Термины, относящиеся к дидактическим средствам образовательной деятельности, формируют один модуль при наличии в их значении следующих семантических признаков: граммема «предметность»; гиперсема «дидактические средства образовательной деятельности».

Гипосемы разделяют данный понятийно-тематический модуль на два субмодуля:

- 1) «простые дидактические средства»: учебник, печатное пособие, картина, модель, таблица, наборы упражнений / заданий / схем / описаний, фотография, глобус, карта, геометрическая фигура и др.;
- 2) «сложные дидактические средства»: магнитофон, радио-, аудиозапись, микроскоп, проигрыватель, диаскоп, кодоскоп, телевизор, видеофильм, лингафонный кабинет, компьютер, телекоммуникационная сеть, информационная система и др.

Таким образом, в указанном понятийно-тематическом модуле терминологические единицы могут быть монолексемными: глобус, карта, диаграмма, компьютер, диктофон, модель, учебник, схема, телевизор, компьютер и др. и полилексемными: информационная система, лингафонный кабинет, механические визуальные приборы, электронный источник и др.).

Перейдем к рассмотрению следующего корпуса терминологических единиц понятийно-тематического модуля «Формы организации образовательной деятельности»: учебная игра, групповая форма, фронтальная форма, групповое задание, конференция, самостоятельная работа, практическая работа, поход, концерт, защита проекта, стажировка, репортаж, экскурсия, прогулка, устный журнал, коллективное творческое дело (КТД), пресс-конференция, КВН, групповая консультация, защита творческой работы, презентация проекта и др.

Под формами организации учебного процесса понимаются виды и типы уроков, учебных занятий, которые отличаются друг от друга местом проведения занятий, контингентом обучающихся, продолжительностью, дидактическими целями, содержанием деятельности преподавателя (педагога) и обучающихся (слушателей, детей). Формы организации образовательного процесса актуализируют систему на взаимодействие обра-

зовательной деятельности и управления образовательного процесса по установленным порядкам в соответствии с видами проводимых занятий.

Преподаватель (педагог), используя фронтальную, групповую и индивидуальную работу в рамках различных организационных форм образовательного процесса, создает условия для активной познавательной деятельности обучающихся. В отличие от процесса фундаментального обучения, направленного на приобретение определенного комплекса знаний, в процессе образовательной деятельности дополнительного образования решаются задачи воспитания и развития личности. Дополнительное образование менее формализовано, оно характеризуется отсутствием границ и рамок. Эти различия и определяют свойственную характеристику форм образовательной деятельности. Формами дополнительного образования являются специально организованные мероприятия для педагогов (преподавателей) и обучающихся (слушателей). Дополнительное образование направлено на воспитание, изучение и развитие личностных качеств обучающихся [5, с. 85].

Термины, обозначающие формы организации образовательной деятельности, формируют один модуль при наличии в их значении следующих семантических признаков: «предметность», «формы организации образовательной деятельности».

Гипосемы разделяют данный понятийно-тематический модуль на два субмодуля:

- 1) «традиционные формы занятий»: лекция, семинар, учебная игра, дискуссия, беседа, утренник, соревнование, практическая работа, самостоятельная работа, тренировка, стажировка и др.
- 2) «специфические формы занятий»: психологическое занятие, анализ первоисточников, брифинг, телемост, регламентированная дискуссия, панорама, игра-путешествие, заочная экскурсия, выставка, проект и др.

В данном понятийно-тематическом модуле выделяем монолексемные термины: беседа, утренник, экскурсия, соревнование, стажировка, лекция и др. и полилексемные терминологические единицы: практическая работа, учебная игра, устный журнал, проблемная лекция, коллективное творческое дело (КТД), проблемные группы и др.).

Рассмотрим модуль «Область качества образовательной деятельности».

К данному модулю относятся такие термины, как: повышение квалификации, государственный образовательный стандарт (ГОС), аккредитация, лицензия, стандарт, закон, анализ, компетентность, анкетирование (опрос), аттестат, аттестационная комиссия, безопасность жизнедеятельности, воспитательная работа, зачетные единицы, инструкция, квалификация, неуспевающий обучающийся, обучение, образовательная среда, оценка качества, целевая программа, учебный план, стандарт дополнительного образования (СДО) и др.

На современном этапе образования одной из ведущих государственных, образовательных и общественных проблем является вопрос о качестве образования. Дополнительное образование наряду с другими видами образования также подчиняется всем положениям образовательного процесса и направлено на достижение качественного результата, за который несет ответственность в соответствии с п.7 ст. 95 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ [15].

«Качество образования – это степень соответствия института образования и результатов его деятельности требованиям, потребностям и ожиданиям общества различных социальных групп (студентов, слушателей, преподавателей, родителей и др.)» [12, с. 15]. Оценка качества образования заключается в результате успешного, эффективного использования норм и стандартов, принятых в обществе, а также зависит от удовлетворения созданных и прогнозируемых общественных потребностей при осуществлении образовательной деятельности.

В последние годы сфера образования является областью специализированных услуг, связанных с формированием индивидуальных особенностей личности и передачей культурных ценностей. Таким образом, качество образования можно рассматривать как качество услуги [12, с. 15].

Термины, относящиеся к области качества образовательной деятельности, также формируют один модуль при наличии в их значении следующих семантических признаков: «предметность»; «качество образовательной деятельности».

Гипосемы разделяют данный понятийно-тематический модуль на три субмодуля:

- 1) «учебно-методическое обеспечение образовательного процесса»: учебный план, образовательный процесс, образовательная программа, учебный график, расписание занятий, учебная нагрузка, федеральные требования, коррекционный маршрут, аттестация (стартовая / текущая / промежуточная / итоговая), дидактический материал, подготовка обучающихся, методы, средства, уровень усвоения знаний и др.
- 2) «информационное обеспечение образовательного процесса»: компьютерное оборудование, программное обеспечение, информация, интернет, библиотечный фонд,

электронная почта, ID, веб-сайт, цифровой каталог, сканер, мультимедиа, принтер, лингафонный кабинет, ИКТ-технология, дистанционное обучение и др.

- 3) «результаты образовательного процесса»: аттестационная комиссия, аттестация, зачетные единицы, компетентность, мобильность студентов (слушателей), самообследование, личностные УУД, парадигма, познавательное развитие, стандарт, воспитание, мотивация, анализ результатов обучения и др.

К понятийно-тематическому модулю «Качество образовательной деятельности» относятся монолексемные термины: интернет, аккредитация, аттестация, методы, умение, система, навык, парадигма, компетенция, лицензия и др. и полилексемные термины: концепция образования, образовательный стандарт, закон об образовании, дистанционное обучение, повышение квалификации и др.

Таким образом, категориально-понятийный анализ терминологических единиц предметной области «Дополнительное образование» позволил сделать вывод о том, что рассмотренные нами понятийно-тематические модули формируют модель терминосферы, которая, в свою очередь, обладает высоким семантическим потенциалом. Применение понятийно-категориального подхода позволило систематизировать термины данной профессиональной области.

Модель терминосферы «Дополнительное образование» отражает существенную для неё особенность, в которой осуществляется индивидуальная характеристика терминов данной предметной области. В ходе систематизации терминов мы выявили, что «Дополнительное образование» как профессиональная область человеческой деятельности отличается сформировавшимся терминологическим аппаратом.

Отметим, что в рамках нашего исследования использование понятия терминосфера является эффективным, чем понятие терминосистема. Это обусловлено тем, что терминология сферы профессиональной деятельности, а именно – терминосфера предметной области «Дополнительное образование» может выходить за рамки своей области, в ней могут существовать несколько подсистем. Это, в свою очередь, связано со спецификой исследуемой предметной области, в которой прослеживаются тесные связи с различными областями образовательной деятельности.

Источники и литература

1. Абдулаева Ш. Н. Терминосфера: определения, концепции // Филологические науки. 2016. №1. С. 27–32.
2. Борисова Т. Г. Терминология предметной области «Высшее образование»: специфика категориально-понятийного структурирования // Гуманитарные и юридические исследования: научно-теоретический журнал. Ставрополь: СКФУ. 2021. № 4. С. 188.
3. Бутрим В. Е. Особенности семантики терминов категории свойства // Современные проблемы русской терминологии. М.: Наука, 1986. С. 24.
4. Герд А. С. Значение термина и научное знание // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1991. № 10. С. 10.
5. Голованов В.П. Методика и технология работы педагога дополнительного образования. М.: ВЛАДОС, 2004. 239 с.

6. Головин Б. Н., Кобрин Р. Ю. Лингвистические основы учения о терминах. М.: Высшая школа, 1987. 104 с.
7. Гринёв С. В. Введение в терминоведение. М.: Моск. Лицей, 1993. 309 с.
8. Даниленко В. П., Волкова И. Н., Морозова Л. А. Лингвистический аспект стандартизации терминологии. М.: Наука, 1993. 127 с.
9. Комарова З. И. Семантическая структура специального слова и ее лексикографическое описание. Свердловск: УРГУ, 1991. 156 с.
10. Колесникова И. А. Концептосфера непрерывного образования: опыт лингво-педагогического анализа. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2016. Ч. 1. 138 с.
11. Кухно И. Ю. Коммуникативно-прагматический и когнитивный аспекты изучения термина // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2016. № 2. С. 204–207.
12. Логачев В. П. Система качества для образовательных услуг // Высшее образование в России. 2000. № 4. С. 15.
13. Татаринов В. А. Общее терминоведение: энциклопедический словарь. Москва, 2006. 526 с.
14. Лямзин М. А., Громкова М. Т. Словарь терминов и понятий дополнительного профессионального образования. М.: ИРДПО, 2013. 29 с.
15. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 16.04.2022).

References

1. Abdulaeva SH. N. Terminosfera: opredeleniya, koncepcii (Terminosphere: definitions, concepts) // Filologicheskie nauki. 2016. No.1. P. 27–32. (In Russian).
2. Borisova T. G. Terminologiya predmetnoj oblasti «Vysshee obrazovanie»: specifika kategorial'no-ponyatijnogo strukturirovaniya (Terminology of the subject area «Higher education»: specifics of categorical and conceptual structuring) // Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya. 2021. No. 4. P. 188.
3. Butrim V. E. Osobennosti semantiki terminov kategorii svojstva (Features of the semantics of terms of the category of property) // Sovremennye problemy russkoj terminologii (Modern problems of Russian terminology). Moscow: Nauka, 1986. P. 24. (In Russian).
4. Gerd A. S. Znachenie termina i nauchnoe znanie (The meaning of the term and scientific knowledge) // Nauchno-tehnicheskaya informaciya. Seria. 2. 1991. No. 10. P. 10. (In Russian).
5. Golovanov V. P. Metodika i tekhnologiya raboty pedagoga dopolnitel'nogo obrazovaniya (Methods and technology of work of a teacher of additional education). Moscow: VLADOS. 2004. 239 p. (In Russian).
6. Golovin B. N., Kobrin R.YU. Lingvisticheskie osnovy ucheniya o terminah (Linguistic foundations of the doctrine of terms). Moscow: Vysshaya shkola. 1987. 104 p. (In Russian).
7. Grinyov S.V. Vvedenie v terminovedenie (Introduction to terminology). Moscow: Mosk. Licej, 1993. 309 p. (In Russian).
8. Danilenko V. P., Volkova I. N., Morozova L. A. Lingvisticheskij aspekt standartizacii terminologii (Linguistic aspect of terminology standardization). Moscow: Nauka, 1993. 127 p. (In Russian).
9. Komarova Z. I. Semanticheskaya struktura special'nogo slova i ee leksikograficheskoe opisanie (The semantic structure of a special word and its lexicographic description). Sverdlovsk: UrSU publ., 1991. 156 p. (In Russian).
10. Konceptosfera nepreryvnogo obrazovaniya: opyt lingvo-pedagogicheskogo analiza (The concept sphere of continuous education: the experience of linguistic and pedagogical analysis) / I.A. Kolesnikova. Part 1. Petrozavodsk: PetrSU publ., 2016. 138 p. (In Russian).
11. Kuhno I. YU. Kommunikativno-pragmaticheskij i kognitivnyj aspekty izucheniya termina (Communicative-pragmatic and cognitive aspects of the study of the term) // Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya. 2016. No. 2. P. 204–207. (In Russian).
12. Logachev V. P. Sistema kachestva dlya obrazovatel'nyh uslug (Quality system for educational services) // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2000. No. 4. P. 15. (In Russian).
13. Obshchee terminovedenie: enciklopedicheskij slovar' (General terminology: encyclopedic dictionary) / V. A. Tatarinov. Moscow. 2006. 526 p. (In Russian).
14. Slovar' terminov i ponyatij dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya (Glossary of terms and concepts of additional professional education) / Lyamzin M. A., Gromkova M. T. Moscow: IRDPO. 2013. 29 p. (Accessed: 02.05.2022). (In Russian).
15. Federal'nyj zakon «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii» (Federal “On Education in the Russian Federation”) ot 29.12.2012 No 273-FZ (amended 16.04.2022).

Сведения об авторе

Цанян Изабелла Сергеевна – аспирант кафедры русского, родных языков и лингводидактики Ставропольского государственного педагогического института / karapetyan.iza@yandex.ru
 Адрес: 355029, 417 А, ул. Ленина, Ставрополь, Российская Федерация.

Information about the author

Tsanyan Isabella S. – postgraduate student, Chair of Native Languages and Linguodidactics, Stavropol State Pedagogical Institute / karapetyan.iza@yandex.ru
 The address: 355029, 417 A, Lenin st., Stavropol, Russian Federation.

Научное издание

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

Том 9, № 3 (2022)

Гуманитарные и юридические исследования: научно-теоретический журнал /
гл. ред. И. В. Крючков. – 2022. – Т. 9. – № 3. – 169 с.

– Свободная цена –

Издается в авторской редакции

Технический редактор, компьютерная верстка И. В. Бушманова

Дизайн обложки С. Томицкая

Подписано к печати 22.09.2022

Дата выхода в свет 29.09.2022

Формат 60x84 1/8

Усл. п. л. 19,65

Уч.-изд. л. 19,01

Бумага офсетная

Заказ 72

Тираж 500 экз.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом комплексе
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
355029, г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 2